

*Тан-Кай-Шену, главному изгнаннику Китая
Взник победы Гоминдана и освобождения Китая.
От Сталина.*

А. В. Панцов

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

中山先生遺囑

余致力國民革命凡四十年其目的
在求中國之自由平等積四十年之
經驗深知欲達到此目的必須喚起
民眾及聯合世界上以平等待我之
民族共同奮鬥

現在革命尚未成功凡我同志務
須依照余所著建國方略建國
大綱三民主義及第一次全國代
表大會宣言繼續努力以求世界
激最近主張開國民會議及
廢除不平等條約尤須於最
短期間促其實現言之為

孫文

三月十一日

中華民國十四年三月二十日

筆記者 汪兆銘

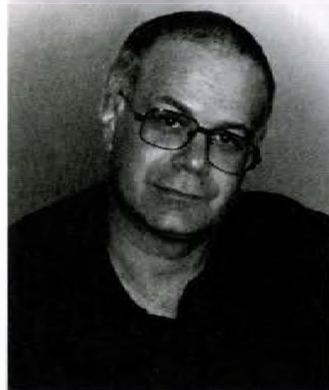
證以者

宋子文

孫科

陸榮廷

各文件 戴思榮
吳莊 何志
鄭有 鄭有

**ПАНЦОВ
АЛЕКСАНДР ВАДИМОВИЧ**

(р. 1955 г.) — доктор исторических наук, профессор Капиталийского университета (г. Колумбус, Огайо, США). В 1978 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. До 1993 г. работал в Институте международного рабочего движения АН СССР (с 1991 г. — Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН). В 1983—1993 гг. совмещал работу в Академии наук с преподаванием в Московском историко-архивном институте, Московском государственном университете и Московском институте международных отношений МИД СССР (РФ). В 1993—1998 гг. преподавал в США: сначала в Янгстаунском государственном университете, а затем в ДеПол университете (г. Чикаго). В 1998—1999 гг. являлся заместителем Директора Института стран Азии и Африки при МГУ. С 1999 г. — вновь в США.

Автор более 70 научных работ, в том числе монографий «Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов» (М.: Наука, 1985) и «The Bolsheviks and the Chinese Revolution 1919—1927» (Richmond, Surrey—Honolulu: Curzon Press-University of Hawaii Press, 2000), разделов по истории Китайской Националистической партии (Гоминьдан) в книге «Китай в период войны против японской агрессии 1937—1945 гг.» (М.: Наука, 1988), а также статей по истории Коммунистического Интернационала, китайского коммунистического и национально-освободительного движений, большевизма, троцкизма и сталинизма. Его перу принадлежат переводы на русский язык китайской историко-мемуарной литературы: воспоминаний маршала Пэн Дэхуа (М.: Воениздат, 1989) и одного из основателей КПК Лю Жэньцина («Проблемы Дальнего Востока». 1998. № 3, 4). Работы А. В. Панцова изданы в 14 странах: Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Канаде, КНР, России, США, Сянгане, Финляндии, Франции, Японии и на Тайване.

А. В. Панцов — член Американской ассоциации историков, Ассоциации историков штата Огайо и Американской ассоциации азиатских исследований.

А. В. ПАНЦОВ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

**Большевики
и китайская
революция
(1919–1927)**

Издательский Дом
«Муравей – Гайд»
Москва • 2001

ББК 66.69(5Кит)

П 16

*Печатается по постановлению
Издательского совета
Института стран Азии и Африки при МГУ
и Издательского Дома «Муравей»*

Панцов А. В.

П 16 Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919—1927).

М.: ИД «Муравей-Гайд». — 456 с., вклейка.

В книге рассматриваются узловые вопросы коминтерновской политики в отношении Китая накануне и во время китайской национальной революции 1925–1927 гг. Впервые на широчайшем архивном материале анализируются разнообразные большевистские концепции китайской революции, разрабатывавшиеся Лениным, Сталиным, Троцким, Зиновьевым, Радеком, Роем, Раскольниковым и др., проблемы подготовки в СССР революционных кадров для Китая, драматическая история китайской подпольной троцкистской организации в Москве, разгромленной сталинистами. В центре исследования – острейшие дискуссии по проблемам Китая, сотрясавшие большевистскую партию и Коминтерн в 20-е гг.

Для специалистов-обществоведов, студентов гуманитарных вузов, всех интересующихся историей российского и китайского коммунизма.

Издательский совет
ИСАА при МГУ и ИД «Муравей»

*М. С. Мейер (председатель), А. А. Вигасин,
Л. В. Гевелинг, В. Б. Иванов, А. М. Карапетьянц,
В. Я. Кофман, А. В. Панцов, Л. А. Фридман*

ISBN 5-8463-0073-1

© А. В. Панцов, 2001

© Издательский Дом «Муравей-Гайд», 2001

КОНСТИТУЦИЯ

1990-1991 гг.

Министерство юстиции Республики Беларусь
Информационно-методический сборник

1. Конституция Республики Беларусь от 27 июля 1994 г. (Закон Республики Беларусь от 27 июля 1994 г. № 218-XI).

2. Конституция Республики Беларусь от 1994 г.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь от 27 июля 1994 г. (Закон Республики Беларусь от 27 июля 1994 г. № 218-XI) в Республике Беларусь действует Конституция Республики Беларусь от 1994 г. (Закон Республики Беларусь от 1994 г. № 218-XI). Конституция Республики Беларусь от 1994 г. (Закон Республики Беларусь от 1994 г. № 218-XI) является основным законом Республики Беларусь и определяет ее государственное устройство, права и свободы человека и гражданина, основы правового статуса личности, основы конституционного строя, основы государственной власти, основы местного самоуправления, основы международных отношений Республики Беларусь.

Конституция Республики Беларусь от 1994 г. (Закон Республики Беларусь от 1994 г. № 218-XI) является основным законом Республики Беларусь и определяет ее государственное устройство, права и свободы человека и гражданина, основы правового статуса личности, основы конституционного строя, основы государственной власти, основы местного самоуправления, основы международных отношений Республики Беларусь.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Министерство юстиции Республики Беларусь

М. А. Лукашенко, Президент Республики Беларусь
Г. А. Лукашенко, Министр юстиции Республики Беларусь
В. П. Лукашенко, Министр юстиции Республики Беларусь

1994-1995 гг.

1994-1995 гг.

Министерство юстиции Республики Беларусь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга написана при финансовой поддержке Фонда Цзян Цзинго по международному научному обмену (Тайбэй, Тайвань), которому я выражаю глубокую признательность. Помимо Фонда я благодарен Институту Кеннана по продвинутым русским исследованиям (США) и Британской академии за предоставление мне соответственно в 1991 и 1992 гг. краткосрочных грантов, способствовавших моей работе.

Поиск источников и литературы, необходимых для подготовки книги, потребовал изучения фондов ряда архивных хранилищ и библиотек разных стран. Я с удовольствием приношу искреннюю благодарность людям, оказавшим бескорыстную помощь в моих изысканиях. Среди них — мои друзья и коллеги из России, Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики, Великобритании, Голландии, Франции и Тайваня. Это прежде всего кандидаты исторических наук Александр Леонидович Чечевишников из Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Константин Васильевич Шевелев из Института Дальнего Востока Российской

ПРЕДСЛОВИЕ

академии наук, профессор Моррис Славин из Янгстаунского государственного университета и его жена Софи, профессор Пьер Бруз из Института Льва Троцкого в Гренобле, профессор Грегор Бэнтон из Университета г. Лидс и Дора Бэнтон, профессор Удфорд МакКлеллан и его жена Ирина, профессор Стивен Левин из Университета Монтаны, профессор Уильям Пэлтц из Общественного колледжа г. Эджина, отец Томас Кроук, Джон Секстон из Агентства Рейтер и его жена Джэйн, профессор Чжао Минъи из Шаньдунского университета и доктор Ми Чжэньбо из Нанькайского университета, профессора Чэнь Саньцзин, Чэнь Юнфа и доктор Юй Минлин из Института новой истории Академии Синика на Тайване, доктор Юрий Георгиевич Фельштинский и Дик дэ Уинтер, Зей Краско и ее муж Геннадий, а также Светлана Шейнина и ее муж Дмитрий.

Я почерпнул огромное вдохновение и не менее изрядный объем информации из бесед со многими участниками и очевидцами описываемых в книге событий. Особые слова благодарности я посылаю Ван Фаньси, Надежде Адольфовне Иоффе, Татьяне Инваров-

не Смилга и Ивану Яковлевичу Врачеву. Кандидат физико-математических наук Ван Даньчжи (сын активиста КПК Ван Мина), Ван Фаньси, Розалия Эфраимовна Беленькая, а также Линь Инь любезно предоставили мне возможность ознакомиться с материалами их личных архивов и библиотек.

Я высоко ценю дружеское отношение к моему труду, проявленное сотрудниками Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также Архива Российской академии наук (РАН). Я выражаю признательность директору РГАСПИ доктору исторических наук Кириллу Михайловичу Андерсону и заместителю директора кандидату исторических наук Валерию Николаевичу Шепелеву, равно как и Светлане Марковне Розенталь, Ларисе Александровне Роговой, Людмиле Михайловне Кошелевой, Людмиле Константиновне Карловой, Ларисе Николаевне Малашенко и Юрию Тихоновичу Туточкину. Я благодарен также директору Хотонской библиотеки Гарвардского университета Ричарду Вендорфу и его сотрудникам, а также работникам Бюро рас-

следований Министерства юстиции Тайваня за их исключительную помощь и расположение.

С большой теплотой я вспоминаю моих учителей китайской истории и политики из Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения Российской академии наук, прежде всего профессоров Михаила Филипповича Юрьева и Виля Гдаливича Гельбрасса. Мой долг им вряд ли когда-нибудь будет вполне оплачен.

Ряд моих коллег брали на себя труд ознакомиться с отдельными частями рукописи. Их полезные советы нашли отражение в книге. В этой связи я выражаю глубокую благодарность академику Российской академии естественных наук Б. И. Ковалю, кандидату исторических наук Е. В. Белозеровой, профессору Л. П. Делюсину, профессору Ф. И. Фирсову, профессору А. В. Меликсетову, доктору исторических наук М. А. Персицу, профессору А. М. Григорьеву и профессору Г. И. Чернявскому.

СПИСОК
СОКРАЩЕНИЙ

Я благодарен также профессору А. А. Маслову за помощь в техническом обеспечении моей работы.

С особым удовольствием я хотел бы поблагодарить мою маму Нину Степановну Панцову и дочь Дарью за их невероятное терпение и поддержку, проявленные в период моих творческих поисков.

Наконец, с огромной признательностью и любовью я выражаю благодарность моей жене Екатерине Борисовне Богословской — ближайшему другу, чья помощь в подготовке данной книги к печати бесценна.

Настоящее (русское исправленное и дополненное) издание книги — второе, следующее за английским, вышедшим в свет в январе 2000 г. в британском издательстве «Керзон» и перепечатанным тогда же издательством Гавайского университета. Оно осуществлено с любезного согласия директора издательства «Керзон» Малколма Кэмпбелла.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Агитпропотдел	Отдел агитации и пропаганды
АРАН	Архив Российской академии наук
Бунд	Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большеви- ков)
ВАКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВПК	Военно-политические курсы
ВСНП	Всекитайский совет народных представителей
ВСНХ	Всероссийский (Всесоюзный) совет народного хо- зяйства
ВЦСПС	Всесоюзный центральный совет профессиональ- ных союзов
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия (полити- ческая полиция большевистского правительства в 1917 – 1922 гг.)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
Главконцеском	Главный концессионный комитет при Совете на- родных комиссаров РСФСР
ГМА	Гоминьдан (Националистическая партия)
Госиздат	Государственное издательство
ДВР	Дальневосточная республика
ИКК	Интернациональная контрольная комиссия
ИККИ	Исполнительный комитет Коммунистического Ин- тернационала
ИККИМ	Исполнительный комитет Коммунистического Ин- тернационала молодежи
ИКП	Институт красной профессуры
ИМЭМП	Институт мировой экономики и международной политики

Кадет	Конституционный демократ
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога
КИ	Коммунистический Интернационал
КИМ	Коммунистический Интернационал молодежи
Комвуз	Коммунистическое высшее учебное заведение
Коминтерн	Коммунистический Интернационал
Коминформ	Бюро коммунистической информации
Комсомол	Коммунистический союз молодежи
КП(б)У	Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПГ	Коммунистическая партия Германии
КПИ	Коммунистическая партия Индии
КПК	Коммунистическая партия Китая
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КПЮ	Коммунистическая партия Югославии
КСМК	Коммунистический союз молодежи Китая
КУТВ	Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК	Коммунистический университет трудящихся Китая
МГПИ	Московский государственный педагогический институт
МК	Московский комитет
МЛШ	Международная ленинская школа
Нарком	Народный комиссар
Наркоминдел	Народный комиссариат иностранных дел
Наркомнац	Народный комиссариат по делам национальностей
Нацист	Национал-социалист
НИИНКП	Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем

НКВД	Народный комиссариат внутренних дел (политическая полиция большевистского правительства в 1934 – 1946 гг., приемник ВЧК и ОГПУ)
НКВД	Народный комиссариат иностранных дел
НРА	Национально-революционная армия
Нэп	Новая экономическая политика
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление (политическая полиция большевистского правительства в 1922 – 1934 гг., приемник ВЧК)
Октябрист	Член Союза 17 Октября
Партиздат	Партийное издательство
ПАСО	Партийный архив Свердловской области
ПК	Постоянный комитет
Политбюро	Политическое бюро
Полн. собр. соч.	Полное собрание сочинений
Полпред	Полномочный представитель
Профинтерн	Красный Интернационал профсоюзов
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
Реввоенсовет	Революционный военный совет
РКК	Районная контрольная комиссия
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевики)
РКСМ	Российский коммунистический союз молодежи
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия
РСДРП(б)	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СА	Социал-демократ
САП	Социал-демократическая партия
СНК	Совет народных комиссаров
Совинформбюро	Советское информационное бюро
Совнарком	Совет народных комиссаров
Совнархоз	Совет народного хозяйства
СТО	Совет труда и обороны
ССМК	Социалистический союз молодежи Китая
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
УТК	Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена
ФКП	Французская коммунистическая партия
Цетросоюз	Центральный союз потребительских обществ
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦК	Центральный комитет
ЦКК	Центральная контрольная комиссия
ЦО	Центральный орган
Эсер	Социалист-революционер
Inprekorr	Internationalen Presskorrespondenz

ВВЕДЕНИЕ

Большевистская политика в Китае накануне и в период китайской революции 1925 — 1927 гг. не раз становилась объектом исследования. И это неудивительно. Первые марксистские кружки в Китае были созданы при прямом участии российских коммунистов, общие направления стратегии и тактики КПК в 1920-е гг. разрабатывались в Москве. Внимание историков неизменно привлекал анализ путей и методов идеологического воздействия большевиков на молодое китайское коммунистическое движение. Глубокое же поражение, нанесенное КПК в то время ее бывшим союзником по единому фронту Гоминьданом (ГМД, Националистическая партия), неизбежно заставляло вновь и вновь анализировать его причины. В какой мере ответственность за поражение несет Коминтерн, первоначально находившийся под влиянием Ленина, а затем Сталина? Могли Троцкий коренным образом изменить ситуацию, если бы его идеи были вовремя приняты к действию? Чем руководствовались эти три лидера ВКП(б) в своей китайской политике? Как различались их уста-

новки в отношении стратегических и тактических задач коммунистов в Китае?

При всей разногласии мнений в западной историографии наиболее распространенными, похоже, являются два подхода к анализу выделенных проблем.

Большинство западных историков и публицистов склонны считать, что ленинская политика единого фронта, сформулированная на II конгрессе Коммунистического Интернационала в июле 1920 г. и получившая дальнейшее развитие в 1921 – 1922 гг., создавала непосредственную возможность для Коминтерна бороться за гегемонию КПК в национально-освободительном движении, прокладывая тем самым путь к коммунистической диктатуре. Сталинские взгляды интерпретируются в совершенно ином духе. Большинство западных исследователей полагают, что сталинской тактике был присущ некий тотальный «гоминьданоцентризм», т.е. расчет на победу антиимпериалистической революции в Китае любой ценой, даже за счет КПК. Сторонники данной концепции считают, что линия Сталина в целом (по крайней мере с 1925 г.) определялась его представлениями о возможности построения социализма в отдельно взятом Советском Союзе; иными словами, носила национал-коммунистический характер. С этой точки зрения, Политбюро ЦК ВКП(б) в рассматриваемый период, стремясь прежде всего к обеспечению государственных интересов СССР на Дальнем Востоке, вело дело к тому, чтобы, максимально активизировав руководимое Гоминьданом китайское национально-революционное движение, нанести как можно более ощутимый удар по позициям английского империализма: именно Великобритания рассматривалась тогда советским руководством в качестве главного врага.

Данная схема наиболее подробно была очерчена американским журналистом Гарольдом Айзексом, считавшим, что «к тому времени, как революция начала подниматься в Китае и советская бюрократия обратила внимание на Восток, динамичный большевизм Ленина и Троцкого уступил дорогу эмпиризму Сталина, одетому в схоластические формулы Бухарина. Не интересы пролетариата в Китае, а желание найти сильного национал-буржуазного союзника стали основной движущей силой их политики»¹. Позицию Айзекса

всецело разделял английский историк Исаак Дойчер, подчеркивавший в своей книге «Разоруженный пророк»: «Ни Бухарин, ни Сталин ... фактически руководившие советской политикой, не верили, что у китайского коммунизма есть какие-либо шансы взять власть в ближайшем будущем; их обоих беспокоило сохранение альянса СССР с Гоминьданом. Рост коммунистического влияния угрожал разрушить этот альянс, и потому они были полны решимости удерживать китайскую [коммунистическую] партию на ее месте»².

Именно благодаря работам Айзекса и Дойчера эта концепция завоевала исключительную популярность в среде специалистов. Вместе с тем ни Айзекс, ни Дойчер не являются ее авторами. Еще в 1920-е гг. подобные взгляды высказывались некоторыми очевидцами событий. «Китайскую революцию сталинский ЦК явно стремится превратить в войну Китая против империалистов, а не в отряд мировой революции, — писали в своем заявлении от 27 июня 1927 г. деятели одной из оппозиционных фракций в ВКП(б) — группы «Демократического централизма», возглавлявшейся В. М. Смирновым. — ...Китайскую революцию ЦК рассматривает только как способ нанесения максимального ущерба империалистам как врагам СССР. Это политика не Коминтерна, а НКИД»³. А вот что отмечал меньшевистский «Социалистический вестник» в апреле 1927 г.: «В принципе большевики тоже стояли за сохранение "единого фронта" в китайской революции до завершения национально-освободительной задачи ... Но ... на деле "левое ребячество" утопического авантюризма и стремление "использовать" китайскую революцию в интересах борьбы советского правительства с Англией соединились...»⁴. О том, что «сталинское большинство» ВКП(б) «пренебрегло правильным развитием китайской революции с тем, чтобы нанести как можно быстрее удар по англичанам», — писал в октябре 1927 г. и Луис Фишер, бывший в то время корреспондентом американского журнала «Нэйшн» («Нация») в Москве⁵.

Не отбрасывая в целом данную точку зрения, другая группа историков тем не менее более вероятным считает отсутствие у Ленина и Сталина какой-либо продуманной тактики в Китае. Эти историки утверждают, что изначальный план Ленина в отношении национальных революций в Азии был

весьма расплывчатым; Ленин даже не смог точно определить временные рамки антиимпериалистического альянса, что дало как Сталину, так и его оппонентам возможность апеллировать в их взаимной борьбе к авторитету умершего вождя. Китайский вопрос, на взгляд этой группы исследователей, служил прежде всего интересам внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б) и беззастенчиво использовался сталинистами с целью всестороннего разоблачения «ошибок» Троцкого; последний делал то же самое в отношении сталинских «заблуждений». Наиболее выпукло этот подход представлен американским историком Конрадом Брандтом⁶. Несколько раньше его определенные соображения в этом направлении высказал американский ученый Роберт Норс⁷, однако он не придал им концептуальный характер.

При всей кажущейся логичности обе схемы, однако, вызывают сомнения. Некоторые ключевые моменты первой из них были опровергнуты еще в 1939 г. не кем иным, как самим Троцким, в беседе с американским социалистом К. Л. Р. Джэймсом (псевдоним — Джонсон). «Формализм», — так отреагировал Троцкий на слова Джэймса о том, что советская бюрократия была вполне готова способствовать буржуазно-демократической революции в Китае, но, будучи бюрократией, не могла поддержать пролетарскую революцию. «Что случилось, — развил он далее свою мысль, — так это то, что бюрократия приобрела определенные бюрократические привычки мышления. Сегодня она предлагала сдерживать крестьян, чтобы не испугать генералов. Она думала, что толкнет буржуазию влево. Она рассматривала Гоминьдан как организацию чиновников и полагала, что может посадить коммунистов в офисы и таким образом изменить направление событий ... Сталин и Коминтерн искренне верили, что китайская революция была буржуазная, демократическая революция, и хотели создать диктатуру пролетариата и крестьянства»⁸.

Не подтверждается документальными материалами и вторая схема. Как мог Ленин быть более категоричен в своем изначальном плане, когда он и так непосредственно призывал всех азиатских коммунистов к сотрудничеству с национал-революционерами?⁹ Какие временные рамки мог он определить для единого фронта? В конце концов Ленин был

не пророком, а политиком. Далее. Вряд ли можно расценить как беспринципность такое, например, откровение Сталина в частной корреспонденции со своим ближайшим единомышленником В. М. Молотовым от 26 сентября 1926 г.: «...Хонькоу [Ханькоу, тогдашняя столица "лево"-гоминьдановского Китая] станет скоро китайской Москвой...»¹⁰. Наконец, может ли кто-либо всерьез обвинять Троцкого в беззастенчивом использовании китайского вопроса в бурный период внутрипартийной борьбы, последовавший за переворотом Чан Кайши в апреле 1927 г., если он сам понимал, что оппозиция не имеет шансов на успех, противодействуя сталинской фракции в китайском вопросе?¹¹

Не случайно китайская историография не разделяет концепции западных ученых в отношении китайской революции, хотя причины этого, разумеется, не только академического характера. Несмотря на публикацию со времени 3-го пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.) огромного количества документов по истории взаимоотношений Коминтерна и КПК, современные историки КНР по-прежнему придерживаются традиционной интерпретации большевистской политики в их стране. Предубеждения, усваивавшиеся десятилетиями, все еще оказывают на них решающее воздействие. Они рассматривают политику Ленина и Сталина как единственно верную тактику антиимпериалистического фронта, полагая, что КПК потерпела поражение в 1927 г. лишь в силу неблагоприятного соотношения сил и саботажа коминтерновского курса некоторыми «правыми» лидерами компартии. Хотя в последнее время китайские историки уделяют растущее внимание изучению взглядов Троцкого на Китай, они вместе с тем продолжают анализировать их сквозь призму официальных политических установок, по-прежнему выдержанных в духе вульгарного антитроцкизма. Между ними практически нет серьезных разногласий по этому вопросу¹², несмотря на то что их выводы не подтверждаются документами, опубликованными в самой Китайской Народной Республике.

Что касается российской историографии, то она в настоящее время претерпевает существенную эволюцию, развивая и одновременно переоценивая основные аспекты советского либерального китаеведения, основы которого были заложены

ны в 1960–1970-е гг. рядом историков, в первую очередь В. И. Глуниным, А. П. Делюсиным, М. А. Персицем, А. Б. Резниковым и М. Ф. Юревым¹³. В отличие от своих китайских коллег советские либеральные историки 1960–1970-х гг. были антисталинистами, никогда не упоминавшими имя диктатора в позитивном контексте; обычно они его просто игнорировали. Вместе с тем они рассматривали и ленинскую, и после-ленинскую политику Коминтерна в Китае как единственно правильную. Отказываясь, однако, признать ее непосредственно направленной на установление диктатуры КПК, они неизменно обосновывали тезис о некоей «сдержанности» Ленина и Исполкома Коминтерна (ИККИ), всячески подчеркивая «умеренность» ленинских взглядов, стремление Ленина к истинно национальным революциям на Востоке. Сами национальные революции также характеризовались ими как вполне «умеренные». При этом ленинская позиция все время противопоставлялась воззрениям коминтерновских ультралевых (прежде всего Манабандра Нат Роя). Взгляды же Троцкого на Китай оставались практически вне поля зрения советских историков. Предубеждение, изолированность исследователей от подавляющего большинства соответствующих документов и жесточайшая цензура делали разработку темы «Троцкий и китайская революция» невозможной. За годы существования советского китаеведения ей было посвящено буквально несколько страниц¹⁴.

Крах коммунистической системы в СССР в начале 1990-х гг. глубоко потряс установившиеся подходы к анализу ленинско-коминтерновской политики в Китае. Стали разрабатываться более критические, а подчас и антикоммунистические концепции — в первую очередь историками, группирующимися вокруг А. М. Григорьева, заведующего Центром исторических и политических исследований Китая Института Дальнего Востока Российской академии наук. Развивая антисталинские взгляды своих предшественников¹⁵, эти исследователи в настоящее время видят всеохватывающий «утопический» характер коминтерновской платформы. И ленинская, и сталинская политика рассматриваются ими как «авантюрные», позиция же Троцкого — как «ультралевацкая»¹⁶. В то же время они отмечают, что точки зрения Сталина и Троцкого непреклонно сближались в

«авантюризме» и в июле 1927 г. платформы оппозиционеров и сталинистов различались только в вопросе о советах. Эти историки рассматривают теперь как «умеренных» только некоторых работников ИККИ среднего и низшего рангов. В то же время они явно в определенной степени разделяют точку зрения Бранда в отношении коминтерновской политики в Китае, подчеркивая аморфность и даже «спекулятивный характер» ленинской платформы и объясняя полемику между Сталиным и Троцким «логикой» внутривнутрипартийной борьбы¹⁷.

Данная концепция также не может не вызывать сомнений. Если политика Ленина была утопичной, т.е. не могла привести КПК к победе, как же тогда случилось, что Компартия Китая, применяя в 1940-е гг. по существу ту же тактику, что была очерчена Лениным в 1920 г., в конце концов победила? Если Троцкий был ультралевым, почему же тогда сталинисты — члены комиссии Политбюро по вопросам Китая и Японии рассматривали его отношение к китайской революции как «пессимистическое»?¹⁸ Если в июле 1927 г. Сталин и Троцкий не могли согласиться друг с другом только в одном вопросе — о советах — почему же они так активно полемизировали по поводу присутствия КПК в «левом» Гоминьдане? Может быть, заявление об отсутствии серьезных различий в позициях Сталина и Троцкого объясняется тем, что группа Григорьева полагает, что документы об оппозиции в ВКП(б) «не дают ничего существенно нового для понимания основного вектора политики Коминтерна в Китае»?¹⁹

Между тем двери в бывшие секретными советские архивы и хранилища документов международного коммунистического движения больше не остаются закрытыми. Многие ранее неизвестные документы стали доступны исследователю. Это чрезвычайно расширило документальную базу для нового изучения большевистской политики в Китае накануне и во время революции 1925 — 1927 гг. Многотомные фонды, хранящиеся в архивах²⁰, позволяют заново проанализировать этот вопрос. Большинство из этих документов до сих пор не опубликовано. Лишь часть из них, в том числе соответствующие материалы Политбюро ЦК ВКП(б), недавно увидела свет в двух коллекциях, изданных соответственно

группой российских архивистов, а также Центром Григорьева в сотрудничестве с Берлинским Свободным университетом и Центром хранения и изучения документов новейшей истории (предшественник Российского государственного архива социально-политической истории)²¹.

Цель настоящей работы, соответственно, заключается в том, чтобы ввести новые документы в научный оборот и на этой основе вскрыть содержание основных большевистских концепций китайской революции, разрабатывавшихся в 1919—1927 гг. В исследовании также ставится задача определить, в какой степени данные концепции влияли на Коммунистическую партию Китая, как, каким образом их воспринимали различные сторонники китайского коммунистического движения.

Источники, используемые в книге, можно сгруппировать по следующим основным категориям:

во-первых, никогда прежде не публиковавшиеся архивные документы Коминтерна, ВКП(б), КПК, отражающие теорию и политическую практику ленинизма, троцкизма и сталинизма, российской и китайской левой оппозиции, в том числе более ста неизвестных ранее работ Ленина, Троцкого, Сталина, ряда других деятелей международного коммунистического движения, почерпнутые автором в различных депозитариях: в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Архиве Российской академии наук (РАН), бывшем Партийном архиве Свердловской области (ПАСО), Архиве Троцкого (здесь и далее — Бумаги Троцкого), хранящемся в Хотонской библиотеке Гарвардского университета (США), в архивах Бюро расследований Министерства юстиции Тайваня, а также в личных архивах Ван Фаньси (одного из организаторов троцкистского движения в Китае), Мэн Циншу (вдовы деятеля КПК Ван Мина) и российского троцкиста Э. М. Ландау;

во-вторых, документальные материалы по исследуемым проблемам и соответствующие произведения Ленина, Сталина, Троцкого, других руководителей и работников ИККИ и ВКП(б), лидеров КПК, изданные как в СССР и России, так и в Германии, Голландии, КНР, Франции, США, Сянгане и на Тайване;

в-третьих, различные периодические издания, в том числе коминтерновские журналы и бюллетени, партийная пресса ВКП(б) и КПК, другая советская и китайская периодика, включая многотиражку Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) «Под знаменем Ильича», орган Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК) «Гунчань цзачжи» («Коммунистический журнал»), газету Общества «Руки прочь от Китая» и Подготовительного комитета по образованию Ассоциации китайских эмигрантов в России «Цяньцзинь бао» («Вперед»), а также издание Троцкого «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)»;

в-четвертых, личные интервью автора с участниками, очевидцами и родственниками участников описываемых в книге событий: с Р. Э. Беленькой (дочерью Э. М. Ландау), Ван Фаньси, И. Я. Врачевым (бывшим членом Российской левой оппозиции), Н. А. Иоффе (дочерью соратника Троцкого А. А. Иоффе), Линь Ин (внучкой китайского троцкиста Фань Вэньхуэя), Т. И. Смилга (дочерью российского оппозиционера И. Т. Смилга) и Н. С. Карташевым (сыном сотрудника ИККИ С. К. Брике);

в-пятых, литература мемуарного характера, в том числе воспоминания деятелей китайского коммунистического движения — Бао Хуэйсэна, Ван Пинъи, Ван Фаньси, Го Шаотана (А. Г. Крымова), Жэнь Чжосюаня, Лу Ешэня, Лю Жэньцзина, Лян Ганьцяо, Ма Юаньшэна, Пу Дэчжи, Пэн Шучжи, Сунь Ефана, Сяо Цзингуана, Тан Ючжана, Цзян Цзэминь, Чжан Го-тао, Чжэн Чаолия, Чэнь Билань, Шэн Юэ, Ян Цзыле, а также мемуары активистов Гоминьдана — Ван Сюэяня, Гуань Сочжи, Дэн Вэньи, Цзян Цзинго, Чан Кайши, Чжан Сюэюаня и китайского социалиста Цзян Канху. Мемуарная литература также включает автобиографические произведения иностранных участников и свидетелей китайского революционного движения — А. В. Благодатова, В. В. Вишняковой-Акимовой, Г. Н. Войтинского, С. А. Далина, Н. А. Иоффе, В. М. Молотова, Бертрана Рассела, М. Н. Роя, Луиса Фишера, А. И. Черепанова, Винсента Шиэна, а также самого Троцкого.

Данная работа — результат многолетнего исследования. Надеюсь, она послужит дальнейшему осмыслению истории российского и китайского коммунизма, свободному от политических наслоений.

Глава 1

ЧАСТЬ I

Коммунизм в России
как социосоциальный
феномен

РУССКИЙ КОММУНИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Часть I

ВВЕДЕНИЕ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Глава 1

Коммунизм в России как социокультурный феномен

Начавшееся в 1860-е гг. проникновение марксизма в Россию к концу революции 1905-1907 гг. привело к оформлению трех основных направлений русского коммунизма. Эти направления получили наиболее глубокое воплощение в творчестве Георгия Валентиновича Плеханова, Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и Льва Давидовича Бронштейна (Троцкого).

Плеханов и его сторонники (меньшевики) более всего дорожили марксистским тезисом о естественно-исторической эволюции человеческого общества, согласно которому одна социально-экономическая система приходит на смену другой не в силу каких-то субъективных факторов, а вследствие экономической эффективности нового способа производства, вызревающего в недрах старой формации. Соответственно, вслед за классиками марксизма они рассматривали социализм как такой общественный строй, при котором в результате широчайшего развития производительных сил средства производства переходят в собственность всего общества (т.е. социализируются), полностью ликвидируется эксплу-

атация человека человеком и в условиях функционирования развитого гражданского общества устанавливается подлинное народовластие. Иными словами, они характеризовали социализм как посткапиталистическую, а отнюдь не альтернативную капитализму стадию естественного развития человеческой цивилизации.

Плеханов, П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, В. И. Засулич, А. С. Мартынов и др. принимали во внимание, что Россия являлась отсталой в промышленном отношении страной, а российский рабочий класс был относительно малочислен; в силу этого, полагали они, российские рабочие не могли организовать производство более эффективно, чем буржуазия. Именно поэтому свой долг меньшевики видели в том, чтобы способствовать политической революции российской буржуазии против царизма и феодальных отношений с тем, чтобы ускорить капиталистическое преобразование страны, приблизив тем самым час торжества социализма. С их точки зрения, победа российской буржуазной революции была мыслима лишь под руководством либеральной буржуазии, которая и должна была взять власть в стране; буржуазно-демократический режим позволил бы российскому пролетариату с несравненно лучшими, чем прежде, шансами на успех вести борьбу за социализм.

Концепция Ленина была другой. Ленинизм (или большевизм) в том виде, как он выкристаллизовался в начале XX в., схематически может быть представлен следующим образом. Российская буржуазия по своему классовому положению не способна довести свою собственную революцию до конца, однако в России не созрели еще условия для непосредственного социалистического переворота. Революционный процесс должен, следовательно, вначале пройти этап буржуазно-демократической революции, но последняя примет форму народной революции при гегемонии пролетариата. Вместе с тем решительная победа революции над царизмом приведет не к пролетарской диктатуре, а к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, то есть к совместной власти этих двух классов. Рабоче-крестьянская диктатура очистит страну от средневековья для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского развития капитализма, укрепит пролетариат в городе и деревне и откроет

возможности для перевода революции на социалистический этап. Победа буржуазно-демократической революции в России почти неминуемо вызовет сильнейший толчок к социалистической революции на Западе, а эта последняя не только оградит Россию от опасности реставрации, но и позволит русскому пролетариату в относительно короткий срок прийти к безраздельной власти¹.

Троцкий, создавший собственную фракцию в Российской социал-демократии, развивал следующую концепцию. Поскольку буржуазия в России действительно не способна возглавить революционное движение, полная победа демократической революции в этой стране мыслима не иначе как в форме диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство. Только рабочее правительство, поддержанное крестьянством, в силах разрешить весь комплекс проблем, стоящих перед революцией. Ни буржуазная диктатура, ни даже революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не в состоянии это сделать. Пролетарская диктатура, которая неминуемо осуществит не только социалистические, но и попутно демократические задачи, даст в то же время мощный толчок международной социалистической революции. Победа пролетариата на Западе оградит Россию от буржуазной реставрации и обеспечит ей торжество социализма.

В центре этой концепции, таким образом, лежала идея осуществления мировой перманентной революции, начало которой должен был положить непосредственно социалистический переворот в России. Троцкий концептуально обосновал не только возможность, но и неизбежность победы социалистической революции в одной стране, причем в стране отсталой в социально-экономическом и политическом отношениях, являвшейся наиболее слабым звеном мировой капиталистической системы. Впервые он изложил эту теорию в систематическом виде в 1906 г. в работе «Итоги и перспективы», хотя начал разработку этих идей ранее². Вот что он писал по этому поводу: «В стране, экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой... Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны представляет

собою предрассудок упрощенного до крайности "экономического" материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего. Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции должна) перейти в руки пролетариата»³.

При этом Троцкий никоим образом не отрицал революционную роль крестьянства как союзника пролетариата, его опоры. Это хотелось бы подчеркнуть особо, принимая во внимание, что взгляды Троцкого по данной проблеме подвергались усиленной фальсификации в советской историографии. Фактически он эту роль в то время переоценивал, ибо, согласно его концепции (как она изложена в «Итогах и перспективах»), выходило, что крестьянство в России в 1905—1906 гг. уже было готово поддержать диктатуру пролетариата. Недооценивал же он, похоже, нечто совсем иное — способность определенных слоев крестьянства к политической самостоятельности. Поэтому он считал излишним, чтобы пролетариат даже временно, пока будут решаться демократические задачи революции, допустил влияние крестьянства (то есть соответствующих крестьянских партий) на свою правительственную политику. Вместе с тем он отнюдь не исключал, а, наоборот, считал естественным вхождение в рабочее правительство революционных представителей непролетарских общественных групп. «Здравая политика заставит пролетариат приобщить к власти влиятельных вождей мещанства, интеллигенции или крестьянства, — писал он. — Весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство?.. И когда мы говорим о рабочем правительстве, то этим мы отвечаем, что гегемония будет принадлежать рабочему классу»⁴.

Таким образом, троцкизм явился самым радикальным из всех течений марксизма, сформировавшихся к тому времени в Российской социал-демократической рабочей партии. Вместе с тем концепция Ленина тоже была достаточно радикальной. Если мы забудем на минуту о той напряженной полемике, которая имела место между Лениным и Троцким в период, предшествовавший Февральской революции 1917 г., то увидим, что при всех очевидных различиях в рассматриваемых доктринах было немало общего. Ленина и Троцкого сближали как неверие

в революционные потенции русской буржуазии, приведшее их к утверждению, что революция в России с самого начала перерастет рамки классической буржуазной демократии (до какой степени — это уже другой вопрос), так и общая установка на поддержку революционного процесса в России серией социалистических революций международного пролетариата. «Русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить, — писал Ленин. — Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы ... Русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе»⁵.

Практическое воплощение концепции Ленина вообще неизбежно снимало какие-либо теоретические разногласия большевиков и Троцкого. Ведь не к чему иному, как фактически к той же самой коммунистической диктатуре, о которой писал Троцкий, оно не вело, несмотря на заверения Ленина. Ее действительная реализация была маловероятной, во-первых, потому что рабочие и бедное крестьянство, пауперы и люмпены, составлявшие социальную базу левого крыла российского революционного движения, ни к какому капитализму не стремились. Наоборот, их вели на борьбу ярко выраженные антирыночные социальные чувства⁶. Трудно представить, как бы они, столкнувшись к тому же с буржуазией в процессе установления своей гегемонии в революции, стали после захвата власти способствовать «широкому и быстрому» развитию капитализма. Во-вторых, вызывает сомнения и возможность практического разделения власти между рабочим классом, который, по Ленину, уже должен был бы ко времени формирования правительства установить свою гегемонию в революции, и крестьянством.

Уязвимость положения Ленина о совместной рабоче-крестьянской диктатуре была, кстати, точно подмечена Троцким в полемике с большевиками. «Можно, конечно, назвать это правительство диктатурой пролетариата и крестьянства, диктатурой пролетариата, крестьянства и интеллигенции или, наконец, коалиционным правительством рабочего класса и мелкой буржуазии, — подчеркивал он. — Но все же останется вопрос: кому принадлежит гегемония в самом пра-

вительстве и через него в стране?»⁷. Разумеется, на практике эта гегемония принадлежала бы наиболее сильному и активному партнеру, и, если бы рабочий класс, а фактически большевики захватили в соответствии с установкой Ленина руководство народной революцией еще в процессе ее развития, совершенно очевидно, что отказываться от своей диктатуры они бы не стали.

Вместе с тем в тактическом плане ленинская теория, как видно, принципиально отличалась от схемы Троцкого и в этой связи могла иметь определенное значение как программа, направленная на привлечение к блоку с большевиками возможных союзников из числа крестьянских партий. Однако само название теории Ленина как бы символизировало ее противоречивость: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Как может быть диктатура демократической?) Концепция же Троцкого была более цельной в своей откровенной направленности на установление коммунистической власти в России.

Общность исходных позиций Троцкого и Ленина в большой степени объясняет тот факт, что, когда в марте – апреле 1917 г. революционный подъем в России поставил в повестку дня вопрос о практической борьбе большевистской партии за непосредственную государственную власть, Ленин сам отказался от ряда существенных положений своей теории, выдвинув курс на непосредственную социалистическую (то есть перманентную) революцию, в ходе которой, как он позже подчеркивал (в полном, даже местами текстуальном, совпадении с Троцким), большевики «решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как "побочный продукт" ... главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы»⁸. Позиции Ленина, таким образом, практически по всем основным вопросам совпали в то время с установками Троцкого⁹. Чтобы окончательно убедиться в этом, можно хотя бы сопоставить ленинские «Письма из далека» и «Апрельские тезисы» с серией статей Троцкого, опубликованных в конце марта – начале апреля 1917 г. в нью-йоркских журналах «Новый мир» и «Ди Цукунфт» («Будущее») ¹⁰. Тожество выводов двух революционеров очевидно.

Более того, есть основания полагать, что, придя к идее необходимости непосредственного социалистического пере-

ворота в России, Ленин существенным образом пересмотрел и характер своих прежних теоретических дискуссий с Троцким. По крайней мере об этом свидетельствует предсмертное письмо известного деятеля ВКП(б) А. А. Иоффе Троцкому от 16 ноября 1927 г. В нем, в частности, говорится: «Я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь»¹¹.

Речь, разумеется, шла о теории перманентной революции. Конечно, воспоминание Иоффе не может служить неопровержимым доказательством, однако его нельзя сбрасывать со счетов. Иоффе был одним из честнейших людей в большевистской партии и вряд ли стал бы кривить душой накануне гибели.

В любом случае приходится констатировать: Февральская революция и последовавшее за ней развитие революционных событий элиминировали основные теоретические разногласия между Троцким и Лениным. В итоге руководимый большевиками Октябрьский переворот в России произошел, по существу, в соответствии с политической теорией Троцкого, выдвинутой им в 1906 г. и взятой РСДРП(б) на вооружение в 1917 г. (Не случайно в первые годы после Октябрьской революции работа Троцкого «Итоги и перспективы» неоднократно переиздавалась, в том числе на иностранных языках, как теоретическое истолкование Октября.) Сам же большевизм обогатился новым (фактически троцкистским) идейно-теоретическим содержанием и именно как таковой получил дальнейшее развитие в послефевральских работах как Ленина и других бывших идеологов старого большевизма, так и Троцкого, в конце июля 1917 г. официально вступившего в РСДРП(б) и сразу занявшего в ней одно из руководящих мест. Сразу же после Октябрьского переворота идеи мировой перманентной социалистической революции стали пропагандироваться большевиками и за рубежом, в том числе в еще более, чем Россия, отсталых восточных странах. В марте 1919 г. они легли в основу программы вновь образованного Коммунистического Интернационала.

Какая же из доктрин в большей степени соответствовала классическому марксизму, приверженность которому дек-

ларировали представители всех трех направлений? Думаю, наиболее убедительный ответ дал русский философ Н. А. Бердяев, подчеркивавший, что Ленин (еще более это применимо к Троцкому) «делал из марксизма совершенно оригинальные по отношению России выводы, которые вряд ли могли быть приняты Марксом и Энгельсом»¹². В то же время теоретически в концепции меньшевиков все соответствовало учению Маркса. И это-то как раз и являлось их «Ахиллесовой пятой». Марксизм Плеханова был, по мысли Бердяева, лишь «крайней формой русского западничества», своего рода «книжно-кабинетным истолкованием марксизма»¹³. Он не соответствовал социальной и политической реальности России, не вписывался в традиции русской политической и этнонациональной культуры, не отвечал тому типу общественного сознания, который свойственен простому русскому человеку (характерными элементами этого сознания являются мессианиззм, непонимание демократии и неприятие ее, аскетическое отношение к культуре, жертвенность, склонность к нигилистическому цинизму и т. п.)¹⁴.

Нетерпение, революционную экзальтацию Ленина и Троцкого меньшевики считали крайне опасными для дела реального социализма. Однако оба направления, и ленинизм, и троцкизм, отражали российскую действительность. В радикальном русском коммунизме нашла свое выражение специфика пролетарского крыла массового революционного движения в России, которое объективно было направлено против начавшего свое становление капитализма. Пролетарские массы города и деревни, поднявшиеся на великую антиимпериалистическую и антибуржуазную революцию, ненавидели или презирали рынок (в зависимости от опыта общения с ним) и выступали (в деревне) за сохранение правил общинного существования¹⁵. Ленинизм и троцкизм, кроме того, в огромной мере являлись реалией мирового развития начала XX в., характеризовавшегося резким обострением революционной активности народных масс.

Приспособление марксизма к российским условиям (или, на языке Бердяева, «русификация и ориентализация» марксизма) вело, таким образом, к закономерному появлению и усилению именно троцкистского и ленинского идеологических течений. В этой ситуации меньшевики, как и другие де-

мократы, не имели серьезных шансов на успех. Демократия в России вообще была, по сути дела, обречена. Это, кстати, очень точно подметил М. Вебер еще в период первой русской революции 1905 — 1907 гг., когда он обратил особое внимание на роль традиционной общинной идеологии («архаического аграрного коммунизма») в российском массовом революционном движении и, соответственно, на слабость либерализма¹⁶. Показательно, что многие выводы М. Вебера относительно русской революции, в том числе положение о политическом бессилии русской демократии, совпадали с ключевыми установками большевиков и Троцкого. Вебер же, как известно, был независимым наблюдателем, и то, что его оценки во многом сближались со многими тезисами российских радикалов, свидетельствует лишь о понимании последними соответствующих сторон отечественной действительности.

Вместе с тем, несмотря на радикализм российских революционеров, политическая программа Троцкого вплоть до апреля 1917 г. не пользовалась у них большой популярностью. Большинство российских социал-демократов следовало либо за Лениным, либо за меньшевиками. Связано это было в первую очередь с тем, что в мировоззрении Троцкого сочетались различные по своему характеру и социокультурным истокам идеи. Теория перманентной революции представляла собой центральное положение троцкизма. Однако ею, разумеется, не ограничивалось его содержание. Помимо проблем стратегии и тактики будущей революции в России и ее связи в новую историческую эпоху с мировым революционным процессом Троцкий уделял много внимания и вопросам организационного строительства социал-демократической (позднее — коммунистической) партии. И здесь его позиции также существенно отличались от ленинских.

Первое столкновение двух революционеров произошло на II съезде РСДРП (июль — август 1903 г.). Судя по протоколам съезда, расхождения проявились как раз по организационным вопросам, нашедшим отражение в двух принципиальных пунктах повестки дня: обсуждении параграфа I устава и выборах центральных партийных органов. Это явствует и из «Дневника заседаний II съезда РСДРП», который вел Ленин¹⁷.

Дискуссия по параграфу I устава развернулась, как известно, вокруг двух формулировок — ленинской и мартовской. Ленин предлагал считать членом РСДРП всякого, кто, помимо прочего, поддерживает партию «личным участием» в одной из партийных организаций. Мартов настаивал на достаточности «личного содействия». Poleмика, таким образом, шла вокруг самого понятия «партия», принципов ее организационного строительства. Центром разногласий фактически стал вопрос о соотношении внутрипартийной демократии и централизма. Ленин выступал решительным защитником централизации, специально подчеркивая необходимость оберегать твердость, выдержанность и идейную чистоту партии¹⁸. Мартов и его сторонники, одним из которых был Троцкий, ратовали за широкую, эластичную организацию, за свободный союз единомышленников, не связанный жесткой партийной дисциплиной. Они не могли принять точку зрения Ленина, который подчеркивал, например, в брошюре «Что делать?»: «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено нечто большее, чем "демократизм", именно: полное товарищеское доверие между революционерами ... Для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами»¹⁹. Именно поэтому и на съезде, и особенно после него Троцкий настойчиво повторял мысль о том, что организационное подчинение индивидуума партии приведет к перерождению последней в узкую радикально-заговорщическую организацию. Наиболее резко Троцкий критиковал организационные планы Ленина в своей брошюре «Наши политические задачи», которая вышла через год после съезда, в августе 1904 г. Желая показать, к чему может привести чрезмерное увлечение централизмом, Троцкий нарисовал такую картину: «Партийная организация [то есть аппарат партии] "замещает" собою Партию, ЦК замещает партийную организацию, и, наконец, "диктатор" замещает собою ЦК ... комитеты делают "направление" и отменяют его в то время, как "народ безмолвствует" ... "организация профессиональных революционеров", точнее, ее верхушка,

является центром социал-демократического сознания, а под этим центром — дисциплинированные исполнители технических функций»²⁰.

Ясно, что взгляды Троцкого в этом вопросе были в то время гораздо ближе марксистским, чем ленинские. Они соответствовали тому, например, о чем писал Энгельс в одном из писем Марксу: «Мы не нуждаемся ... ни в какой поддержке со стороны какой-либо партии какой бы то ни было страны ... Разве могут подходить для какой-либо "партии" такие люди, как мы, которые, как чумы, избегают официальных постов? Какое значение имеет "партия", то есть банда ослов, слепо верящих нам ... Революция — это чистое явление природы, совершающееся больше под влиянием физических законов, нежели на основании правил, определяющих развитие общества в обычное время ... Только держа себя независимо, будучи по существу более революционным, чем другие, можно, по крайней мере, хоть некоторое время, сохранить свою самостоятельность по отношению к этому водовороту ... Не надо не только никаких государственных постов, но, пока возможно, — и никаких официальных партийных постов»²¹. Однако позиции основателей марксизма (а Маркс в данном случае не оспаривал мысли Энгельса) и следовавших за ними Троцкого и Мартова явно не отражали специфики оппозиционной политической деятельности в России, придавленной диктатурой царизма. Тем не менее понять их позиции можно. Ведь в сознании участников революционного демократического движения были еще живы образы Робеспьера, Ткачева, Нечаева, других революционеров-экстремистов, достаточно скомпрометировавших понятия «организационного централизма» и «революционной дисциплины». Ленин же оказался большим прагматиком, вписав свои организационные схемы в традиции российской оппозиции. Это во многом способствовало тому, что он в отличие от Троцкого смог создать крепкую массовую партию²².

Следуя логике разногласий относительно устава, Троцкий встал в оппозицию Ленину и в вопросе о выборах центральных партийных органов. Голосование, как известно, принесло победу Ленину. Троцкий оказался в рядах меньшинства.

Его пребывание в меньшевистской фракции было недолгим. Уже в 1904 г. разногласия между ним и лидерами мень-

шевиков относительно возможностей гегемонии пролетариата в революции достигли такой степени, что в сентябре Троцкий объявил об отходе от меньшевиков. Но и к большевистской фракции он не примкнул.

Троцкий продолжал придерживаться независимой точки зрения. И именно поэтому вплоть до середины 1917 г., находясь формально вне фракций, прилагал немало усилий для примирения меньшевиков и большевиков. С этой целью летом 1912 г. в Вене он создал в рамках российской социал-демократии так называемый «августовский блок», на деле объединивший лишь сторонников Троцкого, а также часть бундовцев, меньшевиков и большевиков-ликвидаторов. Точка зрения Троцкого относительно возможности сосуществования в одной партии различных социал-демократических группировок не изменилась и с началом мировой войны, несмотря на то что он сам занял решительные интернационалистские позиции и всю войну выступал с осуждением политики империализма под лозунгом «пролетарской революции».

И даже вступление Троцкого в РСДРП(б) еще не свидетельствовало о полном принятии им ленинской концепции партии, хотя внешне это и выглядело так. Да, уже в мае 1917 г. он начал вносить коррективы в свою организационную платформу, взяв курс на разрыв с меньшевиками-оборонцами, но все же, присоединяясь к большевикам, похоже, отдавал себе отчет, в какую организацию вступает. Об этом можно судить, по крайней мере, по воспоминанию Н. А. Иоффе — дочери его ближайшего соратника, присутствовавшей как-то в начале лета 1917 г. при одной из бесед своего отца с Троцким. Последние обсуждали вопрос о слиянии их малочисленной группы («Междурайонной организации объединенных социал-демократов») с РСДРП(б)²³. По словам Надежды Адольфовны, ее отец тогда возражал Троцкому, настаивавшему на объединении. Дискуссия затянулась. «Лев Давидович! Они же политические бандиты», — не выдержал, наконец, Иоффе. «Да, я знаю, — ответил Троцкий. — Но большевики сейчас единственная реальная политическая сила»²⁴.

Лишь позже, с осени 1917 г., во взглядах Троцкого, по-видимому, произошел перелом. Тесное сотрудничество с Ле-

ниным, подготовка и осуществление Октябрьского переворота, руководство Красной армией в период гражданской войны отодвинули старые споры с апологетами централизма на задний план. Чрезвычайная обстановка требовала сплочения, и Троцкий активно поддерживал многие ленинские мероприятия, направленные на ограничение демократии в партии (известную резолюцию X съезда РКП(б) «О единстве партии» и пр.). Стремясь объяснить свою линию поведения в то время, он позже писал, что «его [Ленина] собственная организационная политика вовсе не представляет одной прямой линии. Ему не раз пришлось давать отпор излишнему централизму в партии и апеллировать к низам против верхов. В конце концов партия в условиях величайших трудностей, грандиозных сдвигов и потрясений, каковы бы ни были колебания в ту или иную сторону, сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и централизма».²⁵

Трудно заподозрить Троцкого в неискренности. Скорее всего он действительно верил в то, что писал. Хотя в ряде случаев даже в послеоктябрьский период пытался оказывать противодействие другим лидерам РКП(б), в том числе Ленину, когда последние, с его точки зрения, проявляли излишнее стремление к централизму, а соответственно, к внутрипартийной замкнутости. Особенно показательна его реакция на предложения Ленина, высказанные во время работы XI конференции РКП(б) (декабрь 1921 г.) по вопросу о чистке партии и условиях приема в нее. В первый день конференции Ленин, по существу, поддержал проект соответствующей резолюции, устанавливавший жесткие ограничения приема; в проекте говорилось даже о необходимости временно, на шесть месяцев, закрыть доступ в партию. Свои соображения по этому поводу Ленин изложил 19 декабря в письме кандидату в члены ЦК П. А. Залуцкому (автор проекта), члену Центральной контрольной комиссии А. А. Сольцу и членам Политбюро²⁶. В ответ Троцкий высказал решительное несогласие, почувствовав, что принятие резолюции может в огромной степени способствовать катастрофической бюрократизации партийного аппарата.

«В. И.! У меня очень большие сомнения по поводу Ваших запретительно-ограничительных предложений насчет при-

ема в партию, — написал он Ленину 21 декабря. — У нас сейчас, вероятно, 400 000 членов, и это — на 1 1/2 года почти останется. При неизбежной тенденции всякие ответств[енные] и полуответствен[ные] посты поручать партийцам у нас будет замкнутая партия администраторов. Рабочим, фактически работающим на заводах, надо всемерно облегчить вступление в партию, сократив кандидатство до 1/2 года максимум. Лучше время от времени чистить здание, чем закупоривать все окна и щели.

Партия администраторов значит партия пользующихся привилегиями. Одни — более осторожно и "тактично", другие — менее осторожно ... Разумеется, я подчеркиваю только одну сторону дела, но она чревата большими осложнениями...»²⁷.

Ленин с возражениями Троцкого в принципе согласился²⁸, однако уже через два года Троцкий вновь ощутил, что «равновесие элементов демократии и централизма» в партии оказалось нарушенным. В октябре 1923 г. он восстал против системы внутривнутрипартийного «аппаратного террора», заговорив о необходимости расширения внутривнутрипартийной демократии. Этому были посвящены его письмо членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г., ряд статей в «Правде», брошюра «Новый курс», речь на XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.), другие выступления. «Тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда [то есть уже до апреля 1923 г.], а после него получил окончательное закрепление и оформление, — писал Троцкий 8 октября 1923 г., — гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов военного коммунизма. Бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития ... Теперь нет и в помине ... откровенного обмена мнений по вопросам, действительно волнующим партию ... Секретарскому бюрократизму должен быть положен конец»²⁹.

Троцкистская концепция партии являлась, таким образом, во многом демократической, а потому и не пользовалась в России серьезной поддержкой — ни до, ни после Октябрьской революции. Простому русскому человеку с характерным для него тоталитарным сознанием, не имевшему ни малейшего представления о гражданском обществе и личной свободе и представлявшему себе оппозиционную деятель-

ность в традициях тайных религиозных сект, она была чужда уже чисто психологически.

Аккумулировав в теории перманентной революции социальные чувства огромной массы российского населения, Троцкий в то же время в вопросах строительства организации, призванной возглавить эту революцию, действовал в традициях западной политической культуры, одним из важнейших элементов которой был классический марксизм. И если в том, что касалось возможности активизации в России массового радикального движения с целью захвата политической власти, он был достаточно реалистичен, то в своей теории демократической компартии, по сути дела, исходил из субъективистских оценок. Подобная дихотомия во многом предопределила его политические достижения и поражения.

Большевизм же, напротив, базируясь изначально на ленинских антидемократических установках, в 1917 г. получил свое логическое структурное дополнение, впитав в себя троцкистскую доктрину перманентной революции. Неудивительно, что очень скоро он превратился в доминирующую политическую идеологию отсталой России, приведя в конце концов массы отчаявшейся бедноты к величайшему социальному перевороту.

Глава 2

Теория перманентной революции в Китае

Процессы, происходившие в российском революционном движении в начале XX в., находили глубокое отражение в странах Востока, в том числе в Китае. И это не случайно: Россия и Китай в социокультурном плане были достаточно близки. Подобно России, в Китае в начале века капитализм еще не стал определять все стороны общественной жизни. Конечно, Россия была промышленно более развита, однако в экономике и той, и другой страны были представлены все известные истории хозяйственные уклады. Отдельные территории и районы как в России, так и в Китае существенно отличались по уровню социально-экономического развития. Данное обстоятельство объясняется тем, что в рамках обоих государств единый рынок, по существу, так и не сформировался; экономическая и социальная жизнь значительной массы населения (в Китае — большей его части, в России — меньшей) замыкалась в стабильных местных границах. Многоукладность экономики обусловила сосуществование исторически различных типов общественных отношений — дофеодальных, феодаль-

ных, полуфеодальных и капиталистических в их разных фазах. Ни в той, ни в другой стране не существовало гражданского общества.

Так же как в России, да, впрочем, и во всех остальных государствах в период становления в них капиталистического производства, в Китае в оппозиции к рынку оказалось огромное число населения. Не более 10% китайского населения видели в товарном производстве, если использовать выражение К. Маркса, «*non plus ultra* [вершину] человеческой свободы и личной независимости»³⁰. Остальные относились к рынку в лучшем случае прохладно³¹. В районах, где преобладали натуральные повинности, патриархальный крестьянин, как правило, испытывал к рыночным связям полнейшее презрение. В областях же господства денежной ренты, а также налога, исчислявшегося в звонкой монете, отношение крестьянина к рынку выражалось обычно в сильнейшей ненависти и неприязни, поскольку при коммутации налога и ренты норма эксплуатации крестьян возрастала: простой китаец проигрывал дважды от связи с рынком вследствие значительных колебаний цен. Осенью для уплаты повинностей он вынужден был продавать часть своего необходимого продукта по бросовым ценам, а затем весной, когда цены уже возрастали, выкупать эту же часть с большими потерями, чтобы избежать голода. Патриархальный крестьянин стремился пресечь или даже разорвать товарные связи между городом и деревней, натурализовать деревенскую экономику. Той же цели, как отмечают В. И. Глунин и А. С. Мутрузин, отвечали его требования максимально снизить налогообложение и норму рентной эксплуатации³². Сильные антирыночные настроения были характерны и для китайских пауперов и люмпенов, составлявших приблизительно 9–11% населения³³.

Стержнем социальной психологии простого китайца было ярко выраженное стремление к восстановлению «справедливого» социального порядка на основе обычаев идилично воспринимавшегося им патриархального прошлого. Иными словами, китайские бедняки тяготели к возврату общества к сакраментальной модели азиатского абсолютизма, в основе которого лежала государственная, безрыночная монополия на все сферы общественной жизни, отрицавшая право

частной собственности. Негативное отношение к последней объяснялось следующими причинами: на протяжении всей китайской истории в обществе шла борьба между крупными феодалами, стремившимися закрепить свои претензии на неограниченное владение земельной собственностью, и центральной властью, персонифицировавшей в себе всевластие и монополию государства. В ходе этой борьбы, разворачивавшейся в рамках так называемых «династийных циклов» (отрезок времени от установления некоей монархической династии до ее падения), центральная власть неизбежно слабела, а местные феодалы разными путями добивались права собственности на землю. В результате резко возрастала норма эксплуатации крестьянства: с одной стороны, феодалы, чувствовавшие себя полными хозяевами, увеличивали арендную плату, с другой — правительство, стремясь пополнить оскудевавшую казну, взвинчивало налоги. Это, разумеется, вызывало недовольство крестьян, которым ничего не оставалось делать, как подниматься на борьбу. Мощные крестьянские войны, как правило, приводили к падению ослабевшей династии и воцарению новой, основатель которой обычно начинал с того, что восстанавливал неограниченную государственную монополию на все виды хозяйственной деятельности. Жизнь входила в свою колею, и феодалы вновь начинали бороться с властью за права частной собственности. Маньчжурская династия Цин, воцарившаяся в Китае в 1644 г., внесла в социальную систему лишь формальные изменения: правивший двор уже в начале «династийного цикла» номинально признал частную собственность, однако фактически продолжал сдерживать ее развитие до тех пор, пока имел силу. Все это неизбежно вело к тому, что в сознании эксплуатируемого народа закреплялись определенные социальные ориентиры: частная собственность на средства производства (в первую очередь на землю) воспринималась как нечто такое, что разрушает веками устоявшийся жизненный порядок, несет разорение бедному люду и, следовательно, заслуживает осуждения и запрещения. Ненависть к ней находила выражение в программных документах практически всех крестьянских восстаний в Китае, стремившихся повернуть общество вспять.

Проникновение капитализма в Китай, начавшееся в 40-х гг. XIX в., совпало по времени с вступлением китайского общества в завершающую фазу очередного «династийного цикла». Социальное положение значительного числа населения, и без того ставшее ухудшаться вследствие внутренних причин, под воздействием западного, а затем и японского капитализма оказалось вскоре просто невыносимым. Китайцы стали ассоциировать капитализм (по существу, привнесённый из-за океана) с враждебным империализмом. Ситуация осложнилась еще и тем, что капиталистическое проникновение в Китай обернулось превращением этой страны в полуколонию империалистических держав, разделивших ее на сферы влияния. Это положило начало уродливому и крайне противоречивому развитию собственно китайского отечественного капитализма. Отвечая на вызов эпохи, правящая элита (маньчжурское правительство и местные китайские милитаристы) инициировали так называемую «политику самоусиления» (1861 — 1894 гг.), в период проведения которой начали собственную капитализацию Китая. Они вместе с тем старались монополизировать этот процесс, вытесняя частных предпринимателей и ограничивая развитие рынка свободной рабочей силы. Такой государственно-милитаристский капитализм власть придержащих не способствовал, разумеется, подлинной капиталистической трансформации общества. Полуколониальное, униженное состояние страны наряду с ее зависимым положением в глобальном разделении труда на мировом рынке также являлись мощным сдерживающим фактором в развитии китайской национальной буржуазии. Все это не могло не обострять антиимпериалистические, националистические настроения в Китае, подогревая решимость разоренных и разорвавшихся людей «идти войной» против империализма и сотрудничавшего с ним маньчжурского правительства.

В начале XX в., после успешной антимонархической революции 1911 — 1912 гг., положение национальной средней и мелкой буржуазии, а в еще большей степени — неимущего и малоимущего народа еще более усугубилось вследствие милитаристской раздробленности страны и связанных с этим беспрерывных гражданских войн. Империалистические державы начали поддерживать различных милитарис-

тов; отсутствие же политического единства привело к разрушению унифицированной денежной системы, что, в свою очередь, крайне негативно сказалось на жизненном уровне большинства населения. Антиимпериалистические настроения, таким образом, оказались существенно усилены антимилитаризмом. Вслед за Россией мощное радикальное революционное движение стало зарождаться и в Китае. Однако, в отличие от России, оно в основе своей было направлено прежде всего против империализма.

Социальные чувства народа отражались в мучительных идейных исканиях китайской интеллигенции, стремившейся найти выход из кризисного состояния Китая, раздиравшегося на части империалистами и внутренней реакцией. В поисках истины многие образованные люди обратились к различным идеологическим учениям Запада. Среди прочих их внимание привлек и марксизм.

Первые сведения о марксизме проникли в Китай в самом конце XIX в. Имя Маркса появилось в китайской прессе в феврале 1899 г., в журнале «Ваньго гунбао» («Международное обозрение»), в переводе первой главы из книги английского социолога Бенджамина Кидда «Социальная эволюция». Имя Энгельса было впервые упомянуто три месяца спустя, в мае, в той же работе Кидда, изданной отдельной брошюрой шанхайским издательством «Гуан сюэхуй» («Общество славы»). В публикации было сказано, что Энгельс вместе с Марксом являлись одними из тех, кто в Германии «проповедовал теорию о том, как накормить народ»³⁴.

В начале 1903 г. впервые на китайском языке был опубликован небольшой отрывок из «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Он появился в виде цитаты, приведенной в изданной в Китае работе японского автора Фукуды Шиндзо «Современный социализм». Цитаты из «Манифеста», а также из книги Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» были приведены и в работе другого японца, Котоку Шусуй, «Социалистическое наследие», опубликованной в журнале «Чжэцзян чао» («Прибой Чжэцзяна») в сентябре 1903 г.

В конце июня 1905 г. китайский автор Чжу Чжисинь, один из ближайших соратников крупнейшего идеолога китайского национально-революционного движения Сунь Ятсена, в

сжатой форме изложил вторую главу «Манифеста» в статье, озаглавленной «Краткие биографии германских социал-революционеров». Эта статья была им опубликована во втором номере суньятсеновского журнала «Миньбао» («Народ») под псевдонимом Ши Шэнь. В последовавшие два года еще три отрывка из «Манифеста» были опубликованы в Китае, и вновь — в «Миньбао». Еще один отрывок появился в китайском анархистском журнале «Тяньи бао» («Небесная справедливость»), издававшемся в Токио.

В январе 1908 г. китайские анархисты опубликовали в том же «Тяньи бао» (номер 15) перевод предисловия Энгельса к английскому (1888 г.) изданию «Манифеста Коммунистической партии». Это была первая работа основоположников марксизма, изданная в Китае в полном виде. Вскоре после этого в «Тяньи бао» (в номерах 16 — 19) была опубликована целиком первая глава «Манифеста». В тех же номерах приводились цитаты из произведения Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В июне — сентябре 1912 г. в шанхайском журнале «Синь шицзе» («Новый мир») была наконец напечатана одна из важнейших работ Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (в китайском переводе — «Утопический социализм и научный социализм»). Автором перевода был Ши Цуньтун, ставший позднее одним из первых китайских коммунистов³⁵.

Впечатления о марксизме, однако, оставались противоречивы. К тому же лишь крайне ограниченное число передовых интеллектуалов знало о некоторых сторонах марксистской теории. Марксизм в то время еще ничем не выделялся в глазах китайских демократов из многих других социалистических учений³⁶. Вот что вспоминал по этому поводу позднее, в апреле 1945 г., Мао Цзэдун: «У нас в Китае, помимо небольшого числа студентов, обучавшихся за границей, никто не знал [что такое марксизм]. Я также не знал, что в мире был такой человек, как Маркс ... Мы ... ничего не знали о том, что в мире есть какой-то империализм, какой-то марксизм ... Раньше были люди, как Лян Цичао, Чжу Чжисинь, которые упоминали о марксизме. Был, говорят, и еще кто-то, кто в одном журнале перевел "Развитие социализма от утопии к науке" Энгельса. В общем, в то время я не видел [этих изданий], а если и видел, то всего лишь скользнул глазом, не обратив внимания»³⁷.

Только после Октябрьской революции в России и завершения мировой войны распространение марксистской идеологии в этой стране пошло более быстрыми темпами. Это было связано со многими причинами. Одной из наиболее важных являлось разочарование значительной части китайской интеллигенции в западной буржуазной демократии. Лидеры последней оказались в глазах передовой китайской общественности «предателями» в связи с тем, что не удовлетворили требований китайской делегации в ходе Версальской мирной конференции 1919 г., от которой китайцы ждали восстановления попраных прав своей родины и признания за ней равного места в системе новых, послевоенных международных отношений. Иностранцы империалисты по-прежнему относились к Китайской республике как к полукolonии; триумф англо-американской «демократии», повергшей в прах «германский» тоталитаризм, не принес никаких перемен Китаю. Иллюзии периода войны относительно англо-американского «либерализма», разделявшиеся тысячами китайских патриотов, развеялись в одночасье. Это привело к кризису буржуазно-либеральной мысли в Китае, усилило идейное и политическое размежевание в интеллигентской среде³⁸.

В период антиимпериалистического движения «4 мая» 1919 г. передовые элементы китайского общества еще острее ощутили безотлагательную потребность найти выход из кризисного состояния страны. В то время на сцену китайской истории впервые выступили промышленные рабочие. Их пробуждение (в движении приняло участие около 100 тыс. рабочих) явилось для тех китайских революционеров, кто уже начал знакомство с марксизмом, как бы наглядным подтверждением правильности теории, утверждающей всемирно-историческую миссию рабочего класса³⁹. Изучение марксистских концепций стало важнейшим вопросом, поставленным в повестку дня китайской революции движением «4 мая»⁴⁰.

Но наиболее существенными факторами, определившими интерес китайской общественности к марксизму, были победоносный характер Октября, резко антиимпериалистическая и антикапиталистическая направленность политики Советского государства, осуществленный большевиками

разгром империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в Советской России. «С русской революции марксизм проявил себя как сила, способная всколыхнуть мир», — подчеркивал в 1919 г. Ли Дачжао, один из будущих организаторов первых коммунистических кружков в Китае⁴¹. Успехи российских коммунистов вызывали желание разобраться в той идеологии, которой они руководствовались. И именно в опыте большевиков патриотически настроенная китайская интеллигенция стала искать теорию, которая, как рычаг, могла бы перевернуть Китай. Таким образом, марксизм и начал, по сути дела, распространяться и восприниматься в Китае сквозь призму большевистского опыта. «Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими, — писал, как известно, Мао Цзэдун. — ... Идти по пути русских — таков был вывод»⁴². Из всего богатого спектра марксистских течений передовая китайская интеллигенция начала, соответственно, заимствовать наиболее широко лишь одно — послефевральский ленинизм, ядром которого являлась троцкистская концепция перманентной революции. Этому в значительной степени способствовала прямая теоретическая и практическая помощь китайским революционерам со стороны партии Ленина и Коминтерна, а также Советского государства в первые годы после Октябрьской революции.

Нетрудно заметить, что в то время именно большевистский опыт в наибольшей степени соответствовал и тому типу общественного сознания, который был свойственен радикально настроенной части китайской интеллигенции, аккумуляровавшей антикапиталистические социальные чувства подавляющего большинства беднейшего китайского населения. Это также стимулировало действительный интерес революционеров Китая к радикальному варианту русского марксизма. Ведь «смысл, сила и сущность большевизма», как справедливо отмечал Троцкий, в том и заключались, что он обращался «не к верхам рабочего класса, а к толще, к низам, к миллионам, к угнетенным из угнетенных. Вот почему, — подчеркивал один из теоретиков этого направления, — не теоретическим содержанием своим, еще далеко не усвоенным, не продуманным, но освободительным веянием своим он стал излюбленным учением стран

Востока». Отсюда Троцкий делал закономерный вывод: «Мы знаем, что в Китае трудящиеся, которые, вероятно, не прочли в своей жизни ни одной статьи Ленина, страстно тяготеют к большевизму, ибо так могуче веяние истории! Они почувствовали, что это есть учение, которое обращается к партиям, к угнетенным, к придавленным, к миллионам, к десяткам, сотням миллионов, которым нет иначе спасения»⁴³.

Первые сведения о большевизме проникли в Китай вскоре после Февральской революции в России. 19 мая 1917 г. шанхайская газета «Миньго жибао» («Республика») опубликовала репортаж под названием «Известия о внутренних беспорядках в России в последнее время», в котором вкратце (четырьмя-пятью фразами) охарактеризовала положение в российском социалистическом движении. Среди других была названа «группировка Николаса Ленина», которая «бескомпромиссно выступает против войны и призывает к "сверхреволюционаризму"»⁴⁴. Кстати, именно в этой заметке впервые в Китае было упомянуто имя Ленина.

8 ноября 1917 г. на страницах китайской газеты «Чжунхуа синьбао» («Новая газета "Китай"») появилось первое сообщение о вооруженном восстании в Петрограде, а 10 ноября в газетах «Миньго шибао» («Газета фактов "Республика"») и «Шиши синьбао» («Новая газета "Факты"») были опубликованы основные положения выступлений Троцкого и Ленина на II Всероссийском съезде Советов (в тот день имя Троцкого было названо в Китае в первый раз). В кратких сообщениях говорилось, в частности, что Ленин внес три предложения: немедленно прекратить мировую войну, передать землю крестьянам и преодолеть экономический кризис. В последующие несколько дней информации о Ленине, Троцком, большевизме и Октябрьской революции появились и в некоторых других китайских изданиях.

28 декабря 1917 г. в «Чжунхуа синьбао» была опубликована первая статья, знакомившая общественность с теоретическими взглядами Ленина. Ее автором был Ян Паоань — один из будущих первых сторонников коммунизма в Китае.

Первые произведения теоретиков российской пролетарской революции (в английском переводе) стали появляться в Китае из-за границы уже в 1918 г. Наиболее ранним из них была, по-видимому, работа Троцкого «Война и Интернацио-

нал», написанная в период первой мировой войны. В англоязычном издании, имевшем хождение в Китае, она называлась «Большевики и мир во всем мире»⁴⁵. Эта работа оказала большое влияние на мировоззрение Ли Дачжао, и именно он впервые, хотя и в весьма лаконичной форме, познакомил широкую китайскую общественность с некоторыми узловыми положениями теории Троцкого, зафиксированными в этом произведении: их изложение было включено в его статью «Победа большевизма», опубликованную в январе 1919 г. в журнале «Синь циннянь» («Новая молодежь») ⁴⁶.

Впоследствии в Китае получили распространение англоязычные издания книг Ленина «Очередные задачи Советской власти», «Государство и революция», «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» и работы Троцкого «Октябрьская революция»⁴⁷. Широкой известностью пользовался и сборник «Пролетарская революция», изданный в 1918 г. в Нью-Йорке одним из руководителей американских коммунистов Луисом Фрайной. В него вошли некоторые статьи и главы из более крупных работ Ленина и Троцкого за 1917 — начало 1918 г. в английском переводе. В приложении были опубликованы отдельные небольшие статьи Г. В. Чичерина. Ряд разделов работы, излагающих основные позиции теоретиков большевизма, с большим количеством цитат был подготовлен самим Фрайной⁴⁸.

Что же касается произведений лидеров русской революции в переводах на китайский язык, то они начали появляться лишь после движения «4 мая». 1 сентября 1919 г. в пекинском журнале «Цзефан юй гайцзао» («Освобождение и реконструкция») была опубликована первая в Китае ленинская работа — «Политические партии в России и задачи пролетариата» (написана в начале апреля 1917 г.) Перевод был выполнен студентом Фуданьского университета (г. Шанхай) Цзинь Гобао с английского издания этой статьи. Примерно тогда же появилась и первая в Китае работа Троцкого, перевод которой был сделан китайцем. Речь идет о «Манифесте Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», написанном Троцким для I конгресса Коминтерна (в китайском переводе — «Манифест новой коммунистической партии»). Текст Манифеста был опубликован в номерах пекинской газеты «Чэнь бао» («Утро») за 7 — 11 ноября 1919 г.

в рубрике «Возрождение мира». Документ, опубликованный «Чэнь бао», был подписан псевдонимом переводчика — «И». Как установил Шевелев, автором перевода был Ло Цзялунь, один из активнейших участников движения «4 мая», организатор прогрессивного молодежного общества «Синьчао» («Ренессанс»). О том же, что он принадлежит перу Троцкого, в газете, разумеется, ничего сказано не было: авторство документов Коминтерна, как правило, не афишировалось самим Коммунистическим Интернационалом.

Близкая по времени публикация произведений Ленина и Троцкого скорее всего являлась случайностью, однако весьма знаменательной: Троцкий закономерно воспринимался в то время в Китае и во всех других странах как второй после Ленина человек в руководстве Российской коммунистической партии, один из крупнейших идеологов Октября. С именем Троцкого связывались как важнейшие внешнеполитические декреты Советской власти, в том числе имевшие отношение к Китаю, так и победы большевиков на фронтах гражданской войны. По степени популярности среди передовой китайской интеллигенции, интересовавшейся событиями в России, Троцкий в те годы уступал одному Ленину, поэтому, наряду с ленинскими, к его работам в Китае был замечен особенно большой интерес. Распространение большевизма в Китае начиналось, таким образом, с почти одновременных переводов работ Ленина (послефевральского периода) и Троцкого.

С сентября 1919 по начало 1922 г. в Китае, по неполным данным, было опубликовано еще одиннадцать произведений Ленина — также отражавших его послефевральские взгляды. Примерно за тот же период — с ноября 1919 по начало 1922 г. — на китайском языке вышли еще пять работ Троцкого. Наиболее крупными из переведенных произведений Ленина и Троцкого были: брошюра Ленина «Очередные задачи Советской власти», вышедшая отдельным изданием в декабре 1921 г. в первом, подпольном, издательстве КПК «Жэньминь чубаньшэ» («Народное издательство») ⁴⁹, книга Троцкого «Октябрьская революция» (была опубликована тем же издательством в январе 1922 г.) и «Манифест II конгресса Коммунистического Интернационала», текст которого тоже принадлежал Троцкому (вышел в конце августа или начале сен-

тября 1921 г. в 6-м номере журнала «Гунчаньдан» [«Коммунист»] — теоретического органа китайских коммунистов).

В последующие годы в Китае началось более систематическое распространение трудов Ленина. Так, с 1922 по 1927 г. на китайском языке было опубликовано уже более 30 его произведений. Из них, кстати, всего пять — «Империализм как высшая стадия капитализма» и четыре небольшие статьи о Китае — были написаны до февраля 1917 г. Преобладающий интерес в Китае к работам Ленина, в которых были изложены его теоретические позиции, определившиеся после буржуазной революции в России, таким образом, сохранился. Деятельность по переводу и изданию ленинского наследия была еще более активно продолжена в 30 — 40-е гг. Ко времени образования КНР в Китае были известны уже практически все основные ленинские работы.

Что же касается произведений Троцкого, то о масштабах их распространения в Китае с начала 1922 г. составить более или менее полное представление пока не удалось. Известно только, что в планах издательства «Жэньминь чубаньшэ» на 1922 г. значилось издание еще двух его крупных работ: «Война и Интернационал» и «Терроризм и коммунизм», однако вышли они или нет, сказать трудно. За период с февраля 1922 по 1929 г. мне удалось обнаружить в доступных китайских изданиях лишь один перевод произведения Троцкого: в декабре 1924 г. в журнале «Синь циннянь» была опубликована речь Льва Давидовича на трехлетнем юбилее КУТВ «Перспективы и задачи на Востоке» (переводчик — Чжэн Чаолин)⁵⁰. Работы Троцкого стали вновь активно переводиться в Китае уже впоследствии, с образованием китайской левой оппозиции.

Помимо произведений Ленина и Троцкого в послеоктябрьский период в Китае переводились и сочинения других лидеров большевиков, в основном Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева и А. В. Луначарского, в которых также пропагандировались идеи мировой перманентной революции. Особенно широкое распространение имела брошюра Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского «Азбука коммунизма», представляющая собой популярное изложение программы РКП(б), принятой на VIII съезде большевистской партии. Среди передовой части китайской молодежи она была известна как в английском, так и в китайском переводах.

Для сравнения: в период с июня 1919 по апрель 1927 г. в Китае было опубликовано, целиком или частично, только десять произведений Маркса, включая «Критику Готской программы» (четыре издания), предисловие к первому изданию «Капитала» и несколько глав из этой книги, а также предисловие к его работе «К критике политической экономии». В то же время были изданы четыре работы Энгельса, в том числе «Развитие социализма от утопии к науке» (была издана дважды, в новых переводах), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (дважды), вторая и третья главы из третьей части «Анти-Дюринга» и «Об авторитете». Кроме того, были опубликованы совместные работы Маркса и Энгельса — «Манифест Коммунистической партии» и «Обращение Центрального комитета к Коммунистической Лиге». Первое полное издание «Манифеста» появилось в августе 1920 г. Перевод был осуществлен с японского одним из сторонников коммунизма в Китае Чэнь Ван-дао; эта работа Маркса и Энгельса также издавалась дважды в сокращенных переводах⁵¹.

Разумеется, не все из указанных переводов были совершенны. Быстрому восприятию коммунистических взглядов мешала неразработанность понятийного аппарата новейших для того времени общественных наук в китайском языке, обусловленная неразвитостью социально-классовой структуры Китая. Такие кардинальные категории социологии, как «пролетариат», «буржуазия», «класс» и другие, только начинали обретать свои китайские синонимы. Последние к тому же не всегда точно, а зачастую искаженно передавали значение соответствующих им терминов. Так, термин «буржуазия» в начале 20-х гг. обычно интерпретировался в Китае как *ючань-цзеци*, то есть «класс (или слой), который обладает собственностью». Такого определения, естественно, недостаточно для того, чтобы читателю стало ясно, о ком идет речь: ведь собственностью обладают не только буржуа. Точное определение категории «буржуазия» — *цзычаньцзеци*, то есть «класс (слой), который капитализирует собственность», вошло в китайский язык несколько позже — к середине 20-х гг.

Отдельные выражения заимствовались из древнекитайского и японского языков либо переводились анархистами и революционными демократами, интерпретировавшими их

сквозь призму собственных политических убеждений⁵². Часто новые слова транскрибировались, превращаясь попросту в ничего не значащий набор иероглифов: *сувэйай* («совет»), *буэрсайвэйкэ* («большевик») и т.п. О сложности адаптации новых терминов в китайском языке свидетельствует то, что как в ряде оригинальных работ китайских обществоведов и политиков, так и в переводной литературе 20-х гг., в том числе в переводных работах Ленина и Троцкого, нередко за каким-либо новым выражением в скобках для пушей ясности помещался его английский эквивалент.

На всестороннее восприятие нового учения влияла, разумеется, и нехватка переводной литературы: переводы некоторых статей и трех-четырёх брошюр Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Преображенского, Чичерина и Луначарского не могли, конечно, сразу создать у китайских революционеров целостную картину послефевральского большевизма. Ее дополняли работы некоторых зарубежных популяризаторов Октябрьского опыта, в частности книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», имевшая хождение в Китае⁵³, а также отдельные публикации о новой России и РКП(б), появлявшиеся в этой стране, биографические очерки (переводные и написанные самими китайцами) о лидерах большевиков.

Уже в первые годы после Октябрьской революции в Китае было опубликовано несколько биографий Ленина и Троцкого; в отдельных печатных материалах приводились сведения и о других руководителях Советской России. Наиболее ранняя биография Ленина появилась в марте 1918 г. в третьем номере журнала «Дунфан цзачжи» («Восток»). Это был перевод работы японского автора, носившей название «О Ленине — вожде экстремистской партии России» и ранее опубликованной в токийской газете «Нитинити симбун» («День за днем»). К публикации была приложена фотография Ленина — его первое изображение, появившееся в китайской печати. 15 сентября 1919 г. во втором номере журнала «Цзефан юй гайцзао» была помещена большая статья другого японца, Масакии Имаи, «Ленин, Троцкий и осуществление их принципов», из которой китайский читатель мог впервые почерпнуть биографические данные Троцкого⁵⁴. Помимо кратких биографий двух руководителей Октябрь-

ского переворота, примерно равных по объему, в работе излагались основные положения их учения — в основном в соответствии с программой РКП(б). Автор подчеркивал, что «идеалом», к которому стремятся большевики, является построение всемирной республики в результате борьбы международного рабочего класса против буржуазии и империалистов. «Поэтому, — подытоживал он, — принципы российской группы большевиков можно назвать принципами подлинно всеобщего равенства ("датунчжуи")»⁵⁵.

В августе 1920 г. в Японии на китайском языке была издана ставшая вскоре весьма популярной в Китае книга известного журналиста, издателя пекинской прогрессивной газеты «Цзин бао» («Столица») Шао Пяопина «Изучение новой России», представлявшая собой, по сути дела, первый довольно подробный (в книге насчитывается 140 страниц) очерк истории российского коммунистического движения за последние 17 лет, принадлежавший перу китайского автора. В качестве двух заключительных глав в книгу были включены биографии Ленина и Троцкого⁵⁶. В начале июля 1921 г. в журнале «Синь циннянь» в статье Ли Дачжао «Прошлое и настоящее русской революции» были приведены биографические сведения о 14 «центральных деятелях, внесших вклад в строительство новой России». Первым среди них был назван Ленин, вторым — Троцкий, и только Ленину, Троцкому и Луначарскому Ли Дачжао посвятил сравнительно большие очерки, остальным же руководителям большевистской партии, включая Сталина, — всего по несколько строк⁵⁷.

Интерес к большевистскому опыту у радикально настроенной молодежи подогревали и лекции известных философов и общественных деятелей Джона Дьюи (прибыл в Китай в 1919 г. и оставался там более двух лет) и особенно Бертрана Рассела (находился в этой стране в начале 1920 г.). Последний, кстати, приехал в Китай, предварительно посетив Советскую Россию, и его заметки о ней были опубликованы в одном из номеров журнала «Синь циннянь»⁵⁸. В четырех же последующих номерах этого журнала, а также в журнале «Шутуан» («Заря») были помещены подробные рецензии на воспоминания Рассела, переведенные из англоязычных изданий. Рассел достаточно объективно и всесторонне характеризовал деятельность российских коммунистов⁵⁹. В его лекциях и

статьях было обращено внимание и на огромное значение большевистского опыта для развития мира, на необходимость поддержки Советской России социалистами всех стран, и в то же время — на несовместимость действий большевиков с принципами демократии, на развязывание ими террора, наводившего «страх на людей»⁶⁰. В целом отношение Рассела к российскому коммунизму было критическим. Несмотря на это, а возможно, и благодаря этому, лекции и публикации известного ученого укрепляли его китайских слушателей и читателей в стремлении к углубленному изучению теории Ленина и Троцкого. Ведь Рассел подвергал большевиков осуждению за такие вещи, которые у определенных групп китайской молодежи, остро переживавшей слабость и униженность своей страны, могли вызывать лишь восхищение — как проявление непоколебимой силы. «Все они [его студенты в Китае] были большевиками, — вспоминал Рассел, — за исключением одного, являвшегося племянником императора. Это были очаровательные молодые люди, бесхитростные и смысленные в одно и то же время, жаждавшие постичь мир и вырваться из плена китайских традиций ... Не было предела тем жертвам, которые они были готовы принести ради своей страны. Атмосфера была наэлектризована надеждой на великое пробуждение. После многовекового сна Китай начинал осознавать современный мир»⁶¹. Таким образом, по разным каналам, хотя и с определенными трудностями, до общественности в далеком Китае доходил общий смысл важнейших идей радикального русского коммунизма, в том числе наиболее существенных положений теории перманентной революции, которые воспринимались частью революционно настроенной интеллигенции как откровение. «Можно понять, — писал, например, Ли Дачжао, — что Троцкий рассматривал русскую революцию как бикфордов шнур мировой революции. Русская революция всего лишь одна из революций в мире, неисчислимые народные революции еще поднимутся друг за другом»⁶².

С этой концепцией Ли Дачжао был горячо солидарен. Он первым в Китае принял позицию большевиков. «Повсюду реют красные знамена, — подчеркивал он, — повсюду возникают профсоюзы. С полным основанием можно сказать, что это революции русского образца, революции XX в. ...

Русская революция ... предвещает перемены на земле. Хотя большевизм создан русскими, однако он отражает пробуждение всего человечества XX в.»⁶³.

Стремление побыстрее осуществить у себя на родине то, что произошло в России, приводило к тому, что китайские сторонники коммунизма воспринимали большевистский эксперимент, направленный на пресечение естественно-исторической эволюции России к капитализму, практически без всякого критического осмысления. Даже те из них, кто более или менее серьезно читали основателей классического марксизма и в силу этого не могли не ощущать определенного расхождения между теорией и практикой большевиков, с одной стороны, и материалистической концепцией Маркса — с другой, действительный «марксизм» все же склонны были видеть в деятельности российских коммунистов, приходя к выводу о «недостатках» в марксовом историческом материализме. Трудно не согласиться с Шевелевым, который, например, после знакомства с творчеством Ли Дачжао констатировал: «Если к большевизму Ли Дачжао всегда относился с восхищением, ибо с самого начала видел в нем "революционный социализм", то о марксизме... он отзывался подчас с известной долей сомнения»⁶⁴.

Еще дальше шел другой китайский революционер Ши Цуньтун, призывавший брать из учения Маркса только то, что созвучно идее социалистической революции в отсталых странах. В статье «Коммунизм Маркса», опубликованной в августе 1921 г. в журнале «Синь циннянь», он писал: «Я полагаю, что в целом марксистская теория основана на материале промышленно развитых стран, поэтому кое-что из его [Маркса] слов не может найти применения в странах, где промышленность находится в младенческом состоянии ... Если в Китае осуществлять марксизм, то, может быть, внешне надо будет прийти в конфликт со словами Маркса, но это совершенно неважно, так как сущность марксизма — отнюдь не мертвый шаблон ... Коммунизм Маркса, несомненно, может быть осуществлен в Китае»⁶⁵.

Соответственно из самого марксизма деятели зарождавшегося китайского коммунистического движения легче всего уясняли резко революционные идеи классовой борьбы

рабочих против капиталистов, антикапиталистической социальной революции и диктатуры пролетариата⁶⁶. Среди же известных им работ Маркса и Энгельса («Капитал», «Нищета философии», «К критике политической экономии» с ее знаменитым «Предисловием» и некоторые другие) они особенно выделяли откровенно публицистическую и политизированную, но зато исключительно страстную, зовущую к непосредственным революционным действиям брошюру молодых Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии». Вот как, например, Ли Дачжао подходил к анализу марксистской теории в статье «Мои марксистские взгляды», написанной летом – осенью 1919 г.: «Сторонники исторического материализма обвиняются в детерминизме на основании того, что ход экономического развития считают естественным и неотвратимым. Поэтому противники Маркса утверждают, что социалистические партии марксистского направления, уверовав в детерминизм, кроме ожидания естественного вызревания общественной собственности, ничего не предлагают, ничем другим не занимаются, в результате чего они якобы стоят перед лицом большого кризиса. Здесь есть известная недоработка в самом материалистическом понимании истории. Однако именно тогда только стало понятно, что без народа нельзя осуществить социализм, когда в "Манифесте Коммунистической партии" Маркс и Энгельс громко призвали мировой рабочий класс объединиться и свергнуть капитализм. Это величайшая заслуга марксизма. Независимо от того, признавать или не признавать марксизм, факт этот очевиден»⁶⁷.

Именно в «Манифесте» в первую очередь черпали китайские сторонники коммунизма подтверждение подлинно марксистского характера большевистской теории. В этом плане показательны, например, лекции будущего руководителя КПК Чэнь Дусю «Критика социализма», прочитанные в Юридическом институте в Гуанчжоу и опубликованные 1 июля 1921 г. в журнале «Синь циннянь». Обильно цитируя «Манифест», а также еще одну публицистическую работу Маркса – «Критику Готской программы» и сравнивая содержащиеся в них идеи с теоретическими и политическими позициями российских коммунистов и германских социал-демократов, Чэнь Дусю приходил к заключению: «Только в

России возродили истинную суть учения Маркса, назвав ее коммунизмом ... Лишь русская компартия и по словам, и по делам своим является подлинно марксистской, а германская социал-демократическая партия не только забыла учение Маркса, но и совершенно явно выступает против Маркса, хотя и рядится в тогу марксистов»⁶⁸.

О том же писал в конце декабря 1920 г. член шанхайского коммунистического кружка Ли Да в статье под характерным названием «Возрождение Маркса»: «Марксизм социализм уже полностью осуществлен в России ... Ленин отнюдь не творец, его можно назвать практиком, однако он сумел блестяще раскрыть истинную суть марксизма и умело применить его. В этом величие Ленина, и современники должны преклоняться перед ним.

Марксизм, извращенный Вильгельмом Либкнехтом, Бебелем, Бернштейном и Каутским, к настоящему времени, озаренный ленинским светом, смог возродить свой истинный облик»⁶⁹.

Понятно поэтому, что в полном согласии с учением Ленина и Троцкого первые марксисты Китая разрешали конкретные и стратегические проблемы китайской революции. Это достаточно подробно изучено в историографии, в том числе отечественной (имя Троцкого, разумеется, в соответствующей советской литературе практически не упоминалось, но речь шла о заимствовании китайскими коммунистами российского опыта социалистической революции). Остановимся лишь на наиболее характерных моментах.

Все китайские последователи большевиков в начале 20-х гг. сходились на том, что непосредственной целью их движения являлась подготовка собственного Октября. Китайская пролетарская революция, по их мысли, должна была уничтожить не только господство феодально-милитаристских сил в их стране, но и положить конец развитию капиталистических отношений: она должна была быть направлена против как старых эксплуататорских классов, так и новых, в том числе против национальной буржуазии. В то же время она рассматривалась и как антиимпериалистическая, целью которой считалось свержение засилья в Китае иностранного капитала. В результате такой революции в Китае, естественно, должна была быть установлена диктатура пролетариата.

К таким мыслям в конечном счете, после соответствующих, как правило, кратковременных идейных колебаний⁷⁰, пришли Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ли Да, Ши Цуньтун, Юнь Дайин, Цай Хэсэн, Ли Цзи и ряд других молодых китайских революционеров⁷¹.

«Чистое дыхание» послефевральского ленинизма, то есть троцкистской теории перманентной революции, ясно ощущается в документах I съезда Компартии Китая (23—31 июля 1921 г.), провозгласившего следующие программные принципы КПК: «а) вместе с революционной армией пролетариата свергнуть капиталистические классы, возродить нацию на базе рабочего класса и ликвидировать классовые различия; б) установить диктатуру пролетариата, чтобы довести до конца классовую борьбу вплоть до уничтожения классов; в) ликвидировать капиталистическую частную собственность, конфисковать все средства производства, как-то: машины, землю, постройки, сырье и т.д., и передать их в общественную собственность; г) объединиться с III Интернационалом»⁷². Этот курс определил и принятую на съезде тактическую линию: «Наша партия одобряет форму советов, организует промышленных и сельскохозяйственных рабочих, солдат, пропагандирует коммунизм и признает социальную революцию в качестве нашей главной политической установки. Она полностью порывает все связи с желтой интеллигенцией и другими подобными группами»⁷³.

Последний тезис, прозвучавший в «Первой программе Коммунистической партии Китая», получил дальнейшее обоснование и развитие в принятом также на I съезде «Первом решении о целях КПК». «В отношении существующих политических партий, — записано в документе, — должна быть принята позиция независимости, наступательности и недопущения их в свои ряды. В политической борьбе, в выступлениях против милитаризма и бюрократии, в требованиях свободы слова, печати и собраний мы обязаны открыто заявлять о своей классовой позиции; наша партия должна защищать интересы пролетариата и не вступать ни в какие отношения с другими партиями или группами»⁷⁴.

Изоляционистской позиции придерживались члены компартии и по отношению к такой национал-революционной организации Китая, как Гоминьдан, возглавлявшейся Сунь

Ятсенем. С учетом этого следует с большой осторожностью относиться к известному заявлению одного из делегатов I съезда Чэнь Тяньцю о том, что I съезд КПК будто бы принял следующую установку: «Вообще к учению Сунь Ятсена нужно подходить критически, но отдельные практические прогрессивные действия необходимо поддерживать, применяя формы внепартийного сотрудничества»⁷⁵. Возможно, данная точка зрения и прозвучала в ходе дискуссии на съезде, однако, судя по документам, она была отвергнута большинством депутатов.

Как видно, юные сторонники коммунизма в Китае кое в каких вопросах были даже радикальнее Ленина и Троцкого: последние, например, никогда не зарекались от любого сотрудничества с другими политическими силами. Но уж слишком велико, похоже, было желание китайских левых радикалов, только что официально порвавших с национал-демократизмом, заявить о своей действительной идейной и организационной конституционализации!

Займствуя большевистскую теорию, участники формировавшегося коммунистического движения в Китае особенно сильный акцент делали на содержащихся в ней принципах интернационализма. И это понятно. Ведь только с победой мировой революции они, подобно их российским кумирам, могли с достаточным основанием связывать надежды на построение в своей стране социализма. Именно вера в наступающий мировой Октябрь позволяла им с легкостью абстрагироваться от национально-политической специфики Китая (засилье империалистов и господство милитаристов), игнорировать отсутствие в Китае материальных предпосылок, необходимых, по Марксу, для перехода к социализму, да и вообще — находить оправдание собственному радикализму. «Чтобы решить вопрос о том, имеются ли в современном Китае экономические условия для построения социализма, нужно прежде всего ответить на другой вопрос: созрели ли экономические предпосылки социализма в мировом масштабе», — декларировал Ли Дачжао и далее пояснял, что последние-то как раз налицо, а раз так, то хотя «в Китае противоречие между трудом и капиталом не стало еще серьезной проблемой, но тем не менее бесполезно и бессмысленно полагать, будто здесь можно сохранить капиталистический режим»⁷⁶.

Те же идеи развивал Ши Цуньтун. «Российское коммунистическое государство, — подчеркивал он в июне 1921 г. в статье «Как мы осуществим социальную революцию» — уже открыло новую эру для пролетариата всего мира, и теперь среди пролетариата всего мира начнется могучий подъем, и мировой пролетариат стремительно пойдет вперед во имя свержения буржуазии. Он объединит свои усилия с русскими товарищами, чтобы построить коммунистический мир. Китай — это часть мира, и пролетариат, живущий в этой части, должен соединить свои средства и силы с мировым пролетариатом, совершить мировую социальную революцию и вместе построить «Мир Человека». Если же мы сами не поднимемся, то, боюсь, что «Мир Человека» не допустит к себе таких ничтожных! В целом же, хотя капитализм в Китае не развит, мировой капитализм уже от роста идет к гибели, и совершенно невозможно, чтобы после гибели мирового капитализма китайский капитализм мог бы существовать один. С точки зрения мировой тенденции Китай не может не осуществить коммунизм»⁷⁷.

Аналогичные мысли высказывали и другие китайские коммунисты.

Все это свидетельствует о том, что ко времени образования КПК идеи Октябрьского переворота получили в среде наиболее радикально настроенной части китайской интеллигенции в целом достаточно адекватное восприятие. Радикальный русский марксизм привлек внимание китайских революционеров. Следовательно, китайские коммунисты, называвшие себя марксистами, на самом деле нашли теорию, которую стали применять к Китаю, не в классическом марксизме, а в послефевральском (1917 г.) большевизме, существо которого составляла троцкистская концепция перманентной революции. Их ранние социалистические идеи были в основе своей троцкистские. Что же касается классического марксистского мировоззрения, то оно не оказало глубокого воздействия на политическую теорию и практику КПК.

Троцкистская концепция перманентной революции завладела умами пусть пока небольшой, но чрезвычайно активной группы сторонников коммунистического движения в Китае. Первые члены КПК (узкая группа, состоявшая из 50 — 60 человек⁷⁸) начали свое проникновение в рабочее движе-

ние. Невзирая на невероятные трудности, они развернули подготовку к китайскому Октябрю.

Жизнь, однако, вскоре заставила их лидеров внести серьезные коррективы в политическую линию партии. Связано это было прежде всего с изменением соответствующих тактических установок самого Коммунистического Интернационала.

Ленинская теория
единого фронта

ЛЕНИН
И НАЦИОНАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В КИТАЕ

Рассмотрим теперь теорию единственного фронта, которую Ленин разработал в 1921 году. Эта теория была разработана им в результате изучения опыта китайской революции. Ленин писал, что для победы революции необходимо установить единство с национально-демократическими силами. Это единство не означает, что революция должна быть проведена в союзе с буржуазией, но это означает, что революция должна быть проведена в союзе с национально-демократическими силами. Ленин писал, что для победы революции необходимо установить единство с национально-демократическими силами. Это единство не означает, что революция должна быть проведена в союзе с буржуазией, но это означает, что революция должна быть проведена в союзе с национально-демократическими силами.

Всего в 1918 году издано 1000 экземпляров.

Издательство "Книжкины дети"

ВНЕШ
НАЦИОНАЛЬН
РЕВОЛЮЦИ
В КИТАЕ

ВНЕШНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ

Глава 3

Ленинская теория единого фронта

Распространение большевистской теории за восточными пределами Советской России вскоре натолкнулось на серьезные препятствия. Помимо узких групп левых радикалов никто на Востоке, казалось, не стремился встать под большевистские знамена. Большинство интеллигенции придерживалось националистических взглядов. Идеи национализма в отличие от абстрактного интернационализма легче воспринимались массами. Тактика «чистого» большевизма, нацеленного на подготовку перманентной революции, вряд ли в таких условиях могла быть успешной. Это поставило перед российскими коммунистами вопрос о приспособлении их теории к конкретным условиям тех стран, которые были еще более, чем Россия, отсталыми в промышленном отношении, да к тому же находились в колониальной и полуколониальной зависимости. Первым, кто осознал это, был Ленин. И он же определил новую перспективу. «Задача заключается в том, — подчеркнул он уже в конце ноября 1919 г., — чтобы пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они сто-

ят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа»¹.

Данное обстоятельство заставило лидеров большевиков внести определенные коррективы и в свое понимание мировой социалистической революции. Они начали теперь воспринимать ее не только и не столько как борьбу «революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии», но и как борьбу «всех угнетенных империалистами колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»². Сказанное имеет прямое отношение к тем принципам, которые определили новую коминтерновскую политику в Китае. В ее основу была положена особая теория антиколониальных революций, к формированию которой Коммунистический Интернационал вплотную приступил летом 1920 г., накануне своего II конгресса.

В этой теории получили развитие ленинские взгляды по национальному и колониальному вопросам, выкристаллизовавшиеся накануне и в период первой мировой войны, а также его дофевральские (1917 г.) представления о возможности установления в отставшей стране революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Существование концепции сводится к следующему: социальное освобождение трудящихся масс отсталых в промышленном отношении колониальных и полуколониальных стран Востока, основную часть населения которых составляет полупатриархальное и патриархальное крестьянство, немыслимо без предварительного свержения господства в этих странах иностранного империализма. Вследствие этого революции на Востоке, в том числе в Китае, являются не социалистическими, а национальными по своему характеру. В ходе этих революций местные коммунисты, вдумчиво относясь к национальным устремлениям широких масс (без чего вообще невозможно превращение коммунистических организаций восточных стран в настоящие партии) обязаны временно, то есть в тактических целях, поддерживать буржуазные освободительные движения колониальных и зависимых наций. При этом, разумеется, они преследуют собственные тактические цели и должны оказывать поддержку буржуазной демократии лишь в том случае, если ее представители явля-

ются действительно национальными революционерами, которые не препятствуют коммунистам в воспитании и организации в наиболее революционном (фактически коммунистическом) духе крестьянства и широких масс эксплуатируемых, в поддержке их борьбы против помещиков и всяких проявлений феодализма, а также в безусловном сохранении самостоятельности пролетарского движения даже в зачаточной его форме. Если же буржуазные демократы чинят коммунистам препятствия в укреплении их организаций и в осознании их особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их наций, то в этом случае коммунисты обязаны бороться против реформистской буржуазии.

Национальные революции в странах Востока, согласно этой концепции, выступали как часть мировой пролетарской революции. Тем самым они фактически рассматривались как революции нового типа. Ленин специально предупреждал против националистического, искусственного противопоставления национально-освободительного движения другим потокам мирового революционного процесса. В революционном движении коммунисты должны были взять на себя роль руководителей, стараясь посредством пропаганды идеи крестьянских советов, советов эксплуатируемых придавать революции как можно более демократический характер; там же, где только позволяли условия, они должны были немедленно делать попытки к созданию советов трудящегося народа. «Вполне понятно, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и применить ее на деле, — подчеркивал Ленин. — ...Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»³.

В соответствии с этой концепцией победа антиколониальных революций в странах Востока была невозможна без союза революционных движений с советскими республиками развитых стран. Этот союз являлся неперенным условием перевода восточных стран на некий «некапиталистический» путь развития, который, по логике Ленина, в перспективе должен был привести к социализму; именно этот путь, а не буржуазная демократия составляла цель пролетариата, то есть

соответствующих коммунистических партий, в национально-революционном движении, что, однако, не свидетельствовало о невозможности буржуазно-демократической перспективы национальной революции. Ленин лишь обращал внимание на то, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства отсталых в экономическом отношении стран была не predetermined.

Данная концепция нашла выражение в первую очередь в документах и материалах по национальному и колониальному вопросам, представленных Лениным на II конгресс Коминтерна: в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам», речи в соответствующей комиссии и докладе от имени этой комиссии на пленарном заседании конгресса, а также в правке проекта «Дополнительных тезисов», подготовленных индийским коммунистом М. Н. Роем, и некоторых других работах.⁴

В результате одновременного обсуждения на двух пленарных заседаниях конгресса 26 и 28 июля частично отредактированного комиссией «Первоначального наброска тезисов...» и коренным образом переработанного материала Роя оба документа были официально приняты. Причем первый из них, получивший название «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», был принят 28 июля,⁵ а второй, по некоторым данным, — на день позже.⁶

Названные документы были затем, по-видимому, объединены в одну резолюцию. По крайней мере, к такому выводу приводит анализ формы их официальных публикаций, осуществленных ИККИ на русском, немецком, английском и французском языках в 20-е гг.: в соответствующих сборниках и журналах тех лет они публикуются как единая резолюция, состоящая из двух частей. Вместе с тем из этих двух документов наиболее точно концепцию Ленина выражает первый. Что же касается «Дополнительных тезисов», то в них, наряду с положениями, внесенными Лениным, а также комиссией при редактировании и исправлении проекта (прежде всего утверждением возможности «некапиталистического» пути развития), все же присутствуют некоторые установки, которые в целом отражают, хотя и не вполне четко, систему теоретических построений Роя.

Последний сформулировал свои взгляды накануне II конгресса и во время работы соответствующей комиссии следующим образом: в Индии, Китае и некоторых других колониальных и полуколониальных странах господствующими отношениями являются капиталистические, масса эксплуатируемого населения не заражена и не может быть заражена буржуазным национализмом, а буржуазия не играет революционной роли. В силу этого необходимо отказаться от поддержки буржуазно-демократических движений в этих странах и провозгласить курс на социалистическую революцию, которая попутно решит и общенациональные демократические задачи. При этом Рой преувеличивал значение революционного процесса на Востоке для судеб мировой революции, утверждая, что судьба Запада зависит исключительно от степени развития и силы революционного движения в восточных странах. Он выступал за форсированное создание в колониях и полуколониях пролетарских, коммунистических партий, от которых требовал сразу же перейти к бескомпромиссной борьбе с буржуазией за гегемонию в революции.⁷

Легко заметить, насколько данные представления были близки, а в ряде существенных моментов идентичны идейным позициям первых участников коммунистического движения в Китае. Данное обстоятельство обуславливалось общностью социальной и психологической обстановки, в которой формировались революционные взгляды радикальной части индийской и китайской интеллигенции, мучительно искавшей кратчайший путь к идеалам добра и справедливости, утвержденным, казалось, Октябрьской революцией в России. Политические взгляды Роя, по сути дела, представляли собой послефевральский (1917 г.) большевизм с восточной спецификой.

Как показал Персиц, проанализировавший один из русских переводов (издание 1934 г.) «Дополнительных тезисов», в оригинале написанных по-английски, этот документ и после ленинской правки в большой степени исходит из утверждения о господстве в отдельных колониальных и полуколониальных странах капиталистических отношений. В документе сохраняются исходные элементы роевской идеи о приоритете революционного движения на Востоке над ос-

вободительной борьбой пролетариата стран Запада, не так явно, как в изначальном проекте, но все же обосновывается отказ от сотрудничества с национальной буржуазией, а также декларируется необходимость ускоренного формирования на Востоке коммунистических партий и осуществления социалистической революции⁸. Тщательный анализ «Дополнительных тезисов», кроме того, показывает, что в этом документе содержится также положение о том, что национальное освобождение вообще не является революционным событием. В шестом и седьмом тезисах декларируется, что свержение иностранного капитала (или господства иностранного капитализма) будет лишь первым шагом «к революции в колониях»⁹.

Ленин пошел на компромисс с Роем по тактическим причинам, поскольку считал необходимым укрепление идейного единства с молодыми революционерами Востока. Скорее всего он сделал это, исходя из убеждения в том, что ультралевацкие представления последних могли быть откорректированы только в ходе длительной идейно-теоретической и практической революционной деятельности самими носителями этих воззрений¹⁰.

Приспособление ленинской теории антиколониальных революций к специфическим условиям Китая нашло выражение в первую очередь в образовании единого антиимпериалистического фронта КПК и руководимого Сунь Ятсеном Гоминьдана посредством индивидуального вступления коммунистов в эту партию при безусловном сохранении их политической самостоятельности. Внутри Гоминьдана коммунисты должны были тесно сотрудничать с Сунь Ятсеном и его соратниками в целях подготовки и осуществления антиимпериалистической революции. Принимая соответствующее решение, Коминтерн учитывал слабость и малочисленность китайской коммунистической группы и те перспективы, которые открывало перед ней вступление в Гоминьдан: возможности легальной работы на контролировавшейся гоминьдановцами территории, использование гоминьдановских каналов для расширения собственных связей с массами и пр.

Идея сотрудничества с Сунь Ятсеном стала разрабатываться российскими коммунистами незадолго до II конгресса Коммунистического Интернационала, хотя первый официальный

обмен приветствиями имел место раньше — в 1918 г.¹¹ По сведениям китайского историка Цзян Ихуа, в апреле 1920 г. «представитель правительства Советской России Лубо [русский оригинал фамилии не установлен] приехал с письмом, лично написанным Лениным, в Чжанчжоу (провинция Фуцзянь) и встретился там с главкомом гуандунской армии Чэнь Цзюньмином»¹². В этой встрече приняли участие ближайшие соратники Сунь Ятсена — Ляо Чжункай и Чжу Чжисинь. Последний подготовил для Чэнь Цзюньмина проект ответного письма Ленину. «Лубо» познакомил своих собеседников с обстановкой в Советской России, разъяснил существование внешней политики Советской власти, горячо приветствовал развитие революции в Китае и выразил готовность РСФСР оказать помощь Китаю в завершении национальной революции. Ляо Чжункай и Чжу Чжисинь доложили об этой встрече Сунь Ятсену. Под их влиянием издававшиеся в Фуцзяни двухнедельный журнал «Минсин» («Фуцзяньская звезда») и ежедневная газета «Минсин жибао» стали уделять больше внимания внутренней и внешней политике большевистской партии и Советской России¹³.

Летом 1920 г. Сунь Ятсен, находясь в Шанхае, встретился с бывшим генералом царской армии А. С. Потаповым, застигнутым в Китае Октябрьской революцией и собиравшимся вернуться на родину. Предполагая, очевидно, что последний будет принят руководящими деятелями РКП(б), Сунь Ятсен просил его по приезде в Россию передать привет Ленину. «От письменных обращений к советскому правительству [он] воздержался, — писал, уже находясь в Москве, Потапов, — из опасений, им предсказанных и подтвердившихся произведенным у меня обыском представителями держав Антанты».¹⁴ Несколько позже, в том же году Сунь Ятсен при посредничестве Чэнь Дусю встретился в Шанхае с советским коммунистом Г. Н. Войтинским, посланным в Китай Владивостокским отделением Дальбюро РКП(б) по согласованию с ИККИ для установления регулярных связей с прогрессивными деятелями китайской общественности. Как вспоминал Войтинский, в ходе беседы речь шла о возможности установления регулярной связи с правительством РСФСР для того, чтобы «соединить борьбу Южного Китая с борьбой далекого Советского государства». Сунь Ятсен вы-

разил желание поддерживать постоянный контакт с правительством РСФСР¹⁵.

Несколько бесед провел Войтинский с редакторами издававшегося в Шанхае гоминьдановского журнала «Синци пинлунь» («Воскресное обозрение») Дай Цзитао, Шэнь Динъи и Ли Ханьцзюнем. О содержании этих бесед сотрудники журнала проинформировали Ляо Чжункая и Чжу Чжисиня, находившихся в Чжанчжоу, а те, в свою очередь, — Сунь Ятсена. Все более проникаясь решимостью установить теснейшие связи с Советской Россией, последний специально пригласил в то время преподавателя русского языка для Ляо Чжункая и Чжу Чжисиня в надежде, что они в ближайшем будущем смогут отправиться в Страну Советов для ознакомления с ее опытом¹⁶.

31 октября 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Чичерин направил Сунь Ятсену письмо, которое тот получил только 14 июня 1921 г., то есть уже после его вступления 5 мая 1921 г. в должность чрезвычайного президента правительства Южного Китая. В ответ Сунь Ятсен писал Чичерину 28 августа 1921 г.: «Я хотел бы вступить в личный контакт с Вами и другими друзьями в Москве. Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования. Я хотел бы знать, что Вы и другие может сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умы молодого поколения — тружеников завтрашнего дня»¹⁷.

В конце декабря 1921 г. в Гуйлине (провинция Гуанси) с помощью Ли Дачжао и другого активного деятеля коммунистического движения в Китае Чжан Тайлэя, а также гоминьдановца Чжан Цзи¹⁸ были организованы встречи Сунь Ятсена с представителем Коминтерна Г. Снефлитом (Г. Марингом).¹⁹ В ходе бесед, которые переводил Чжан Тайлэй, речь, в частности, шла о возможности установления союза Гоминьдана с Советской Россией. Помимо этого, Маринг выдвинул предложения об ориентации Гоминьдана на поддержку народных масс, о создании школы по подготовке военных кадров китайской революции, а также об организации в Китае сильной политической партии, которая бы объединила представителей различных слоев общества. Он выступил перед офицерами войск, лояль-

ных Сунь Ятсену, с докладом о Советской России. Сунь Ятсен с большим вниманием отнесся к предложениям Маринга.

После возвращения последнего в Гуанчжоу с ним вел длительные беседы Ляо Чжункай. Были детально обсуждены методы пропаганды и организационной работы Гоминьдана, а также вопрос о враждебном отношении английских империалистов в Сянгане к правительству Южного Китая. Маринг и Ляо Чжункай также обратили внимание на ненадежность Чэнь Цзюньмина, считая неизбежным переход последнего в лагерь противников Сунь Ятсена.

Поездка на юг и беседы с Сунь Ятсеном и другими гоминьдановскими руководителями, а также с Чэнь Цзюньмином, знакомство с достижениями гоминьдановцев в организации рабочего движения укрепили решимость Маринга максимально способствовать тому, чтобы лидеры КПК отказались «от своего одностороннего положения по отношению к Гоминьдану». Более того, именно Маринг пришел к мысли о том, что китайским коммунистам следует войти в суньятсеновскую партию для того, чтобы «развить политическую деятельность внутри Гоминьдана». Таким путем, считал он, КПК будет легче связаться с рабочими и солдатами Южного Китая, где власть находилась в руках сторонников Сунь Ятсена. Разумеется, подчеркивал Маринг, КПК не должна была «отказаться от своей самостоятельности. Наоборот, товарищи должны [были] вместе обсудить, какой тактики держаться внутри Гоминьдана ... Видны на пропаганду этих маленьких групп [коммунистов], пока они организационно не соединятся с Гоминьданом, — заключал он, — очень печальны»²⁰.

Его предложение было встречено руководством компартии резко отрицательно. Позицию лидеров КПК разделили парторганизации Гуандуна, Шанхая, Пекина, Чанша и Хубэя, то есть подавляющее большинство китайских коммунистов, по-прежнему отвергавшее любые формы взаимодействия с Гоминьданом²¹. Вместе с тем инициатива Маринга получила одобрение Сунь Ятсена, а также ряда других руководящих деятелей Гоминьдана, которые заверили представителя Коминтерна, что не будут препятствовать коммунистической пропаганде внутри своей партии. К межпартийному же сотрудничеству Гоминьдана и КПК Сунь Ятсен относился пессимистически²².

С этим предложением Маринг выехал в Москву, где 11 июля 1922 г. представил отчет Исполкому Коммунистического Интернационала. Предложение Маринга об индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан было, хотя и не сразу, одобрено Коминтерном. Для принятия окончательного решения ИККИ, судя по архивным материалам, потребовалось более двух недель: еще в направленном в ЦИК КПК²³ после ознакомления с отчетом Маринга, в июле 1922 г., письме ИККИ никаких указаний на этот счет не было. Вместе с тем уже по тону письма видно, что руководители Коминтерна проявляли повышенную заинтересованность в установлении тесного взаимодействия коммунистов и гоминьдановцев. В нем, в частности, декларировалось: «В политических выступлениях против иностранных капиталистических держав партия должна действовать сообща с революционным национальным движением ... В Гуандуне существуют благоприятные условия для нашей работы, где, во-первых, национальное движение шире и успешнее всего развито и организации молодежи и рабочих имеют величайшее значение. Кроме всего, партия может там работать легально и использовать возможности Гуандунской провинции. Мы предлагаем сейчас же перенести ЦК в Кантон [Гуанчжоу]»²⁴.

В конце июля 1922 г. ИККИ наконец подготовил специальную инструкцию, в которой Исполком Коминтерна впервые сформулировал идею вступления КПК в Гоминьдан. Она была написана секретарем ИККИ К. Б. Радеком и вручена Марингу в качестве руководства для дальнейшей работы на посту представителя Коминтерна в Южном Китае²⁵. Исполком Коминтерна при этом подчеркивал, что Коммунистическая партия Китая должна сохранять внутри Гоминьдана полную независимость и находиться в нем только до тех пор, пока не превратится в массовую политическую организацию. Последнее же, как полагали в Коминтерне, станет возможным по мере углубления «пропасти между пролетарскими, буржуазными и мелкобуржуазными элементами»²⁶.

Дальнейший вклад в разработку концепции китайской революции внес IV конгресс Коминтерна, состоявшийся в ноябре — декабре 1922 г. Этот конгресс принял «Общие тезисы по восточному вопросу», в которых на основе опыта, на-

копленного международным коммунистическим движением за два с половиной года, истекшие со времени проведения II конгресса Коммунистического Интернационала, а также с учетом определенных экономических и общественно-политических изменений, происходивших как в метрополиях, так и в зависимых странах, были конкретизированы основные положения ленинской тактики антиколониальных революций. В «Общих тезисах» декларируется: за последнее время в движущих силах и руководящем составе освободительного движения восточных стран, носящего по-прежнему преимущественно национально-освободительный характер, произошли определенные перемены — политическую активность начали проявлять рабочие и крестьяне, а в руководстве, которое все же в основном осталось в руках национальной буржуазии и (в особо отсталых в социально-экономическом отношении странах) в руках революционно настроенных представителей феодальных верхов, появились новые, более радикальные элементы. Это стимулирует усиление антиимпериалистической революции, объективные задачи которой выходят за рамки буржуазной демократии уже потому, что решительная победа ее несовместима с господством мирового империализма. Сдвиги в «социальном базисе» движения, однако, отнюдь не свидетельствуют о коренном изменении общественной структуры отсталых стран: капитализм в колониях возникает и развивается из феодализма «в ублюдочных, половинчатых и промежуточных формах» при преобладании прежде всего торгового капитала, промышленность же формируется слабо, фабрики и заводы разбросаны по отдельным районам и не в состоянии поглотить избыток сельского населения. Фабрично-заводской пролетариат, даже его основное ядро, находится в переходном состоянии: на полпути от мелкой цеховой мастерской к крупнокапиталистической фабрике. И хотя сами отсталые страны отличаются по уровню социально-экономического развития, однако эти различия отражают лишь разные ступени перехода от феодальных и феодально-патриархальных отношений к капитализму.

В документе далее говорится о том, что в условиях длительной и затяжной борьбы с мировым империализмом, перспективы которой открываются перед освободительным дви-

жением и требуют мобилизации всех революционных элементов, коммунисты Востока должны не просто сотрудничать со всеми национально-революционными силами, в том числе с национальной буржуазией, а создавать с ними антиимпериалистический фронт. В рамках единого фронта они обязаны, безусловно сохраняя самостоятельность, бороться за достижение полного национального освобождения и одновременно организовывать рабочие и крестьянские массы на выступления за их непосредственные классовые интересы, используя все противоречия в националистическом буржуазно-демократическом лагере. Наряду с этим коммунисты Востока должны готовить местный промышленный пролетариат к роли политического вождя национальной революции, полностью отдавая себе отчет в том, что гегемония последнего может быть достигнута лишь в результате борьбы с империалистической эксплуатацией и правящими классами внутри своих стран, по мере того как колониальный пролетариат будет крепнуть социально и политически и расширять свое влияние на «смежные с ним общественные слои», прежде всего крестьянство.

Окончательная победа национально-освободительных революций на колониальной периферии империализма находится в прямой зависимости от того, насколько тому или иному национальному движению удастся вовлечь в свое русло широкие трудовые массы, порвав всякую связь с реакционно-феодальными элементами и воплотив в своей программе социальные требования этих масс. Важнейшим условием победоносного завершения революций и перехода отсталых стран на «некапиталистический» путь развития является тесный союз трудящихся масс Востока с победившим пролетариатом передовых государств²⁷.

Проект «Общих тезисов по восточному вопросу», принятый на IV конгрессе в качестве итоговой резолюции, начал разрабатываться в Исполкоме Коминтерна еще в конце октября 1922 г.²⁸. В его подготовке принял участие ряд работников Коминтерна, в том числе Рой. Последний в ходе обсуждения проекта на совещании группы делегатов конгресса 28 октября вновь активно пропагандировал ультрарадикальные взгляды²⁹, а 22 ноября представил свою точку зрения в относительно систематизированном виде в докладе на заседании

самого конгресса³⁰. Отправным положением в его рассуждениях явилось утверждение о разработке II конгрессом лишь общих принципов тактики в борьбе за национальное освобождение в колониях и полуколониях. В дни работы II конгресса, подчеркивал Рой, «лишь немногие понимали, что широкое понятие "колониальные и полуколониальные страны" охватывало различные народы и различные области, обнимавшие в своих границах все виды социального развития, все виды политической и промышленной отсталости. Мы установили, что только потому, что они политически, экономически и социально отстали, они могут быть все связаны в одну группу, в одну общую проблему. Но это был ошибочный взгляд»³¹. Делая затем особый акцент на известном изменении общественно-политической обстановки в мире за истекшее со II конгресса время, Рой затем констатировал обозначившееся, по его мнению, разделение всех восточных стран «на три категории». К первой он относил государства, якобы «приближающиеся к стадии наиболее высокоразвитого капитализма» (империализма?); ко второй — «страны, в которых капиталистическое развитие находится еще на более низком уровне и в которых феодализм еще является основой общественного строя»; к третьей — те территории, где «общественный строй основан на патриархальном феодализме»³² (то есть господствуют дофеодалные отношения).

Как видно, докладчик существенно завышал уровень развития части отсталых восточных стран, явно преследуя цель построить далеко идущие выводы о необходимости изменения тактики Коминтерна. Однако последнее заключение он на IV конгрессе делать не стал, ограничившись следующей декларацией: «Поскольку социальный строй каждой из этих [восточных] стран различен, постольку разнообразен и характер их революционного движения. В зависимости от различия социального строя этих стран должны быть также различны наша программа и тактика»³³. Рой, очевидно, опасался излишней детализации, которая особенно заметно контрастировала бы с ленинской трактовкой существа вопроса. Более того, далее Рой, противореча себе, исходил из непреложного факта, что революционный процесс на Востоке по-прежнему носит национальный характер. При этом он продолжал, хотя и не так откровенно, как раньше, выпячивать зна-

чение этого процесса для дела мировой революции³⁴. В то же время он, по существу, отрицал революционные возможности национальной буржуазии восточных стран, заявляя, что «промышленное развитие буржуазии нуждается в мире и порядке, установленном в большинстве стран Востока империалистами»³⁵. Согласно его утверждению, буржуазия (особенно та ее часть, которая «вложила крупные капиталы в промышленность») уже переметнулась на сторону колонизаторов. Это вместе с тем не означало, что она не могла выступить против иностранного империализма в будущем: по словам Роя, «временный компромисс туземной и империалистической буржуазии не может быть длительным. Он заключает в себе зародыш будущего конфликта», хотя и в этом конфликте буржуазия будет опять-таки недалеко от компромиссов, ибо не ведет «классовой войны».

Большое внимание в докладе было уделено вопросам формирования на Востоке коммунистических партий. Рой продолжал настаивать на необходимости ускоренного создания Коминтерном коммунистических партий во всех без исключения странах Востока вне зависимости от уровня их общественно-экономического развития. Он даже ошибочно полагал, что в большинстве восточных стран к концу 1922 г. уже функционировали настоящие коммунистические группы. Последние он, правда, именовал «ячейками», однако явно преувеличивал их политическую зрелость, рассматривая в отличие от буржуазно-демократических организаций как «политические партии масс»³⁶.

Роевская система взглядов в целом была отвергнута IV конгрессом. Тем не менее отдельные положения его доктрины оказались восприняты многими делегатами. Ведь в начале 20-х гг. Рой являлся одним из влиятельных работников ИККИ, его считали крупным авторитетом в национально-колониальном вопросе. Что же касается других деятелей Коминтерна, в том числе Ленина, то они не обладали достаточным знанием афро-азиатских стран³⁷. Рой это, кстати, прекрасно понимал. В докладе на IV конгрессе он специально подчеркивал: «Особые трудности применения программы Интернационала в восточных странах ... обусловлены тем ... (к сожалению, в этом приходится сознаться), что наши товарищи по Коммунистическому Интернационалу до сих пор

очень мало занимались изучением этих [восточных] вопросов»³⁸. Из этого напрашивался вывод, что единственным человеком в Коминтерне, кто уделял большое внимание исследованию данных проблем, был докладчик, вследствие чего лишь его точка зрения могла считаться безукоризненной.

Сказанное объясняет то обстоятельство, что в окончательном тексте «Общих тезисов по восточному вопросу» при внимательном анализе можно найти элементы некоторых старых роевских воззрений, наличие которых придает документу неоднозначный характер³⁹.

Так, «Общие тезисы» явно следуют за Роем, когда в самом же начале утверждают, что «Второй конгресс Коминтерна выработал общее заявление принципов по национальному и колониальному вопросам». Очевидным преувеличением в роевском духе выглядят неоднократно допускаемые в «Общих тезисах» заявления о том, что «почти повсеместно», «почти во всех странах Востока» к концу 1922 г. произошло образование коммунистических, «самостоятельных пролетарско-классовых партий». Далее, явным диссонансом с основным содержанием документа звучит и заимствованное у Роя противопоставление буржуазно-национальных организаций «революционным», под которыми недвусмысленно понимаются только коммунистические группы. Более того, в «Общих тезисах» нашло определенное отражение и представление Роя о приоритете революционного движения на Востоке над борьбой пролетариата стран Запада. Несмотря на то что на одной из страниц документа указывается, что «колониальная революция может победить и отстоять свои завоевания только вместе с пролетарской революцией в передовых странах»⁴⁰, в другом месте прямо утверждается, что «колониальное революционное движение» имеет «первостепенное значение ... для дела международной пролетарской революции» и что французский империализм, например, «строит все свои расчеты на подавление пролетарской революционной борьбы во Франции и Европе путем использования своих колониальных рабов в качестве боевого резерва контрреволюции»⁴¹.

Взгляды Роя явно отразились на содержании и еще одного важного документа, принятого IV конгрессом, — «Дополнений к тезисам по восточному вопросу», написанных Радеком. Этот документ представляет собой специальную резо-

люцию конгресса о задачах Коммунистической партии Китая. В отличие от радековской директивы Марингу он выражает скептицизм в отношении революционных потенций китайской национальной буржуазии и Гоминьдана. В документе ничего не говорится о возможности тесного союза между КПК и Гоминьданом, а вместо этого утверждается, что коммунисты должны «посвящать главную часть своего внимания организации рабочих масс, созданию профессиональных союзов и крепкой массовой коммунистической партии». В то же время в резолюции подчеркивается, что КПК следует быть осторожной, оказывая поддержку Сунь Ятсену, чьи военные союзы с ненадежными милитаристами (например, с японским «вассалом» Чжан Цзолинем) играют на руку японскому империализму. «Задача коммунистов в Китае, — указывается в документе, — состоит в том, чтобы действовать в качестве застрельщиков национального объединения Китая на демократической базе ... коммунисты должны ... выступать как сила, объединяющая демократические элементы, рост которых обеспечивает объединение Китая не путем вооруженной победы одной военной клики над другими, а путем революционной победы народных низов»⁴².

Значение этих резко левацких установок нельзя недооценивать, ибо они отражали настроения коммунистической молодежи Востока. Не только ленинские тезисы, принятые на II конгрессе Коминтерна, и радековская инструкция Марингу и КПК, но и роевские «Дополнительные тезисы» и проанализированные выше документы IV конгресса заложили идеологические основы коминтерновской политики в Китае. Эта политика была крайне противоречива с самого начала. Ведь изначальные большевистские представления о революционном движении на Востоке, троцкистские в своей основе, оставались характерными для многих руководящих коммунистов, в том числе в Советской России. Эйфория подготовки мировой революции кружила головы, объективные явления конкретной действительности отступали на задний план или попросту игнорировались. Абсолютной истиной казались слова: «Идти по пути русских». Вот почему распространение ленинской концепции антиколониальной революции в Китае не могло не натолкнуться на сопротивление тех членов КПК, кто, по существу, выступал как апологет «чистого» троцкизма.

Глава 4

Новый курс КПК: от перманентной революции к тактике единого фронта

Китайские сторонники коммунизма обсуждали вопрос о взаимоотношениях с Сунь Ятсеном уже на I съезде партии в июле 1921 г. По словам одного из делегатов, Дун Биу, присутствие на съезде представителя Коминтерна (Маринга) означало, что смысл решений II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам был известен всем делегатам⁴³. Маринг, секретарь комиссии II конгресса по национальному и колониальному вопросам, активный участник коммунистического движения в Голландской Индии (Индонезии), имел основательный опыт работы с национал-революционерами. На I съезде КПК он сообщил о своей деятельности на острове Ява⁴⁴, которая как раз была связана с налаживанием сотрудничества с националистами.

Вместе с тем, как уже подчеркивалось⁴⁵, курс на сближение с национально-революционной демократией Китая не был зафиксирован в решениях I съезда Компартии Китая. Первым сторонникам коммунизма в Китае, подавляющая часть которых еще недостаточно глубоко уяснила общие принципы марксизма, было чрезвычайно трудно

осознать необходимость одновременного постижения как теории классовой борьбы пролетариата против буржуазии, так и концепции антиимпериалистического сотрудничества.

В этой связи решающее значение для выработки коммунистами Китая тактики сотрудничества с Гоминьданом имело участие китайской делегации в работе съезда народов Дальнего Востока⁴⁶. Он открылся 21 января 1922 г. в Москве⁴⁷, а заключительное заседание состоялось 2 февраля в Петрограде. На съезде присутствовал 131 делегат с решающим и 17 совещательным голосом — главным образом, представители Китая, Кореи, Индии, Японии, Явы и Монголии. В его работе участвовали делегаты народов советского Востока (буряты, калмыки, якуты). Китайская делегация была одной из самых многочисленных: она насчитывала более сорока человек⁴⁸. Среди них по крайней мере 28 человек являлись членами КПК или Социалистического союза молодежи Китая (ССМК, был создан в 1920 г.), еще трое сочувствовали коммунистам. Три человека представляли Гоминьдан, двое являлись анархистами, остальные были вне партий. В делегацию входили представители рабочих, крестьянских, студенческих, женских, учительских и журналистских организаций из различных городов и провинций Китая — Шанхая, Тяньцзиня, Гуанчжоу, Тайюаня, Ханькоу, Ханчжоу, Таншаня, Шаньдуна, Хунани, Аньхуэя, Гуандуна и Чжэцзяна.⁴⁹ Членами делегации были участники I съезда КПК Ван Цзиньмэй, Дэн Эньмин, Чжан Готао, Хэ Шухэн,⁵⁰ Чэнь Гунбо, коммунисты Гао Цзюньюй, Дэн Пэй, Юй Шудэ и др.⁵¹ К работе на съезде были привлечены молодые китайские коммунисты и члены Социалистического союза молодежи, проходившие обучение в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока. В их числе: Жэнь Биши, Ло Инун, Лю Шаоци, Пу Шици, Сяо Цзингуан, Юй Сюсун.⁵² На съезде в качестве переводчика присутствовал и Цюй Цюбо, выступивший в КПК в начале февраля 1922 г., накануне закрытия форума. Бывший переводчик Маринга Чжан Тайлэй, ставший к в тому времени секретарем китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна, являлся, как уже отмечалось, одним из организаторов подготовительной работы по созыву съезда, однако он, по-видимому, присоединился к делегатам не ранее конца января⁵³.

Съезд сосредоточил свое внимание на вопросах коминтерновской тактики единого фронта в национально-революционном движении. Руководители ИККИ воспользовались ситуацией для того, чтобы как можно глубже внедрить в сознание делегатов идею сотрудничества коммунистов с национал-революционерами. Они подчеркивали, что китайские, корейские и японские коммунисты «являются пока еще маленькой группой» и они должны «не стоять в стороне, не смотреть свысока на тех грешников и мытарей, которые еще не стали коммунистами, но вмешаться в самую гущу, в те десятки миллионов людей, которые борются в Китае, людей, которые борются пока за национальную независимость и раскрепощение»⁵⁴.

Беседа Ленина с группой участников съезда, среди которых находились Чжан Готао, Дэн Пэй и представитель Гоминьдана Чжан Цюбо, произвела особенно сильное впечатление на китайских делегатов. Ленин поднял вопрос о возможности сотрудничества Гоминьдана и компартии, интересовался мнениями на этот счет Чжан Цюбо и Чжан Готао⁵⁵.

В завершение своей работы съезд принял Манифест к народам Дальнего Востока, в котором содержался призыв к объединению всех антиимпериалистических революционных сил⁵⁶.

По возвращении в Китай в марте 1922 г. Чжан Готао доложил в Центральное бюро КПК о результатах поездки, заявив, что «большинство руководителей в Москве считают, что китайская революция должна быть направлена против империализма и внутренних милитаристов и реакционеров, которые находятся в сговоре с ним ... Китайская революция должна объединить усилия различных групп революционных сил всего Китая. И в результате должно быть установлено сотрудничество между КМТ [ГМД] и КПК. Ленин сам подчеркнул этот момент»⁵⁷.

С отчетами и сообщениями о работе съезда выступила в различных организациях КПК и большая часть других китайских коммунистов, участвовавших в его заседаниях⁵⁸. По словам Чжан Готао, большинство «положительно отзывалось ... об антиимпериализме»⁵⁹.

В результате в сознании лидеров КПК произошел некоторый сдвиг в вопросе об установлении союза с Сунь Ятсеном

и его сторонниками. Этому, несомненно, способствовало и расширение масштабов деятельности компартии среди рабочих. Китайские коммунисты на практике убеждались в том, что гуанчжоуское правительство Сунь Ятсена пользовалось поддержкой рабочих южного Китая и что его политику в области рабочего движения можно было «расценить как выражение демократического правления»⁶⁰.

Наметившаяся эволюция во взглядах руководящих деятелей компартии сказалась уже на решениях проходившего легально в Гуанчжоу с 5 по 10 мая 1922 г. I съезда Социалистического союза молодежи Китая, который призвал пролетариат и все беднейшее крестьянство поддерживать революционную борьбу против империализма и милитаризма, за завоевание национальной независимости и гражданских свобод⁶¹. Более конкретно идея союза коммунистов с национал-революционерами была выражена в первом заявлении Компартии Китая о текущем моменте (15 июня 1922 г.). Признав, что «из различных политических партий, существующих в настоящее время в Китае, относительно революционной и более или менее демократической группировкой является только Гоминьдан», китайские коммунисты декларировали: «Метод действия, который предлагает Коммунистическая партия Китая, состоит в том, чтобы призвать Гоминьдан и другие революционно-демократические группировки, а также все организации революционных социалистов к созову совместной конференции для создания объединенного демократического фронта»⁶².

Все это не свидетельствовало, однако, о том, что китайские коммунисты быстро восприняли ленинскую концепцию антиимпериалистической революции. Неизжитые сектантские настроения оказывали воздействие на восприятие китайскими коммунистами самой идеи союза КПК и ГМД. Не случайно в заявлении коммунистической партии о текущем моменте говорилось о необходимости образования не «антиимпериалистического или национального, национально-революционного фронта», а «объединенного демократического» (*миньчжучжунгэ лянхэ чжаньсянь*). Этот термин, звучащий более радикально, чем выражение «национальный фронт», был тогда впервые употреблен в Китае. Более того, заявление КПК в целом было довольно критичным в отно-

шении Гоминьдана. В нем подчеркивались такие его слабые стороны, как отсутствие внутреннего единства, наличие группировок, склонявшихся к сближению с империализмом, блокирование с северными милитаристами⁶³. Вскоре после этого заявления, 30 июня, Чэнь Дусю написал Войтинскому о том, что КПК очень надеется, что гоминьдановцы смогут осознать необходимость реорганизации (то есть объединения с КПК и политической радикализации) и «пойдут на время по одному пути с нами»⁶⁴. Такая интерпретация политики единого фронта безусловно являлась оригинальной. Внутривнутриполитическая обстановка в Китае требовала не того, чтобы гоминьдановцы шли вместе с коммунистами по одному с ними пути, а того, чтобы коммунисты установили антиимпериалистический союз с суньятсеновцами. Сунь Ятсен, находившийся в то время в Шанхае, ознакомился с первым заявлением КПК⁶⁵.

Наметившийся новый курс Коммунистической партии Китая получил закрепление в документах ее II съезда (июль 1922 г.) Знаменательно, что из двенадцати его делегатов пятеро принимали участие в подготовке или работе съезда народов Дальнего Востока — Ван Цзиньмэй, Гао Цзюньюй, Дэн Эньмин, Чжан Готао и Чжан Тайлэй. Чжан Готао выступил на нем с докладом об этом форуме⁶⁶. Выразив согласие с решениями съезда народов Дальнего Востока, II съезд принял специальную закрытую резолюцию об «объединенном демократическом фронте»⁶⁷, а также манифест, в которых довольно подробно обосновывалась необходимость создания блока с Гоминьданом и другими национал-революционными организациями⁶⁸. Было подтверждено решение добиваться созыва совместной конференции всех революционных демократических сил Китая. В социальном плане объединенный фронт мыслился как «временный союз» пролетариата и крестьян-бедняков⁶⁹ с национальной буржуазией, которая, как признавалось в декларации съезда, была «в состоянии объединить свои силы и выступить против иностранного капитализма и продажного правительства Пекина»⁷⁰. В ряде мест декларации, правда, подчеркивалось, что рабочие и крестьяне-бедняки должны объединиться с мелкой буржуазией, однако скорее всего в последний термин не вкладывался особый социальный смысл. Для авторов декларации поня-

тия «буржуазия» и «мелкая буржуазия» являлись в социальном отношении равнозначными и выражение «мелкая буржуазия» имело лишь чисто количественно-ограничительное значение, что свидетельствовало о незрелости тогдашней марксистской мысли в Китае⁷¹.

Съезд, обойдя молчанием выдвинутое ранее предложение Маринга о вступлении коммунистов в Гоминьдан, высказался фактически за межпартийное сотрудничество КПК и ССМК с Гоминьданом. Эта форма объединенного фронта дополнялась так называемым «Демократическим союзом», иначе — «Союзом движений за народовластие»⁷², в который предполагалось вовлечь членов профсоюзов, крестьянских союзов, союзов торговцев, учителей, студентов, политических женских союзов, клубов юристов и издателей в различных городах страны, а также членов парламента, «сочувствующих коммунизму». Последние должны были, по мысли китайских коммунистов, образовать левое крыло в «Демократическом союзе»⁷³. Не исключено, что на практике имелось в виду облечь в форму «Демократического союза» само сотрудничество КПК и Гоминьдана. После II съезда коммунисты стали создавать организации «Демократического союза» в отдельных городах и провинциях Китая. Первая из них была образована в Пекине, затем появились организации в Хунани, Хубэе, Шанхае и Гуандуне⁷⁴. Гоминьдановцы, однако, не поддержали эту инициативу.

12 августа 1922 г.⁷⁵ в Китай вернулся Маринг. По прибытии в Шанхай, где находился ЦИК КПК, он, по воспоминаниям Чжан Готао, сразу же сообщил руководству компартии: «Коминтерн одобряет идею вступления членов КПК в КМТ [ГМД] и считает, что это новый путь создания объединенного фронта»⁷⁶. Через некоторое время, во второй половине августа, на оз. Сиху в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) было проведено специальное расширенное совещание ЦИК КПК по вопросу о формах организации объединенного фронта с Гоминьданом⁷⁷. Помимо членов Центрального исполнительного комитета компартии — Чэнь Дусю, Чжан Готао, Цай Хэсэня, Гао Цзюньюя, Ли Дачжао⁷⁸, в совещании приняли участие Маринг и Чжан Тайлэй. Судя по позднему признанию Чэнь Дусю, все члены ЦИК, присутствовавшие на совещании, выступили против предложения Ма-

ринга. Представитель Коминтерна, доказывавший, что индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан для установления двухпартийного сотрудничества соответствует ленинской теории колониального вопроса, на первых порах был поддержан одним Чжан Тайлэем⁷⁹, который имел опыт работы в Коминтерне и общения с Марингом. Но он не входил в состав ЦИК. Чтобы добиться перелома в ходе дискуссии, Марингу пришлось прибегнуть к авторитету Коммунистического Интернационала, потребовав от лидеров КПК подчинения коминтерновской дисциплине⁸⁰. В итоге участники совещания под давлением Маринга приняли решение, поддержавшее тактику вступления в Гоминьдан. Оно было одобрительно встречено Сунь Ятсеном⁸¹.

Сразу же после совещания на оз. Сиху к активной работе по налаживанию сотрудничества с Гоминьданом приступили Ли Дачжао и еще один активист компартии Линь Боцюй. Последний имел широкие связи в гоминьдановском руководстве. Ли и Линь по указанию ЦИК партии начали переговоры с Сунь Ятсеном. Вспоминая впоследствии об этом периоде своей жизни, Ли Дачжао писал, что обсуждал с Сунь Ятсеном «вопрос о возрождении Гоминьдана в целях возрождения Китая». Иными словами, речь шла о реорганизации суньятсеновской партии и в политическом, и организационном отношениях, в частности — о допущении коммунистов в Гоминьдан. «Помню, как-то раз мы с господином Сунем оживленно обсуждали его план реконструкции государства, — вспоминал далее Ли Дачжао, — прошло несколько часов⁸², и вскоре сам господин [Сунь] высказался за союз. Он рекомендовал мне вступить в Гоминьдан»⁸³. 25 августа 1922 г. Сунь Ятсен вновь встретился с Марингом, который, в частности, проинформировал его о том, что руководство Коммунистического Интернационала советует коммунистам Китая объединиться с Гоминьданом, и рекомендовал перенести центр тяжести работы на развитие рабочего и крестьянского массового антиимпериалистического движения⁸⁴. Рекомендации Маринга встретили сопротивление правого крыла Гоминьдана, но получили активную поддержку приехавшего к тому времени из Гуанчжоу в Шанхай Ляо Чжункая. В беседе с Марингом Сунь Ятсен приветствовал готовность Советской России оказать ему помощь и высказался за вступ-

ление коммунистов в Гоминьдан, чтобы способствовать его реорганизации⁸⁵.

Одновременно Сунь Ятсен вступил в переписку с А. А. Иоффе — руководителем прибывшей в Китай в августе 1922 г. дипломатической миссии РСФСР. Эта переписка способствовала постепенному осознанию Сунь Ятсеном принципиального отличия внешней политики Советской России от политики капиталистических держав и тем самым стимулировала налаживание его сотрудничества с КПК.

В начале сентября 1922 г. Сунь Ятсен по рекомендации Чжан Цзи принял в ряды своей партии Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цай Хэсэня и Чжан Тайлэя⁸⁶. 4 сентября в Шанхае состоялось совещание членов центрального аппарата и руководителей провинциальных органов Гоминьдана по вопросу о плане реорганизации партии. В совещании участвовали и коммунисты. Выступивший на нем Ляо Чжункай решительно поддержал позицию Сунь Ятсена относительно установления союза с Советской Россией и КПК и предложение Маринга об активном развертывании пропаганды среди рабочих и крестьян. 6 сентября Сунь Ятсен назначил специальную комиссию из девяти человек для выработки проекта программы и устава Гоминьдана. В нее вошел председатель ЦИК КПК Чэнь Дусю. Одновременно Сунь Ятсен послал Ляо Чжункай в Японию, Ху Ханьминя в Шэньян, Ван Цзинвэя в Тяньцзинь, Чжан Цзи в Пекин для встреч с деятелями Гоминьдана и подготовки к реорганизации партии.

Ляо Чжункай имел также особое поручение: детально обсудить вопрос о военной помощи РСФСР Сунь Ятсену с сопровождавшим Иоффе военным атташе. Переговоры проходили с сентября по ноябрь 1922 г. в Токио. Ляо Чжункай от имени Сунь Ятсена обсудил с советским военным атташе вопросы об усилении военных связей с Советской Россией, а также возможность совместной борьбы с империализмом⁸⁷. В декабре 1922 г. Сунь Ятсен направил для переговоров с Иоффе в Пекин своего представителя Чжан Цзи⁸⁸.

Результатом всей этой работы было опубликование Сунь Ятсеном 1 января 1923 г. заявления о реорганизации Гоминьдана. На следующий день в Шанхае было созвано совещание по делам партии и опубликованы партийные программа и устав. В этих документах знаменитые «три народных принци-

па» Сунь Ятсена получили новую, более радикальную трактовку. Сунь сделал особый упор на антиимпериализм, защиту прав рабочих и демократическое преобразование Китая.⁸⁹ В то же время он пригласил коммунистов Чжан Тайлэя, Тань Пиншана, Линь Боцюя и Чэнь Дусю работать в центральном и местном (гуандунском) аппаратах Гоминьдана.

В январе 1923 г. в Шанхае состоялись переговоры Сунь Ятсена с Иоффе, в результате которых 26 января была опубликована ставшая впоследствии широко известной «Декларация Сунь Ятсена — Иоффе». В этом документе представитель Советского правительства заверил Суня в том, что в борьбе за национальное обновление и полную независимость «Китай пользуется самой широкой симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России». Обе стороны обнаружили «полное совпадение их взглядов на китайско-русские отношения», подчеркнув, что «в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае» из-за отсутствия необходимых условий.⁹⁰ Сближение Сунь Ятсена с Советской Россией продолжалось с нарастающей силой после того, как в феврале 1923 г. он вновь возглавил правительство в Гуанчжоу.

В то же время и в Гоминьдане, и в компартии оставалось немало противников укрепления сотрудничества двух партий. С сектантских позиций выступали, в частности, такие влиятельные гоминьдановские руководители, как Дэн Цзэжу, Сунь Кэ (сын Сунь Ятсена от первого брака), Фэн Цзыю, Ху Ханьминь, Цзоу Лу, Цзюй Чжэн и др. Скептически воспринимало идею вступления в Гоминьдан и большинство коммунистов, в том числе вошедшие в него Чэнь Дусю и Цай Хэсэнь, а также ответственный в ЦИК КПК за организационную работу Чжан Готао. IV съезд КПК (январь 1925 г.) вынужден был констатировать, что вплоть до середины 1923 г. «предложение Коминтерна фактически не было осуществлено»⁹¹. На отношении гоминьдановцев и коммунистов друг к другу, несомненно, сказывался определенный груз прошлого, когда обе партии часто проявляли откровенную враждебность. Еще летом 1922 г., во время борьбы между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюньмином, компартия в целом, «как это ни странно, оказалась не на стороне Сунь Ятсена», хотя «открыто не под-

держала и Чэнь Цзюньмина»⁹². В то же время гуанчжоуская организация КПК поддалась демагогическим заявлениям Чэнь Цзюньмина и высказалась в его поддержку. В отчетном докладе III съезду Компартии Китая (июнь 1923 г.) Чэнь Дусю определил данную позицию «гуанчжоуских товарищей» как «серьезную ошибку»⁹³. В этой связи известное сообщение Цай Хэсэня о том, что «перед III съездом [КПК] в корне против вступления в Гоминьдан выступали лишь Чэнь Гунбо, Ли Ханьцюнь, Шэнь Сюаньлу [Шэнь Динъи], Ян Минчжай и часть гуандунских и хубэйских товарищей»⁹⁴, вызывает сильные сомнения. По-видимому, Цай, сам довольно сектантски относившийся к проблеме объединения Гоминьдана и КПК, существенно искажал действительность.

Разумеется, большое значение для КПК имело выдвижение и обоснование тактики единого антиимпериалистического фронта IV конгрессом Коминтерна. Делегация китайских коммунистов во главе с Чэнь Дусю принимала непосредственное участие в работе комиссии конгресса по восточному вопросу⁹⁵. Вскоре после возвращения делегации в Китай китайские коммунисты сняли лозунг «демократического фронта». С начала 1923 г. в документах и литературе КПК начала фигурировать формулировка «антиимпериалистический фронт». Наряду с ней стало употребляться выражение «национально-революционный фронт».

Решения IV конгресса были конкретизированы применительно к тактике КПК в специальной резолюции Исполкома Коминтерна по вопросу об отношении Коммунистической партии Китая к Гоминьдану от 12 января 1923 г. Отметив, что организация Сунь Ятсена является «единственной серьезной национально-революционной группировкой в Китае», ИККИ подчеркнул: «...При нынешних условиях целесообразно для членов КПК оставаться внутри партии Гоминьдан». В документе вместе с тем говорилось, что пребывание коммунистов «не должно быть куплено ценой уничтожения специфического политического облика КПК. Партия должна сохранить свою собственную организацию со строго централизованным аппаратом. Важными специфическими задачами КПК должны быть организация и просвещение рабочих масс, создание профессиональных союзов в целях подготовки базиса для сильной массовой коммунистической

партии». Одной из главных задач КПК, указывалось далее в резолюции, являлось объединение усилий Гоминьдана и Советской России для совместной борьбы против европейского, американского и японского империализма⁹⁶.

Наибольшее значение, однако, имел практический опыт. Значительное влияние на изменение позиции КПК в вопросе о сотрудничестве с суньятсеновцами оказал различный исход руководимой Гоминьданом стачки в Сянгане (январь 1922 г.) и возглавлявшейся коммунистами забастовки на Пекин — Ханькоуской железной дороге (февраль 1923 г.). В первом случае борьба рабочих, носившая антиимпериалистический характер, опиралась на солидарность населения провинции Гуандун, включая национальную буржуазию, и завершилась частичным успехом. Во втором случае железнодорожники, выступив против антирабочих действий милитариста У Пэйфу, не получили поддержки других социальных сил и потерпели поражение. Сравнение этих событий показывало значение единого фронта в борьбе за осуществление выдвинутых II съездом КПК лозунгов: «Долой империалистов!», «Долой милитаристов!».

III съезд, состоявшийся в июне 1923 г. в Гуанчжоу, одобрил тактику индивидуального вступления коммунистов в Гоминьдан. В основу принятой им закрытой «Резолюции по вопросу о национальном движении и Гоминьдане» легла январская резолюция ИККИ. В этом документе подчеркивалась необходимость «образовать сильную централизованную партию — штаб национально-революционного движения» и признавалось, что такой партией может стать лишь Гоминьдан. Компартия, говорилось в резолюции, не может превратиться в массовую организацию в ближайшем будущем «ввиду того, что рабочий класс не является еще мощной силой... Исходя из этого, ИККИ решил, что компартия должна сотрудничать с Гоминьданом, коммунисты должны вступить в Гоминьдан. ЦИК КПК, также ощутив необходимость этого, твердо следует данному решению. Нынешний Всекитайский съезд тоже принимает это решение».

Съезд обязал коммунистов способствовать распространению организаций Гоминьдана по всему Китаю, с тем чтобы сосредоточить в них все революционные силы страны. В то же время в документе специально выделялся принцип неза-

висимости и самостоятельности КПК в объединенном фронте. При этом указывалось на необходимость добиваться привлечения на сторону компартии элементов из различных рабочих организаций и левого крыла Гоминьдана⁹⁷. В резолюции указывалось на необходимость помешать Гоминьдану сконцентрировать все усилия на военных действиях в ущерб политической пропаганде в массах, бороться с тенденцией к соглашательству, характерной для части гоминьдановцев, а также выступать против реформистских течений в рабочем движении. Основные положения этого документа получили отражение в декларации съезда, опубликованной в центральном печатном органе ЦИК компартии журнале «Сяндао чжоукань» (еженедельник «Проводник»)⁹⁸.

Принятие резолюции и декларации не обошлось без продолжительной дискуссии. Группа делегатов во главе с Чжан Готао и Цай Хэсэнем резко противодействовала такому решению⁹⁹, да и большинство тех, кто голосовал «за», делало это без энтузиазма. В июле 1923 г. ЦИК компартии подготовил второе заявление о текущем моменте, которое 1 августа было опубликовано в журнале «Сяньцзюй»¹⁰⁰. В заявлении содержался призыв к Гоминьдану взять на себя инициативу по созыву Национального собрания из представителей торговых палат, рабочих, крестьянских, студенческих союзов и других профессиональных организаций всей страны. Это собрание должно было сформировать новое правительство, которое стало бы действительно революционной силой, способной выработать подлинную конституцию, объединить страну и избавить ее от власти милитаристов и засилья подерживавших их иностранных держав¹⁰¹. В тогданных условиях выдвижение идеи созыва Всекитайского Национального собрания являлось преждевременным и не могло оказать и не оказало существенного влияния на развитие политической борьбы; оно лишь продемонстрировало попытку лидеров КПК сманеврировать в рамках единого фронта. Сунь Ятсен не воспринял эту идею. «Письменное предложение Сунь Ятсену, чтобы он поехал в Шанхай и собрал там Национальное собрание, осталось безрезультатным», — говорилось в докладе Центрального бюро, выполнявшего в то время функции Политбюро, первому пленуму ЦИК КПК третьего созыва, состоявшемуся 24 – 25 ноября 1923 г.¹⁰²

С трудом проводилась в жизнь и резолюция III съезда по вопросу о национальном движении и Гоминьдане. Это признавалось, в частности, в том же докладе с указанием следующих причин: «1) среди [наших] товарищей получили распространение некоторые сомнения [относительно указанной резолюции]; 2) руководители местных отделов Гоминьдана не проявили понимания; 3) между [нашими] товарищами и членами Гоминьдана сохранялись подозрительность и несовпадение политических взглядов; 4) наша партия испытывала экономические трудности». По этим причинам, говорилось в докладе, оказалось невозможным в кратчайший срок осуществить первоначально разработанный ЦИК КПК план распространения партийных организаций Гоминьдана во все важные пункты Северного и Центрального Китая. К тому времени при участии коммунистов гоминьдановская организация была создана только в Пекине. В Тяньцзине, Харбине и Хунани работа по образованию гоминьдановских ячеек еще не была завершена; в Шаньдуне и Сычуани организации Гоминьдана уже были созданы самими гоминьдановцами, и коммунисты добивались решения вопроса о присоединении к ним. В Аньхуэе гоминьдановцы раскололись на две группы, которые не пользовались «доверием общественности». Поэтому коммунистам предстояло создать новую гоминьдановскую организацию¹⁰³. Вскоре после ноябрьского пленума Центральный исполком КПК обо всем этом проинформировал Исполнительный комитет Коминтерна¹⁰⁴.

О трудностях в установлении единого фронта, связанных прежде всего с сопротивлением многих китайских коммунистов идее вступления в Гоминьдан, свидетельствует также письмо Чжан Готао от 16 ноября 1923 г. ответственным работникам Коминтерна Войтинскому и И. М. Мусину относительно разногласий партийного руководства с Марингом¹⁰⁵. Об этом же говорят и первые письма (за октябрь — ноябрь 1923 г.) в Москву М. М. Бородина, сменившего Маринга на посту представителя Коминтерна в Китае¹⁰⁶. Как подчеркивалось впоследствии в принятой IV съездом КПК резолюции о национально-революционном движении, сектантские ошибки, характерные для многих китайских коммунистов, в период после III съезда выражались «в предложении продолжать пропаганду

движения за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата [как непосредственную цель], выступать против вхождения коммунистов в Гоминьдан и даже против их участия в национальной революции, расценивая это участие как соглашательство с буржуазией, которое может привести к перерождению партии»¹⁰⁷.

Давая характеристику тогдашним сектантским настроениям в КПК, один из руководящих деятелей китайского коммунистического движения, Цюй Цюбо, отмечал впоследствии в докладе VI съезду Компартии Китая (июнь – июль 1928 г.): «Существовало как будто бы левое течение в наших рядах, которое не желало входить в Гоминьдан, не желало вместе с буржуазией делать национальную революцию. Потом они, эти товарищи, пошли на компромисс с Коминтерном и сочли возможным войти в Гоминьдан, но не все. Промышленные рабочие не должны входить в Гоминьдан ... Есть и такое мнение, тоже компромиссное, что на севере рабочие не должны вступать в Гоминьдан, а на юге должны вступать там, где имеются организации Гоминьдана»¹⁰⁸.

Серьезные колебания внутри КПК по вопросу о едином фронте, разумеется, сказывались и на политике Сунь Ятсена, сдерживая в известной степени намерения последнего реорганизовать Гоминьдан. В этих условиях особую роль в ускорении процесса создания единого фронта сыграли Коминтерн и СССР.

В марте 1923 г. большевистское руководство приняло решение оказать Сунь Ятсену по его просьбе необходимую помощь. 1 мая 1923 г. Сунь Ятсен был извещен об этом¹⁰⁹. 16 августа Сунь Ятсен направил в СССР миссию в составе двух гоминьдановцев — Чан Кайши (глава миссии) и Ван Дэньюня и двух членов КПК — Чжан Тайлэя и Шэнь Динъи. Эта делегация прибыла в Москву 2 сентября и в течение трех месяцев (по 29 ноября) знакомилась со структурой партийных органов, включая ЦК РКП(б), изучала работу советов, посещала воинские части, встречалась с руководящими деятелями Советского Союза¹¹⁰. По просьбе китайской делегации и с ее участием Президиум ИККИ выработал в ноябре 1923 г. резолюцию по вопросу о национальном движении в Китае и о Гоминьдане, в которой была дана новая трактовка «трех народных принципов» Сунь Ятсена. Коминтерн предложил Гоминьдану последовательную программу антиимпе-

риалистической, национально-демократической революции, ключевым моментом которой являлся призыв к радикальной аграрной революции и национализации промышленности¹¹¹. После принятия этого документа 28 ноября Президиумом ИККИ он был передан Чан Кайши. Чан доставил его Сунь Ятсену, который по крайней мере формально принял почти все рекомендации Коминтерна за исключением предложений по аграрному вопросу. Резолюция Президиума ИККИ будет им положена в основу второго раздела Манифеста, который получит одобрение I съезда ГМД в январе 1924 г.

В соответствии с ранее высказанной Сунь Ятсеном просьбой летом 1923 г. в Гуанчжоу из СССР была направлена первая группа военных советников. В начале октября того же года в Гуанчжоу по приглашению Суня приехал советский коммунист Бородин, который совместил функции представителя Коминтерна при ЦИК КПК с постом «высокого советника Гоминьдана». Вслед за Бородиным в распоряжение правительства Южного Китая прибыли другие советские политические и военные советники.¹¹² В беседах с ними Сунь Ятсен живо интересовался опытом партийного, государственного и военного строительства в Советской России, ее позицией в международных вопросах. Незадолго до того Сунь Ятсен вступил в переписку с Караханом, возглавлявшим советское полпредство в Пекине¹¹³. Посланник СССР старался оказать на Суня влияние, с тем чтобы ускорить реорганизацию Гоминьдана и радикализацию национальной революции.

Все эти усилия в конце концов принесли плоды¹¹⁴. В ноябре 1923 г. Сунь Ятсен опубликовал «Манифест о реорганизации Гоминьдана» и проект новой программы партии. 1 декабря он выступил с речью о реорганизации на конференции ГМД в Гуанчжоу. В ней он в качестве цели определил создание мощной массовой партии, опирающейся не только на армию, но и на гражданское население. Он, в частности, заявил: «Сейчас к нам из России прибыл наш хороший друг Бородин. Русская революция началась на шесть лет позднее нашей. Однако русские сумели в ходе одной революции полностью осуществить свои идеи, положение революционного правительства там с каждым днем становится все более прочным. Почему же русские смогли, а мы не можем

одержат победу? Они победили потому, что в борьбе принимала участие вся партия, которой помогали войска. Мы должны учиться у России ее методам, ее организации, ее подготовке членов партии, только тогда мы можем надеяться на победу»¹¹⁵.

Развитие связей между Гоминьданом и СССР и прибытие в Гуанчжоу на помощь Сунь Ятсену советских советников не могло не оказать воздействие на руководство КПК. Ноябрьский (1923 г.) пленум ЦИК КПК фактически осудил «левацкие извращения» политики единого фронта, приняв решение о конкретном участии коммунистов в реорганизации Гоминьдана. В одобренной пленумом резолюции «О плане развития национального движения» подчеркивалось: «Там, где существуют организации Гоминьдана, например, в Гуандуне, Шанхае, Сычуани, Шаньдуне, наши товарищи обязаны в них вступить, оставаясь одновременно в рядах КПК. Где их нет, в особенности в Харбине, Фэнтяне [Шэньяне], Пекине, Тяньцзине, Нанкине, Аньхуэе, Хубэе, Хунани, Чжэцзяне, Фуцзяни, наши товарищи должны их создать»¹¹⁶. В резолюции указывалось также на необходимость «выправления политической позиции» Гоминьдана. Под этим подразумевалось прежде всего следующее: добиваться того, чтобы Гоминьдан вел антиимпериалистическую пропаганду и предпринимал соответствующие практические шаги, ни в коем случае не блокировался с милитаристами, а укреплял свои силы путем опоры на различные народные организации. Пленум вменил в обязанность коммунистам и социальным работникам создание внутри объединенной партии собственных конспиративных организаций, члены которых были обязаны во всех своих заявлениях и практических действиях, носящих политический характер, следовать руководству КПК. Перед коммунистами ставилась задача бороться за то, чтобы «занять центральное положение в Гоминьдане». Но при этом подчеркивалось: «Если для реализации данного курса отсутствуют реальные возможности, то ни в коем случае не следует применять силу»¹¹⁷.

25 декабря 1923 г. Центральный исполнительный комитет КПК издал за подписями председателя ЦИК Чэнь Дусю и секретаря Ло Чжанлуна «Извещение № 13», в котором вновь обязал всех коммунистов на местах вступать в Гоминьдан и

прилагать максимум усилий для активизации работы по его реорганизации, в ходе выборов делегатов на I съезд Гоминьдана стараться обеспечить избрание помимо коммунистов «сравнительно прогрессивных людей». ЦИК КПК подчеркнул необходимость подготовить условия для того, чтобы на самом съезде можно было «исправить старые ошибочные гоминьдановские взгляды»¹¹⁸. Специальные эмиссары ЦИК были направлены в местные партийные организации для реализации этих установок. Дэн Чжунся выехал в Пекин, Баодин, Тяньцзинь, Цзинань, а Ли Дачжао — в Хубэй и Хунань. Линь Боцуй же отправился в Гуанчжоу, где возглавил гуандунское издательство «Гэмин пинлунь» («Революционное обозрение») и принял участие в составлении проекта Манифеста I съезда ГМД¹¹⁹.

I съезд Гоминьдана проходил в Гуанчжоу с 20 по 30 января 1924 г.¹²⁰ К тому времени в Гуанчжоу, а также в провинциях Цзянси, Хунань и Хубэй насчитывалось более 11 тыс. членов Гоминьдана; данные по остальным районам страны неизвестны. Гуанчжоуская организация была наиболее многочисленная — 8218 членов. Свыше 2 тыс. человек насчитывала цзянсийская провинциальная организация и по 500 — хунаньская и хубэйская. Более 300 гоминьдановцев работали в Ханькоу¹²¹. В КПК в то время было всего около 500 человек¹²². Даже если представить, что к I съезду ГМД большинство коммунистов уже вступило в Гоминьдан, что на самом деле не соответствует действительности, КПК в сравнении с Гоминьданом по-прежнему выглядит как небольшая местная ячейка последнего — менее 5 процентов от партии Сунь Ятсена.

Коммунисты вместе с тем были чрезвычайно активны внутри и вне зала заседаний съезда. Среди 198 делегатов только 165 фактически присутствовали на сессиях. Из них 23 человека были членами КПК (почти 14 процентов), в том числе Ван Цзиньмэй, Ли Вэйхань, Ли Дачжао, Ли Лисань, Линь Боцуй, Лю Бочуй, Мао Цзэдун, Сюань Чжунхуа, Ся Си, Тань Пиншань, Хань Линьфу, Цюй Цюбо, Чжан Готао, Чэнь Дусю, Шэнь Динъи, Юань Даши, Юй Шудэ¹²³. Наиболее активными были Ли Дачжао, Тань Пиншань и Мао Цзэдун. Коммунисты были представлены во всех органах съезда, о которых имеются сведения.

В целом, если судить по составу президиума и комиссий, соотношение сил между правыми и левыми (включая коммунистов) было примерно равным. Вопрос о членстве коммунистов в Гоминьдане решался в острой борьбе. На банкете в честь делегатов, устроенном в день открытия съезда, правый гоминьдановец Мао Цзюцюань заявил: «Если коммунисты принимают нашу программу, то они должны покинуть свою партию». В комиссии по уставу представитель правого крыла Хэ Шичжэнь предложил запретить членам Гоминьдана состоять в других партиях, но вынужден был снять это предложение под давлением большинства. Наконец, на заседании 28 января в прениях по докладу об уставе выступили активнейшие участники антикоммунистической группировки Фан Жуйлинь и Фэн Цзыю, потребовавшие внести в устав пункт, запрещающий членам других партий пребывание с Гоминьдане. В ответ слово взял Ли Дачжао, который, явно лицемера, заявил следующее: «Стремясь осуществить дело ... национальной революции, нельзя обойтись без национальной революционной партии, которая объединила бы всех и была повсеместно распространена ... Мы пришли к выводу, что в нашей стране ... только Гоминьдан может стать великой и массовой национальной революционной партией и выполнить задачи освобождения нации, восстановления народовластия, утверждения народного благосостояния. Поэтому несомненно [надо] вступить в эту партию ... Мы вступаем в эту партию для того, чтобы внести свой вклад в ее дело и тем самым в дело национальной революции ... Мы не только сами стремимся вступить в эту партию, но и желаем, чтобы вся нация в едином порыве присоединилась к ней ... То, что мы вступаем в эту партию, свидетельствует о нашем принятии ее программы, а не о том, что мы навязываем ей программу коммунистической партии. Посмотрите на вновь выработанную программу этой партии — в ней нет ни грамма коммунизма»¹²⁴. В то же время Ли Дачжао не скрывал, что в объединенном фронте компартия, будучи секцией Коминтерна, выступает в качестве самостоятельной силы. Но это, по словам оратора, создает даже определенные «преимущества» для ГМД, так как КПК может служить связующим звеном между партией Сунь Ятсена и мировым революционным движением. С Ли Дачжао полемизировал деле-

гат из Тяньцзиня¹²⁵, однако в целом правые оказались в меньшинстве. Против их установок выступили многие делегаты, в том числе Ляо Чжункай и Ван Цзинвэй¹²⁶. Ляо Чжункай, в частности, заявил: «Пришло время понять, что только в сотрудничестве с другими революционными партиями мы сможем победоносно свершить революцию»¹²⁷.

Особое значение имела позиция Сунь Ятсена. В ходе работы съезда Сунь Ятсен вел линию на действительную перестройку Гоминьдана, стремился использовать опыт Советской России и РКП(б), выступал за принятие коммунистов в Гоминьдан¹²⁸. В результате подавляющее большинство участников съезда проголосовало за вступление коммунистов в Гоминьдан. Десять коммунистов были избраны в ЦИК ГМД, который состоял из 41 человека — 24 членов и 17 кандидатов. Ли Дачжао, Тань Пиншань, Юй Шудэ стали членами ЦИК; Линь Боцью, Мао Цзэдун, Хань Линьфу, Цюй Цюбо, Чжан Готао, Шэнь Диньи и Юй Фанчжоу — кандидатами.

Образование единого фронта на основе вступления коммунистов в Гоминьдан при сохранении самостоятельности КПК было важнейшим итогом работы I съезда Гоминьдана, принявшего по этому поводу Манифест. Съезд несомненно имел большое влияние на руководство компартии, которое вскоре стало проявлять действительный интерес к организаторской работе внутри ГМД. С одной стороны, коммунистами (и это вполне понятно) двигал мощный заряд энергии, получаемой в результате прогрессировавшего сотрудничества с националистами; с другой — их сознательно наставлял в этом духе (вероятно, по собственной инициативе) Бородин¹²⁹. Лидеры КПК, однако, в своем энтузиазме пошли слишком далеко. В феврале 1924 г. ЦИК КПК одобрил специальную «Резолюцию по национальному движению», признавшую главной задачей членов компартии расширение организации и исправление «политических заблуждений» Гоминьдана, а также укрепление его массовой базы путем вовлечения в него рабочих, крестьян и представителей городских средних слоев. Сама же КПК должна была перейти на нелегальное положение в Гоминьдане, с тем чтобы тайно подготовить захват руководства в нем. Исполком Коминтерна в то время

отреагировал на этот «уклон» резко отрицательно, и Восточный отдел приложил усилия к его выправлению. По заданию Коминтерна Войтинский разъяснил руководителям КПК, что работа внутри Гоминьдана есть не самоцель, а средство укрепления компартии и подготовки ее к дальнейшей борьбе за власть в стране вне ГМД и против него¹³⁰. Майский (1924 г.) расширенный пленум ЦИК КПК, подготовленный Войтинским и проходивший при его непосредственном участии, дезавуировал февральскую резолюцию ЦИК¹³¹.

Энтузиазм лидеров КПК, таким образом, был кратковременным. Их увлечение организаторской работой в Гоминьдане продолжалось всего около трех месяцев. Оно не оказало серьезного влияния на партию в целом, и официальное вступление в ГМД не привело к радикальному изменению антигоминьдановских настроений большинства китайских коммунистов. КПК была по-прежнему молода, коммунисты только овладевали тактикой единого фронта. Особенно трудной оставалась для них проблема психологического восприятия политики вступления в Гоминьдан. Подчинившись давлению ИККИ, китайские коммунисты в целом были просто не в состоянии сознательно принять этот курс. Это особенно ясно видно на примере анализа выполненных в первой половине 20-х гг. китайских переводов основных документов Коммунистического Интернационала, определивших тактическую линию КПК.

Речь идет прежде всего о китайских изданиях тезисов II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. Наиболее ранним из них следует, по-видимому, считать то, которое появилось 15 января 1922 г. в первом номере журнала «Сяньцзюй», в то время являвшемся печатным органом Союза социалистической молодежи Пекина. Речь идет о материале, озаглавленном «Принципы, выработанные III Интернационалом по национальному и колониальному вопросам» и подписанном инициалами G. S. (псевдоним одного из основателей КПК Ли Да, исполнявшего, как уже говорилось, в составе Центрального бюро компартии обязанности ответственного за пропаганду).¹³² В начале апреля 1922 г. был издан новый перевод — на этот раз в четвертом томике выпускавшейся издательством «Жэньминь чубаньшэ» серии «Библиотечка коммуниста». Он был выпол-

нен Шэнь Цзэминем (под псевдонимом Чэн Цзэжэнь). Данный текст был, вероятно, довольно широко распространен среди членов КПК; во всяком случае, именно по переводу Шэнь Цзэминя изучали документы Коминтерна многие китайские студенты, обучавшиеся в 20-е гг. в Москве.¹³³ В 1928 г. этот перевод был в рукописном виде (правда, без указания имени Шэнь Цзэминя) переиздан стеклографическим способом в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в сборнике избранных резолюций II конгресса III Интернационала. Составителем сборника являлся один из преподавателей КУТВ, ученый-африканист А. А. Шийк¹³⁴. В декабре 1924 г. китайский коммунист Цзян Гуанцы опубликовал новый перевод¹³⁵.

Единственное китайское издание «Общих тезисов», принятых IV конгрессом, появилось 15 июня 1923 г. в «Синь цин-нянь». Оно было подписано псевдонимом (или именем) переводчика — Ихун.

Анализ переводов прежде всего показывает, что наиболее раннее из них (Сяньцзюй. 1922. № 1) — неполное. Оно содержит перевод только первых пяти пунктов «Тезисов по национальному и колониальному вопросам». «Дополнительные тезисы» в «Сяньцзюй» вообще опубликованы не были. Можно допустить, что сокращение объяснялось нехваткой места в одном журнальном номере, тем более что в конце публикации указывается на ее незавершенность. Однако тот факт, что в других номерах продолжения не последовало, заставляет предположить, что появление «усеченного» текста не являлось случайностью. К такому же заключению приводит и то обстоятельство, что в оглавлении первого номера, перепечатанном в третьем номере, уже отсутствует упоминание о незавершенности рассматриваемой публикации. В дальнейших номерах «Сяньцзюй» оглавление первого номера не приводится. Вырванные из контекста тезисы, помещенные в данном журнале, имеют вид отдельного цельного документа. В предисловии к этой публикации говорится, что тезисы выражают курс Коминтерна в антиколониальных революциях. Однако в переведенном отрывке наряду с идеей объединения вокруг России передовых рабочих всех стран и национально-освободительных движений угнетенных народов провозглашается, во-первых, лживость буржуазно-демок-

ратических фраз о равенстве людей и наций в классовом обществе и, во-вторых, необходимость борьбы пролетариата и всех трудящихся, руководимых коммунистической партией, за свержение капитализма, за пролетарскую диктатуру. Но читателю ничего не сообщается о главной ленинской мысли — относительно необходимости сотрудничества всех антиимпериалистических сил (такая мысль, как известно, развивается в последующих, не опубликованных в «Сяньцзюй» тезисах), а вместо этого достаточно четко утверждается идея борьбы с буржуазией. Такая публикация в период дискуссии о возможности альянса с Гоминьданом могла только способствовать укреплению идеологической позиции «ультралевых».

Той же цели, похоже, служили и остальные китайские издания. Тщательное сравнение их с оригиналами и другими переводами заставляет прийти к выводу о том, что китайские тексты были явно выполнены не с оригиналов, а с их переводов на другие иностранные языки. Некоторые же из этих переводов, например роевских «Дополнительных тезисов», полны искажений, усиливающих те самые элементы левизны, которые и без того присутствуют в документе Роя. Эти искажения полностью отразились в китайских текстах, особенно в тщательно выполненном переводе Цзян Гуанцы. Данное обстоятельство нельзя, разумеется, ставить в вину китайским переводчикам, которые, очевидно, ничего не знали об оригиналах. Но в любом случае китайские переводы «Дополнительных тезисов» выглядят как чрезвычайно левацкий документ. Они почти открыто призывают к непосредственной борьбе против национальной буржуазии в колониальных и зависимых странах¹³⁶.

В то же время Цзян Гуанцы был недостаточно щепетилен в переводе ленинских «Тезисов по национальному и колониальному вопросам», в который он внес некоторые неточности, причем все — ультралевацкого характера. Одиннадцатый тезис его перевода особенно примечателен. В нем говорится о том, что «Коммунистический Интернационал в отсталых странах должен *иногда* заключать временные соглашения и союзы с буржуазной демократией»¹³⁷. Лишнее наречие, очевидно, не являлось случайным.

Переводы Шэнь Цзэминя также не могут быть признаны вполне удовлетворительными. Прежде всего бросается в гла-

за, что переводчик повсеместно заменил термин «национально-революционное» (движение) на более объемное выражение «революционное». Такая метаморфоза открывала широкие возможности для извращенного толкования восточной политики Коминтерна. Ведь сторонники коммунизма в Китае, как и во многих других странах, подлинно революционным считали только коммунистическое движение. Более того, Шэнь неправильно перевел и несколько конкретных фраз. Так, в его переводе девятого тезиса Роя появляется авантюристическое указание на организацию крестьянских и рабочих советов в колониях и полуколониях «как можно скорее»¹³⁸. Кроме того, в документе содержится ряд ошибок, которые придают дополнительное выражение известному роевскому утверждению о преимущественном значении революционного движения на Востоке для дела мировой революции.

Даже если все эти неточности были случайны, китайские переводчики документов Коминтерна обязаны были быть более осмотрительны. К ним же вполне применима критика, которую относил к подобным переводчикам ленинских работ советский китаевед В. М. Алексеев, оценивавший в середине 30-х гг. качество изданного в СССР китайского перевода «Избранных сочинений Ленина». «Дело ведь идет не об очередном эфемерном переводе литературных произведений, — писал Алексеев, обнаружив целый ряд ошибок в тексте издания, — и даже не о переводе произведений образцовых, подверженном манерам и манерностям переводчиков, зависящих от знаний, умений и особого искусства переводчика. Здесь именно переводчик должен сознавать, что он имеет своей непосредственной задачей перевести такие тексты, на которые будут ссылаться как на подлинник ... В самом деле, не место в них неумению, незнанию и всем происходящим отсюда анекдотам, курьезам, несообразностям...»¹³⁹.

Разумеется, не все китайские переводчики важнейших документов международного коммунистического движения допускали принципиальные ошибки. Некоторые, как переводчик «Общих тезисов» Ихун, блестяще справлялись с работой. Китайский текст «Общих тезисов» кардинально отличается по манере и точности перевода от всех рассмотрен-

ных выше китайских изданий документов II конгресса. Несмотря на некоторые опечатки и противоречия, не носящие, впрочем, принципиального характера, а также неточный перевод ряда категорий (смещение понятий «рабочий класс» и «трудящиеся классы», «капиталисты» и «капиталы», «национальный» и «националистический»), тем не менее именно этот текст практически полностью передает существо коминтерновской тактики в отсталых странах. Такие переводы были, однако, редки.

Более типичными являлись китайские переводы документов II конгресса. Жгучее желание побыстрее, любыми способами осуществить у себя на родине то, что произошло в России, приводило на первых порах к открытому, а затем подспудному отторжению китайскими сторонниками коммунизма ленинской политической линии. Постигание новой большевистской теории протекало медленно.

Вместе с тем к середине 20-х гг. идеи непосредственного осуществления китайского Октября все же отступили в мировоззрении большинства лидеров китайской компартии на задний план, хотя и не были полностью преодолены. Небольшая группа китайских коммунистов вернется к этой точке зрения позже, после разочаровывающего опыта единого фронта, накопленного в период революции 1925—1927 гг. Но возрождение троцкизма в то время явится уже не столько следствием их отрицательного отношения к ленинской тактике в Китае, сколько реакцией на сталинский поворот в политике Коминтерна по отношению к китайскому революционному движению.

СТАЛИНИЗМ

ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ

СТАЛИНСКИЙ ПОВОРОТ В КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ КОМИНТЕРНА

Как известно, в 1949 году Китай становится самостоятельным государством, пережившим в последние десятилетия столетия величайший раскол. Страна, в которой в течение тысячелетий господствовала феодальная монархия, превращается в народную республику. Как это произошло, можно проследить по документальным материалам будущей Страны Советов — «Ежегодники» — как в отношении Китая, так и в отношении других стран Азии. — «Ежегодник Уганды» за 1987 год ЦК Коммунистической партии РКП(б) — в то время являлся основным источником информации о событиях в мире. В нем можно найти массу интересных фактов, если бы не одна деталь: на странице 117 упоминается Китайская Народная Республика.

В то время в Китае происходили огромные перемены, которые в конечном итоге привели к созданию новой родины. Советская партия в Китае осуществляла свою работу в соответствии с принципами — «Идеологическая борьба — основа борьбы за свободу Китая». Для нас не составляет большого труда убедиться, что в то время в Китае происходили огромные перемены, которые в конечном итоге привели к созданию новой родины.

Второй том. — 1874 г. — 120 стр. — 1 руб. 50 коп.

Второй том. — 1874 г. — 120 стр. — 1 руб. 50 коп.

СТАВРИНСКИЙ ПОВОРОТ В КИТАЙСКОМ ПОНЯТИИ

Второй том. — 1874 г. — 120 стр. — 1 руб. 50 коп.

Второй том. — 1874 г. — 120 стр. — 1 руб. 50 коп.

Глава 5

Сталинизм: истоки и сущность

Как уже говорилось, большевики в решающей степени связывали свои надежды на построение социализма в отсталой России с победой революции пролетариата в высокоразвитых странах Запада. Именно на неизбежности мировой революции строились все их расчеты: только она одна, как представлялось, могла обеспечить социалистическое будущее Страны Советов. «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, — отмечал Ленин в марте 1918 г. на VII экстренном съезде РКП(б), — то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной»¹.

В системе нравственных и мировоззренческих координат, в которой действовали российские левые радикалы, Советская власть в России составляла лишь часть огромного целого — мировой социалистической революции, победа которой казалась близкой. Для них не существовало понятия победы социализма в одной стране. Они его попросту отвергали, ибо были прежде всего интернационалистами. «Если мы взяли

все дело в руки одной большевистской партии, — говорил Ленин, — то мы брали его на себя, будучи уверены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов... международная социалистическая революция придет»².

Конечно, большевиками двигал в первую очередь революционный романтизм: кризис капиталистической системы, усугубленный всемирной войной, они принимали за ее отмирание. Однако в основе их представлений о мировом характере социалистической революции лежали все же реальные факты. Ведь с переходом капитализма в империалистическую стадию завершилось формирование мировой хозяйственной системы, капиталистический рынок непосредственно и опосредованно подчинил себе всемирную экономику, превратив ее в единое целое; в этой связи построение социалистической экономики в какой-либо отдельной, а тем более отсталой стране при отсутствии мировой революции или по крайней мере революций в наиболее развитых империалистических странах обрекалось на поражение.

Исходя из этой концепции, большевистская партия определяла направления внутренней и внешней политики Советской России. В ожидании мировой революции большевики даже пытались первое время после захвата власти, невзирая на полное разложение армии и экономическую разруху, с одной стороны, и мощь германских вооруженных сил — с другой, уклониться от признания факта, что Россия войну с Германией проиграла. Война империалистическая должна была, с их точки зрения, в самое ближайшее время перерасти в гражданскую в мировом масштабе, и победу в этой войне должен был одержать мировой социализм. У них не было, правда, сил для того, чтобы сразу же после Октябрьского переворота осуществить экспорт революции в другие страны путем «революционной» войны против империализма, хотя о неизбежности и желательности таковой Ленин говорил еще в 1915 г.³ Поэтому они на первых порах старались подтолкнуть мировую революцию, активно используя для воздействия на международное рабочее движение даже мирные переговоры с державами Четверного союза в Брест-Литовске (ноябрь — декабрь 1917⁴ — март 1918 г.). Иначе они и не могли в то время поступить⁵.

Представления большевиков о неизбежности мировой революции столкнулись, однако, в Брест-Литовске с жесткой реальностью: австро-германский империализм грозил раздавить Советскую власть. Результатом этого столкновения стал Брестский мир — первое тяжелое поражение большевистского курса на подготовку мировой революции. Новое поражение («гигантское, неслыханное»⁶) принесла война с Польшей в 1920 г. Красной армии не удалось прорваться в Европу и разжечь там революционный пожар. А именно к этому стремились большевики, рассматривавшие польскую кампанию как долгожданный переход от оборонительной войны со всемирным империализмом (имеется в виду борьба с интервенцией) к наступательной⁷. Осуществление мировой революции вновь было сорвано. Однако и это не поколебало веры Ленина, Троцкого и их соратников в грядущий всемирный пожар. «Основная политика наша осталась та же, — подчеркивал Ленин на IX Всероссийской конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. — Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению ... Мы говорим, что революция может быть создана только усилиями передовых рабочих передовых стран. На этот счет не было никогда тени сомнения ни у одного сознательного коммуниста... Несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца»⁸. Рижские переговоры представителей России и Польши (октябрь 1920 — март 1921 г.) убедили большевиков лишь в одном: мировая революция затягивается, ждать ее придется не месяцы, а годы. Данное представление способствовало принятию новой экономической политики, направленной на стабилизацию экономического и политического положения страны, упрочения связей коммунистической партии с крестьянством. И все это по-прежнему в ожидании мировой революции, в целях подготовки к будущим «революционным» наступлениям⁹.

Несмотря на явные неудачи, общий стратегический курс большевиков, таким образом, оставался практически неизменным. Они маневрировали в области тактики, временно отступая на извилистом пути борьбы за всемирный социализм.

Но они ошиблись в своих надеждах. Соответственно, несостоятельным оказался и их другой не менее важный тезис — о возможности социалистического прорыва империализма в слабом звене. Реальное развитие обстановки в мире не соответствовало теоретическим схемам революционного романтизма. Империализм не стал последней фазой капитализма, кануном социалистической революции пролетариата. Он устоял и даже нашел в себе силы для нового динамичного восхождения. Рабочий класс Запада продемонстрировал свою неподготовленность к социалистическому перевороту. Мировой революции не получилось. Особенно знаменательным в этой связи стало поражение германского пролетариата в октябре 1923 г. Многие в руководстве РКП(б) восприняли тогда это событие как новое свидетельство того, что мировая революция оттягивается на долгие годы¹⁰.

В этих условиях большевики оказались один на один перед грандиозной задачей хозяйственного строительства. В то же время все труднее становилось оградить партию от проникновения людей, не способных к творческой работе. В годы гражданской войны зачастую приходилось принимать в партию каждого, кто самоотверженно боролся за Советскую власть. Ситуация еще более осложнилась после окончания войны. Ленин с тревогой отмечал настоящий напор со стороны тех, кого охватывал гигантский «соблазн вступления в правительственную партию»¹¹. В 1922 г., согласно данным общепартийной переписи, 92,7% членов РКП(б) были фактически полуграмотными¹². Ситуация усугублялась тем, что в России не сформировалось гражданское общество; подавляющее большинство населения составляло малограмотное крестьянство, а отсталый рабочий класс был неспособен организовать производство. Диктатура пролетариата на практике обернулась диктатурой пролетарской партийно-советской номенклатуры. Буржуазия была уничтожена, несмотря на то что как класс-организатор производства далеко не исчерпала своих прогрессивных потенциалов, а рабочий класс был не в состоянии занять ее место. Образовавшийся в системе управления вакуум, естественно, стала заполнять бюрократия — пролетарские чиновники, все более отражавшие наряду с социальными чувствами бедняцких масс города и деревни свои собственные корпоративные интересы. Слепая,

привыкшая подчиняться масса нашла в них своего диктатора. Пресечение капиталистического развития России привело, таким образом, к созданию общества не посткапиталистического, а альтернативного капитализму. Уже в силу этого социалистическим такое общество быть не могло. Ведь основным элементом посткапиталистического социализма с развитым гражданским обществом (по крайней мере теоретически) является общенародная собственность на средства производства. Россия же оказалась отброшенной в эпоху так называемого восточного деспотизма¹³: характерной чертой альтернативной капитализму формации стала собственность государственная, точнее — государственная, безрыночная монополия на все сферы общественно-экономической жизни, своего рода современный аналог системы древневосточного образца. Эта монополия, элиминирующая право частной собственности, неотвратимо закрепляла особые права бюрократии, поскольку только обширная армия чиновников могла обслуживать ее интересы. Партийно-советская, пролетарская бюрократия обрела своего лидера. Им стал Сталин. Раз созданная, эта система начала неудержимо саморазвиваться, убирая тех, кто вставал на ее пути.

Новая ситуация в мире и СССР (спад революционной активности рабочего класса в странах развитого капитализма и становление бюрократической модели власти в Советском Союзе) привела к глубокому политическому и идейному кризису в большевистской партии. Часть руководящих работников РКП(б) — искренних революционеров, внесших свой вклад в победу Октябрьской революции, но продолжавших ждать от нее иного развития событий, — стала ощущать беспокойство по поводу внешних проявлений процесса стабилизации бюрократической системы (усиление внутрипартийного централизма и уничтожение остатков демократии, рост и официальное закрепление привилегий партийно-советского аппарата, концентрация власти в руках Секретариата и Оргбюро ЦК и т.п.). Среди них были и Ленин, и Троцкий. Но Ленин, будучи болен, с начала 1923 г. отошел от руководства партией и страной. В январе 1924 г. он умер. Рвавшаяся к неограниченной власти бюрократия направила свой удар против Троцкого.

Первым шагом в ее борьбе стало тайное оформление блока трех других членов Политбюро — Зиновьева, Каменева и Сталина, каждый из которых в отдельности не мог конкурировать с Троцким ни по степени популярности в широких массах, ни по уровню теоретической подготовки. Воспользовавшись болезнью Ленина, «тройка», стремившаяся к изоляции Троцкого, по существу, заблокировала возможность демократического принятия решений в высших органах партии. Одновременно в РКП(б) и Коминтерне была начата (сначала весьма осторожно и закамуфлированно, а затем открыто) кампания по его дискредитации. В ходе августовского (1924 г.) пленума Центрального комитета состоялось совещание группы единомышленников¹⁴, на котором был образован так называемый «исполнительный орган» антитроцкистской фракции — «семерка» в составе Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Рыкова, Томского и Куйбышева. Кандидатами в этот внеуставный, откровенно фракционный орган стали Дзержинский, Калинин, Молотов, Угланов и Фрунзе. По сути дела, «семерка» узурпировала прерогативы высшего органа партии: она предварительно обсуждала те же вопросы, которые затем выносились на заседание Политбюро. Как пишет В. Надточеев, «все это делалось для того, чтобы, придя на заседание Политбюро, быть готовыми к единодушному отпору Троцкому и выступать с единым мнением по обсуждавшимся вопросам»¹⁵. Были усилены и публичные нападки на Троцкого, причем в вину ему все чаще начали ставить его прошлые, дооктябрьские разногласия с Лениным. В январе 1925 г. Троцкий было снят с постов наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР.

С другой стороны, в руководстве партии возникли серьезные разногласия относительно перспектив дальнейшего «социалистического» строительства. Отсутствие мировой революции все настоятельнее выдвигало вопрос: возможно ли построение (победа) социализма в СССР в условиях капиталистического окружения? Особую остроту эта проблема приобрела в середине 20-х гг., уже после смерти Ленина.

К ее разрешению у Троцкого, Зиновьева и Каменева выявились практически одинаковые подходы. Данному обстоятельству предшествовало начало борьбы за власть между Зиновьевым, выступавшим в союзе с Каменевым, и Стали-

ным. Все это привело к созданию объединенной антисталинской оппозиции. Троцкий, Зиновьев и Каменев открыто выступили с единых позиций на апрельском (1926 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Через три месяца, на июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК, произошло их формальное объединение на общей платформе. На вопрос о возможности построения социализма в отдельно взятом Советском Союзе они отвечали отрицательно, по существу повторяя общие постулаты большевизма. В сжатом виде их точка зрения может быть представлена следующим образом: социализм возможен (при наличии гарантий от реставрации капиталистических отношений извне) лишь по достижении страной, где победила революция, высочайшего уровня развития производительных сил; и такой уровень в общих чертах уже известен: это тот самый рубеж, к которому подошли передовые империалистические страны (ведь империализм, продолжали полагать большевики, — высшая и последняя стадия капитализма, канун социалистической революции!). Что касается Советской России, то перед ней встает задача как можно быстрее преодолеть разрыв, отделяющий ее от наиболее развитых государств. В этой связи Троцкий, например, предлагал энергично и эффективно использовать все возможности, которые открывал перед СССР мировой рынок. «Всемерно ускорить собственное развитие мы можем, только умело пользуясь ресурсами, вытекающими из условий мирового разделения труда», — писал он¹⁶.

Но даже преодоление указанного разрыва не будет еще означать построение социализма: без победы пролетариата в основных странах Европы, настойчиво указывал Троцкий, прийти к социализму в России нельзя, ибо, во-первых, мировая буржуазия будет постоянно стремиться к свержению Советской власти вооруженным путем, а, во-вторых, мировое хозяйство «в последней инстанции ... контролирует каждую из своих частей, даже если эта часть стоит под пролетарской диктатурой и строит социалистическое хозяйство»¹⁷. Сказанное, разумеется, не означает, что Троцкий отвергал необходимость «социалистического» строительства в Советском Союзе. «Речь идет ... не о том, можно ли и должно ли строить социализм в СССР, — подчеркивал он. — Такого рода вопрос равноценен вопросу о том, может

ли и должен ли пролетариат бороться за власть в отдельной капиталистической стране ... Каждый наш хозяйственный успех знаменует приближение европейской революции»¹⁸.

Хотя Троцкий чисто гипотетически и предполагал возможность длительной стабилизации капитализма и даже нового бурного развития его производительных сил, он тем не менее сам же категорически отрицал эту перспективу, полагая, что подобная ситуация не вписывается в марксизм. «Совершенно очевидно, — подчеркивал он в работе «К социализму или к капитализму?», — что, если бы невозможное стало возможным, если бы мировой и, в первую очередь, европейский капитализм нашел новое динамичное равновесие... для своих производительных сил, если бы капиталистическая продукция в ближайшие годы и десятилетия совершила новое мощное восхождение, — то это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собираемся пересечь и даже пересаживаемся с товарного поезда на пассажирский, но догонять-то нам приходится курьерский. Проще говоря, это означало бы, что мы ошиблись в основных исторических оценках. Это означало бы, что капитализм не исчерпал своей "исторической миссии" и что развертывающаяся империалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, его конвульсий и загнивания, а лишь предпосылкой его нового расцвета ... Однако для допущения такого варианта нет решительно никаких разумных оснований»¹⁹.

Отношение к мировой революции было для Троцкого, таким образом, непосредственно связано и с отношением к самому Октябрьскому перевороту в России: не только судьба, но и оценка закономерности последнего, с его точки зрения, напрямую зависели от победоносных выступлений европейского рабочего класса.

По-иному на вызов времени ответили Сталин и его сторонники. Раз мировая ситуация не способствовала успешному завершению строительства социализма в СССР, они абстрагировались от нее, направив Советский Союз по пути замкнутого экономического, политического и культурного развития. Теоретическое обоснование их программа нашла в концепции построения социализма в отдельно взятой стране — в СССР.

Ее истоки можно найти уже в идее «врастания в социализм», впервые в общей форме сформулированной Бухариным в ноябре 1922 г. В феврале 1924 г. Бухарин развил эту идею²⁰. Однако ее концептуальное изложение принадлежит Сталину, выдвинувшему в конце 1924 г. в своей работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» соответствующий политический курс²¹.

Резкое расхождение данной теории со всей марксистской традицией вынудило Сталина при ее мотивировке прибегнуть к прямой фальсификации. В основу своей «научной» аргументации он положил ряд превратно истолкованных ленинских цитат, вырванных из контекста соответствующих работ. В ссылках на Ленина он был гораздо более безапелляционен, чем Бухарин; последний тоже использовал авторитет умершего вождя для обоснования своих концептуальных построений, но при этом оговаривался: «В[ладимир] И[льич] этого точно не формулировал»²². Сталин опирался всего на три цитаты из трех произведений Ленина: «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.), публичного выступления на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. и «О кооперации» (январь 1923 г.). Из первой работы он позаимствовал мысль о том, что при неравномерности экономического и политического развития в условиях капитализма «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»²³. Из второй — то место, где Ленин, указывая, что «социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего», выражал уверенность в превращении за несколько лет «России нэповской» в Россию социалистическую²⁴. Из третьей взял положение о государственной собственности на крупные средства производства, диктатуре пролетариата и союзе этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян как о всем необходимом и достаточном для построения полного социалистического общества²⁵.

Действительно, каждая из цитат в отдельности и все они вместе создают впечатление, что Сталин, сформулировав лозунг победы социализма в СССР, лишь обобщил ленинские идеи. На самом же деле Ленин, естественно, не имел к концепции Сталина ни малейшего отношения. Он оставал-

ся предан идее зависимости победы социализма в отдельной стране от перспектив мировой революции всю свою жизнь, вплоть до тех пор, пока окончательно не потерял работоспособность. Именно этой проблеме были, например, посвящены заключительные страницы его последней работы «Лучше меньше, да лучше»²⁶. В статье же «О лозунге Соединенных Штатов Европы», равно как и в написанной год спустя «Военной программе пролетарской революции» (она также использовалась сталинистами для обоснования их теории), под словами «победа социализма» (в одной стране) и «победивший социализм»²⁷ Ленин имел в виду только победу в одной стране социалистической революции, а не социализма как системы. И здесь он ничуть не был оригинален: данное положение, как уже отмечалось, впервые в российской социал-демократии было высказано не кем иным, как Троцким, за несколько лет до Ленина. Что же касается его речи на пленуме Моссовета, а также заметок «О кооперации», то в них он просто сознательно концентрировал все внимание на внутренних проблемах СССР, оставив в стороне международную тему не потому, что считал ее второстепенной, а так как в те конкретные моменты хотел привлечь внимание аудитории именно к вопросам хозяйственного и культурного строительства. Однако и в том и в другом случае он дал на сей счет соответствующие объяснения, о чем ни Бухарин, ни Сталин не вспоминали! «В отношении внешней политики ... нам ничего менять не приходится, — сказал он, в частности в Моссовете. — ...В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое выражение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки»²⁸. Изменилась политика внутренняя. За полтора года до того был введен нэп. Вот почему Ленин весь дальнейший рассказ посвятил характеристике направлений хозяйственного развития страны. То же, что построение социализма в СССР в конечном счете зависит от результата мировой революции, им не пересматривалось. Так же он поступил, и диктуя записки о кооперации. Посвятив всю статью анализу внутренних тенденций социалистического преобразования Советского Союза и особо выделив вопросы о власти, собственности, союзе пролетариата с крестьянством и о той роли, которую должна сыграть в социалистической трансформации коопе-

рация, невозможная без «целой культурной революции», он в то же время специально заметил: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству»²⁹.

Что касается соответствующих положений работы «О кооперации», то здесь нельзя не принять во внимание и те объяснения, которые дал этим положениям Троцкий. «Владимир Ильич, — говорил он на XV конференции ВКП(б) в ноябре 1926 г., — ...перечисляет условия государственные, условия собственности и организационные формы кооперации. Только!.. Но, товарищи, ведь мы знаем и другое определение социализма у Ильича, которое говорит, что социализм, это — советская власть плюс электрификация. Так вот, прочтенная мною цитата отменяет электрификацию или нет? Нет, не отменяет. Все остальное, что Ильич говорил о построении социализма [то есть и тезис о зависимости этого построения от результатов мировой революции] ... этой цитатой дополняется»³⁰.

Но все это не смущало Сталина. Авторитет Ленина был ему нужен, а потому, выдвинув соответствующий курс, он провозгласил: «Именно Ленин, а не кто-либо другой открыл истину о возможности победы социализма в одной стране»³¹,

Дискуссия между оппозиционерами и большинством ЦК ВКП(б) шла вокруг существа самой российской революции. И в этой связи она напрямую затрагивала коренной вопрос — о соотношении интернационального и национального в концепции большевизма. Интернационалистская доктрина Троцкого и его сторонников по-прежнему базировалась на идее, что советская власть в России не представляет собой абсолютной ценности в сравнении с революцией во всем мире. Троцкий, Зиновьев и Каменев сохраняли верность принципам интернационализма, сформулированным Лениным. По определению лидера большевиков, эти принципы требовали, «во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе» и, «во-вторых ... способности и готовности

со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала»³².

Теория же Сталина, напротив, утверждала приоритет российской «социалистической» государственности над всеми остальными проблемами мирового коммунистического движения. «*Революционер* тот, кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, — открыто заявлял Сталин, — ибо СССР есть первое в мире пролетарское государство, строящее социализм. *Интернационалист* тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР»³³. В политике эти установки вели к замене интернационализма «красным» великодержавным гегемонизмом. О том, как этот гегемонистский курс проводился в жизнь после того, как Сталин полностью овладел руководством в партии и стране, с поразительным цинизмом спустя много лет рассказывал В. М. Молотов в беседах с Ф. Чуевым. Чего стоит хотя бы такой откровенный пассаж: «Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей!»³⁴

Разумеется, Сталин и его единомышленники никоим образом не отказывались от идеи мировой революции и соответственно от подготовки пролетарских переворотов в разных странах. Однако в отличие от тех большевиков, которые остались на старых позициях, они видели в этих переворотах лишь средство для усиления роли СССР в глобальной политике. «Интернационализм Сталина ориентировался на Москву и Россию», — приходит к выводу Р. Такер³⁵. Поэтому они могли легко пойти и на предательство интересов той или иной компартии, если, с их точки зрения, это предательство было выгодно Советскому государству.

Сталинская теория самодовлеющего развития, ставшая основой нового направления в русском марксизме — сталинизма, была, таким образом, по сути своей национал-коммунистической. В первую очередь она отражала социальные

устремления партийно-советского аппарата, который абстрактным идеалам мировой революции предпочел реальное укрепление своего господствующего положения в самое ближайшее время. Ведь реализовав эту теорию, можно было, как справедливо заметил Троцкий, «заранее назвать социализмом все, что происходит и будет происходить внутри Союза, независимо от того, что будет происходить за его пределами»³⁶. Иными словами, было возможно и далее искусно манипулировать массами, увлекая их светлой идеей «близкого и вполне достижимого социального счастья» и подчиняя тем самым своему диктату. То же, что эта политика в перспективе вела страну к катастрофе, а общество — к деградации, ибо самоизоляция от мира равносильна медленному самоубийству, в расчет бюрократией не принималось.

Вместе с тем в концепции Сталина оказались аккумулярованы и те традиционные ценности политической культуры России, которые в эпоху «бури и натиска» социальной революции оставались на втором плане или ослабли. Бердяев был прав, когда писал о поляризованности и противоречивости русской души, самого типа русского человека, в котором «всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру»³⁷. Речь идет уже о таких чертах национальной психологии русского народа, которые роднят его с народами Востока: безусловное признание независимости государства от социума, его приоритета над обществом, господства организации над личностью, исполнительной власти над законодательной, восприятие власти и собственности как чего-то единого, слитного, тяга к соборности, обрядности, общинности, вера в доброго батюшку (царя) и т. п.

Следовательно, сталинизм явился логическим результатом процесса дальнейшего приспособления марксистской теории к специфическим условиям России, но уже того периода, когда в отсутствие мировой революции коммунистический режим стал, естественно, ощущать себя национал-государственным. В этом он получил полную поддержку уставшего за время войн и революций народа, вспомнившего о своей вековой любви к порядку. И точно так же, как в свое

время меньшевики в полемике с большевиками и троцкистами были обречены на поражение, на этот раз в схватке со сталинистами должны были проиграть оппозиционеры. Они бросили вызов системе, заговорив о необходимости ее реформирования в то время, когда она стремительно укреплялась. Силы были явно неравными, да к тому же система, фактически порожденная Октябрьской революцией, в отсутствие мировой революции самореформироваться не могла.

Глава 6

Генезис сталинской политики в Китае

Возникновение сталинизма как господствующей политической доктрины ВКП(б) не могло, разумеется, не сказаться на тактике Советского правительства и Коминтерна в отношении международного коммунистического движения, в том числе Компартии Китая. Международная политика Москвы определялась генеральной линией сталинской партии.

Однако формирование сталинизма произошло не сразу. Сталин не стал национал-коммунистом в одночасье. Его концепция социализма в одной стране на первых порах способствовала главным образом укреплению бюрократической системы власти внутри СССР. Мысль Сталина еще на протяжении нескольких лет после публикации «Октябрьской революции и тактики русских коммунистов» эволюционировала от интернационализма к идее национального превосходства. И именно события 1925 — 1927 гг. в Китае сыграли важнейшую роль в ее развитии.

Как свидетельствуют архивные документы, Сталин стал разрабатывать собственную концепцию китайской революции не ранее весны 1925 г., вскоре после разрыва с Зиновьевым, тогдашним председателем Коминтерна. Заметное влияние на него в тот период оказал Войтинский, заведующий Дальневосточным отделом Исполкома Ко-

минтерна. Об этом можно судить, например, по письму Войтинского полпреду СССР в Китае Карахану от 22 апреля 1925 г., в котором он, в частности, сообщал: «На днях во время продолжительного разговора со Сталиным выяснилось, что в его представлении коммунисты растворились в Гоминьдане, не имеют самостоятельной организации и держатся Гоминьданом "в черном теле". Тов. Сталин, выражая свое сожаление по поводу такого зависимого положения коммунистов, считал, по-видимому, что в Китае такое положение пока исторически неизбежно. Он очень удивился, когда мы ему объяснили, что компартия имеет свою организацию, более сплоченную, чем Гоминьдан, что коммунисты пользуются правом критики внутри Гоминьдана и что работу самого Гоминьдана в большой степени проделывают наши товарищи. В защиту своего представления о положении коммунистов в Гоминьдане Сталин ссылался как на газетную, так и вообще на нашу информацию из Китая. Действительно можно полагать, что для тех, кто не бывал в Китае и не знаком с положением вещей там, сводки Бородина создали бы именно такое представление»³⁸.

Как раз в тот период внутри Гоминьдана резко обострилась проблема раскола, вызванная борьбой различных внутрипартийных фракций за наследство Сунь Ятсена (Сунь скончался 12 марта 1925 г.). Войтинский счел момент подходящим для того, чтобы поставить перед руководством ИККИ, РКП(б) и китайской компартии вопрос об активизации усилий КПК по укреплению ее связей с «левыми» гоминьдановцами с целью изгнания из партии «правых». (К ним коммунисты относили тех, кто, с их точки зрения, выражал интересы крупной и средней буржуазии). Его инициативы преследовали, таким образом, цель коренного изменения классовой и политической природы Гоминьдана в результате захвата власти в этой партии «левыми» и коммунистами. В марте 1925 г. они нашли отражение и в открытой печати Коминтерна и РКП(б), в статьях, опубликованных в журналах «Коммунистический Интернационал» и «Большевик»³⁹.

Предложение Войтинского само по себе было неново. Как уже говорилось, первыми по этому вопросу еще в феврале 1924 г. выступили лидеры китайских коммунистов. Однако они были поставлены на место. Исполком Коминтерна и сам

Войтинский в то время не были готовы одобрить такую политику. Тем не менее Войтинский, как видно, вернулся к этой идее, когда ситуация в ГМД обострилась. Его предложение корреспондировалось с идеей превращения Гоминьдана в некую «рабоче-крестьянскую (или народную) партию», что тоже не являлось чем-то необычным. О необходимости образования в некоторых странах Востока «многоклассовых» левых партий впервые было сказано в июне 1924 г., во время работы V конгресса Коммунистического Интернационала⁴⁰. Выступая на пленарном заседании 30 июня с докладом по национальному вопросу, член делегации ВКП(б) и председатель утвержденной конгрессом комиссии по национальному и колониальному вопросам Д. З. Мануильский впервые поставил вопрос о необходимости создания в ряде восточных стран «рабоче-крестьянских» партий со «сравнительно радикальной программой борьбы против империализма». Тенденция к образованию таковых, по его словам, стала видна среди широких трудящихся масс в последнее время. К числу этих партий он, в частности, отнес «Сарект Ракъят» в Голландской Индии и Гоминьдан в Китае. Характеризуя затем отношение к данным партиям со стороны коммунистов указанных стран, Мануильский объявил: Коминтерн «разрешил [sic!] коммунистам на острове Ява принимать активное участие в тамошней рабоче-крестьянской партии. Наряду с этим он разрешил [sic!] вхождение в партию Гоминьдан китайским коммунистам, и мы знаем, что деятельность этих последних в этой партии толкнула ее на путь более решительной борьбы с международным империализмом»⁴¹. Гоминьдан, стало быть, оценивался докладчиком как изначально «рабоче-крестьянская партия», существовавшая в качестве таковой еще до того, как в нее вошли коммунисты. Вступление же КПК, если следовать логике выступавшего, очевидно, усилило левый, то есть рабочий, фланг Гоминьдана. Указав после этого на опасность как «нигилистического игнорирования такого рода новых явлений, революционизирующих Восток», так и «вульгарного сотрудничества с мелкой буржуазией», чреватого потерей «своей самостоятельной физиономии», Мануильский закончил доклад постановкой вопроса о том, не должны ли коммунисты «в странах с низкой хозяйственной структурой брать на себя инициативу создания таких партий»⁴².

Он был поддержан Роем, который выдвинул термин «народная партия», определив последнюю как организацию «эксплуатируемых» классов⁴³.

В тот период, однако, разговоры ничем не увенчались. Конгресс не стал обсуждать данный вопрос. Тем не менее по поручению комиссии конгресса С. К. Брике, заведующий Турецкой секцией Восточного отдела ИККИ, подготовил проект «Резолюции по колониальным и восточным вопросам», в котором эта идея была вновь выражена. После двухнедельных дебатов в комиссии проект был послан Сталину, однако последний не воспринял тогда эту идею. «Наляпано без разбору. Создание таких смешанных партий в Индии, Китае — вредно», — написал он на полях проекта⁴⁴. «Снять!» — распорядился он об абзаце, в котором «серьезной задачей» Компартии Индии объявлялось объединение «наличных революционных сил в ЛЕГАЛЬНУЮ МАССОВУЮ ПАРТИЮ», основой которой должны были стать «революционные рабочие-крестьянские организации»⁴⁵. «Слабо. Неверно», — отреагировал он на предложение «выдвинуть лозунг РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ партии» в Египте»⁴⁶. Допустить возможность создания таких партий Сталин соглашался лишь в «некоторых очень отсталых колониях»⁴⁷. блок же КПК с Гоминьданом в рамках единой партии рассматривал пока в духе той политики ИККИ, которая была конкретизирована Радеком в конце июля 1922 г. в инструкции Марингу.

Весной 1925 г. ситуация изменилась. Возможность захвата власти коммунистами и другими «левыми» внутри Гоминьдана, а в перспективе и в остальных буржуазных партиях крупных стран Востока показалась Сталину настолько реальной, что он вслед за Войтинским вернулся к формуле Мануильского и Роя. И именно как маневр, облегчавший установление гегемонии коммунистической партии в национальном движении, воспринял концепцию «рабоче-крестьянской (народной) партии». Под этим углом зрения им был проанализирован уже проект резолюции V расширенного пленума Исполкома Коминтерна (март — апрель 1925 г.) по работе в Индии (специальная китайская резолюция на пленуме не принималась). В своих замечаниях к данному документу он особенно выделил вопрос об установлении в будущей индийской «народной партии» гегемонии коммунистов⁴⁸.

Указания Сталина были сразу же приняты к действию Восточным отделом ИККИ, который незамедлительно распространил их и на Китай. «Коммунистическая партия Китая, — писал в этой связи Войтинский, — являясь партией промышленного пролетариата, однако, будет осуществлять гегемонию пролетариата не непосредственно, как в чисто капиталистических странах, или даже не так, как в дореволюционной России, а через среду национально-революционной партии, опирающейся на массы городской и сельской мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции. Маневрирование китайской компартии в этой среде, раскачивание волн антиимпериалистического движения и одновременное ведение решительной борьбы против влияния буржуазной идеологии Гоминьдана на компартию, борьба против мелкобуржуазных колебаний этой партии в вопросах реальной политики по отношению к империалистам являются в настоящее время основной задачей коммунистов в этой стране»⁹.

В мае 1925 г. Сталин сам наконец открыто выступил по этой проблеме. Он остановился на ней в речи «О политических задачах Университета народов Востока», произнесенной на юбилейном собрании студентов и преподавателей КУТВ 18 мая 1925 г. Причем на этот раз он определил Гоминьдан уже как настоящую «рабоче-крестьянскую партию», поставив вопрос о завоевании в ней гегемонии КПК как непосредственную задачу. Вот что он сказал: «В странах, вроде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, вроде "Гоминьдан", с тем, однако, чтобы эта своеобразная партия представляла на деле блок двух сил — коммунистической партии и партии революционной мелкой буржуазии. Такая двухсоставная партия нужна и целесообразна, — подчеркнул он, — если она не связывает компартию по

рукам и ногам ... если она облегчает дело фактического руководства революционным движением со стороны компартии. Такая двухсоставная партия не нужна и не целесообразна, если она не отвечает всем этим условиям, ибо она может повести лишь к растворению коммунистических элементов в рядах буржуазии, к потере компартией пролетарской армии [в первом случае выделено мной]»⁵⁰.

В этом же выступлении, а также в сделанном несколькими днями ранее (9 мая) докладе активу Московской организации РКП(б) об итогах работы XIV партконференции Сталин публично сформулировал и свои представления относительно уровня социально-экономического развития Востока. Его тезисы почти текстуально совпали с соответствующими выводами Роя. «До сего времени дело обстояло так, что о Востоке говорили обычно как о целом и единообразном, — подчеркнул Сталин в докладе активу Московской организации. — Теперь ясно для всех, что единого, единообразного Востока нет больше, что есть теперь колонии развитые и развивающиеся капиталистически и колонии отсталые и отстающие, в отношении которых не может быть никакой единообразной мерки»⁵¹. В речи от 18 мая он развил эту мысль дальше: «Мы имеем теперь, по крайней мере, три категории колониальных и зависимых стран. Во-первых, страны вроде Марокко, не имеющие или почти не имеющие своего пролетариата и в промышленном отношении совершенно неразвитые. Во-вторых, страны вроде Китая и Египта, в промышленном отношении мало развитые и имеющие сравнительно малочисленный пролетариат. В-третьих, страны вроде Индии, капиталистически более или менее развитые и имеющие более или менее многочисленный национальный пролетариат»⁵². В выступлении 9 мая он, кроме того, указал на «быстрый темп» развития капитализма вообще во всех колониальных странах⁵³.

Эти размышления привели его к тезису об изменении характера революционного процесса в ряде восточных стран. Он сделал вывод о том, что революционное движение в «промышленно развитых и развивающихся колониях», то есть в Индии, Китае и Египте, к маю 1925 г. уже встало перед неотложной необходимостью разрешить те же задачи, которые стояли перед российским революционным движе-

нием накануне 1905 г⁵⁴. Иными словами, революционный процесс в этих странах приобретал, с точки зрения Сталина, уже не столько национальный, сколько демократический характер. Принимая во внимание, что в то время в Коминтерне считалось общепризнанным, что демократическую программу революции на Востоке смогут осуществить лишь коммунисты, а ни в коем случае не «представители национальной буржуазии», нетрудно заметить, что рассмотренные сталинские рассуждения придавали дополнительное обоснование его идее о необходимости как можно быстрее установить гегемонию КПК в «рабоче-крестьянском Гоминьдане». ✓ ✓

Такого рода заявления не могли удивить работников ИККИ. Об ультралевачьих взглядах Сталина на проблемы революционного движения в странах Востока было известно в Коминтерне. Рой на самом деле оказал огромное влияние на анализ Сталиным социально-экономического положения восточных стран, характера их освободительного движения, уровня классового сознания трудящихся масс, а также перспектив и темпа перерастания их национальных революций в демократические и социалистические. Это стало особенно ясно уже летом 1924 г., когда Рой впервые после смерти Ленина вновь попытался опротестовать общие положения коминтерновской теории антиколониальных революций. Сделал он это в возглавлявшейся им подкомиссии V конгресса Коминтерна, занятой составлением «Резолюции по колониальному вопросу». В проект последней Рой включил следующий тезис: «Коммунистический Интернационал признает необходимость мобилизации колониальных масс на классовой политике, на основе классовых интересов в целях проведения беспощадной борьбы против империализма и соглашательской политики туземной буржуазии»⁵⁵.

С Роем активно полемизировали Раскольников и Мануильский. В результате его проект не прошел в комиссии V конгресса по национальному и колониальному вопросам. Тогда Рой попытался сформулировать свою точку зрения в виде поправки к проекту, подготовленному Брике. «Имея в виду тот факт, что буржуазно-националистическое движение практически во всех важных колониальных и полуколониальных странах (Египет, Индия, Турция, Персия, Голландская Индия, Китай, Филиппины) не является революционной

борьбой против империализма и во многих странах завершилось компромиссом с империализмом, — настаивал он, — формулировка ... должна быть изменена. Банкротство буржуазного национализма, отказавшегося бороться против империализма и желающего лишь получить возможность эксплуатировать местных трудящихся в союзе с империализмом, переносит всю тяжесть борьбы за освобождение на плечи рабочих и крестьян»⁵⁶. Комиссия отвергла и эту поправку и, как мы знаем, направила проект Брикке на отзыв Сталину. Документ сопровождало письмо Мануильского, в котором глава комиссии V конгресса информировал Сталина о разногласиях с Роем. Однако Сталин остался недоволен проектом не только в связи с тем, что в то время он не разделял идеи о «рабоче-крестьянских партиях». Он объяснил свою позицию в ответе Мануильскому 31 июля: «Вы говорите о разногласиях с Роем, подчеркивающим социальный момент борьбы в колониях. Я не знаю, в чем конкретно выражаются эти разногласия. Но должен сказать, что некоторые места резолюции Конгресса мне также не нравятся с точки зрения именно социального момента [!] ... Я думаю, что пришла пора поставить вопрос о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе таких колоний, как Индия, буржуазия которой является соглашательской (с империализмом Англии), и победа над которой (то есть над соглашательской буржуазией) является основным условием освобождения от империализма ... Надо разбить соглашательскую национальную буржуазию ... Надо сосредоточить все удары на соглашательской национальной буржуазии и выставить лозунг гегемонии пролетариата как основного условия освобождения от империализма»⁵⁷.

Сталин посоветовал Мануильскому больше не переделывать резолюцию, отложив вопрос до следующего конгресса. Но уже через девять месяцев сам вернулся к этой проблеме.

И вновь Восточный отдел ИККИ незамедлительно отреагировал, восприняв идеи Сталина как руководящие. «В своей работе ... за отчетный период Востотдел исходил из схемы, данной тов. Сталиным в его речи на юбилее КУТВ», — подчеркивалось в отчете отдела VI расширенному пленуму Исполкома Коминтерна, состоявшемуся в феврале — марте 1926 г.⁵⁸

Эта схема нашла отражение в письме Исполкома Коминтерна Центральному исполнительному комитету КПК от 6 июля 1925 г., в котором, в частности, отмечалось, что компартия должна объединять вокруг лозунгов освобождения Китая и Национального собрания наряду с рабочими и крестьянскими массами «студенческую и другую разночинную интеллигенцию, мелкое купечество, ремесленников и т. д.»⁵⁹. О национальной буржуазии как о союзнике коммунистов уже ничего не говорилось. Влияние соответствующих сталинских установок сказалось и на работе самого VI пленума, в отличие от V пленума принявшего специальную «Резолюцию по китайскому вопросу». В ней декларировалось: «Политическое выступление пролетариата⁶⁰ дало мощный толчок дальнейшему развитию и укреплению всех революционно-демократических организаций страны, и в первую очередь народно-революционной партии Гоминьдан и революционного правительства в Кантоне [Гуанчжоу]. Партия Гоминьдан, выступавшая в основном своем ядре в союзе с китайскими коммунистами, представляет собой революционный блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии на почве общности классовых интересов этих слоев в борьбе против иностранных империалистов и всего военно-феодалного уклада жизни за независимость страны и единую революционно-демократическую власть ... Тактические проблемы китайского национально-революционного движения ... очень близко подходят к проблемам, стоящим перед русским пролетариатом в период первой русской революции 1905 г.»⁶¹.

Кристаллизации взглядов Сталина способствовала сама обстановка бурного подъема в то время антиимпериалистического движения в Китае, характеризовавшаяся усилением борьбы рабочих, активизацией деятельности КПК и советских советников в Гоминьдане и его армии, а также видимым и казавшимся стабильным повышением заинтересованности самих лидеров Гоминьдана в развитии отношений с СССР и с Коммунистическим Интернационалом. Последнее проявилось, в частности, в разгуле «левой», прокоммунистической фразы на II гоминьдановском съезде (январь 1926 г.). Отразилось оно и в выступлении одного из руководителей ГМД Ху Ханьмина, в первый день работы VI пленума ИККИ заявив-

шего буквально следующее: «Есть лишь одна мировая революция, и китайская революция является ее частью. Учение нашего великого вождя Сунь Ятсена совпадает в основных вопросах с марксизмом и ленинизмом ... Лозунг Гоминьдана: за народные массы! Это значит: политическую власть должны взять в свои руки рабочие и крестьяне»⁶².

В феврале 1926 г., вскоре после II конгресса Гоминьдана, Центральный исполнительный комитет ГМД даже обратился в Президиум ИККИ с официальной просьбой о принятии этой партии в Коминтерн. В письме, переданном коминтерновским руководителям Ху Ханьмином, ЦИК ГМД, в частности, подчеркнул: «Гоминьдан стремится выполнить уже 30 лет стоящую перед революционным движением Китая задачу — переход от национальной революции к социалистической»⁶³.

Было отчего закружиться голове! В феврале 1926 г. руководители ЦК ВКП(б) и Исполкома Коммунистического Интернационала всерьез рассматривали вышеизложенную просьбу ЦИК Гоминьдана, а Политбюро ЦК, например, большинством голосов даже высказалось за прием, на правах сочувствующей партии⁶⁴. Правда, затем осторожность все же взяла верх, и по предложению Президиума ИККИ и после консультаций Войтинского со Сталиным и Зиновьевым был выработан проект уклончивого письма в ЦИК ГМД. После его утверждения Президиумом ИККИ оно 25 февраля 1926 г. было передано Ху Ханьмину⁶⁵. В нем отмечалось, что, хотя формальное присоединение Гоминьдана к Коминтерну в качестве «симпатизирующей партии, разумеется, не встречает никаких возражений», тем не менее Коминтерн считает момент для такого присоединения неподходящим: обращалось внимание на то, что вступление Гоминьдана в Коминтерн «облегчит образование единого империалистического фронта против Китая» и также даст повод внутренней китайской контрреволюции изобразить Гоминьдан «партией, потерявшей национальный характер». Вместе с тем Президиум ИККИ, подчеркивая, что «видит в партии Гоминьдан своего прямого союзника в борьбе против мирового империализма», выражал обещание в случае, если ЦИК ГМД будет настаивать на своей просьбе, включить вопрос о вхождении Гоминьдана в Коминтерн в порядок дня будущего VI конгресса Коммунистического Интернационала⁶⁶.

Развитие событий, однако, не пошло в том направлении, в каком его усиленно подталкивали деятели Коминтерна. Реализация коминтерновских установок, направленных на коммунизацию Гоминьдана, оборачивалась почти откровенным стремлением советских советников и китайских коммунистов овладеть аппаратом Центрального исполнительного комитета ГМД и Национального правительства. Это закономерно привело к так называемому «перевороту» Чан Кайши в Гуанчжоу 20 марта 1926 г., через пять дней после закрытия VI пленума ИККИ⁶⁷. Связь антикоммунистического «переворота» с «линией наступления и захвата власти», проводившейся ИККИ в отношении Гоминьдана, косвенно, то есть без прямого обвинения ИККИ, признавалась, например, комиссией Политбюро, посетившей Гуанчжоу с инспекционными целями в феврале — марте 1926 г. и попавшей в эпицентр событий⁶⁸, а также секретарем Дальневосточного бюро ИККИ М. Г. Рафесом, находившимся в этом городе в конце июля — августе того же года⁶⁹.

Недвусмысленно направленный против как китайских, так и советских коммунистов (то есть советских военных и политических советников) и их попыток укрепить свое влияние в Гоминьдане, «переворот» ознаменовал усиление власти «правых» гоминьдановцев и центристов на территории, подконтрольной Национальному правительству ГМД. Его следствием было значительное ослабление позиций в Гоминьдане не только коммунистов, но и «левых» гоминьдановцев, группировавшихся вокруг председателя Национального правительства Ван Цзинвэя. Последний был вынужден выехать за границу. Ряд коммунистов временно оказался под арестом. Руководимый ими Союз молодых воинов был распущен. В деревнях началось разоружение крестьянских союзов, массовая организация которых до того, с лета 1924 г., составляла одно из важнейших направлений деятельности Гоминьдана и КПК. Наиболее же серьезное значение для китайской компартии имело то, что вскоре после «переворота», в мае 1926 г., чанкайшистская группировка предъявила ей ряд требований, направленных на значительное ограничение ее политической и организационной самостоятельности в Гоминьдане. Эти требования включали: запрещение критики Сунь Ятсена и его учения; передачу председателю ЦИК Гоминьдана

списка коммунистов, желавших вступить в ГМД; ограничение числа коммунистов в ЦИК, провинциальных и городских комитетах Гоминьдана одной третью общего количества членов этих комитетов; запрещение коммунистам заведовать отделами ЦИК ГМД; запрещение членам Гоминьдана созывать совещания от имени Гоминьдана без разрешения партийного руководства; запрещение членам Гоминьдана без разрешения участвовать в деятельности компартии; предварительное утверждение объединенным совещанием⁷⁰ всех инструкций КПК, передаваемых ее членам; запрещение членам Гоминьдана вступать в КПК⁷¹.

Какова же была непосредственная реакция Сталина на эти события? Обычно в историографии обращают внимание на то, что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) заставил китайских коммунистов пойти на уступки Чан Кайши ради сохранения единого фронта⁷². Да, это так. Но как, когда именно он это сделал и чем при этом руководствовался?

Документы свидетельствуют, что в первые дни после «переворота» в большевистском руководстве явно наблюдалось определенное замешательство. Осознание поражения не могло прийти сразу. Сказывался и недостаток информации.⁷³ Сталин и его сторонники на первых порах просто пытались выиграть время, рассчитывая на бурный подъем массового рабоче-крестьянского движения в Гуандуне, который дал бы возможность нейтрализовать «путчистов». Это видно, например, из того, что в самом начале апреля 1926 г. при обсуждении резолюции по общим проблемам советско-китайско-японских отношений (проект резолюции был выработан комиссией под председательством Троцкого) именно Сталин предложил включить в ее текст следующие два абзаца: «Правительство Кантона [Гуанчжоу] должно на ближайший период сосредоточить все свои усилия на внутреннем укреплении республики путем проведения надлежащих аграрных, финансовых, административных и политических реформ, путем вовлечения широких народных масс в политическую жизнь Южнокитайской республики и путем укрепления ее внутренней обороноспособности.

Правительство Кантона должно в нынешний период отклонять мысль о военных экспедициях наступательного характера и вообще о таких действиях, которые могли бы толкнуть империалистов на путь военной интервенции»⁷⁴.

Под «военными экспедициями наступательного характера» имелся в виду, разумеется, Северный поход. Выступая против него, Сталин, как видно, исходил из опасений (вполне логичных), что продвижение армии Гоминьдана на север неизбежно ограничит возможности радикализации гуанчжоуского режима под предлогом военной обстановки. Политбюро согласилось с его точкой зрения⁷⁵. В то же время оно сделало все, чтобы сообщение о перевороте не проникло в печать. (Широкая общественность в СССР держалась в неведении о происшедших 20 марта 1926 г. событиях вплоть до весны 1927 г. — до выступлений оппозиционеров в ВКП(б), затронувших и этот вопрос.) Вместе с тем открыто с советской стороны была выражена уверенность в том, что, несмотря ни на какие противоречия, единый антиимпериалистический фронт в Китае будет укрепляться. Это было сделано достаточно гибко уже на четвертый день путча, в обстоятельной статье Войтинского, помещенной на первой странице «Правды» и внешне посвященной другому событию, имевшему место в Китае в те дни, — поражению так называемой Народной армии Фэн Юйсяна, союзника гоминьдановцев, в войне с северными милитаристами⁷⁶.

Никто из советских руководителей сразу после переворота не выступил с предложением выхода коммунистов из Гоминьдана. Даже Троцкий на одном из заседаний Политбюро, обсуждавшем полученные из Гуанчжоу известия о намечавшихся частью китайских коммунистов античанкайшистских выступлениях, предложил принять решение с осуждением «повстанческих» намерений⁷⁷. Только спустя некоторое время, где-то во второй половине апреля 1926 г., Троцкий обратился в Политбюро с предложением об организации выхода КПК из Гоминьдана⁷⁸. Тогда же кратковременные колебания в этом вопросе испытал Войтинский, в письме Чэнь Дусю от 24 апреля предложивший «прекратить составлять вместе с Гоминьданом смешанный союз»⁷⁹. Вскоре после этого, 29 апреля, Политбюро обсуждало сообщение из Китая о том, что предстоявший майский пленум Центрального исполкома ГМД поставит вопрос о будущем статусе КПК в Гоминьдане. На этом заседании Войтинский предложил, чтобы «в случае крайней необходимости» наиболее известные коммунисты по собственной инициативе вышли из Гоминьдана. Он также высказал мысль о том, чтобы

«в крайнем случае» рассмотреть вопрос о «возможном размежевании коммунистов и гоминьдановцев в дальнейшей работе на основе сотрудничества двух самостоятельных партий». Зиновьев поддержал его⁸⁰.

Предложения оппозиционеров, однако, Сталин принять не мог: они разрушали всю его тактическую схему. Ведь, с его точки зрения, коммунисты в «рабоче-крестьянском Гоминьдане» всего лишь пару недель назад были накануне захвата власти; как же можно было так просто сдать «завоеванные» позиции? По логике Сталина, это было бы равносильно неоправданной капитуляции перед «правыми» гоминьдановцами.

29 апреля 1926 г. последовало закрытое постановление Политбюро ЦК по проблемам единого фронта в Китае. Разрыв КПК с Гоминьданом был признан совершенно недопустимым; Сталин вместе с тем согласился вернуться к этому вопросу позже, в случае, если выяснится, что «движение за организационное размежевание с коммунистами сильно» внутри Гоминьдана. Курс на активное вмешательство КПК во внутрипартийные дела Гоминьдана с целью исключения «правых» из этой партии был на какое-то время подтвержден. Единственным нововведением было решение замедлить темп коммунистического наступления внутри ГМД, чтобы перегруппировать силы. Сталин признал необходимым пойти лишь «на внутренние организационные уступки *левым гоминьдановцам* в смысле перестановки лиц...»⁸¹. Речь шла только о «левых». Выступление Чан Кайши (в то время никто в советском руководстве не относил Чан Кайши к «правым») Политбюро расценило как конфликт между коммунистами и их объективными союзниками. Резолюция была принята единогласно. Зиновьев тоже голосовал за нее. Троцкий на заседании отсутствовал.

В мае 1926 г. Политбюро по-прежнему противилось подготовке Северного похода. Нехотя, «ввиду сложившихся ... обстоятельств», оно дало добро лишь на посылку небольшого экспедиционного корпуса Национально-революционной армии Китая «для защиты провинции Хунань как подступа к Гуандуну, с тем, однако, чтобы войска не распространялись за пределы этой провинции». В то же время оно обязало ИККИ и советское правительство «всемерно усилить помощь Компартии Китая как людьми,

так и деньгами, посоветовав ей, между прочим, усилить работу в Гоминьдане, ведя линию на изоляцию правых гоминьдановцев»⁸².

То, что Политбюро в то время явно расценивало уступки Чан Кайши как необходимые меры в целях перегруппировки сил в «левом» лагере, объясняется помимо прочего тем, что сам Чан Кайши довольно искусно маневрировал. Через некоторое время после переворота он ограничил деятельность не только коммунистов, но и «правых», некоторые из которых были смещены со своих постов. В конце мая один из наиболее ярых сторонников исключения КПК из ГМД, начальник Полицейского управления Гуанчжоу У Течэн, был даже арестован. Главный информатор Москвы о китайских делах Бородин расценил это как конкретное выражение «бессилия» «правой» группировки, а принятие майским пленумом Гоминьдана ограничивающей деятельность КПК резолюции — как всего лишь тактический шаг, рассчитанный на «устранение недоразумений» между компартией и «честными гоминьдановцами». Он даже считал, что «резолюции пленума Ц[И]К [ГМД] о коммунистах нанесли правым больший ущерб, чем коммунистам»⁸³.

В конкретных условиях, сложившихся в Китае, тактика Политбюро не могла быть успешной. Северный поход помимо воли Сталина стал реальностью. Офицерский корпус НРА за счет перехода на ее сторону части милитаристов начал все более приобретать консервативный характер; влияние «правых» вследствие этого возрастало. Главнокомандующий НРА Чан Кайши все более склонялся к их позиции. Летом 1926 г. даже Политбюро ЦК ВКП(б) перестало рассматривать его как «левого» и начало относиться к нему как к «центристу». КПК, поскольку баланс сил в ГМД был не в ее пользу, естественно, демонстрировала полное бессилие в вопросе об очищении Гоминьдана от «антикоммунистов». Именно в этой обстановке, несмотря на то что надежды на будущую коммунизацию этой партии ни у Сталина, ни у его сторонников не исчезли, Сталин был вынужден отказаться от тактики осторожного наступления и перегруппировки сил и перейти к временному отступлению. Он решил сделать уступки «правым». «Отступить, чтобы потом лучше прыгнуть», — так позже характеризовал тактику отступления один из сталинских единомышленников А. С. Мартынов⁸⁴.

Судя по архивным материалам, решение об уступках «правым» со стороны коммунистов было принято Москвой не ранее конца октября 1926 г. 26 октября по предложению сталинского единомышленника, наркома по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилова, Политбюро приняло директиву Дальневосточному бюро ИККИ в Шанхае, запретив развертывание борьбы против китайской буржуазии и феодалской интеллигенции, то есть тех, кого Коминтерн традиционно относил к «правым». «Пока опасность со стороны империалистов и севера существует и в перспективе борьба с ними неизбежна, Гоминьдан должен беречь всех своих возможных союзников и полутчиков, — подчеркивалось в директиве. — ... Согласны, что аграрная проблема должна быть поставлена в порядок дня практически, и без крестьян победа невозможна. Однако немедленное развязывание гражданской войны в деревне, в обстановке разгара войны с империализмом и их агентами в Китае может ослабить боеспособность Гоминьдана»⁸⁵. Приведенная директива была адресована Дальбюро в ответ на его телеграфный доклад от 22 октября. Последний был составлен Войтинским⁸⁶, запросившим санкций руководства на активизацию китайскими коммунистами массового движения в тылу НРА⁸⁷.

Комментируя октябрьскую директиву Политбюро уже после поражения коммунистического движения в Китае, Сталин охарактеризовал ее как досадное недоразумение. «Это была отдельная эпизодическая телеграмма, абсолютно не характерная для линии Коминтерна, для линии нашего руководства», — объяснял он на июльско-августовском (1927 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)⁸⁸. Как отдельное, сиюминутное событие оценивал ее и Ворошилов⁸⁹. На самом же деле в отказе поддержать предложения Войтинского проявился новый политический курс Сталина и Политбюро в Китае. Судя по заявлению Рафеса, сделанному в конце ноября 1926 г., вскоре после его возвращения из Китая в Москву, именно так данную телеграмму расценило Дальневосточное бюро. Тем более что это послание было единственной общеполитической директивой, полученной этим органом за пять месяцев работы в Китае (июнь — октябрь 1926 г.)⁹⁰.

Идеи, сформулированные в рассмотренной директиве, получили подтверждение и развернутое обоснование в выс-

туплениях ближайших соратников Сталина и одних из руководителей Коминтерна Бухарина и Раскольников на XV конференции ВКП(б), проходившей с 26 октября по 3 ноября 1926 г. В этих выступлениях была дана иная, чем на VI пленуме ИККИ, характеристика социального состава Гоминьдана. Сделав как бы шаг назад, к оценкам, господствовавшим в Коминтерне до середины мая 1925 г., сторонники сталинской линии на этот раз охарактеризовали Гоминьдан как партию, объединявшую в своих рядах представителей не только рабочих, крестьян и «городской демократии», но и средней торгово-промышленной буржуазии. При этом они уже не выступали за превращение ГМД в «рабоче-крестьянскую» организацию ускоренными методами, а главным образом выделяли вопрос о необходимости изо всех сил добиваться сохранения и укрепления в Китае единого национального фронта, придавая первостепенное значение тому, чтобы КПК избегала каких бы то ни было действий, которые могли внести в него раскол или вызвать в нем трещины⁹¹. И хотя Бухарин в докладе на конференции сформулировал мысль о том, что для развития революции надо «проводить аграрную реформу», дальше констатации этого он не пошел. Более того, в заключительном слове поспешил внести разъяснения, заявив: «Я только должен сказать, что нужно понимать необходимость разрешения сложной и трудной задачи перехода от одного сочетания сил к другому сочетанию сил ... Затруднение имеет своей базой совершенно объективное противоречие между необходимостью на данной стадии удержания максимально большего блока, направленного против империализма, и, с другой стороны, необходимостью развивать крестьянское движение. Вот это все составляет объективное противоречие текущего момента. Как его разрешить? Его разрешить надо так, чтобы приступить ко второй задаче с известной постепенностью, чтобы получить максимальный эффект»⁹².

Отступление продолжалось, однако, недолго. Обострение обстановки в Гоминьдане, где в конце 1926 г. усилилась борьба за власть между различными лидерами, заставило Сталина вновь внести коррективы в китайскую политику. VII расширенный пленум ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.) ознаменовал начало нового, хотя на этот раз достаточно

осторожного продвижения Коминтерна в направлении захвата власти в Гоминьдане.

Накануне пленума внутри сталинского большинства ВКП(б) выявились различия в оценке непосредственных задач революционного движения в Китае, а соответственно, и линии КПК. Были представлены две крайние точки зрения: Раскольников, особенно активно поддержанного Бубновым и Мануильским, и проректора Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК) П. Мифа, взгляды которого разделялись рядом советских и коминтерновских представителей в Китае.

Свою позицию Раскольников выразил еще 12 ноября 1926 г., за десять дней до открытия VII пленума, на заседании подготовительной китайской комиссии ИККИ, занимавшейся разработкой тезисов по вопросу о положении в Китае, текст которых должен был быть утвержден на пленарном заседании. Вот что он тогда заявил: «Лозунг выселения помещиков и джентри⁹³ из деревни, лозунг конфискации земель может быть применен только с известной оговоркой к Северному Китаю. Этот лозунг неприменим к Южному Китаю, где происходит национально-освободительное движение. Там лозунг "бей джентри, конфискация земли" неуместен. Это означало бы сильнейшую опасность для единого национально-революционного фронта... Можно выдвинуть лозунг конфискации всех церковных и монастырских земель, конфискации земель реакционных помещиков, которые поддерживают Чжан Цзолия и т. д. и т. п. Необходимо, конечно, выдвинуть лозунг снижения арендной платы, которая сейчас чрезвычайно высока»⁹⁴. Раскольников, как видно, продолжал развивать вариант дальнейшего отступления КПК перед Чан Кайши, «центристами» и «правыми», считая «неуместным» осуществление аграрной революции в Южном Китае, пока там развивается национально-освободительное движение. Он выражал крайнюю осторожность и в определении перспектив революции, полагая, что она «может пойти по двум путям». С одной стороны, по турецкому пути, по пути вырождения в своего рода военную диктатуру крупной промышленной буржуазии — «Чан Кайши превратится в Кемаль-пашу»⁹⁵, а с другой стороны, может и привести к созданию «мелкобуржуазного правительства при поддержке рабочего класса и крестьянства и под протектора-

том Советского Союза»⁹⁶. 19 ноября им был подготовлен и разослан по соответствующим адресам проект тезисов («Тезисы т. Петрова по китайскому вопросу»), отразивший его точку зрения⁹⁷.

Миф стоял гораздо «левее». Возражая Раскольникову, он на том же заседании 12 ноября 1926 г. заявил следующее: «Неправильно, что аграрную революцию нужно проводить на севере, а аграрную реформу — в местах, занятых кантонскими [гуанчжоускими] войсками ... Если мы собьемся с постановки революционными мерами разрешить крестьянский вопрос, мы лишим себя возможности возглавить крестьянскую революцию в Китае ... Возможность сговора Чан Кайши с империалистами легко может быть осуществлена, если мы крестьянство не подведем как базу революционного национально-освободительного движения ... Мы должны не поддерживать [буржуазию], а бороться с буржуазией». Акцентируя далее внимание на необходимости «развивать пролетарские тенденции китайской революции», Миф безоговорочно отвергал «турецкий» или «кемалистский» путь развития Китая и утверждал лишь одну перспективу: «В Китае [мы] будем иметь власть революционной мелкой буржуазии при *организующей* роли пролетариата. Мы там будем иметь полностью рабоче-крестьянское правительство»⁹⁸. В свой проект тезисов Миф даже включил требования «немедленно организовать крестьянские советы» и «добиваться немедленного выселения из деревень всех джентри, нотаблей, помещиков, являющихся инструментом власти и эксплуатации китайского крестьянства»⁹⁹.

В конце концов 30 ноября в спор между Раскольниковым и Мифом вмешался Сталин, выступивший на заседании подготовительной китайской комиссии ИККИ. Его речь была достаточно компромиссной. С одной стороны, он поддержал Раскольникова, сделав основной упор на национальном характере разворачивавшегося в Китае революционного процесса. Ни слова на этот раз он не сказал о «соглашательстве» китайской национальной буржуазии. Напротив, вновь, как и до мая 1925 г., рассматривал ее как хотя и «слабого», но тем не менее реального участника единого фронта. Более того, осудил «некоторых товарищей», которые считали, что «у китайцев должно повториться точь-в-точь то же самое, что

имело место у нас в России в 1905 г.»¹⁰⁰. Он выразил также несогласие с Мифом по вопросу об образовании крестьянских советов: «Миф забегает вперед. Нельзя строить Советы в деревне, обходя промышленные центры Китая. Между тем, вопрос об организации Советов в промышленных центрах Китая не стоит сейчас на очереди. Кроме того, надо иметь в виду, что Советы нельзя рассматривать вне связи с окружающей обстановкой. Советы, в данном случае крестьянские Советы, можно было бы организовать лишь в том случае, если бы Китай переживал период максимального подъема крестьянского движения ... в расчете, что промышленные центры Китая уже прорвали плотину и вступили в фазу образования власти Советов. Можно ли сказать, что китайское крестьянство и вообще китайская революция уже вступили в эту фазу? Нет, нельзя»¹⁰¹.

С другой стороны, Сталин продемонстрировал, что не отказывается от надежд на установление в Китае в подходящий, с его точки зрения, момент гегемонии КПК. Из его выступления становилось ясно, что тот идеал, который сложился у него в голове в предшествующий период, лишь временно отодвинулся в будущее. Он вновь обосновывал мысль о том, что рано или поздно национальная буржуазия перейдет в лагерь реакции и роль вождя революции неминуемо окажется в руках китайского пролетариата и его партии; под руководством последних в стране будет установлена революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая (здесь Сталин несколько смягчил характеристику, данную им за полтора года до того) будет напоминать диктатуру пролетариата и крестьянства, предрекавшуюся большевиками для России в 1905 г., но «с той ... разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу».¹⁰² Указание на антиимпериалистический по преимуществу характер будущей «рабоче-крестьянской» власти в Китае не имело, однако, принципиального значения. Сталин откровенно подчеркивал, что это будет власть «переходная к некапиталистическому, или, точнее, к социалистическому развитию Китая»¹⁰³.

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) выступил также против излишней осторожности в отношении к революции в китайской деревне. Правда, в достаточно общем плане. Он

подчеркнул только, что в принципе нельзя бояться втягивания крестьянства в революцию. «Антиимпериалистический фронт в Китае, — указал он, — будет тем сильнее и могущественней, чем скорее и основательней втянется китайское крестьянство в революцию». От определения конкретных шагов, которые должны были бы привлечь крестьян на сторону КПК и Гоминьдана, Сталин, однако, уклонился, заметив только, что «каковы должны быть перспективы в этом отношении и до каких пределов можно и нужно пойти — это зависит от хода революции»¹⁰⁴.

VII пленум, естественно, согласился со сталинской точкой зрения. В основу окончательного текста резолюции о положении в Китае был положен новый проект, составленный членом комиссии Роем с дополнениями Раскольниковца, Бубнова и Сталина¹⁰⁵. Он был принят пленумом 16 декабря. В итоговом документе была прежде всего зафиксирована новая (в отличие от оценки VI пленума ИККИ) социальная характеристика Гоминьдана. Пленум определил Гоминьдан как блок четырех социальных групп: пролетариата, крестьянства, мелкой городской буржуазии и части капиталистической буржуазии, а не как «рабоче-крестьянскую партию»¹⁰⁶. По-иному VII пленум ИККИ оценил и перспективы развития Гоминьдана, отметив, что даже тогда, когда «основной силой движения явится блок еще более революционного характера — блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии», то есть трех классов, это не будет означать устранения с арены национальной освободительной борьбы всей буржуазии¹⁰⁷. В этой связи пленум осторожно подошел и к формулированию тех требований, которые КПК и Гоминьдан должны были, с его точки зрения, выдвинуть в качестве своей аграрной программы в районах, находившихся под контролем Национального правительства ГМД. В резолюции были изложены предложения Раскольниковца: не аграрная революция, а снижение арендной платы, налогов, конфискация земель контрреволюционеров и т. п.¹⁰⁸

Вместе с тем в резолюции обосновывалась мысль о том, что в процессе развития китайского революционного движения КПК добьется превращения Гоминьдана в «подлинную партию народа», установит в нем свою гегемонию, а затем сформирует революционное антиимпериалистическое

правительство, которое будет представлять собой «демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов». Более того, в рассматриваемом документе содержалось указание на то, что КПК, проводя свою политику в деревне, не должна опасаться возможного обострения классовой борьбы; наоборот, она была обязана поставить вопрос об аграрной революции «на видное место в программе национально-освободительного движения», не боясь того, что подобная постановка ослабит единый антиимпериалистический фронт¹⁰⁹.

Новая тактика отразилась в тот период и в конкретной сталинской директиве в Китай, посланной Бородину 17 декабря 1926 г. С одной стороны, в ней все еще оговаривалась необходимость направлять борьбу в городах лишь «против крупных слоев буржуазии и, прежде всего, против империалистов с тем, чтобы мелкая и средняя китайская буржуазия по возможности удерживалась в рамках единого фронта против общего врага...». С другой стороны, подчеркивалось, что «общая политика отступления в городах и свертывания борьбы рабочих за улучшение своего положения неправильна ... Декреты против свободы стачек, рабочих собраний и т.д. абсолютно недопустимы»¹¹⁰.

До действительного наступления было, однако, еще далеко. На практике тактика заигрывания с «правыми» была на некоторое время продолжена. В начале 1927 г. она даже привела к официальному оформлению отношений Коммунистического Интернационала с Гоминьданом. В ответ на новую просьбу ЦИК ГМД и — на этот раз — лично Чан Кайши, выраженную через его представителя Шао Лицзы, прибывшего с визитом в Москву в сентябре 1926 г., Президиум Исполкома Коминтерна с санкции Политбюро в январе 1927 г. принял решение о взаимном обмене представителями между Коминтерном и Гоминьданом. По этому решению представитель ЦИК Гоминьдана (им стал Шао Лицзы) вводился в состав Президиума ИККИ с правом совещательного голоса¹¹¹.

Таким образом, к весне 1927 г. сталинская концепция китайского революционного движения в основных своих положениях сформировалась. Она резко контрастировала с ленинской теорией антиколониальных революций.

Троцкий и создание
единого фронта в Китае

ТРОЦКИЙ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПЦИИ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В октябре 1929 — в начале 1930 гг. Троцкий разработал концепцию единого фронта в Китае, основанную на сотрудничестве с коммунистами. Эта концепция была разработана в результате его поездки в Китай в 1929 г. и в результате его контактов с коммунистами в Пекине и Шанхае. Троцкий считал, что сотрудничество с коммунистами является необходимым условием успеха революции в Китае. Он считал, что коммунисты являются единственной силой, способной возглавить революцию в Китае. Троцкий считал, что сотрудничество с коммунистами является необходимым условием успеха революции в Китае. Он считал, что коммунисты являются единственной силой, способной возглавить революцию в Китае.

Эта концепция была разработана Троцким в результате его поездки в Китай в 1929 г. и в результате его контактов с коммунистами в Пекине и Шанхае. Троцкий считал, что сотрудничество с коммунистами является необходимым условием успеха революции в Китае. Он считал, что коммунисты являются единственной силой, способной возглавить революцию в Китае. Троцкий считал, что сотрудничество с коммунистами является необходимым условием успеха революции в Китае. Он считал, что коммунисты являются единственной силой, способной возглавить революцию в Китае.

ЧАСТЬ IV

КОНЦЕПЦИЯ В ПОНЯТИИ КОНЦЕПЦИИ

Вопрос о концепции является одним из наиболее актуальных в настоящее время. С одной стороны, это понятие широко используется в различных областях знания, с другой — оно является предметом споров и дискуссий. В данной работе мы рассмотрим различные подходы к пониманию концепции и попытаемся выявить ее сущность.

Концепция — это представление о чем-либо, основанное на определенных признаках и свойствах. Она является основой для формирования понятий и теорий. В философии концепция рассматривается как способ мышления, позволяющий человеку осмыслить окружающий мир. В науке концепция служит основой для построения моделей и гипотез. В искусстве концепция является основой для создания произведений искусства. Таким образом, концепция является универсальным понятием, которое имеет большое значение для человеческого познания и творчества.

Вопрос о том, что такое концепция, является предметом споров и дискуссий. Некоторые считают, что концепция — это просто набор признаков, другие — что это сложное образование, включающее в себя не только признаки, но и их взаимосвязи. Мы считаем, что концепция — это целостное представление о чем-либо, основанное на определенных признаках и свойствах, а также на их взаимосвязях.

Глава 7

Троцкий и создание единого фронта в Китае

Будучи членом Политбюро Центрального комитета большевистской партии до октября 1926 г. и членом ЦК до октября 1927 г., Троцкий должен был быть одним из непосредственных участников дискуссии по вопросам советской внешней политики, проходившей в верхних эшелонах власти. Какова же была его позиция относительно тактики единого фронта в Китае, осуществлявшейся Политбюро и ИККИ? Как реагировал он на ленинский поворот от концепции перманентной революции в странах Востока к идее национального сотрудничества?

Как свидетельствуют документы, Троцкий не мог на первых порах в полной мере принять взгляды Ленина о едином антиимпериалистическом фронте. Об этом можно судить, например, по его докладу, сделанному в июне 1921 г. на III конгрессе Коминтерна и озаглавленному «О мировом хозяйственном кризисе и новых задачах Коммунистического Интернационала»¹. В этом докладе он, в частности, настаивал на том, что борьба «туземной» буржуазии «против чужестранного империалистического владычества не может ... быть ни последователь-

ной, ни энергичной, так как сама туземная буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, является в значительной мере его агентурой. Только возникновение довольно многочисленного туземного пролетариата, способного к борьбе, создает действительный стержень для революции. Количество индусского пролетариата в сравнении со всем населением страны, разумеется, малочисленно, но кто понял смысл развития революции в России, тот отдаст себе отчет в том, что революционная роль пролетариата в странах Востока будет гораздо выше, чем его численность. Это относится не только к чисто колониальным странам, как Индия, к полуколониям, как Китай, но и к Японии, где капиталистический гнет сочетается с феодально-кастовым бюрократическим абсолютизмом»².

Как видно, Троцкий явно шел вразрез с положениями ленинских «Тезисов», зато его заявление вполне соответствовало установкам роевских «Дополнительных тезисов», определенно настраивая аудиторию на подготовку в странах Востока такой же, как в России, непосредственной социалистической революции.

Как долго продолжалась оппозиция Троцкого единому фронту? Выступал ли он против решения ИККИ о вступлении коммунистов в Гоминьдан? Многие историки находят ответ на этот вопрос очевидным. Ведь не кто иной, как сам Троцкий, в известном письме Максуду Шахтману от 10 декабря 1930 г. объяснил, что выступал против присоединения КПК к Гоминьдану «с самого начала»³. Следовательно, Троцкий не изменил своего отрицательного отношения к ленинской тактике. Однако проблема не так проста, как это явствует из его утверждения. Существует несколько несовпадений в хорошо известных заявлениях Троцкого (сделанных вскоре после того, как он, потерпев поражение в борьбе со Сталиным, оказался в вынужденной эмиграции) о его позиции относительно вступления КПК в Гоминьдан — несовпадений, на которые, похоже, никто до сих пор не обратил внимание. Они начинаются уже с упомянутого письма Шахтману, в котором Троцкий, заявляя о своей изначальной оппозиции вступлению КПК в Гоминьдан (то есть курсу, одобренному ИККИ в 1922 г.), в то же время относит начало этой оппозиции к 1923 г.⁴ 8 января 1931 г., примерно через месяц после назван-

ного письма, отвечая на корреспонденцию, полученную от китайской левой оппозиции⁵, он вновь объясняет позицию российских оппозиционеров в вопросе о присоединении компартии к Гоминьдану. «Вступление компартии в Гоминьдан, — утверждает он, — было ошибкой с самого начала. Я думаю, что это — в том или другом документе — надо сказать совершенно открыто, тем более, что тут есть огромная доля вины русской оппозиции. Наша группа (оппозиция 1923 г.), за исключением Радека и нескольких его ближайших друзей, была с самого начала против вступления компартии в Гоминьдан и против включения Гоминьдана в Коминтерн. Зиновьевцы стояли на противоположной позиции. Радек давал им своим голосом перевес в оппозиционном центре. Преображенский и Пятаков считали, что из-за этого вопроса не нужно рвать блока с зиновьевцами. В результате объединенная оппозиция [троцкистов и зиновьевцев] занимала по этому кардинальному вопросу двусмысленную позицию, которая отразилась в целом ряде документов, даже в оппозиционной платформе»⁶.

Закономерен вопрос: что имел в виду Троцкий под словами «с самого начала»? С начала принятия новой китайской политики Коминтерна, то есть с конца июля 1922 г.? Или с начала формирования первой троцкистской оппозиции, то есть с октября 1923 г.? А может быть, с начала образования антисталинского блока, то есть с апреля 1926 г.? Если он подразумевал 1922 или 1923 г., тогда почему считал возможным возложить на русскую оппозицию «огромную долю вины»? Ведь в 1922 — начале 1926 г. Троцкий не был связан фракционными обязательствами, и, если бы хотел выступить против коминтерновской политики в Китае, ничто не могло бы его удержать. Но, возможно, настаивая на своей готовности «разделить вину», он тем самым хотел сказать, что и до 1926 г. что-то вынуждало его в тактических целях поддерживать линию ИККИ? Но что? Процитированный документ не дает ответа; в любом случае из него не ясно, какова была действительная позиция Троцкого по единому фронту в Китае до 1926 г.

Наконец, в своей книге «Сталинская школа фальсификаций», завершённой осенью 1931 г., Троцкий дважды отмечал, что политика Сталина в Китае приняла пагубный характер в 1924 г., подразумевая тем самым, что и его оппозиция этой политике началась в том же году⁷.

Еще одна проблема заключается в том, что публичные выступления Троцкого за 1922 — август 1926 г. противоречат всем его процитированным выше утверждениям эмигрантского периода. Они дают основание предполагать, что Троцкий в то время уже полностью поддерживал основные принципы единого фронта в том виде, как они были изложены Лениным, а затем развиты Радеком в инструкции последнего Марингу. Другими словами, где-то в 1922 г. он отказался от своей оппозиции ленинской тактике, целиком приняв политику ИККИ на Востоке, в том числе в Китае. Это, по-видимому, произошло в конце года и было, очевидно, связано с его участием в организации IV конгресса Коминтерна, уделившего такое большое внимание Востоку.

Так, 28 декабря 1922 г., выступая с докладом на заседании коммунистической фракции X съезда Советов, Троцкий в полном соответствии с идеями, одобренными Коммунистическим Интернационалом, заявил: «Само собою разумеется, что колонии — Азия, Африка (я говорю о них в целом), несмотря на то что они тоже представляют величайшие градации, как и Европа, колонии, если брать их самостоятельно и изолированно, совершенно не готовы для пролетарской революции. Если брать их изолированно, то капитализм в них имеет еще длительную возможность хозяйственного развития. Но колонии принадлежат метрополиям, и их судьба тесно связана с судьбой их европейских метрополий. В колониях мы наблюдаем растущее национальное революционное движение. Коммунисты представляют собой там только небольшие ячейки, внедренные в крестьянство. Если вы спросите о перспективах социалистического и коммунистического развития колоний, то я скажу, что этот вопрос нельзя ставить изолированно. Конечно, после победы пролетариата в Европе эти колонии станут ареной культурного, хозяйственного и всякого другого воздействия Европы, но для этого они должны сыграть свою революционную роль параллельно с ролью европейского пролетариата ... Развитие, влияние идей социализма и коммунизма, освобождение трудящихся масс колоний, ослабление влияния националистических партий могут быть обеспечены не только и не столько ролью туземных коммунистических ячеек, сколько революционной борьбой пролетариата метрополии за освобождение колоний»⁸.

Продолжая признавать национальный характер революционного движения на Востоке, он в марте 1923 г. в работе «Мысли о партии», вновь утверждал, что «на Западе дело идет о борьбе пролетариата за власть, а на Востоке — "всего-навсего" об освобождении крестьянских преимущественно наций от чужеземного ига. Разумеется, отвлеченно рассуждая, эти два движения относятся к разным эпохам общественного развития, но исторически-то они связаны воедино, направляясь с двух сторон против одного и того же могущественного врага: империализма»⁹. О том же он говорил в докладе на заседании VII Всеукраинской конференции КП(б)У 5 апреля 1923 г., специально обращая внимание аудитории на то, что руководители Коминтерна, в том числе и он сам, под мировой революцией понимают «и борьбу пролетариата за власть на Западе, и борьбу колониальных и полуколониальных народов Востока за национальное освобождение»¹⁰. При этом он полагал необходимым относиться с особым «тактом» к решению национально-революционных проблем, указывая, что «если ... опасно недоразумение между пролетариатом и крестьянством вообще, то оно во сто крат опаснее, когда крестьянство не принадлежит к той национальности, которая [является] господствующей национальностью»¹¹.

Наиболее систематически Троцкий изложил свои взгляды по вопросам антиколониальных революций в речи, произнесенной на трехлетнем юбилее Коммунистического университета трудящихся Востока, 21 апреля 1924 г. Вот что он тогда говорил: «Нет никакого сомнения в том, что если китайской партии Гоминьдан удастся объединить Китай под национально-демократическим режимом, то капиталистическое развитие Китая пойдет вперед семимильными шагами. А это все готовит мобилизацию неисчислимых пролетарских масс, которые будут вырываться из доисторического полуварварского состояния и будут ввергаться в фабричный котел индустрии ... Национальное движение на Востоке есть прогрессивный фактор истории. Борьба за независимость Индии — это глубоко прогрессивное движение; но мы с вами знаем в то же время, что эта борьба ограничена национально-буржуазными задачами. Борьба за освобождение Китая, идеология Сунь Ятсена — это борьба демократи-

ческая, идеология прогрессивная, но буржуазная. Мы стоим за то, чтобы коммунисты поддерживали Гоминьдан в Китае, толкая его вперед. Это необходимо, но здесь есть и опасность национально-демократического перерождения. И так во всех странах Востока, которые являются ареной национальной борьбы за освобождение от колониального рабства ... Нужно уметь сочетать восстание индусских крестьян, стачку носильщиков в портах Китая, политическую пропаганду буржуазных демократов Гоминьдана, борьбу корейцев за независимость, буржуазно-демократическое возрождение Турции, хозяйственную и культурно-воспитательную работу в Советских республиках Закавказья, нужно уметь все это идейно и практически связать с работой и борьбой Коммунистического Интернационала в Европе»¹².

В этой связи Троцкий вновь, вслед за Лениным, указал на важность приспособления большевистской теории и политики к конкретным условиям восточных стран, заключив, что там, где капитализм еще развивается, «временная эксплуатация марксизма для целей буржуазно-прогрессивной политики» возможна и неизбежна. В соответствии с этим и продолжая мысль Ленина, он также определил основную задачу молодых восточных коммунистов: «Не только идеи марксизма и ленинизма перевести на язык Китая, Индии, Турции, Кореи», но и «переводить на язык марксизма страдания, страсти, требования и нужды трудящихся масс Востока»¹³.

Эти идеи в тот период нашли отражение и в других работах Троцкого, посвященных Востоку¹⁴. Можно ли их рассматривать всего лишь как дипломатические маневры в отношении других лидеров партии и Коминтерна? Очевидно, нет. Еще более серьезные сомнения в правильности позднейших интерпретаций Троцким соответствующих событий 1922 – 1926 гг. возникают при чтении его внутрипартийной переписки первой половины 20-х гг., а также неофициальных документов, циркулировавших среди троцкистов.

Один из документов такого рода – письмо Троцкого А. А. Иоффе, исполнявшему обязанности руководителя советской дипломатической миссии в Китае, датированное 20 января 1923 г. Оно представляет собой ответ Троцкого на почти тридцатистраничную записку Иоффе, посланную ему из

Китая, в которой последний жалуется на «недоверие» к нему со стороны Политбюро и обвиняет руководителей РКП(б) в том, что они связывают его «по рукам и ногам» в его деятельности в Китае¹⁵. В то время Иоффе совместно с Сунь Ятсеном занимался подготовкой вышеупомянутой «Декларации Сунь Ятсена – Иоффе». Сам он тогда являлся одним из наиболее убежденных сторонников вступления КПК в Гоминьдан. Троцкий, опровергая жалобы Иоффе, подчеркивал: «Вы неправильно оцениваете политику Политбюро в китайском вопросе. Общие Ваши тезисы Политбюро одобрило. Особенно подчеркнута необходимость — при всех и всяких правительственных комбинациях в Китае — продолжать активную работу по поддержке демократической организации Сунь Ятсена и по сочетанию с ней работы китайских коммунистов ... Таким образом, в этих основных вопросах ни о каком дезавуировании Вас не было и речи».¹⁶

Другой документ — корреспонденция Троцкого наркому по иностранным делам Чичерину и Сталину от 2 ноября 1923 г., в которой, в частности, говорится: «Из писем Карахана [полпред РСФСР] видно, что дела Китая продолжают идти из рук вон плохо ... Никакой партии и никакой серьезной пропаганды нет. Между тем при бесформенности китайской политической жизни сколько-нибудь организованная и централизованная партия Гоминьдан имела бы решающее значение»¹⁷.

Из неофициальных документов второй половины 1920-х гг. особенно четко характеризует отношение Троцкого к рассматриваемой проблеме его частное письмо Радеку от 26 июня 1926 г. В нем он писал: «Организационное сожительство Гоминьдана и компартии было правильно и прогрессивно для определенной эпохи...»¹⁸.

Еще один важный документ — заметки Троцкого «Китайская компартия и Гоминьдан», сделанные 27 сентября 1926 г., но в то время не опубликованные. В них отмечается: «Участие компартии в Гоминьдане было совершенно правильным для того периода, когда компартия представляла пропагандистское общество, только подготовлявшееся к будущей самостоятельной политической деятельности и стремившееся в то же время участвовать в текущей национально-освободительной борьбе»¹⁹.

Много лет спустя по существу о том же Троцкий писал Г. Айзексу²⁰. В письме, датированном 1 ноября 1937 г., он, например, следующим образом объяснял причины, вызвавшие принятие ИККИ решения, обязывавшего КПК вступить в Гоминьдан, а также излагал свое понимание значения данной политики: «Он [Маринг] выполнял особую миссию и в своей деятельности опирался на мандат, данный Зиновьевым, Радеком и Бухариным, возможно с согласия Сталина ... Весь этот эпизод имел место в 1922 г., если я правильно помню. Ленин был болен. Я был полностью изолирован от работы в Коминтерне и впервые увидел Маринга позже, когда он вернулся из Китая ...»

Вступление само по себе не было преступлением в 1922 г., вероятно не было даже ошибкой, в особенности на юге, если предположить, что в Гоминьдане в то время был ряд рабочих, а молодая коммунистическая партия была слаба и состояла почти полностью из интеллигентов... В этом случае вступление должно было быть эпизодическим шагом к независимости [sic!], напоминая до определенной степени Ваше вступление в Социалистическую партию. Вопрос заключается в том, какова была их цель при вступлении и в чем заключалась последующая политика?»²¹.

Эти архивные материалы свидетельствуют, таким образом, о том, что Троцкий не выступал «с самого начала» против присоединения КПК к Гоминьдану. Наоборот, активно поддерживал эту политику. О том же говорит и то обстоятельство, что до сих пор никому из работавших в различных архивах не удалось обнаружить ни одного документа, содержащего хотя бы намек на несогласие Троцкого с китайской политикой Коминтерна, ориентировавшей КПК на вступление в Гоминьдан.

Даже впоследствии, в период 1924 — 1925 гг., когда ИККИ разрабатывал концепцию «рабоче-крестьянской (многоклассовой) партии», отношение Троцкого к названной политике не изменилось. Вот что он писал по этому поводу в письме Айзексу от 29 ноября 1937 г.: «Вы впервые упоминаете об отношении левой оппозиции к китайскому вопросу. Для Вашего сведения необходимо сказать следующее: в период 24 и 25 гг. китайский вопрос решался по каналам Коминтерна путем личного соглашения между Сталиным и Зиновьевым.

С Политбюро никогда не консультировались. Политика Бородина никогда даже не упоминалась на Политбюро. Это было прерогативой Коминтерна, в действительности Сталина — Зиновьева. Только эпизодически мог я вмешиваться в этот вопрос, например, когда голосовал в Политбюро против принятия Гоминьдана в Коминтерн в качестве симпатизирующей партии. Только в 26 г. после конфликта между Зиновьевым и Сталиным секреты один за другим начали раскрываться. Но Зиновьев сам был связан своей прежней политикой, и нашим первым открытым заявлениям предшествовала серия внутренних дискуссий в левой оппозиции [sic!]. Это объясняет огромную задержку в открытой борьбе по китайскому вопросу»²².

Анализ эпизодических выступлений Троцкого по вопросам Китая, имевших место в 1924 — 1925 гг., подтверждает эти слова²³. Из этих выступлений также видно, что в те годы во всем, что касалось Китая, Троцкий ограничивался лишь общими фразами относительно важности национально-освободительного движения в этой стране и о необходимости союза между пролетариатом передовых стран и китайской демократией. Это было характерно и для его открытых выступлений зимы — весны 1926 г.²⁴. Трудно не согласиться с Дойчером, который, говоря об этом периоде жизни Троцкого, отмечал, что последний уделял в то время КПК «гораздо меньше внимания и придавал ей гораздо меньше веса, чем коммунистической политике в Британии или даже в Польше»²⁵. И дело здесь было даже не в том, что его фактически отстранили от участия в формировании коминтерновской политики в Китае. Он сам, по существу, занял позицию невмешательства, которая к тому же носила благожелательный характер. Даже оставаясь не посвященным в детали китайской политики ИККИ, он мог следить и следил с интересом за развитием событий в этой стране, с симпатией относясь к национально-революционному движению. Его выступление против приема Гоминьдана в Коминтерн в феврале 1926 г. выглядит не более чем эпизод. Никакой критики коминтерновской концепции «многоклассовых» партий он в тот период не допускал.

И это несмотря на то, что в конце концов в январе — марте 1926 г. он оказался втянутым в активное обсуждение китайс-

ких проблем. Правда, это были вопросы не коммунистического движения, а Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), резко обострившиеся в то время. Эта дорога, проходящая по территории Северной Маньчжурии, была построена российскими предпринимателями на основании договора, заключенного в 1896 г. между правительствами царской России и Китая. По соглашениям, подписанным между СССР и Китаем 31 мая 1924 г. и между представителями Советского Союза и фактическим хозяином Маньчжурии маршалом Чжан Цзолинем 20 сентября того же года, эта дорога 3 октября 1924 г. перешла под совместное управление СССР и Китая. В начале 1926 г. чжанцзолиневы совершили ряд вооруженных провокаций в районе КВЖД, сопровождавшихся насильственными действиями против советских работников дороги. Ситуация на КВЖД была подвергнута тщательному анализу в Политбюро, принявшем ряд мер, направленных на мирное разрешение конфликта. Наибольшую роль среди членов Политбюро в урегулировании инцидента сыграл Троцкий: большая часть именно его предложений, сочетавших решительное давление на Чжан Цзолиня по каналам НКВД с наказанием отдельных советских работников КВЖД, замеченных в великодержавном отношении к китайцам²⁶, легла в основу итогового решения Политбюро от 18 марта 1926 г.²⁷ Политбюро не приняло только одно предложение Троцкого, заключавшееся в том, чтобы сделать официальное заявление о «постоянной готовности» СССР «передать ж[елезную] д[орогу] народному правительству Китая»²⁸.

Сняв на время острую напряженность в районе КВЖД, Политбюро этим не ограничило. 18 же марта 1926 г. оно приняло решение об образовании специальной комиссии, которая должна была разработать долгосрочную программу советской внешней политики на Дальнем Востоке, главным образом в отношении Китая и Японии²⁹. Ее членами были утверждены Чичерин, Ворошилов и Дзержинский³⁰, председателем — Троцкий.

Работа комиссии проходила в два этапа. К 22 марта был подготовлен черновой набросок решений по вопросам советской политики в отношении Японии и Маньчжурии, затем, к 24 марта, — проект тезисов об отношениях с собствен-

но Китае. Главным автором обоих документов был Троцкий³¹. Комиссия свела их воедино и 24 марта утвердила окончательный текст резолюции, который Троцкий на следующий день представил в Политбюро³². Основное содержание резолюции, озаглавленной «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии», сводилось к определению важнейших приоритетов советской дипломатии в дальневосточном регионе. При этом выделялись два узловых момента: ориентация советской внешней политики на обеспечение максимально благоприятных условий для развития революционного движения в Китае и усиление дипломатической активности, направленной на укрепление мирных, взаимовыгодных отношений СССР с Японией, Маньчжурией и Китаем. Характеризуя первое направление, авторы документа, в частности, подчеркивали необходимость вести дело к тому, чтобы способствовать созданию такой обстановки в Китае, которая стимулировала бы вовлечение в революцию крестьянства и обеспечивала бы руководство революционным движением со стороны «пролетарских организаций». Что же касается тех мер, которые должна была предпринять советская дипломатия для улучшения отношений с Маньчжурией и Японией, то практически все они касались проблемы КВЖД: комиссия, по существу, повторила предложения Троцкого, уже одобренные Политбюро 18 марта. В резолюции, кроме того, содержались некоторые рекомендации в адрес Гоминьдана и КПК, носившие тактический характер, — улучшить отношения с Японией, играть на политических противоречиях между Японией и Англией и установить модус вивенди с Францией.

25 марта 1926 г. Политбюро в основном утвердило те предложения комиссии, которые касались внешней политики СССР в отношении Маньчжурии и Японии³³, а 1 апреля — весь проект, внося в него отдельные поправки и дополнения³⁴. Наиболее серьезными из них помимо уже упоминавшейся поправки Сталина о необходимости концентрации усилий гоминьдановского правительства на внутреннем укреплении гуандунской базы и отказе от планов Северного похода были предложение Центральному исполкому Гоминьдана всемерно усилить работу в Национально-революционной армии, а также решение развить энергичную политическую

кампанию в Китае, Англии и других странах против выдвинутого к тому времени консервативными кругами Китая требования о высылке из Китая Карахана — чрезвычайного и полномочного представителя СССР.³⁵

В отличие от большинства членов Политбюро Троцкий, похоже, не считал военную экспедицию гоминьдановской армии против северных милитаристов опасной для дела китайской революции; по крайней мере еще 18 марта, готовясь к заседанию Политбюро, состоявшемуся в тот день, он обдумывал «стратегически-политический план (продвижение Гоминьдана на север)»³⁶. Что же касается вопроса о Карахане, то он полагал возможным пойти на уступки китайской стороне, сделав своеобразную рокировку: Карахана отправить представителем СССР в Японию, на место В. А. Коппа, а последнего перевести в Пекин³⁷.

Тезис об усилении работы в армии разногласий не вызывал. Внеся утвержденные исправления в текст резолюции, Троцкий 3 апреля 1926 г. отправил окончательный документ в Политбюро³⁸.

Разногласия с большинством руководства носили все же пока не принципиальный характер. Троцкий еще не чувствовал, что китайская политика Сталина все дальше отходила от ленинского изначального курса. Только тогда, когда он осознал, что «пропасть между буржуазией и пролетариатом в Китае стала стремительно расширяться», а Политбюро ЦК ВКП(б) отказывалось принять меры, чтобы дистанцировать китайских коммунистов от Гоминьдана, только тогда он начал переосмысливать коминтерновскую тактику в Китае. Именно его предложение о необходимости выхода из ГМД после «переворота» Чан Кайши, прозвучавшее во второй половине апреля 1926 г., спровоцировало раскол.

Глава 8

Российская левая оппозиция на пути к единой платформе по китайскому вопросу

Троцкий не сразу сориентировался в обстановке, которую вызвал на юге Китая «переворот» Чан Кайши 20 марта 1926 г. Скорее всего сказался уже отмечавшийся недостаток информации. Изменить отношение к ситуации его заставила возможность принятия предстоявшим майским пленумом Центрального исполкома ГМД решений по поводу китайской компартии. В тот момент Троцкий действовал импульсивно. Совершенно ясно, что он не был подготовлен к тому, чтобы всерьез защищать свое предложение о выходе КПК из Гоминьдана. Его знания о Китае были слишком ограниченными.

Судя по всему, свою точку зрения Троцкий сформулировал в устной форме. В дальнейшей открытой борьбе против него, неоднократно упоминая об этом его выступлении, сталинисты ни разу не предъявляли тому документальных свидетельств, хотя в отдельные моменты ситуация этого требовала.

Предложение Троцкого, как и прозвучавшее несколько позже выступление Зиновьева, впервые выявили расхождения среди членов Политбюро по наиболее принципи-

альным вопросам китайской революции. «Первые наши разногласия по китайскому вопросу с руководящим ядром нынешнего Политбюро ЦК ВКП(б) относятся еще к началу 1926 г.», — писали позже, в конце мая 1927 г., Зиновьев и Троцкий³⁹. (Соответствующие предложения Войтинского не имели серьезного значения для членов Политбюро. Сам Войтинский не был большой фигурой в крупной игре между Сталиным и Троцким. Кроме того, он принадлежал к сталинскому большинству. В последующие годы никто, кроме Зиновьева, не упоминал о его выступлении.) Вот как Бухарин на июльском (1926 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) вспоминал о том, что случилось: «Нам было сделано предложение сначала тов. Троцким, а потом тов. Зиновьевым о том, что коммунистическая партия должна порвать с Гоминьданом, должна выйти из Гоминьдана, и по этому поводу существует определенное решение Политбюро»⁴⁰.

О том же, по существу, проинформировал пленум Сталин, дополнив слова Бухарина лишь несколькими деталями. «Это было месяца два назад, — сказал он, — когда Зиновьев вышел в Политбюро с рядом директив китайским коммунистам, требуя, чтобы мы допустили выход китайской компартии из Гоминьдана. Еще раньше тов. Троцкий входил в Политбюро с этим предложением, но Политбюро отвергло его. Тов. Зиновьев собственно повторил предложение тов. Троцкого. Политбюро отвергло его вторично, сказав, что политика выхода компартии из Гоминьдана при настоящей международной ситуации есть политика ликвидации китайского революционного движения, политика отдачи Гоминьдана на съедение правым гоминьдановцам...»⁴¹.

Резолюция Политбюро, на которую ссылались Бухарин и Сталин, была принята на заседании 29 апреля 1926 г. По поводу предложений Троцкого и Зиновьева в ней, в частности, говорилось: «Признать вопрос о разрыве между Гоминьданом и компартией имеющим первостепенное значение. Считать такой разрыв совершенно недопустимым. Признать необходимым вести линию на сохранение компартии в составе Гоминьдана»⁴².

Хотя Троцкий и был первым, кто поднял вопрос о выходе, особое раздражение Сталина и его сторонников в Политбю-

ро вызвало выступление Зиновьева. Ведь, будучи Председателем Исполкома Коминтерна, последний нес полную ответственность за политику, осуществлявшуюся сталинским большинством в Китае и приведшую к мартовскому «перевороту» Чан Кайши. Анализ его заявлений, имевших место в период с 1924 по начало 1926 г., подтверждает это. В основных выводах, касавшихся характеристики Гоминьдана как «рабоче-крестьянской (многоклассовой) партии», а также роли и задач КПК он всецело солидаризовался со Сталиным. Весьма показательны, например, его тезисы «Очередные проблемы международного коммунистического движения», подготовленные для VI расширенного пленума ИККИ. «Рабочее движение, — писал он в них, — сделало ряд важных завоеваний в Китае: организация профсоюзов, стоящих на классовой точке зрения, рост влияния связанной с коммунистами народно-революционной партии Гоминьдан, усиление революционного правительства в Кантоне [Гуанчжоу] — первый пример революционно-демократического правительства на Востоке, опирающегося на широкие массы трудящихся в городе и деревне и ведущего стойкую борьбу против империализма»⁴³.

В начале февраля 1926 г. именно Зиновьев был, похоже, одним из наиболее активных приверженцев идеи приема ГМД в Коминтерн. К этой мысли приводит, в частности, сохранившаяся в архиве запись его беседы с Ху Ханьминем, посетившим Председателя ИККИ 8 февраля 1926 г. Вот что тогда заявил Зиновьев: «Теперь, я думаю, необходимо для меня выдвинуть для обсуждения с Вами, тов. Ху, один важный вопрос. Это о том, что Гоминьдан должен соединиться с III Интернационалом, и отношения эти должны быть не только по имени, но и по существу»⁴⁴. Ху Ханьминь, разумеется, горячо поддержал Зиновьева. Как раз в ходе этой встречи он вручил Председателю ИККИ официальное письмо Центрального исполкома ГМД с просьбой о принятии Гоминьдана в Коминтерн⁴⁵. Именно по просьбе Зиновьева Ху Ханьминь выступил на VI пленуме ИККИ.

Поддерживая Сталина и энергично сотрудничая с ним во всем, что касалось политики наступления КПК в Гоминьдане, Зиновьев, однако, с начала 1925 г. стал дистанцироваться от него во всех остальных вопросах. Как уже говорилось, в

начале апреля 1926 г. он и Троцкий впервые выступили против сталинского руководства с единых позиций по целому ряду проблем как внутрипартийного характера, так международных (о Китае в то время речи не шло). Это, возможно, объясняет почему на заседании Политбюро 29 апреля Зиновьев фактически поддержал выдвинутое ранее предложение Троцкого о выходе КПК из Гоминьдана. Конечно, формально он выступил в поддержку Войтинского, однако он должен был понимать, как его выступление будет интерпретировано сталинистами, раздосадованными его союзом с их принципиальным противником.

В ответ Сталин постарался нанести удар побольнее, решив обсудить заявления оппозиционеров на очередном, июльском (1926 г.), объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 15 июня 1926 г. он поделился с Молотовым и Бухариным своим намерением «дать пленуму отчет Политбюро по вопросам особой папки»⁴⁶ и здесь, при обсуждении в Пленуме, упомянуть обо всех драчках в ПБ, с тем чтобы Пленум сказал свое слово»⁴⁷. И вместе с Бухариным он сделал это, несмотря на то что ни Троцкий, ни Зиновьев не настаивали на своих предложениях относительно КПК и Гоминьдана. Не получив поддержки в Политбюро, Зиновьев, например, не только голосовал за сталинскую резолюцию на заседании Политбюро 29 апреля, но и обошел молчанием данный вопрос даже тогда, когда 20 мая 1926 г. Политбюро заслушивало доклад комиссии Бубнова о ее работе в Китае. Главной темой доклада был, разумеется, «переворот» Чан Кайши⁴⁸.

Бухарин был особенно критичен. Говоря о Китае, он свел воедино практически все разногласия и споры, имевшие место в Политбюро с начала 1926 г. Он не преминул сообщить участникам пленума не только о предложении его оппонентов о выходе КПК из Гоминьдана, но и о точке зрения Троцкого относительно отзыва Карахана. Помимо прочего он обвинил Троцкого в стремлении «сдать» КВЖД Китаю. Так он интерпретировал предложение Троцкого сделать официальное заявление о готовности СССР передать Китайско-Восточную железную дорогу народному правительству Китая. Позже, в мае 1927 г., выступая на VIII пленуме ИККИ, Троцкий так охарактеризовал бухаринский выпад: «Его утверждение есть ложь. Единственное

предложение, которое я сделал после слов т. Рудзутака, который сказал, что железная дорога нам в тягость, что она становится временами орудием империализма, — после чего Бухарин на него напал — единственное предложение, которое я сделал, состояло в том, чтобы возвестить с нашей стороны снова в самой решительной и торжественной форме, что мы, в полном соответствии с пекинскими решениями⁴⁹, передадим эту дорогу китайскому народу на самых благоприятных условиях, как только в Китае образуется единое демократическое правительство. В Политбюро тогда сказали: нет, в настоящий момент такое заявление будет понято как признак нашей слабости; мы сделаем такое заявление месяцем позже. Я не поднял против этого протеста. Это было мимолетное обсуждение, которое лишь позже и самым позорным образом было переделано в специальную форму, было пущено в печать, было распространено путем намеков, — словом было проделано все то, что за последнее время стало у нас приемом, обычаем, модой и режимом»⁵⁰.

«Слово» пленума было категорично. В принятом подавляющим большинством голосов постановлении (против голосовало только 11 человек) подчеркивалось: «Пленум ЦК ... констатирует явно оппортунистические и капитулянтские предложения оппозиции (Зиновьев, Троцкий) ... ЦК полагает, что такая позиция имела бы смысл лишь при полной ликвидации национально-революционного движения в Китае, т. е. при полной и прочной капиталистической стабилизации на этом важнейшем участке колониального фронта классовой борьбы. Отнюдь не исключая широкой свободы маневрирования, ЦК полагает, что для вышеуказанных предложений оппозиции при данных условиях не было ровно никаких оснований и, что, взятые в целом, они выражают собою недопустимое поражение»⁵¹. На пленуме было также принято решение вывести Зиновьева из состава Политбюро.

В своих выступлениях на пленуме ни Зиновьев, ни Троцкий не пытались дать разъяснения. Очевидно, они надеялись сделать это в письменном заявлении, специально касавшемся разногласий по китайскому вопросу. Последнее было написано Зиновьевым⁵², однако ему не позволили приобщить его к протоколам пленума.

Вновь к проблематике революционного движения в Китае Троцкий вернулся (правда, на этот раз сутоубо в частном порядке, не выдвигая вопрос для открытого обсуждения) в августе 1926 г. Но не он теперь был инициатором дискуссии. Ее возобновил один из самых активных его сторонников по борьбе со сталинским большинством ВКП(б) Радек, с 1924 г. систематически занимавшийся Китаем⁵³, а с осени 1925 г. возглавлявший вновь образованный Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена — особое учебное заведение, созданное в Москве для теоретической подготовки как гоминьдановских, так и коммунистических кадров китайской революции.

Вплоть до лета 1926 г. Радек всецело поддерживал линию ИККИ в Китае и как один из официальных коминтерновских «китаеведов» играл видную роль в ее пропаганде. Несмотря на участие в левой, троцкистской, оппозиции и горячую полемику со сталинистами по вопросам, касавшимся бюрократизации партии, хозяйственного строительства в СССР и победы социализма в одной стране, во всем, что относилось к Китаю, он, по существу, стоял на точке зрения Сталина, а соответственно, и Зиновьева⁵⁴. Зачастую он был даже более категоричен, чем лидеры большевистской партии и Коминтерна. Так, подхватив тезис Сталина о «рабоче-крестьянском» Гоминьдане, высказанный как бы вскользь, он абсолютизировал его и в августе 1925 г. сформулировал мысль о том, что гуанчжоуское правительство является «первым рабоче-крестьянским правительством» Китая⁵⁵. Правда, на какое-то время в начале 1926 г. он засомневался в необходимости дальнейшего присутствия КПК в Гоминьдане, однако из его сомнений ничего не вышло. Он обсуждал этот вопрос в «разговорах с товарищами, руководящими ... [коминтерновской] работой в Китае», — по всей видимости, с Зиновьевым и Войтинским. Но они не придали его сомнениям серьезного значения, и Радек принял их аргументы⁵⁶. Вскоре после этого он подтвердил свой тезис о «рабоче-крестьянском характере» гоминьдановского правительства⁵⁷. Не разобравшись на первых порах в существовании «переворота» Чан Кайши, он 26 марта 1926 г. опубликовал статью в «Правде», в которой поспешил сделать вид, что на юге Китая ничего серьезного не произошло⁵⁸. На решающем заседании Полит-

бюро 29 апреля, обсуждая резолюцию по проблемам единого фронта в Китае, Радек полностью поддержал Сталина, выступив против предложений Войтинского и Зиновьева о выходе из Гоминьдана. (О его отношении к соответствующему предложению Троцкого ничего не известно.) Он заявил тогда, что «в момент напора правых ... нельзя перенапрягать лошадей, когда вода угрожает унести телегу»⁵⁹.

Дальнейшее развитие ситуации в Гуандуне, приведшее к частичной утрате китайскими коммунистами своей политической независимости в ГМД, заставило, однако, Радека вновь засомневаться в правильности китайской политики Политбюро. 22 июня 1926 г. он подготовил довольно острый полемический материал по этому вопросу — «Об основах коммунистической политики в Китае» — и ознакомил с ним товарищей по оппозиции. В этом документе он указал на «беспрерывные трения», возникавшие между КПК и ГМД, объяснив их тем, что обе организации начинали превращаться в массовые партии. В создавшейся обстановке, продолжал он, дальнейшее пребывание компартии в Гоминьдане не способствовало развитию революции, а лишь ослабляло ее. «Из этого положения есть два выхода, — подчеркнул Радек. — Или отказ коммунистов от самостоятельной политики, полное подчинение Гоминьдану... или же ... переход от теперешних форм к блоку с Гоминьданом как блок[у] двух самостоятельных партий ...»

Теперь пришел момент, когда надо поставить вопрос об изменении форм отношений Гоминьдана и коммунистической партии ... Гоминьдан и компартия должны иметь самостоятельные местные и центральные организации»⁶⁰.

Позиция Радека привлекла внимание Троцкого, и 26 июня 1926 г. он написал ему письмо, в котором высказал несколько соображений по поводу тех вопросов, которые Радек поднял. Во-первых, он просил Радека подумать, как можно опровергнуть аргумент сталинского большинства о том, что необходимость существования объединенной «демократическо-коммунистической» партии в Китае обосновывается совместной борьбой буржуазии и трудящихся этой страны против общего врага — иностранного империализма. Во-вторых, предлагал ему более подробно осветить вопрос о самостоятельности китайского рабочего движения. В заключение

письма он подчеркнул: «Организационное сожительство Гоминьдана и компартии ... в нынешнюю эпоху ... все более становится тормозом»⁶¹.

Продолжая размышлять над проблемами коммунистического движения в Китае, Троцкий 30 августа 1926 г. направил Радеку новое письмо, в котором особо выделил следующий момент: «Факт таков, что наличие национального и даже колониального гнета вовсе не обуславливает необходимости вхождения компартии в национально-революционные партии. Вопрос зависит прежде всего от классовой дифференциации и ее переплета с иностранным угнетением. Политически вопрос ставится так: обречена ли компартия на длительный период времени на роль пропагандистского кружка, вербующего отдельных единомышленников (внутри революционно-демократической партии), или же компартия может претендовать уже в ближайшую эпоху на руководство рабочим движением? В Китае несомненны условия этого второго порядка»⁶².

Тон письма свидетельствовал о большой внутренней работе, которую проделал Троцкий, прежде чем окончательно прийти к данному выводу. Его все еще вела интуиция. Систематических и глубоких знаний о Китае он не имел, и это не давало ему возможность развить перед Политбюро, ЦК и ИККИ свои сомнения в правильности сталинской линии в этой стране. Данное обстоятельство в значительной степени объясняет, почему в течение нескольких месяцев после своего апрельского выступления он на официальном уровне к вопросам китайского революционного движения не возвращался⁶³. В том же письме, развивая свои мысли, высказанные ранее, 26 июня, он обратился к Радеку с просьбой помочь информацией о КПК, Гоминьдане и вообще Китае. Он откровенно признал, что те идеи, к которым он пришел, «необходимо доказать, хотя бы в самых общих чертах, однако, с подбором необходимейшего фактического материала»⁶⁴. Характерно его объяснение по этому поводу: «Вопрос этот заслуживает внимания и разработки ... Но необходима конкретизация — для непосвященных читателей, а таковы, в сущности, все. Крайне важно сгруппировать основные фактические данные относительно развития Гоминьдана и компартии (районы их распространения, рост стачечной

борьбы, Гоминьдан, компартия, профсоюзы, конфликты внутри Гоминьдана и пр.).

Очень важно, на мой взгляд, сопоставить положение дел в Китае с положением в Индии. Почему индусская компартия не входит ни в какую национально-революционную организацию? Как обстоит дело на этот счет в Голландской Индии?»⁶⁵.

Эти же вопросы, судя по всему, волновали Радека. 31 августа 1926 г. он написал письмо в Секретариат ЦК ВКП(б), в котором, выразив беспокойство по поводу соответствующих событий в Китае, задал вопрос о политической оценке режима Чан Кайши после «переворота» 20 марта. Этот вопрос был им поднят с тем, чтобы согласовать свою деятельность ректора Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена с политической линией партии⁶⁶. Ответа он не получил, что, впрочем, неудивительно.

Троцкий надеялся прояснить вопросы, волновавшие его и Радека, до XV партийной конференции (октябрь — ноябрь 1926 г.), на которой рассчитывал их поднять⁶⁷. И уже в сентябре 1926 г., ознакомившись с соответствующей литературой, в том числе материалами июльского (1926 г.) пленума ЦИК КПК и информационными донесениями Дальбюро ИККИ, счел себя вправе дать «совершенно бесспорный ответ на вопрос о дальнейших взаимоотношениях компартии и Гоминьдана»⁶⁸. Это было сделано им в двух черновых записках, одна из которых («Китайская компартия и Гоминьдан») явно не предназначалась к печати, а другая («К пятнадцатой партийной конференции»), по-видимому, представляла собой предварительный текст его выступления на приближавшемся партийном форуме. Точка зрения Троцкого, изложенная в этих документах, заключалась в следующем: в развитии революционного движения в Китае наступил уже тот момент, когда компартия не может более оставаться «пропагандистской группой» в составе Гоминьдана, а должна немедленно выйти из него, с тем чтобы осуществлять самостоятельную политическую линию, направленную, однако, не на вывод пролетариата из национально-революционной борьбы, а на завоевание его гегемонии в освободительном движении. В подтверждение своей мысли Троцкий ссылался на «факты и документы из политической жизни

Китая последнего времени», которые, как тогда казалось всем, объективно свидетельствовали о бурном росте массового движения в этой стране (подъем массового движения в Китае не отрицали и сталинисты)⁶⁹. «Революционная борьба Китая уже с 25-го года вступила в новую эпоху, которая характеризуется прежде всего активным выступлением широких пролетарских масс, стачками и созданием профсоюзов, — писал он. — В движение вовлекаются несомненно в возрастающей степени крестьяне»⁷⁰.

В отличие от Сталина и его единомышленников Троцкий вместе с тем усматривал в китайских событиях и знак того, что одновременно с полевением рабочих масс произошло поправление китайской буржуазии. Именно сочетание этих двух обстоятельств заставляло его прийти к логичному выводу о том, что Гоминьдан раздирается «центробежными тенденциями классовой борьбы». Вот что он писал по этому поводу: «Вопрос о взаимоотношении компартии с Гоминьданом решается по-разному для разных периодов революционного движения. Критерием для нас является не постоянный факт национального гнета, а изменяющийся ход классовой борьбы как внутри китайского общества, так и по той линии, где китайские классы и партии сталкиваются с иностранным империализмом». И далее: «Думать, что можно овладеть мелкой буржуазией путем одних хитроумных маневров или хороших советов внутри Гоминьдана, — безнадежная утопия. Компартия сможет оказывать прямое и косвенное влияние на мелкобуржуазные элементы города и деревни тем больше, чем сильнее она будет сама»⁷¹.

Как видно, Троцкий явно исходил из ранних документов ИККИ о вступлении КПК в Гоминьдан, в которых пребывание компартии в ГМД ставилось в зависимость от баланса сил между пролетарскими, буржуазными и мелкобуржуазными элементами в едином фронте. Принимая вместе с тем во внимание конкретные условия Китая того времени, Троцкий неоднократно подчеркивал, что самостоятельность коммунистической партии не исключала, а, наоборот, предполагала длительное существование политического блока между КПК и Гоминьданом — но отныне на межпартийной основе⁷².

Острой критике в рассматриваемых документах было подвергнуто не только сталинское Политбюро, но и ЦИК

китайской компартии, подтвердивший на своем пленуме в июле 1926 г. курс на дальнейшее пребывание КПК в Гоминьдане. Разумеется, главные обвинения Троцкий выдвинул против сталинской группы в ВКП(б), указав, что тактика ЦИК КПК была продиктована «из Москвы»⁷³. Позицию же последней он определил как «оппортунистическую» и «центристскую», «убийственно» напоминавшую старые схемы меньшевиков⁷⁴.

Решительно настаивая на обеспечении полной самостоятельности КПК в блоке с Гоминьданом, Троцкий, однако, отдавал себе отчет в том, что «борьба компартии за влияние на пролетариат и за его гегемонию в национально-революционном движении может, конечно, и не привести в ближайшие годы к победе»⁷⁵. Но даже в этих условиях выход из ГМД был, с его точки зрения, необходим, так как при усилившейся классовой дифференциации в обществе, подчеркивал он, дальнейшее пребывание КПК в буржуазной организации означало бы утрату самого смысла существования китайской компартии. Более того, это могло привести к тому, что КПК оказалась бы неподготовленной к новому «правому» повороту в политике ГМД и, лишенная собственной массовой базы, оказалась бы под угрозой разгрома.

Последующее развитие обстановки в Китае лишь убеждало Троцкого в правильности его выводов. К концу 1926 г. войска Национально-революционной армии, осуществлявшие Северный поход, начавшийся в июле того же года и имевший целью разгром феодально-милитаристских сил и объединение Китая, достигли значительных успехов. Они вышли в долину реки Янцзы, предварительно разгромив основные группировки милитаристов в провинциях Хунань и Хубэй. Ближайшая победа Гоминьдана над феодальной реакцией во всей стране становилась все более очевидной. В этой обстановке Троцкого все более волновала судьба КПК: если бы компартия продолжала оставаться в Гоминьдане, не будучи политически и организационно полностью независимой, развитие ситуации могло обернуться для нее катастрофой. Разгромив милитаристов, гоминьдановская армия могла легко повернуть оружие против своего временного союзника — КПК, т. к. успех Северного похода делал ненужным для Гоминьдана единый фронт с коммунистами.

Обстановка становилась все более напряженной. Тем не менее Троцкий не рискнул выступить по данным вопросам ни на XV партийной конференции, ни на VII пленуме ИККИ. Именно в тот период его союзники по оппозиции Зиновьев и Радек вновь пересмотрели свое отношение к вопросу о пребывании КПК в ГМД. Чувствуя себя связанными прежней, проводившейся ими до апреля 1926 г. политикой в Коминтерне, они вернулись на старые позиции. Троцкий оказался практически в изоляции.

Особенно резким был поворот Радека. Еще 28 сентября 1926 г., после предварительных консультаций с Троцким и Зиновьевым⁷⁶, он направил руководству ЦК ВКП(б) — на этот раз в Политбюро — второе письмо, в котором вновь поднял ряд вопросов, касавшихся взаимоотношений КПК и Гоминьдана. Вот эти вопросы:

«1. Возникновение военной диктатуры Чан Кайши после 20 марта и наше отношение к ней. Затруднение этого вопроса состоит в том, что Чан Кайши теперь официальный вождь Гоминьдана, поддерживаемый формально Бородиным. Выступление против Чан Кайши здесь будет иметь острое политическое значение.

2. Вопрос о балансе работы Гоминьдана в среде крестьянской бедноты.

3. Вопрос о требовании гоминьдановцев, чтобы коммунисты не критиковали суньятсенизм.

4. Вопрос о том, должен ли Гоминьдан работать среди пролетариата.

5. Вопрос о том, как мы можем поддерживать левых гоминьдановцев.

6. Вопрос о полуменьшевистских нотах в последнем манифесте пленума [ЦК] компартии Китая⁷⁷, в котором говорится, что мы ведем только минимум классово-борьбы и что если можно политику компартии называть большевистской, то дело идет не о большевизме из коммунизма, а большевизме во имя целого народа».

Радек закончил письмо, запросив «официальную директиву»⁷⁸.

Не получив прямого ответа и на этот раз, Радек уже в октябре 1926 г., накануне XV партконференции, внес изменения в свою позицию. В то время в Университете трудящихся

Китая им. Сунь Ятсена он готовил к печати первый сборник статей советских и зарубежных авторов по проблемам китайской революции⁷⁹ (он вышел в свет в начале 1927 г.). В этот сборник Радек включил свою старую, написанную в августе 1925 г. статью «Вопросы китайской революции», в которой сохранил все прежние рекомендации в отношении КПК, тогдашние оценки и характеристики, в том числе тезис о гуанчжоуском правительстве Гоминьдана как о «первом рабоче-крестьянском правительстве» Китая⁸⁰. Этот шаг свидетельствовал о явном стремлении Радека реанимировать ту же тактику, которую руководство ИККИ навязывало китайской компартии в 1924 — начале 1926 г., до ультиматума Чан Кайши. Как уже говорилось, цель этой тактики заключалась в организации систематического наступления КПК с целью захвата власти внутри Гоминьдана, что, по существу, и спровоцировало «переворот» Чан Кайши. Своим маневром Радек, очевидно, хотел нащупать возможности компромисса с Политбюро.

Однако 27 октября 1926 г., выступая на XV конференции ВКП(б), Раскольников подверг Радека едкой критике за тезис о «рабоче-крестьянском» правительстве⁸¹. Его выпад был, очевидно, спланирован и представлял собой своеобразную реакцию на письма Радека руководству ВКП(б). По сути дела он был неправомерен, т. к. не Радек был автором идеи о «рабоче-крестьянском Гоминьдане».

После этого Радек снял формулу «рабоче-крестьянское правительство Китая». Это определение осталось только в перепечатке его статьи «Вопросы китайской революции» в соответствующем сборнике — по видимому, в конце октября 1926 г. книга уже находилась в типографии и исправить что-либо в ней Радек уже не мог. Более того, на некоторое время он, казалось бы, с головой ушел в научно-педагогическую работу: в последние месяцы 1926 г. Радек особенно активно занимался разработкой учебного курса по истории китайского революционного движения для Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Продолжил он эту работу и в 1927 г. Успел он, правда, подготовить только 17 лекций, охватывавших лишь предысторию этого движения. Они были объединены в три цикла, первый из которых был посвящен сопоставлению основных закономерностей разви-

тия Китая и Запада в древности и средневековье, второй — особенностям экономической и политической эволюции Китая в XIX в. под влиянием иностранного капитализма и третий — характеристике социально-классовых отношений в Китае конца XIX — начала XX в. Эти лекции были изданы небольшим тиражом (от 250 до 300 экземпляров) стеклографическим способом в типографии университета в самом конце 1926 — начале 1927 г.⁸²

Схема, представленная в них, была достаточно оригинальна. По Радеку, опиравшемуся не только на собственные изыскания, но и на исследования своего коллеги по университету М. П. Жакова, занимавшегося творческим наследием древнекитайского конфуцианского философа Мэнцзы⁸³, преобладание феодальных отношений имело место в Китае только до III в. до н. э. После этого якобы началась борьба торгового капитала за господство, закончившаяся на рубеже XIII — XIV вв. его победой. Затем последовало ослабление торгового капитала, связанное с распадом Монгольской империи и, соответственно, утратой Китаем огромного внешнего рынка. (В этом, как считал Радек, и заключалась причина последующего отставания Китая от Запада.) Новое усиление торгового капитала началось, с точки зрения Радека, с 40-х гг. XIX в., под воздействием иностранного капитализма. Опираясь на эту гипотезу, Радек в итоге формулировал мысль о том, что, хотя современный капитализм и охватил только приморские районы Китая, в целом эпоха китайского феодализма отошла в прошлое; в применении к Китаю 20-х гг. XX в. нельзя было говорить даже об остатках феодализма. Современный Радеку эксплуататорский класс в китайской деревне (крупных и средних землевладельцев) он характеризовал не как феодальный (или полуфеодальный), а как буржуазный.

Помимо лекций данная концепция (в концентрированном виде) была представлена Радеком в его докладе «Спорные вопросы китайской истории», с которым он выступил 26 ноября 1926 г. в Обществе историков-марксистов при Коммунистической академии⁸⁴. Она вызвала оживленную, но в целом дружескую научную дискуссию⁸⁵.

Гипотеза Радека, однако, носила отнюдь не абстрактно-научный характер. Ее автор преследовал далеко идущие по-

литические цели⁸⁶, стремясь доказать главное: «К китайской истории подходит полностью та схема развития общества, которую давал марксизм на основе существования истории европейского человечества...»⁸⁷. Этот вывод облегчал ему возможность калькировать на отсталый Китай схему социально-экономических отношений, характерную для капиталистических государств. В этой связи тезис об «отсутствии» в китайской деревне остатков феодализма был особенно принципиален: опираясь на него, можно было относить всю буржуазию в лагерь реакции. Все это позволяло более или менее вольно использовать в применении к Китаю тактические установки из арсенала большевиков. А таковыми для Радека являлись те, которые, с его точки зрения, были направлены на захват и дальнейшее обеспечение гегемонии КПК в национально-революционном движении: укрепление союза пролетариата с крестьянством и городской мелкой буржуазией, подведение под революцию «рабоче-крестьянского базиса» и изоляция национальной буржуазии с последующим установлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и переводом революции буржуазной на социалистические рельсы. Вместе с тем Радек продолжал настаивать на необходимости осуществить гегемонию КПК через Гоминьдан. В январе 1927 г. он весьма осторожно изложил эти идеи в статье, посвященной памяти Ленина и опубликованной в «Правде»⁸⁸, что, однако, еще не свидетельствовало об открытом противопоставлении его позиции сталинской: статья Радека создавала ощущение, что ее автор лишь развивает и конкретизирует установки Ленина и VII пленума ИККИ.

Более отчетливо взгляды Радека были представлены в его статье, опубликованной в мартовском номере литературно-политического журнала «Новый мир»⁸⁹. Именно в ней Радек первым в советской печати открыто выразил беспокойство по поводу того, что в районах, находившихся под контролем Гоминьдана, местная администрация и «целый ряд» командиров Национально-революционной армии допускали акции, направленные на подавление рабоче-крестьянского движения. «Рабочие во имя единого антиимпериалистического фронта очень много терпели, — заметил он по этому поводу. — ... Но это терпение может исчерпаться». Его

намек был прозрачен: через всю статью проходила мысль о том, что гуанчжоуское правительство должно ориентироваться на массовое движение крестьян и рабочих, от отношения которых к этому правительству, как считал Радек, зависела судьба Гоминьдана. Впрочем, открыто со сталинистами он пока не полемизировал.

Гораздо определеннее он высказался в памятной записке от 3 марта 1927 г., не предназначавшейся к печати. «Все действия Гоминьдана, точнее говоря, его правого крыла и части военных, — писал он, — направлены против интересов масс в защиту интересов помещиков и капиталистов...» В этой связи он считал необходимым для коммунистов Китая, оставаясь пока в Гоминьдане, выйти «из подполья», то есть повести мощную кампанию открытой критики любых шагов правительства ГМД, направленных против интересов крестьян и рабочих и, соответственно, против национальной революции. Классовый характер гуанчжоуского правительства Радек теперь оценивал как буржуазный⁹⁰.

Со взглядами Радека на взаимоотношения Гоминьдана и КПК был согласен Зиновьев, который, правда, не разделял радековскую концепцию об «отсутствии» в Китае остатков феодализма⁹¹. Он тоже в то время искал компромис с Политбюро в китайском вопросе. (Это, однако, ему не помогло: 22 ноября 1926 г. он был снят с поста Председателя Исполкома Коминтерна.)

В этих условиях Троцкий решил воздержаться от полномасштабной открытой полемики с полностью контролируемым к тому времени Сталиным Политбюро. (В октябре 1926 г. он вместе с Каменевым, являвшимся в то время кандидатом в члены Политбюро, был выведен из состава этого высшего партийного органа; Зиновьев, как уже говорилось, был исключен из Политбюро в июле 1926 г.) Троцкий вновь отступил. В конце ноября 1926 г., готовя к печати вторую часть XIV тома своих сочинений⁹² и включив в нее несколько старых статей, докладов и интервью, посвященных Китаю, он снабдил их особым примечанием «О Китае», в котором, по существу, изложил радековско-зиновьевское видение проблемы. «Сейчас, в период исключительных успехов героической кантонской [гуанчжоуской] армии, — говорится в примечании, — политические противоречия внут-

ри Гоминьдана ... естественно, отступают на второй план ... Но политика киткомпартии не должна поверхностно равняться по успехам, а иметь своей задачей их социальное углубление и закрепление (улучшение положения рабочих, создание профсоюзов, сочетание аграрной революции с аграрной реформой и пр.). Только при этом условии будет создаваться серьезная гарантия против изменчивости военной обстановки и вообще против успехов контрреволюции. Для достижения успехов на этом пути киткомпартия ни в коем случае не должна позволять связывать свободу своих действий в деле руководства стачечной борьбой, аграрными выступлениями крестьян и пр. Только полная свобода в области этих вопросов может и должна быть основой ее блока с Гоминьданом, на основе возможно тесного союза с его левым крылом»⁹³.

Разумеется, это не означало, что Троцкий на самом деле воспринял идеи Радека и Зиновьева. Он продолжал считать их «ошибочными», настойчиво стремясь переубедить своих товарищей. Так, 4 марта 1926 г. в ответ на записку Радека, разосланную участниками оппозиции за день до того, он написал последнему большое и раздраженное письмо, в котором, в частности, заявил: «Мы дьявольски запоздали. Мы превратили китайскую компартию в разновидность меньшевизма, и притом не лучшую разновидность, то есть не в меньшевизм 1905 г., когда он временно объединялся с большевизмом, а в меньшевизм 1917 г., когда он объединялся с правой эсеровщиной и поддерживал кадет».

Троцкий признавал, что недостаточно знаком с отдельными сторонами китайской действительности, однако по-прежнему горячо защищал свое предложение о выходе КПК из Гоминьдана⁹⁴. Таким образом, оппозиция вступила в весну 1927 г., так и не достигнув единства взглядов в вопросах китайской революции. Процесс выработки общей платформы был незавершен.

Часть V

Сталинизм и оппозиция
в период правления
подъема китайской

революции **КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ВО ВНУТРЕННЕЙ БОРЬБЕ В ВКП(б): 1927 г.**

Часть V

ВО ВНАУЧЕННЕН БОРРЕ
КНИТАЙСКНИ ФАКТОР
В ВКП(б): 1927 г.

Глава 9

Сталинисты и оппозиция в период наивысшего подъема китайской революции

К началу марта 1927 г. войска Национально-революционной армии подчинили своему контролю значительные районы Центрального и Восточного Китая. Гоминьдановское правительство, возглавлявшееся так называемыми «левыми» гоминьдановцами, переехало к тому времени из Гуанчжоу в г. Ухань, располагающийся в центральной части страны и представляющий собой конгломерат, состоящий из трех городов — Ханькоу, Учан и Ханьян. Информаторы Коминтерна доносили в Москву о подъеме массового рабоче-крестьянского движения в долине реки Янцзы. 19 февраля 1927 г. на политическую борьбу поднялись рабочие Шанхая. Три дня спустя их всеобщая забастовка переросла в вооруженное восстание, и, несмотря на то что через два дня оно было приостановлено, общая ситуация в стране, казалось, резко радикализировалась. В этих условиях Сталин вновь предпринял попытку активизировать наступательную политику внутри ГМД. В феврале Политбюро стало настойчиво принимать меры к тому, чтобы способствовать возвращению вождя «левых» гоминьдановцев Ван Цзинвэя, который жил в то время во Франции, в Китай.

С возвращением Ван Цзинвэя (причем непременно через Москву¹, где соответствующие коминтерновские работники готовы были обсудить с ним китайские дела) советское руководство вполне логично связывало надежды на усиление «левой» группировки в Гоминьдане.

3 марта 1927 г. Политбюро в категорической форме постановило внести изменения в политику и систему работы китайской компартии. По предложению своей китайской комиссии оно обязало КПК «во что бы то ни стало» развить рабочее и крестьянское движение, вовлечь рабочие массы в компартию, рабочие и крестьянские массы — в Гоминьдан. Было заявлено о необходимости «со всей энергией подводить под левый Гоминьдан крестьянскую, мелкобуржуазную и рабочую базу ... вести курс на вытеснение правых гоминьдановцев, дискредитировать их политически и систематически снимать снизу с руководящих постов ... вести политику на овладение важнейшими постами в армии ... усилить в армии работу гоминьдановских и коммунистических ячеек ... держать курс на вооружение рабочих и крестьян, превращение крестьянских комитетов на местах в фактические органы власти с вооруженной самообороной». КПК вменялось в обязанность «всюду и везде» выступать под своими собственными лозунгами. «Недопустима политика добровольной полуполюгальности, — подчеркивалось в постановлении, — компартия не может выступать как тормоз массового движения ... В противном случае революции грозит огромная опасность»².

Новый курс, однако, не повлиял на отношение Политбюро к аграрному вопросу в Китае.³ Сталин и его единомышленники не без оснований опасались, что радикальная революция в китайской деревне разрушит внутривластный блок компартии с Гоминьданом. Между тем возвращение Ван Цзинвэя в Китай в начале марта 1927 г. привело к неизбежному расколу в Гоминьдане. 3-й пленум ЦИК Гоминьдана, проходивший 10 — 17 марта 1927 г. в Ухани, принял ряд резолюций, направленных на ограничение власти Чан Кайши в партии. Пленум решил сформировать новый состав Национального правительства, в котором два поста (министра труда и министра сельского хозяйства) были предложены коммунистам — соответственно Су Чжаочжэну и Тань Пин-

шанию (последний являлся членом ЦИК КПК). Чан Кайши был вынужден объявить о поддержке решений пленума. Но все это усилило поляризацию Гоминьдана. Вместе с тем коминтерновские агенты сообщали в Москву о дальнейшем развитии массового рабоче-крестьянского движения. 21 марта в Шанхае вновь вспыхнуло народное восстание, на этот раз закончившееся успехом. Местный милитарист Сунь Чуаньфань был свергнут. Вечером 22 марта в уже освобожденный рабочими дружинами Шанхай вошли части НРА. На следующий день был взят Нанкин.

Вскоре, однако, из Китая начали приходить тревожные вести. 24 марта в войну в Китае открыто вмешались империалисты. Занятый войсками НРА Нанкин был подвергнут обстрелу с английских и американских кораблей. Главнокомандующий Национально-революционной армией Чан Кайши явно стремился к повторению событий 20 марта 1926 г., но на этот раз с гораздо более жестким финалом⁴. Участились случаи столкновений отрядов армии Чан Кайши с рабочими и крестьянскими вооруженными формированиями. В ряде мест чанкайшисты разгромили профсоюзные организации.

В этих условиях, очевидно, опасаясь спровоцировать Чан Кайши, Сталин опять отступил. В конце марта 1927 г. Политбюро приняло решение пойти на уступки Чан Кайши. В Китай были направлены директивы, обязывавшие Центральный исполнительный комитет КПК «всячески избегать столкновений с Национальной армией в Шанхае и ее начальниками»⁵.

О тактических зигзагах Политбюро не сообщалось в советских средствах массовой информации; маневры Сталина осуществлялись в строжайшей тайне. Партийная пресса концентрировала внимание на успехах Северного похода и национальной революции и по существу играла особую роль в сталинском замысле, искусно прикрывая «кабинетные» ходы правящей бюрократии. Это вполне понятно. Хорошо подготовленный «тихий» коммунистический переворот внутри Гоминьдана стал к тому времени настоящей сталинской идеей фикс. А он мог оказаться успешным только при соблюдении строжайших мер конспирации.

Будучи удалены из Политбюро, лидеры оппозиции ничего не знали о гамбитах Сталина. Его действительные левац-

кие намерения ими недооценивались. В то же время они испытывали все большее беспокойство по поводу напряженной обстановки в Китае. Вот почему весной 1927 г. они приняли наконец решение начать открытую дискуссию со сталинистами по китайскому вопросу. В первую очередь их волновала необходимость обеспечения безопасности коммунистов Китая на случай вооруженных выступлений гоминдановских генералов. С подчинением контролю НРА промышленных районов Восточного Китая национальная революция приближалась к своей окончательной победе. По мере этого, с точки зрения оппозиционеров, обострялся вопрос о неизбежном «предательстве» Чан Кайши. Единственный выход из создавшейся ситуации большинство из них видело в немедленной активизации, расширении и радикализации китайского рабоче-крестьянского движения, в соединении революции с массовым социальным переворотом. Их рекомендации отражали российский революционный опыт.

Первым вновь стал действовать Радек. В течение трех недель марта 1927 г. он сделал ряд докладов о китайской революции, жизни и деятельности Сунь Ятсена в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской⁶, в клубе Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена⁷ и в Коммунистической академии⁸. (12 марта исполнялась вторая годовщина смерти Сунь Ятсена.)

Выступления Радека имели широкий резонанс, особенно его доклад в Коммунистической академии, носивший название «Движущие силы китайской революции». Он был произнесен 13 марта. Наряду с докладом Раскольников, сделанным в тот же день, и выступлением С. А. Лозовского 17 марта этот доклад спровоцировал длительную и оживленную дискуссию. В течение двух дней (20 и 27 марта) в прениях выступило не менее 17 человек, среди которых были как сторонники официальной линии — Рафес, Мартынов, Шумяцкий, Чжоу Давэнь и др.⁹, так и оппозиционеры — С. А. Далин, М. Альский, С. В. Гингор, М. П. Жаков, А. Г. Пригожин, А. Я. Гуральский. 27 марта Радек подвел итоги дискуссии.

На этих собраниях Радек, другие оппозиционеры стремились прежде всего донести до собравшихся свою тревогу по поводу критической ситуации в Китае, характеризовавшейся, с их точки зрения, усилением антипролетарской и анти-

крестьянской тенденций в революционном движении. Они требовали ознакомить широкую общественность с реальной картиной соотношения сил в Китае и призывали аудиторию «бить в набат» в связи с возможной победой буржуазии. Их особое неудовольствие вызывал успокаивающий и дипломатичный тон «Правды», а также других средств массовой информации. Даже если они и предполагали, что советская пресса старается закамуфлировать реальную политику Политбюро (тому, правда, нет никаких свидетельств), они решительно настаивали на ведении классовой пропаганды. Вот что, в частности, заявил Радек: «Чан Кайши ... разрешает расстреливать рабочих ... Расстрелы идут под знаменем Гоминьдана, и в то же время коммунисты не выступают перед широкими массами как самостоятельная коммунистическая партия ... [То,] что [настало] время спешить насчет усиления самостоятельной коммунистической партии и насчет ее открытых выступлений перед массами, это не подлежит ни малейшему сомнению ... Если мы замалчиваем расстрелы, то ... кит[айские] генералы приходят к убеждению, что мы не хотим на них нажимать и что они будут иметь нашу помощь даже при расстрелах рабочих ... Ленин в тезисах ко Второму Конгрессу Коминтерна ... говорит: "Будем поддерживать национально-буржуазное движение, если оно нам не будет мешать организовывать рабочих и крестьян"¹⁰. А это, когда громят крестьянские организации, когда расстреливают рабочих, это мешает организовывать рабочих и крестьян? Мне кажется, что немножко мешает. И поэтому мне кажется, что необходимо, чтобы товарищи, которые руководят нашей прессой, это знали, иначе получается такое впечатление, что мы смотрим на такие вещи, как расстрелы рабочих, как разгром крестьянских организаций, сквозь пальцы»¹¹.

Ссылка на Ленина была особенно знаменательна. Оппозиционеры предупреждали, что КПК потеряет свой классовый характер, будучи вынужденной под давлением Коминтерна беспринципно маневрировать внутри ГМД. Ссылаясь на соответствующие радикальные установки резолюции VII пленума ИККИ о Китае, они призывали к их немедленной реализации. В то же время они все еще не предлагали выход из Гоминьдана. Их задачи оставались весьма ограниченными.

ми. «Мой доклад в первую очередь имел только одну цель — чтобы мы все начали говорить о классовых противоречиях этой китайской революции», — подчеркивал Радек¹².

Разумеется, сталинисты не могли принять эти предложения. Наиболее информированные из них (Раскольников и Лозовский) не желали раскрывать карты ни перед оппозиционерами, ни перед кем бы то ни было. Остальные послушно следовали официальной линии. Требования Радека их раздражали. Вот почему, избегая серьезной дискуссии, они просто обвинили последнего в «панических настроениях», «ликвидаторстве», «клевете» на Компартию Китая и «подыгрывании» китайской реакции. «Он [Радек] поднял крик тогда, когда для этого не имеется ни оснований, ни объективных условий», — резюмировал Рафес, объявивший Гоминьдан одним из «приводных ремней, которые связывают коммунистическую партию с родственными ей близкими слоями». Рафес, кроме того, огульно обвинил Радека в том, что тот втайне желает выхода коммунистов из Гоминьдана. При этом он констатировал: «Можно сказать, что кто хочет выхода коммунистов из Гоминьдана — враг китайского революционного движения, а кто хочет выйти — дурак»¹³. Вот такие были аргументы!

Негодование сталинистов в отношении Радека усиливалось тем, что как раз накануне и вскоре после своего выступления в Коммунистической академии (11 и 15 марта) он смог поместить в «Известиях» обширную статью, в которой обстоятельно изложил узловые моменты своей тактической линии в китайском вопросе. Именно тогда Радек впервые проинформировал общественность о событиях 20 марта 1926 г. При этом он рассказал о нарастании классовых противоречий между китайской буржуазией¹⁴, с одной стороны, и блоком рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии — с другой. Он потребовал «решительного поворота Гоминьдана против крупной буржуазии» и заявил, что «при наличии антикапиталистического фронта в деревне и городе удастся укрепить блок рабочих и мелкой буржуазии, который гарантирует переход революции в новую фазу, еще не пролетарскую, но фазу демократической диктатуры пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии города». В работе содержался и слабо закамouflированный выпад против за-

щитников официальной линии Коминтерна. «Открытое наступление империализма на Китай, — предупреждал Радек, — может заставить пролетариат наложить руку на экономические твердьи в Китае раньше, чем, скажем, это будет отвечать международным тактическим расчетам руководителей китайской революции»¹⁵. Определенную тревогу по поводу появившейся в Гоминьдане тенденции «наступления на рабочий класс [и] разрыва с коммунистической партией» выражала также статья Далина — соратника Радека, опубликованная 12 марта в «Правде»¹⁶.

В Москве заговорили о разногласиях в ВКП(б) по китайскому вопросу¹⁷, и сталинисты вынуждены были принять ответные меры. Их первой реакцией было помещение в «Правде» 15 марта информации ТАСС из Ханькоу под характерным заголовком «Положение в Гоминьдане — опровержение ложных слухов», в которой со ссылкой на гоминьдановское Национальное агентство говорилось об отсутствии каких-либо «внутренних трений» в этой партии. В том же номере были опубликованы выдержки из декларации Чан Кайши, опубликованной после III пленума Центрального исполнительного комитета Гоминьдана, в которой главнокомандующий Национально-революционной армией клялся в верности идеалам китайской революции и в соблюдении внутрипартийной дисциплины. Через три дня после публикации статьи Далина «Правда», таким образом, опровергла саму себя.

16 марта в этой же газете появилась передовая статья, в которой уже открыто и в резкой форме осуждались «некоторые "спецы" по китайскому вопросу», оказавшиеся падкими на «империалистическую теорию перерождения китайской революции». В статье подвергалась критике их «слезливая и нехитрая логика», а также указывалось, что эти люди являются «пособниками» «правых» и «ликвидаторами наших дней». Автор передовицы (судя по стилю, это был Бухарин) не остановился и перед тем, чтобы опять приписать оппозиционерам требование выхода КПК из Гоминьдана. Со своей стороны, «Правда» объявила, что «правые» и близкие к «правым» круги Гоминьдана, Национального правительства и армии, в том числе Чан Кайши, вынуждены подчиняться давлению рабоче-крестьянских масс¹⁸. 22 марта, од-

нако, Радек поместил в «Известиях» новую статью, в которой весьма искусно и осторожно ответил на некоторые обвинения «Правды», заметив, что «взятие Шанхая усилит борьбу классов»¹⁹. Но через несколько дней, 29 марта 1927 г., сам Сталин, в речи на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, вновь заявил о сплочении сил внутри Гоминьдана и о новой передвигке революционного движения в Китае влево²⁰.

Положение в Шанхае, охваченном рабочим восстанием и занятом вслед за этим Национально-революционной армией, добавило новых волнений и Троцкому. 22 марта 1927 г. в частной записке, предназначавшейся, по всей видимости, для обсуждения в среде оппозиционеров, он выразил глубокое опасение по поводу того, что включение Шанхая в подконтрольную гоминьдановскому правительству территорию будет иметь катастрофические последствия для КПК, продолжавшей находиться в составе Гоминьдана. «Можно не сомневаться, что, завладев громадными территориями, оказавшись лицом к лицу с гигантскими и труднейшими задачами, испытывая нужду в иностранных капиталах и сталкиваясь повсеместно с рабочими, национальное правительство Китая совершит резкий поворот направо — в сторону Америки, до известной степени и Англии, — писал Троцкий. — В этот момент рабочий класс окажется без руководства ... Мы окажемся курицей, которая высидела утенка...»²¹.

Именно поэтому Троцкий вновь настаивал на полной организационной самостоятельности коммунистической партии. Во второй раз после апреля 1926 г. он призвал участников оппозиции поставить этот вопрос перед Политбюро. В то же время он все еще полагал необходимым для КПК продолжать оказывать поддержку национальной армии и правительству ГМД; не возражал он и против вхождения членов компартии в гоминьдановский кабинет министров.

Эти же мысли были им изложены 29 марта 1927 г. в письме оппозиционеру М. Альскому (В. М. Штейну) по поводу брошюры последнего «Кантон побеждает...». Непосредственным поводом для письма явилось несогласие Троцкого с тезисом Альского, что после шанхайских событий в Китае «сложилось два резко враждебных друг другу лагеря» — империалистов, милитаристов и компрадоров, с одной стороны, и рабочих, ремесленников, мелкой буржуазии, студенчества,

интеллигенции и некоторых групп национально настроенной средней и крупной буржуазии — с другой²². Троцкий оценивал ситуацию сквозь призму существования в Китае трех лагерей: реакционеров, либеральной буржуазии и пролетариата, боровшегося за влияние на «низы мелкой буржуазии и крестьянства». Иллюзию двух лагерей, подчеркивал он, создавало вхождение КПК в Гоминьдан; эта иллюзия облегчала «предательство» буржуазией дела национальной революции. В данном письме Троцкий высказался за незамедлительное выдвижение в Китае лозунга советов рабочих, крестьянских, ремесленных и солдатских депутатов²³.

К постановке вопроса о лозунге советов в Китае он пришел почти одновременно с Зиновьевым, который впервые сформулировал эту мысль 25 марта 1927 г. в процессе работы над «Тезисами по китайскому вопросу», предназначенными на рассмотрение предстоявшего пленума Центрального комитета ВКП(б). Ситуацию, сложившуюся в Китае и Гоминьдане, Зиновьев оценивал точно так же, как Троцкий. В своем предварительном наброске этих тезисов, завершеном в тот день, он писал: «Объективно экономич[еская] политика Гоминьд[ана] до сих пор = зачастую соц[иальная] реакция ... Чан Кайши ... хуже Керенского, ибо больше реальная сила. Разоружения рабочих, подавления крестьянских движ[ений], разгоны рабоч[их] митингов курсантами Чан Кайши, смещения левых, аресты. Замалчивать это нельзя. Эти вопросы нельзя "уладить" "дипломатич[еским]" путем (Сталин). Это вопросы классовые».

Именно поэтому он приходил к выводу о необходимости создать советы — «центр револ[юционного] движ[ения] масс рабочих и кр[естьян] в Китае, который позволил бы компартии «стать на деле самостоя[ельной] силой», говорящей с массами «от своего имени». В рассматриваемых тезисах Зиновьев изложил основные пункты программы («первой платформы») китайских советов:

- «1) Нац[ионализация] земли;
- 2) нац[ионализация] жел[езных] дорог;
- 3) 8-ч[асовой] день для рабоч[их] (и ряд вольностей);
- 4) подлинная аграрная революция (а не только реформа), со всеми вытекающими отсюда последствиями;
- 5) конфискация китайских фабр[ик] и завод[ов] (крупн[ых] и сред[них]);

6) в перспективе конфискация иностранных фабр[ик] и завод[ов] (концессий) — можно допустить «в принципе» выкуп (чтобы смягчить на первых порах);

7) создание регулярной подлин[но] Красн[ой] армии;

8) вооружение рабочих;

9) аннулирован[ие] гос[ударственных] долгов;

10) соц[иальное] равноправие (раскрепощ[ение] женщин и etc)».²⁴

Признание актуальности лозунга советов в Китае, которые Зиновьев и Троцкий рассматривали в то время как «органы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», не привело, однако, к переоценке Зиновьевым своей точки зрения о недопустимости выхода КПК из Гоминьдана. И после того, как войска НРА вступили в Шанхай, он, как и Радек, продолжал выражать свое несогласие с Троцким в этом вопросе.

Вновь Троцкий вынужден был пойти на компромисс. 31 марта 1927 г. он направил в Политбюро короткое письмо, в котором все внимание уделил вопросу о безотлагательной необходимости образования советов в Китае, сознательно обойдя вопрос о взаимоотношениях КПК и Гоминьдана²⁵. Его письмо, таким образом, выражало общую точку зрения объединенной оппозиции.

Послание от 31 марта привело лишь к углублению дискуссии. Ни с каким предложением Троцкого руководители ВКП(б), конечно, соглашаться не собирались. Но и не отреагировать на него не могли. Тем более, что вслед за письмом, 3 апреля 1927 г., Троцкий направил в «Правду» развернутую статью с критикой официальных взглядов²⁶. Сразу же после этого он, по-видимому, собирался написать работу, посвященную критике некоторых публикаций сталинского сподвижника Мартынова, однако не смог завершить задуманное; в архиве остались лишь некоторые предварительные наброски предполагавшейся статьи²⁷.

4 апреля Бухарин, руководивший в то время ИККИ, а на следующий день Сталин выступили с разъяснениями своей позиции на закрытом собрании актива Московской партийной организации в Колонном зале Дома союзов²⁸. Основной доклад сделал Бухарин, который признал «начало» острой классовой борьбы в Китае, выразившейся в наступлении

«правых» гоминьдановцев на КПК, рабочее и крестьянское движение. Он даже отметил случаи расстрела рабочих гоминьдановскими солдатами. Тем не менее весь пафос своего выступления он направил на то, чтобы оправдать политику отступления. «Не нужно представлять так, что это сплошной поход на рабочих и крестьян, — успокаивал он аудиторию. — ... Мы не замазываем безобразия правых. Их надо разоблачать. Но нужно использовать своеобразие организационной структуры. Во время конфликтов Чан Кайши и правительства мы вели переговоры и заставили Чан Кайши подчиниться. Это выигрыш для нас»²⁹. Он охарактеризовал ГМД как нечто «среднее между партией и советами», подчеркнув стремление Исполкома Коминтерна «все больше превращать Гоминьдан в выборную организацию, двигать влево». За «недооценку феодализма в Китае» Бухарин резко критиковал Радека, в то время как сам видел смысл китайской революции наряду с противодействием империализму именно в борьбе с феодальными пережитками. Наличие последних, с его точки зрения, подогревало революционный потенциал китайской буржуазии³⁰.

С еще более успокаивающей речью выступил Сталин³¹. Он отверг обвинения оппозиции в том, что руководители Коминтерна и ВКП(б) замалчивали случаи подавления чанкайшистами рабоче-крестьянского движения в Китае. «Если мы здесь этих вопросов не раздуваем — это неверно, что мы их скрываем, — заявил он, — то это потому, что "факты" надо проверить». Ведь в целом, по словам Сталина, обстановка внутри ГМД была достаточно благоприятной для коммунистов: они являлись «фактическими руководителями» Гоминьдана, составляя вместе с «левыми» «большинство» в этом своего рода «Революционном парламенте». «Правые» их слушались, и Чан Кайши, о котором Сталин сказал, что тот «выше» лидеров российского Временного правительства Керенского и Церетели, направлял свою армию против империалистов. «Какой же хозяин согласится выкинуть плохую кобылу, пока она дает некоторую выгоду и слушается хозяина, — резюмировал он. — ... Плохая кобыла ... может пригодиться, если она слушается, а когда правые перестанут слушаться, мы их выгоним». «Правые» разлагают тыл милитаристов и дают деньги на революцию; только в едином фронте с ними

коммунисты и «левые» смогут противостоять объединенным силам империалистов³².

Точку зрения оппозиции на собрании (5 апреля) защищал Радек, вновь предупредивший, что дело в Китае идет к кровавой расправе Чан Кайши над китайскими коммунистами³³. На следующий день он был снят с поста ректора Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена.

Через несколько дней тактика отступления в систематическом виде была изложена Мартыновым³⁴. Суть мартыновских разъяснений состояла в следующем. В Китае, писал он, имеет место антиимпериалистическая буржуазная революция, руководящей силой которой на данном этапе является «блок четырех классов» — промышленной буржуазии, пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, — находящий свое выражение в Гоминьдане; пролетариат стремится завоевать в этом блоке и вообще в революции гегемонию, превратив Гоминьдан «в орудие революционной диктатуры трех классов» — то есть в блок тех же социальных сил, но без буржуазии. Однако торопиться пролетариату не следует. Буржуазия сама «отпадет» в результате укрепления его позиций; форсирование событий может лишь привести к усилению в ГМД крупной буржуазии и к изоляции рабочего класса. В статье Радек, единственный из всех участников оппозиции, был подвергнут открытой поименной критике. Но обрушиваясь на Радека, Мартынов, разумеется, выступал против всей платформы оппозиционеров в китайском вопросе.

Нетрудно заметить, насколько резко рассмотренная концепция контрастировала со всей традицией русского радикального марксизма, как троцкизма, так и ленинизма, в основе которого лежала идея о необходимости активизации естественно-исторического процесса. Но именно этот контраст сближал ее с теорией меньшевиков. До Октябрьской революции Мартынов являлся одним из теоретиков меньшевизма, что, понятно, делало его достаточно уязвимым для критики со стороны оппозиции. Сразу же вслед за появлением названной статьи ее противники начали настоящую кампанию против «мартыновщины» и «меньшевизма» в китайской политике большевистской партии и Коминтерна. 12 апреля всестороннему критическому разбору статью Мар-

тынова подверг Троцкий — в специальном развернутом комментарии³⁵. Несколько позже основные аргументы Мар-тынова были тщательно проанализированы Зиновьевым в работе, посланной им в «Правду»³⁶.

Обострение дискуссии совпало с шанхайским переворотом 12 апреля. Предсказания оппозиционеров полностью подтвердились. Заручившись поддержкой империалистов, Чан Кайши развязал «белый» террор в Шанхае и других районах Восточного Китая. Несмотря на предчувствие переворота, многие из сторонников Троцкого были глубоко потрясены случившимся, так же как и большинство членов большевистской партии. Душевные переживания значительной части последних довольно точно отразили в своем письме в Центральный комитет и Центральную контрольную комиссию ВКП(б) оппозиционеры В. Д. Каспарова и Г. Л. Шкловский: «Тревожные предсказания представителей оппозиции насчет близости неизбежного предательства Чан Кайши многие из нас считали, полагаясь на решительный и успокоительный тон "Правды", неосновательными. Поэтому переворот Чан Кайши и измена национальной буржуазии глубоко потрясли партийную толщу...»³⁷.

Некоторые оппозиционеры начали предвкушать скорую победу над сталинистами. На самом деле их положение стало еще тяжелее. Поражение в Китае не только обозлило Сталина и его единомышленников, но еще более ухудшило психологический климат в партии. Вот что об этом спустя много лет вспоминал Троцкий: «Наши товарищи выражали оптимизм, потому что наш анализ был так ясен, что все должны были бы видеть его, а мы должны были бы быть уверены, что завоюем партию. [Но] я ответил, что удушение китайской революции в тысячу раз важнее массам, чем наши предостережения. Наши предостережения могли завоевать несколько интеллигентов, которые проявляли интерес к таким вещам, но не массы.

Переворот Чан Кайши должен был спровоцировать моральную депрессию и разочарование в партии, а они могли только усилить фракцию Сталина, которая осуществляла курс на строительство социализма в одной стране»³⁸.

Несмотря на это, оппозиция решила дать бой на очередном пленуме Центрального комитета ВКП(б), который про-

ходил с 13 по 16 апреля 1927 г. Основные документы на этот форум с их стороны были представлены Зиновьевым. 13 апреля он направил в Политбюро ЦК свои «Тезисы по китайскому вопросу»³⁹ с просьбой распространить их среди участников пленума, а на следующий день внес на рассмотрение членов Центрального комитета соответствующий проект резолюции. Наиболее важным из этих материалов был, разумеется, второй⁴⁰, написанный сразу после того, как в Москве стало известно о перевороте Чан Кайши⁴¹. Что же касается «Тезисов», то они были написаны Зиновьевым в конце марта — начале апреля, и утром 14-го Зиновьев смог дописать к ним лишь небольшой постскрипtum, который также направил в Политбюро. В нем он отметил, что происходившие в Китае события «целиком подтверждают линию, изложенную в прилагаемом документе»⁴².

Оба документа призывали к незамедлительному выдвижению в Китае лозунга советов «рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и вообще трудящихся города и деревни» как органов демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Это положение особенно подробно развивалось в «Тезисах», в которых было дано его детальное теоретическое обоснование, подтвержденное многочисленными ссылками на Ленина. Проект резолюции пленума, напротив, был кратким и четким. В нем содержался анализ конкретной ситуации в Китае и определялись меры, направленные на ее разрешение. Помимо призыва к пропаганде и организации («где это возможно») советов к наиболее неотложным мерам были отнесены: осуществление аграрной революции; вооружение рабочих; беспощадная борьба с «правыми» в ГМД и оказание всесторонней поддержки уханьскому правительству, выступавшему против Чан Кайши. Зиновьев решительно настаивал на необходимости для китайских коммунистов сохранять свою полную организационную и политическую независимость, однако продолжал призывать к их дальнейшему пребыванию в Гоминьдане — теперь уже в «левом». По мнению Зиновьева, коммунисты в «левом» ГМД должны были предпринять активные шаги, с тем чтобы завоевать важные партийные посты и подчинить «левых» гоминьдановцев влиянию КПК. В отличие от Троцкого он в то время (весна 1927 г.) по-прежнему ратовал за ту же самую

тактику наступления на Гоминьдан, которую Исполнительный комитет Коминтерна использовал уже несколько раз в бытность самого Зиновьева его Председателем. От Сталина его отличало то, что Зиновьев был особенно последователен и настойчив в проведении этого наступательного курса. Вот почему он так активно защищал идею китайских советов.

Сталин, однако, отнюдь не стремился продолжать полемику с оппозиционерами; переворот Чан Кайши коренным образом изменил ситуацию. Признать просчеты значило усилить оппозицию. К открытой же дискуссии Сталин не был готов. В этой связи его первой реакцией было свести на нет какое бы то ни было обсуждение причин поражения. Несмотря на настойчивые требования Троцкого и Зиновьева, апрельский пленум Центрального комитета, собравшийся вскоре после переворота, уделил китайской проблеме не более 3 — 4 часов. Пленум по существу ограничился заслушиванием сообщения председателя СНК А. И. Рыкова о последних событиях в Китае и о решениях Политбюро, принятых в связи с ними. Причем, по предложению Молотова, соответствующее вечернее (14 апреля) заседание не стенографировалось⁴³. Члены ЦК, за исключением сторонников оппозиции, одобрили политику Политбюро «по международному вопросу»⁴⁴. «Тезисы» Зиновьева не были розданы участникам пленума, а проект резолюции, написанный им, отвергнут большинством голосов почти без дискуссий.

Действительное обсуждение ситуации в Китае происходило, по-видимому, вне пленума — на продолжительных частных заседаниях Сталина со своими единомышленниками. Это, по крайней мере, предполагали оппозиционеры⁴⁵. Открытая же реакция сторонников большинства в первые дни после переворота носила довольно общий характер: сталинисты свели вначале все дело к тому, что заклеили позором как предателя, продавшегося империализму, Чан Кайши, возложив при этом главную вину за шанхайскую трагедию на мировой империализм⁴⁶. Вскоре, однако, последовало и более глубокое объяснение. В журнале «Коммунистический Интернационал» появилась редакционная статья, в которой была сформулирована мысль о том, что ИККИ «предвидел» события в Шанхае еще на своем VII пленуме, в декабре 1926 г.⁴⁷ Автор имел в виду содержащийся в соответствующей

резолюции VII пленума общий тезис о неизбежном отходе от революции «большей части крупной капиталистической буржуазии» и выражал по поводу «прозорливости» Коминтерна закономерное удовлетворение, тем более что по его словам, «измена» буржуазии свидетельствовала о переходе китайской революции на более высокую ступень⁴⁸.

Все это, понятно, не могло удовлетворить оппозиционеров. 16 апреля, в последний день пленума, Троцкий в специальном заявлении вновь попытался привлечь внимание партийного руководства к проблеме советов в Китае. «Пленум по этому основному вопросу не высказался, — подчеркнул он. — Между тем ... дальше оттягивать его нельзя, с вопросом о создании Советов связана вся судьба китайской революции»⁴⁹. В ответ на переворот Чан Кайши Троцкий потребовал принятия таких мер в Китае, которые привели бы к формированию настоящего революционного правительства, находящегося в реальной зависимости от рабочих, мелкой буржуазии, крестьян и солдатской массы. А «это и есть Советы», — резюмировал он⁵⁰.

Аргументация оппозиции получила во время пленума неожиданное подтверждение в фактическом материале и выводах, содержащихся в письме четырех работников Дальбюро ИККИ, сторонников сталинского большинства, — Т. Г. Мандаляна, Н. М. Насонова, Н. А. Фокина и А. Е. Альбрехта, отправленном из Шанхая 17 марта и дошедшем в Москву в середине апреля. Авторы письма, написанного за три недели до переворота, жаловались на то, что коминтерновские представители в Китае Войтинский и Бородин препятствовали развитию активной коммунистической политики в этой стране, не давая возможности КПК поднимать рабоче-крестьянские массы. Высказывая глубокую тревогу по этому поводу, Мандалян, Насонов, Фокин и Альбрехт совершенно независимо от оппозиции настаивали на углублении китайской революции⁵¹. Это письмо не было распространено среди участников пленума Центрального комитета и не доводилось до сведения членов Исполкома Коминтерна, но относительно быстро стало известно и Троцкому, и Зиновьеву, которые использовали его бесчисленное число раз как лишнее доказательство своей правоты.

20 апреля Троцкий подготовил новый документ, вновь призывавший к формированию советов в Китае⁵². Свою позицию по вопросу об образовании советов в этой стране он, кроме того, детально изложил в специальном письме в Центральный комитет ВКП(б) и партийную организацию Института красной профессуры⁵³, направленном адресатам 22 апреля⁵⁴.

20 же апреля Зиновьев и Троцкий обратились в Политбюро ЦК и Президиум Центральной контрольной комиссии с предложением созвать в срочном порядке (не позднее чем через 2 — 3 дня) новое закрытое заседание пленума Центрального комитета с привлечением к его работе членов Президиума ЦКК для обсуждения международного положения. «Нельзя замалчивать значения китайского поражения, — отмечали они, — нельзя замалчивать того, что опасность для нас растет»⁵⁵.

Ответ они, по существу, получили уже на следующий день. 21 апреля «Правда» опубликовала работу Сталина «Вопросы китайской революции», представлявшую собой по сути дела платформу большинства ВКП(б) на период, последовавший за переворотом Чан Кайши. Эта работа была составлена в виде «Тезисов для пропагандистов», якобы получивших одобрение Центрального комитета партии. На самом деле она была утверждена к печати узкой группой в составе Сталина, Бухарина и Молотова, которым такое право было дано Политбюро ЦК⁵⁶. В ней Сталин попытался дать теоретическое объяснение происходивших в Китае событий и определить основные направления развития ситуации в будущем. Основное содержание «Тезисов» в принципе соответствовало тому, о чем писал Мартынов в статье от 10 апреля: через всю работу Сталина проходила мысль о необходимости следовать принципу «естественности» в развитии революционного процесса в Китае. Но, разумеется, с учетом изменившейся ситуации Сталин внес в обоснование этой идеи ряд новых моментов. Прежде всего он разделил китайскую революцию на два этапа, определив как первый из них тот, который, по его словам, продолжался вплоть до апрельского (1927 г.) переворота Чан Кайши. Сталин охарактеризовал этот этап как «революцию объединенного общенационального фронта», в рамках которого и национальная буржуа-

зия, и пролетариат старались «использовать» друг друга в собственных целях. Шанхайские события ознаменовали, по логике Сталина, «отход национальной буржуазии от революции», положив начало ее второму этапу, на котором стал осуществляться «поворот от революции общенационального объединенного фронта к революции многомиллионных масс рабочих и крестьян, к революции аграрной». В этой обстановке, подчеркивал Сталин, дело следует вести к сосредоточению всей власти в стране в руках «революционного Гоминьдана» как блока между «левыми» гоминьдановцами и коммунистами, превращая его на деле в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Главным «противоядием против контрреволюции» Сталин на этот раз объявил «вооружение рабочих и крестьян». В то же время он напомнил читателям, что революция в Китае носит по-прежнему национальный характер и разворачивается в особых, отличных от России условиях. Одним из важнейших отличий, по его мнению, являлось наличие единого антиреволюционного фронта империалистов.

В этой связи Сталин кратко остановился на «ошибках» оппозиции, заметив, что «Радек и компания» (ни Троцкого, ни Зиновьева он поименно не назвал) не понимают, что революция в Китае, отсталой, полукOLONиальной стране, не может идти таким же темпом, как Октябрьская в России, поэтому-то они и выдвигают лозунг советов в неблагоприятный момент. Имелось в виду, что советы в Китае будут направлены против власти «революционного Гоминьдана». Разумеется, он не мог принять этот лозунг. Все его расчеты строились на неизбежной коммунизации самого ГМД. В заключение Сталин обвинил оппозицию в том, что она якобы выступает за «уход» компартии из Гоминьдана⁵⁷.

Эта работа свидетельствовала о том, что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) начал опять, в который уже раз, пересматривать тактику отступления КПК в Гоминьдане. Объективные условия для этого, по его логике, создавало «самоотстранение» «правых» от революции. Вместе с тем он по-прежнему отказывался пойти на компромисс с оппозицией, рассчитывая осторожно радикализировать революцию, «умело» комбинируя «наступательные» маневры внутри Гоминьдана с развитием массового движения.

Через несколько дней основные положения, высказанные Сталиным в «Вопросах китайской революции», были развиты им в новой работе — ответе Политбюро от 7 мая 1927 г. на зиновьевские «Тезисы по китайскому вопросу», направленные в Политбюро еще 13 апреля. Этот сталинский документ, помеченный грифом «Совершенно секретно» и рассылавшийся вместе с «Тезисами» Зиновьева только членам Центрального комитета, был непосредственно заострен против взглядов объединенной оппозиции. Он никогда не публиковался, но некоторые из сформулированных в нем выводов воспроизводились Сталиным в его открытых выступлениях того периода⁵⁸. В дополнение к тому, что было сказано об оппозиции ранее, Сталин добавил тезис о присвоении ею некоторых постулатов из резолюции VII пленума ИККИ о Китае: как уже отмечалось, эта резолюция была весьма противоречива. Заимствовав эти постулаты, утверждал Сталин, оппозиция соединила их с «ликвидаторскими» установками. Вместе с тем он конкретизировал и успевшие стать расхожими некоторые специфические обвинения в адрес оппозиционеров. В сталинском ответе был особенно выделен вопрос о несвоевременности организации советов в Китае. Сталин на этот раз расценил лозунг советов не только как призыв к восстанию против «революционного Гоминьдана», но и как авантюристическое стремление оппозиционеров к установлению в этой стране пролетарской диктатуры. Из рассуждений Сталина вышло, что о советах как органах демократической диктатуры пролетариата и крестьянства можно было говорить лишь применительно к наиболее отсталым странам Востока, таким, как Персия, Афганистан и т. п., но никак не к Китаю. Сталин делал особый акцент на том, что, если бы советы были организованы в Китае, они бы приняли форму советов рабочих и крестьянских депутатов, а не просто советов трудящихся. Рабочие же советы он рассматривал только как органы пролетарской диктатуры и в этой связи рекомендовал Зиновьеву вспомнить резолюцию II конгресса Коминтерна, озаглавленную «Когда и при каких условиях можно создавать Советы рабочих депутатов». Речь шла о том, что это можно делать только в период социалистической революции⁵⁹.

Сталинские работы, разумеется, не были оставлены без ответа. «Тезисам для пропагандистов» Троцкий посвятил одну из наиболее обширных своих статей по китайской тематике, озаглавленную «Китайская революция и тезисы т. Сталина». Основная ее часть была завершена 7 мая 1927 г.; через десять дней Троцкий написал к ней два «Постскриптума»: один был назван «Речь т. Чэнь Дусю о задачах китайской компартии» (имелся в виду доклад Чэнь Дусю на V съезде КПК в апреле 1927 г.); другой постскриптум был озаглавлен «Необходимый заключительный аккорд». Статья предназначалась для публикации в журнале «Большевик», но наряду с другими работами оппозиционеров была отвергнута.

Именно в этой статье тогдашние взгляды Троцкого на проблемы китайской революции были изложены в наиболее систематическом виде. Главный тезис заключался в следующем: тактика коммунистической партии в Китае в ходе национальной, антиимпериалистической революции при всех нюансах должна в основе своей соответствовать политическому курсу Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) в период русской антимоноархической революции 1905 г. Троцкий вел речь лишь о тактической линии поведения коммунистов, его представление о национальном характере революционного процесса в Китае оставалось неизменным. «Большевицкий же путь, — подчеркивал он, — состоит в безусловном политическом и организационном отмежевании от буржуазии, в беспощадном разоблачении буржуазии с первых шагов революции, в разрушении всяких мелкобуржуазных иллюзий насчет единого фронта с буржуазией, в неустанной борьбе с буржуазией за руководство массами, в беспощадном изгнании из компартии всех, кто сеет надежды на буржуазию и приукрашивает ее»⁶⁰.

Разумеется, учитывая специфику полукOLONиального Китая, Троцкий никоим образом не выступал против блоковых отношений компартии с буржуазными организациями. Более того, следуя линии объединенной оппозиции, он и в этой своей работе оправдывал вхождение КПК в Гоминьдан. Его формальное несогласие вызывала, как уже говорилось, лишь утрата компартией самостоятельности в едином фронте в результате навязывавшейся ей Сталиным политики частных отступлений. Вот что он писал по этому поводу: «Если ком-

мунистическая партия, несмотря на массовое рабочее движение, на мощно развивающиеся профессиональные союзы, на аграрно-революционное движение деревни, должна составлять по-прежнему подчиненную часть буржуазной партии и в качестве бессильного придатка входить в создаваемое этой буржуазной партией национальное правительство, тогда надо бы прямо сказать: для коммунистической партии в Китае время еще не настало. Ибо лучше совсем не создавать коммунистической партии, чем так жестоко компрометировать ее в эпоху революции»⁶¹.

Большое место в статье занимала критика Сталина за неприятие им лозунга советов в Китае. Переворот Чан Кайши, писал Троцкий, породил среди рабочих недоверие к верхам Гоминьдана. Ведь погром в Шанхае устроили те, кого рабочие считали своими вождями. Следовательно, по мысли Троцкого, нужно было создать какой-то новый революционный центр, который мог бы вдохнуть энтузиазм в массы; «одной уханьской верхушки для этого недостаточно, нужны Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Советы трудящихся». Тем более, добавлял он, что «левый» Гоминьдан на местах не имеет ничего, кроме продажной бюрократии. В этой связи лозунг советов будет означать всего лишь призыв к созданию действительных органов новой власти через «переходный режим» двоевластия. Что же касается отношения советов к Уханю, то оно, замечал Троцкий, будет соответствовать отношению самого «революционного Гоминьдана» к советам, ибо последние «будут терпеть над собою только такое правительство, которое захочет опираться на вооруженных рабочих и крестьян». Троцкий откровенно высмеивал Сталина, полагавшего возможным «вооружение рабочих и крестьян» без создания советов. Впрочем, он тут же с иронией оговаривался, что если верить сталинской характеристике «революционного Гоминьдана» как блока рабочих и мелкой буржуазии, то тогда вообще никаких проблем между советами и Уханем не будет: «Почему же создание Советов рабочих и крестьянских депутатов будет означать войну против власти рабоче-крестьянского Гоминьдана?»⁶².

Троцкий отверг и все остальные положения Сталина, а также его выпады в адрес оппозиции, со своей стороны об-

винив его в механическом понимании характера империалистического гнета. Он заявил, что Сталин не учитывал взаимосвязи между внутренней классово-борьбой и засильем иностранного империализма. В то же время Троцкий обвинил Сталина и в приписывании оппозиционерам «бессмысленного утверждения», что Китай стоит якобы непосредственно перед социалистической диктатурой пролетариата. Он, кроме того, предъявил ему обвинения в оправдании «соглашательской» линии ссылками на «феодалное засилье» в Китае, в ошибочном представлении о темпах китайской революции, в жертвовании интересами рабочих и крестьян и в попытках «сохранить мину при плохой игре». В заключение он предупредил, что «левые» вожди Гоминьдана «втайне делят мысль о компромиссах направо» и только путем формирования советских органов власти можно революционные элементы Уханя «толкнуть влево, а контрреволюционные — заставить убраться восвояси ... Только углубление революции может спасти ее»⁶³.

В начале мая с большой работой, предназначавшейся к публикации в виде брошюры и озаглавленной «"Измена" китайской крупной буржуазии национальному движению», выступил Радек⁶⁴. В ней были систематически проанализированы основные факторы, которые, по мнению Радека (а оно несколько отличалось от точки зрения Троцкого), привели к чанкайшистскому перевороту. И Троцкий, и Зиновьев уделили этому документу большое внимание. Троцкий высказал автору ряд замечаний общего порядка. Единственное серьезное возражение у него вызвало чрезмерное, на его взгляд, восхваление Радеком китайской политики Коминтерна, проводившейся в 1920 — первой половине 1926 г. Это, однако, являлось ключевым звеном в анализе Радека: как один из архитекторов восточной политики ИККИ начала 1920-х гг. Радек попытался показать принципиальное различие между его собственной (и зиновьевской) политикой и тактикой Сталина. Он посвятил специальную главу своего эссе оправданию изначальной линии Коминтерна. По этому поводу Троцкий написал: «Глава "Коминтерн предупреждал, китайская компартия знала опасность", на мой взгляд, недостаточно характеризует то, что было. Коминтерн, по существу дела, ни о чем не предупреждал, а компартия опасности

не знала. Иначе как объяснить то, что произошло?.. Эту главу надо, на мой взгляд, перестроить или совсем исключить».⁶⁵

С критикой Троцкого не был согласен Зиновьев, который даже заимствовал некоторые идеи Радека. Начав в то время перерабатывать свои «Тезисы по китайскому вопросу» в статью, названную им «Уроки китайской революции», он сделал в ней объемные вставки (без ссылок на автора) как раз из той самой радековской главы «Коминтерн предупреждал, китайская компартия знала опасность», которую более всего критиковал Троцкий⁶⁶. Его статья, правда, осталась незавершенной⁶⁷.

17 мая Зиновьев подготовил «Вынужденный ответ» на критику его «Тезисов» со стороны Политбюро. В нем содержались практически те же идеи, что и в работе Троцкого о «Тезисах» Сталина. Зиновьев добавил лишь некоторые моменты, с тем чтобы парировать новые выпады Сталина против оппозиции. Много внимания он уделил опровержению тезиса Генерального секретаря о том, что советы рабочих депутатов могут быть только органами диктатуры пролетариата. «Чтобы "доказать" этот тезис, — заявил Зиновьев, — нужно было ... забыть всю историю нашей революции 1905 г. [и] ... извратить все учение Ленина о Советах». Ведь рабочие советы в 1905 г. в России, подчеркнул он, были органами демократической власти пролетариата, крестьянства и городской бедноты и могли превратиться в органы диктатуры пролетариата только в процессе перерастания буржуазной революции в социалистическую. В ответ на предложение Сталина вспомнить соответствующую резолюцию II конгресса Коммунистического Интернационала Зиновьев с плохо скрываемым презрением заметил: «Названная резолюция писана мною». Он далее пояснил, что речь в резолюции шла о рабочих советах в странах, где буржуазная революция была завершена.

Не согласился он и со сталинским обвинением оппозиции в заимствовании определенных положений резолюции VII пленума ИККИ по китайскому вопросу. «Некоторые общие положения VII расшир[енного] пленума ИККИ мы действительно разделяем ... Но в целом мы считаем резолюцию VII пленума ИККИ ошибкой, опровергнутой фактами и потому подлежащей пересмотру», — указал он. Развернутой

критике Зиновьев подверг и идею Сталина о двух этапах китайской революции, заявив о невозможности противопоставления общенационального характера революционного движения аграрной революции⁶⁸.

11 мая Троцкий подготовил статью «Верный путь», в которой вновь призвал к тому, чтобы «дать аграрному движению и рабочим Советам [в Китае] ясную программу практических действий»⁶⁹. 16 мая Зиновьев, а на следующий день Троцкий объяснили свою позицию вдове Ленина Н. К. Крупской, являвшейся, помимо прочего, членом Центральной контрольной комиссии⁷⁰. 17 мая Радек вновь подверг публичной критике китайскую политику Коминтерна, выступая в Институте мировой экономики и международной политики во время дебатов по докладу сталиниста Л. Н. Геллера о рабочем движении в Китае⁷¹. В то же время Зиновьев выступил с критикой Коммунистической партии Китая за ее «раболепство» перед Коминтерном⁷². Поводом для критики послужила публикация в конце апреля 1927 г. доклада VII пленуму ИККИ члена Политбюро ЦК КПК Тань Пиншаня, который в апреле уже являлся министром уханьского национального правительства.⁷³

В начале мая сталинисты решили принять некоторые организационные меры. 11 мая 1927 г. Политбюро постановило сформировать специальную комиссию в составе Молотова, С. В. Косиора и Сталина для «решения вопроса о печатании статей тт. Зиновьева и Троцкого по китайскому вопросу»⁷⁴, а уже на следующий день приняло рекомендацию этой комиссии считать печатание «нецелесообразным»⁷⁵. Через пять дней Троцкий направил протест в Политбюро и Президиум ЦКК⁷⁶.

За несколько дней до того, 9 мая, Политбюро одобрило предложенный Бухариным текст ответа на письмо Зиновьева и Троцкого от 20 апреля по поводу проведения нового заседания пленума Центрального комитета для обсуждения международного положения. В нем в исключительно резкой форме, с набором ряда политических обвинений (в подрыве «тыла» СССР, стремлении «ликвидировать» китайскую революцию, «борьбе против партии») до сведения лидеров оппозиции был доведен отказ Политбюро и Президиума Центральной контрольной комиссии принять предложение последних⁷⁷.

12 мая, воспользовавшись тем, что Зиновьев в своем выступлении на собрании, посвященном 15-летию «Правды» (9 мая), публично высказал ряд критических замечаний в адрес газеты за публикацию статей Мартынова, а также работы А. А. Свечина⁷⁸, Политбюро положило начало бурной антизиновьевской кампании⁷⁹. С осуждением бывшего Председателя Исполкома Коминтерна за «дезорганизаторское поведение» и «нарушение партийной дисциплины» выступили не только партийная печать, но и некоторые коммунистические организации. Зиновьеву вменялось в вину, что он «нарушил партийную дисциплину», критикуя партийную газету в присутствии беспартийных⁸⁰. Он же, оправдываясь, утверждал, что в зале присутствовали только члены ВКП(б), имевшие на руках мандаты Московского комитета партии. Целью кампании, очевидно, была полная дискредитация Зиновьева накануне VIII пленума ИККИ, с тем чтобы подготовить общественное мнение в поддержку задуманного сталинистами решения не допустить Зиновьева на этот форум. Формально они имели право отказать ему в приглашении: будучи освобожден от должности Председателя Исполкома Коммунистического Интернационала, Зиновьев не вел более никакой работы в ИККИ. Однако оставались еще определенные моральные мотивы. В конце концов Зиновьев возглавлял ИККИ с самого основания Коминтерна в 1919 г.

Расширяя борьбу с оппозицией, сталинское руководство в то же время предпринимало шаги с тем, чтобы привести тактику КПК в соответствие с генеральным курсом, определенным Сталиным в его работах конца апреля — начала мая. Эти работы («Вопросы китайской революции» и ответ Политбюро на «Тезисы» Зиновьева) определили направление китайской политики Политбюро и Коминтерна на период вплоть до конца июня 1927 г. Если до середины апреля 1927 г. советское руководство более всего занимал вопрос о том, как «вычистить» из Гоминьдана «правых», сохранив при этом единый фронт с «левыми» и «центристами», то теперь Москва сделала ставку на радикализацию самого «левого» ГМД. На этот раз, однако, китайские коммунисты должны были не вытеснять партнеров из их же собственного Гоминьдана, а настойчиво «толкать» ванцзинвэевцев к организации настоящего социального переворота, разъясняя им мысль о

том, что, если они «не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа, и для революции»⁸¹. 13 мая ИККИ послал Центральному комитету КПК инструкцию большевистского Политбюро, содержащую директиву направить «левый» Гоминьдан на развертывание аграрной революции во всех провинциях и организацию «восьми или десяти дивизий» революционных крестьян и рабочих в качестве «гвардии Уханя»⁸².

Курс Политбюро был полностью поддержан VIII пленумом ИККИ (18 — 30 мая 1927 г.), на который Политбюро решило вынести вопрос о дискуссии с оппозицией по китайскому вопросу. 19 мая оно обратилось в Исполком Коминтерна с письмом (копии были направлены членам Центрального комитета и Президиума Центральной контрольной комиссии), в котором, введя Исполком Коминтерна в курс соответствующих разногласий с оппозицией, выдвинуло ряд принципиальных обвинений против Зиновьева и Троцкого. Причем Политбюро объявило, что Зиновьев и Троцкий говорят о «гибели» китайской революции, ведут дело к «сдаче революционных позиций в Китае», к «отказу от превращения пролетариата в Китае в вождя буржуазно-демократической революции в угоду ликвидаторам»⁸³.

К схватке на пленуме подготовились и оппозиционеры. Их подготовка, похоже, сопровождалась интенсивными внутрифракционными дебатами. 10 мая 1927 г. в частной переписке со своими соратниками Троцкий предложил выход КПК из «левого» Гоминьдана⁸⁴, однако его точка зрения и на этот раз была отвергнута другими лидерами оппозиции. Основные документы, представленные оппозиционным меньшинством членам ИККИ, отражали точку зрения Зиновьева. Они включали его статьи «К урокам китайской революции. По поводу статьи тов. А. Мартынова», «Еще к урокам китайской революции. Потрясающий документ» и «Вынужденный ответ», а также письмо Зиновьева и Троцкого в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК ВКП(б) от 20 апреля 1927 г. Среди делегатов также циркулировали текст речи Зиновьева на собрании, посвященном 15-летию «Правды», и его письмо в редакцию «Правды» по поводу развернутой Политбюро против него кампании⁸⁵. Кроме того, делегатам были розданы работы Троцкого «Китайская революция и тезисы т. Сталина» (с

обоими послесловиями) и «Верный путь», а также письмо четырех членов Дальневосточного бюро в русскую делегацию ИККИ от 17 марта 1927 г. Специально для пленума Зиновьев и Троцкий написали даже так называемую «хронологическую справку», озаглавленную ими «Факты и документы, которые должны стать доступны проверке каждого члена ВКП(б) и всего Коминтерна». В справке излагалась история борьбы оппозиции со сталинским большинством ВКП(б) по проблемам Китая начиная с апреля 1926 г.⁸⁶

Во время работы пленума, 25 мая, большая группа оппозиционеров представила в Центральный комитет ВКП(б) развернутое заявление, в котором высказала принципиальное несогласие с линией сталинского большинства по всем основным вопросам текущей политики, включая Китай. Под этим документом, вошедшим в историю как «Заявление 83-х», в целом подписалось 84 человека — в их числе Троцкий, Зиновьев, Радек и ряд других старых деятелей партии и Коминтерна⁸⁷. С заявлением были также ознакомлены члены пленума ИККИ.

На самом же пленуме главный удар принял на себя Троцкий. Два других члена ИККИ — С. М. Гессен и В. Вуйович, поставившие свои подписи под «Заявлением 83-х», оказали ему посильную помощь. Вуйович принял активное участие в дискуссии по китайскому вопросу, развернувшейся на пленуме. С некоторыми оговорками позицию Троцкого поддержал также член ИККИ А. Трэн. Зиновьева же так и не допустили к участию в заседаниях. Не имея возможности участвовать в пленуме он тем не менее пристально следил за его заседаниями, продолжая в то же время анализировать опыт китайской революции. Именно в эти дни он работал над обширной статьей «Революция в Китае и "мастер" революции Сталин». Она осталась незавершенной⁸⁸.

Троцкий старался привлечь внимание руководителей международного коммунистического движения ко все более обострявшейся необходимости обеспечить полную самостоятельность КПК в рамках единого фронта, призывал к немедленному провозглашению в Китае лозунга советов, предупреждал о неизбежном «предательстве» «левых» вождей Гоминьдана, требовал срочного изменения политики сталинского руководства⁸⁹. Он брал слово восемь раз, из них по ки-

тайскому вопросу — три. Помимо этого, он передал в секретариат пленума несколько письменных обращений. Его основные предложения были в конце концов суммированы в альтернативном проекте резолюции: «Крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминьдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами. Советам вооружать рабочих и передовых крестьян. Коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать⁹⁰, руководить созданием Советов. Земли у помещиков отбирать немедленно. Реакционную бюрократию искоренять немедленно. С изменяющими генералами и вообще с контрреволюционерами расправляться на месте. Общий курс держать на установление демократической диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов»⁹¹.

Но все было тщетно. Подавляющее большинство участников пленума слушать его не желало. В одобренных резолюциях («Задачи Коминтерна в борьбе против войны и военной опасности» и «Вопросы китайской революции») была зафиксирована сталинская оценка создавшегося в Китае положения. Резолюции пленума вновь нацеливали КПК на осуществление мероприятий, направленных на преобразование Гоминьдана в прокоммунистическую «рабоче-крестьянскую» партию, которая возглавила бы аграрно-революционное движение в деревне, вооружила рабочих и крестьян, провела реорганизацию армии и превратила уханьское правительство в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства⁹².

Эти решения были конкретизированы в ряде директив Политбюро Центральному комитету КПК и коминтерновским представителям в Китае — от 30 мая, 3, 6, 9, 18 и 20 июня 1927 г.⁹³ Политбюро 23 июня даже послало телеграмму Ван Цзинвэю в надежде убедить его в том, что «Гоминьдан должен обязательно поддержать аграрную революцию и крестьян».⁹⁴ 25 июня лидерам ГМД была послана еще одна телеграмма с призывом создавать преданные революции воинские части «из рабочих и крестьян»⁹⁵. При этом советская сторона активно снабжала уханьское правительство займами.

В последний день пленума по предложению делегаций коммунистических партий Германии, Англии, Франции, Италии, Чехословакии и США собравшиеся приняли специальную

«Резолюцию о выступлении тт. Троцкого и Вуйовича на пленарном заседании ИККИ», в которой обвинили своих оппонентов в том, что те «начинают ожесточеннейшую борьбу с Коминтерном ... и с Советским Союзом». Пленум «категорически» запретил Троцкому и Вуйовичу всякое продолжение «фракционной» деятельности и, констатировав «несовместимость» их линии и поведения с их положением в Коминтерне, уполномочил Президиум ИККИ совместно с Интернациональной контрольной комиссией в случае, если сопротивление оппозиции будет продолжено, «формально исключить тт. Троцкого и Вуйовича из ИККИ». В резолюции содержалось также предложение в адрес ЦК ВКП(б) принять решительные меры к «избавлению» большевистской партии от «фракционной работы тт. Троцкого и Зиновьева»⁹⁶.

Вскоре после VIII пленума два лидера оппозиции были вызваны на комиссию ЦКК, которой было поручено разобрать их «дело». Зиновьеву и Троцкому были предъявлены обвинения в нападах на большевистскую линию Коммунистического Интернационала и Центрального комитета ВКП(б). 13 июня на комиссии ЦКК давал объяснения Зиновьев, 14-го — Троцкий. Вины своей ни тот ни другой не признали. Наоборот, решительно продолжали отстаивать свои взгляды⁹⁷. Будучи не в состоянии противопоставить им какие бы то ни было серьезные возражения, члены комиссии ограничились голословными осуждениями.

Такой «разбор дела» не мог, разумеется, удовлетворить Сталина. Он пришел в ярость, когда ознакомился со стенограммами заседаний комиссии. «Получается впечатление сплошного конфуза для ЦКК, — написал он Молотову. — Допрашивали и обвиняли не члены ЦКК, а Зиновьев и Троцкий... Решительно протестую против того, что комиссия по обвинению Тр[оцкого] и Зин[овьева] превратилась в трибуну по обвинению ЦК и КИ с заострением «дела» против Сталина ... Неужели эту "стенограмму" отдадут на руки Троц[ко]му и Зиновьеву для распространения! Этого еще не хватало»⁹⁸. Под давлением Сталина рассмотрение вопроса о фракционной деятельности Троцкого и Зиновьева было перенесено в Президиум ЦКК, который на специальном заседании 24 июня 1927 г.⁹⁹ пригрозил двум главным оппозиционерам исключением из состава Центрального комитета партии¹⁰⁰.

Между тем из Китая продолжали поступать тревожные вести. В середине июня стало известно, что по пути Чан Кай-ши активно готовится пойти Фэн Юйсян, считавшийся в Коминтерне одним из наиболее надежных «левых» военачальников. В этих условиях Троцкий возобновил настойчивые попытки склонить соратников по единому антисталинскому блоку (прежде всего Зиновьева и Радека) принять его предложение о немедленном выходе КПК из Гоминьдана. 20 июня 1927 г. он ознакомил их с подготовленным им заявлением в Президиум ИККИ, в котором эта идея была узловой¹⁰¹.

На этот раз даже Зиновьев был вынужден согласиться. Лидеры оппозиции решили выступить с совместным письмом в Политбюро, Президиум Центральной контрольной комиссии и Исполком Коминтерна. Единственное, что их смущало, это необходимость дать объяснения по поводу того, почему они раньше открыто не требовали выхода КПК из ГМД: раскрыть перед своими противниками наличие внутренних разногласий они, разумеется, не хотели. Обсуждения внутри фракции заняли несколько дней. Все сходились на том, что заявить можно было примерно следующее: хотя оппозиция и не выдвигала открыто лозунг разрыва с буржуазной верхушкой в Китае, по существу те условия, которые она ставила Гоминьдану (полная самостоятельность КПК), «на деле, а не на бумаге», исключали возможность дальнейшего пребывания китайской компартии в ГМД. Зиновьев и Троцкий, однако, по-разному оценивали такую политику. Первый считал, что оппозиционеры «оказались правы по всей линии»¹⁰², второй предлагал признать ошибки¹⁰³. Радек соглашался с Троцким¹⁰⁴. В конце концов, по-видимому, сошлись на том, что вопрос об оценке собственной линии до поры до времени поднимать не следует, и письмо в высшие инстанции партии и Коминтерна было составлено в виде коротких, лозунговых тезисов, целиком отражавших текущие настроения оппозиционеров. В нем содержались требования немедленного перехода от внутрипартийного сотрудничества с ГМД к межпартийному — с гоминьдановскими «низам», выхода коммунистов из состава Национального правительства, выдвижения курса на образование советов, проведения аграрной революции и борьбы за установление революционно-демократической диктатуры пролета-

риата и крестьянства под пролетарским (то есть коммунистическим) руководством. 25 июня оно было послано по адресатам за подписями Зиновьева, Троцкого, Радека и Евдокимова¹⁰⁵.

Руководили оппозиции не могли прийти к компромиссу относительно оценки своей прошлой политики вплоть до начала июля. В итоге объяснения были использованы зиновьевские. Зиновьев же выступил и как основной автор большой статьи по этому вопросу, которая была закончена 2 июля 1927 г. Помимо Зиновьева, Троцкого, Радека и Евдокимова ее подписал также Г. И. Сафаров¹⁰⁶. Статья была отправлена в «Правду», хотя шансов на публикацию у руководителей оппозиции, естественно, не имелось, тем более что через два дня после ее написания Евдокимов, Зиновьев и Троцкий подали на редакцию «Правды» в партийный суд (то есть в ЦКК), обвинив ее в том, что она «вполне сознательно старается ... затушевывать, замазывать и скрывать разгул контрреволюции в Ухане от рабочих и крестьян СССР»¹⁰⁷. 7 июля Вуйович, Зиновьев и Троцкий направили новое письмо в Президиум Исполкома Коммунистического Интернационала, в котором предложили срочно созвать его заседание для исправления «ошибочной линии» Коминтерна в отношении уханьского правительства¹⁰⁸.

Обращения лидеров оппозиции только озлобляли сталинистов. Обстановка усугублялось тем, что именно в тот момент (в конце июня — начале июля 1927 г.) Сталин наконец начал осознавать, что политика Коминтерна в Китае стремительно терпит крах; его личные письма Молотову и Бухарину, написанные в ту пору, дают достаточное представление об этом. В письме от 27 июня он признал: «Боюсь, что Ухан[ь] сдрейфит и подчинится Нанкину [то есть Чан Кайши]»¹⁰⁹.

События обгоняли Сталина. Национальное правительство в Ухане разваливалось буквально на глазах. Один за другим в поддержке ему отказывали генералы, только вчера клявшиеся в преданности «левому» Гоминьдану. Стихийная эвакуация промышленников и торговцев из городов, находившихся под его контролем, привела к тяжелейшему экономическому положению. Будучи не в силах спасти ситуацию, сами руководители правительства стали переходить ко все

более открытой антирабочей и антикрестьянской политике. Отношения между «левыми» гоминьдановцами и коммунистам становились все более напряженными.

Все это приводило к тому, что недовольство уханьским правительством со стороны Сталина и Политбюро нарастало. Какое-то время, правда, Сталин пытался еще маневрировать, склоняясь к новым уступкам Ван Цзинвэю по государственной и коминтерновской линии. Он был готов снять Бородина, «если Ухан[ь] захочет», послать дополнительные субсидии — «лишь бы иметь заручку, что Ухан[ь] не сдастся на милость Нанкину»¹¹⁰. Однако наряду с беспокойством все более усиливалось раздражение по поводу уханьского правительства, явно не желавшего радикализироваться. В конце концов от идеи уступок Сталин решительно отказался, и советское руководство стало склоняться к идее мобилизации КПК на захват власти внутри «левого» ГМД.

Отражением этого явилась статья Бухарина в «Правде» от 30 июня 1927 г., написанная сразу после того, как на сторону Чан Кайши перешел Фэн Юйсян¹¹¹. (Сталин, ознакомившись со статьей Бухарина, оценил ее как «удачную».)¹¹² В статье выражался призыв очистить «левый» Гоминьдан от «буржуазного охвостья и ренегатов всякого вида» и организовать «настоящую якобинскую "левую", т. е. своего рода уханьский "ревком"»; концентрировалось особое внимание на необходимости мобилизации и вооружения масс, развязывания аграрной революции и рабочего движения, организации «решительнейшей» борьбы против изменников и предателей. Вся статья подводила читателя к мысли о том, что руководители «левого» Гоминьдана скоро тоже окажутся «предателями». Вместе с тем о советах по-прежнему не говорилось, а от КПК требовалось ни в коем случае не покидать Гоминьдан, а, объединившись с «гоминьдановскими низами», вести дело к его превращению в «могучую рабоче-крестьянскую ... партию, орган демократической, плебейской революции». Как бы предохраняя ИККИ от неизбежного провала его политической линии в Китае, Бухарин на этот раз сформулировал и ряд претензий к руководителям китайской компартии (пока еще в общей форме, без упоминания КПК), важнейшими из которых были «невыполнение» «правильных» директив Коминтерна, а

также «торможение» аграрной революции и вооружения рабочих.

Вскоре после этого, 8 июля, Исполком Коминтерна отправил ЦК КПК директиву с требованием выхода коммунистов из состава Национального правительства, поскольку «главные вооруженные силы Уханя... фактически стали орудием контрреволюционеров». Однако, отставку министров-членов компартии он не связал с выходом КПК из Гоминьдана¹³. В тот же день в письме Молотову Сталин так прокомментировал данную директиву: «Мы использовали уханьскую верхушку, как только можно было ее использовать. Теперь ее надо отбросить. Надо сделать попытку овладеть периферией ГМД и противопоставить ее нынешней верхушке»¹⁴.

Но и последняя директива не могла переломить обстановку в Китае. Как и руководители уханьского ГМД, «левые» гоминьдановцы на периферии также не торопились стать «революционными якобинцами». Наоборот, все откровеннее занимали антикоммунистическую позицию. Поражение китайской компартии, а с ней и сталинской линии в Китае становилось фактом.

Глава 10

Поражение оппозиции и эволюция взглядов Сталина и Троцкого на Китай

По мере расширения антикоммунистического террора в Китае Сталина все больше начинал занимать вопрос о спасении собственного реноме. Признать ошибки он не желал даже в письмах ближайшим соратникам. «Наша политика [в Китае] была и остается единственно правильной политикой, — отмечал он в записке Молотову 11 июля 1927 г. — Никогда я не был убежден так глубоко и прочно в правильности нашей политики ... в Китае ... как теперь»¹¹⁵. Спустя две недели, 28 июля, он опубликовал в «Правде» статью, большая часть которой была непосредственно посвящена оправданию китайской политики Коминтерна¹¹⁶.

Основную вину Сталин решил возложить на Центральный комитет КПК. 9 июля в письме на имя Молотова и Бухарина (с разрешением дать его «на прочтение» и другим членам Политбюро) Сталин выдвинул целый «пакет» претензий в адрес руководителей китайской компартии, резко и в грубой форме обвинив ЦК КПК в том, что тот оказался «совершенно непригодным» к новой, аграрной фазе революции. «В ЦК [КПК] нет ни одной марксистской головы, способной понять подоплеку

(социальную подоплеку) происходящих событий», — заявил он, добавив, что раз уж сложился такой ЦК, то от него требовалось только одно — выполнять директивы ИККИ; он же «их либо не понимал, либо не хотел выполнять и надувал ИККИ, либо не умел их выполнять». Раздосадованный, Сталин, в частности, предложил следующее: «Пора заняться теперь по-настоящему организацией системы партсоветников при ЦК ККП [КПК], при отделах ЦК, при областных организациях в каждой провинции, при отделах этих облорганизаций, при комсомоле¹¹⁷, при крестотделе ЦК, при военотделе ЦК, при ЦО, при федерации профсоюзов Китая ... Нужно поставить дело так, чтобы все эти партсоветники составляли одно целое в своей работе, направляемое главным советником при ЦК (он же представитель КИ). Эти "няньки" необходимы на данной стадии в виду слабости, бесформенности, политической аморфности и неквалифицированности нынешнего ЦК. ЦК будет учиться у партсоветников. Партсоветники будут восполнять громадные недочеты ЦК ККП и его областных верхушек. Они же послужат (пока что) гвоздями, скрепляющими нынешний конгломерат в партию»¹¹⁸.

Однако негодовать по поводу неспособности китайских коммунистов выполнить решения Коминтерна было бессмысленно. Сталинская политика не могла не привести к жесточайшему поражению коммунистического движения в Китае. Вышеизложенное предложение Сталина никогда не было осуществлено, но оно отразило общую тенденцию в его отношении к «братской» коммунистической партии — установление контроля над ней сверху донизу через своих агентов. Значительную часть вины Сталин возложил на представителей Коминтерна в Китае (главными из них в июле 1927 г. были Бородин и Рой), потребовав «выгнать» их из Китая.

Сталинская критика нашла отражение в статье Мандаляна «Почему обанкротилось руководство китайской компартии», напечатанной в «Правде» 16 июля 1927 г. Критическому разбору этой «позорной статьи» была посвящена большая часть неопубликованной работы Зиновьева «События в Китае»¹¹⁹.

15 июля 1927 г. в самом Ухане «левые» гоминьдановцы развязали «белый» террор. Сталинская тактика потерпела

очевидное поражение. Это, естественно, обострило вопрос об отношениях с оппозицией до предела. Продолжение критики с ее стороны Сталин терпеть уже больше не мог. Еще в начале июля он склонялся к тому, чтобы отправить Троцкого в Японию (очевидно, послом)¹²⁰, однако затем отказался даже от этой мысли: фактическая дискредитация его китайской политики, разумеется, наряду с углублением разногласий по внутренним проблемам СССР и ВКП(б) делала мирный исход борьбы с троцкистско-зиновьевским меньшинством невозможным. Важной вехой в борьбе с оппозицией должен был стать очередной объединенный пленум Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

Этот пленум проходил с 29 июля по 9 августа 1927 г., и китайский вопрос был на нем, естественно, одним из узловых, хотя и рассматривался в рамках более широкой проблемы — анализа международного положения СССР. С основными докладами по этой теме выступили Чичерин и Бухарин, защищавшие, понятно, точку зрения Политбюро. В дискуссии со стороны большинства приняли участие Осинский, Мануильский, Бауман, Молотов, Милютин, Ворошилов, Лозовский, Сталин, Крупская, Бубнов, Рыков. Взгляды оппозиции представляли только Зиновьев, Каменев, Троцкий.¹²¹ Китайский вопрос был тесно связан с еще одним, не менее важным, сформулированным в повестке дня следующим образом: «О последних выступлениях оппозиции и нарушениях партийной дисциплины тт. Троцким и Зиновьевым». Доклад по нему делал Орджоникидзе.

Ничего конструктивного в осмысление опыта и уроков китайской революции пленум не внес. Позиции обеих сторон были в систематическом виде изложены до него, а обсуждение серьезных вопросов прошлого и их теоретическое осмысление потонули во взаимных упреках представителей двух враждующих фракций. Лидеры оппозиции, настойчиво заявляя о «меньшевизме» руководителей ВКП(б) и ИККИ, вменяли своим оппонентам в вину то, что те предали революцию в Китае и, более того, создали условия для возможного развязывания империалистами новой войны против СССР¹²². Сталинисты же, в свою очередь, обвиняли оппозиционеров в авантюризме, двурушничестве, антипартийном поведении. И те и другие вели полемику под знаме-

нем ленинизма, то и дело инкриминируя деятелям из противоположного лагеря «отход» от основных принципов ленинской тактики в антиколониальной революции. Итоги обсуждения были, разумеется, предрешены. Большинство голов пленум вынес Троцкому и Зиновьеву строгие выговоры с предупреждением за фракционную деятельность¹²³. Оппозиция вступила в полосу глубокого кризиса.

Новая обстановка в Китае, однако, потребовала как от руководителей Коминтерна, так и от оппозиции выработки своей точки зрения в отношении новой тактической линии китайского коммунистического движения. Это, разумеется, было немыслимо без предварительной характеристики текущего этапа китайской революции.

Что касается сталинистов, то они начали делать первые шаги в указанном направлении уже накануне уханьского переворота, в самом начале июля 1927 г. Именно в то время в письме на имя Молотова и Бухарина Сталин впервые поставил вопрос о «возможности интервала» между одной буржуазной революцией в Китае, которая завершилась у всех на глазах, и «будущей», тоже «буржуазной», революцией — по аналогии, как он писал, «с тем интервалом, какой был у нас между 1905 г. и 1917 г. (февраль)»¹²⁴. Эту мысль он затем развил в другом письме — Молотову, пояснив, что такой интервал нельзя считать «исключенным», но это не говорит о невероятности нового подъема «в ближайший период»¹²⁵. Роль организатора новой фазы буржуазно-демократического движения он отводил КПК, пока действовавшей под флагом «левого» Гоминьдана¹²⁶.

В этих письмах, по сути дела, была уже сформулирована общая концепция нового этапа китайского революционного процесса. Сталин охарактеризовал его как этап, носящий по-прежнему буржуазный характер, согласившись признать только частичное поражение революции (на языке коммунистов того времени поражение КПК приравнивалось к поражению революции). Вместе с тем он рассчитывал на новую активизацию массового движения в Китае, причем в недалеком будущем, при гегемонии КПК, осуществляемой через «левую» рабоче-крестьянскую партию. Эти идеи перекликались с неоднократно высказывавшимся Сталиным ранее тезисом о «невозможности» так называемого кемали-

стского пути развития Китая — имелась в виду трансформация этой страны в капиталистическом направлении в результате победы буржуазной революции¹²⁷.

Они были развиты Бухариным накануне объединенного пленума Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии в проекте тезисов Политбюро о международном положении. В этом документе, в частности, утверждалось: «Настоящий период китайской революции характеризуется ее тяжелым поражением и одновременной радикальной перегруппировкой сил, где против владеющих классов и империализма организуется блок рабочих, крестьян, городской бедноты. В этом смысле революция переходит в высший фазис своего развития, в фазис прямой борьбы за диктатуру рабочего класса и крестьянства ... Национальная буржуазия не может решить и внутренних задач революции, ибо она не только не поддерживает крестьян, но и выступает активно против них, все более тяготея, таким образом, к блоку с феодалами и не решая даже элементарных проблем буржуазно-демократической революции ... Таким образом, наиболее вероятной является перспектива того, что временное поражение революции будет сменено в сравнительно короткий срок новым ее подъемом»¹²⁸.

При этом, однако, Бухарин, точно так же как до того Сталин, не сказал ни слова о том, следовало ли в Китае на этот раз выдвигать лозунг советов. Скорее всего в руководстве партии в тот момент не было единства по данному вопросу, а сам Сталин (как, может быть, и Бухарин) испытывал колебания. Судить об этом можно, по крайней мере, исходя из того, что как раз тогда, когда в Политбюро готовился названный проект тезисов, «Правда» (а ее главным редактором был тот же Бухарин) опубликовала передовую статью, в которой в отличие от проекта идея советов в Китае была представлена¹²⁹. Во время пленума, однако, эта идея была подвергнута критике. Бухарин, Мануильский, Молотов и Рыков на этот раз обосновывали мысль о том, что обстановка пока заставляла компартию «использовать ... левый Гоминьдан», который не мог принять лозунг советов¹³⁰. Большинство голосов пленум отверг лозунг советов.

Только в сентябре 1927 г., вскоре после того, как в Китае началось создание коммунистических армейских формиро-

ваний, перешедших к активным полупартизанским и партизанским действиям против войск Гоминьдана и милитаристов, в рассмотренную концепцию были внесены определенные изменения. Это нашло отражение в редакционной статье газеты «Правда», озаглавленной «Задачи китайской революции» и опубликованной 30 сентября. В ней заявлялось следующее: китайское революционное движение, носящее по-прежнему антиимпериалистический, буржуазно-демократический характер, вступило наконец в начальную фазу нового подъема; однако к этому времени «определенно выяснилось», что КПК осталась единственной политической организацией, способной возглавить массы, «левый» Гоминьдан не смог справиться с этой задачей; отныне в Китае борьба будет вестись под руководством китайской компартии за установление в этой стране действительной антиимпериалистической и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в форме советов рабочих, крестьянских, солдатских и ремесленных депутатов. В статье приветствовалось образование «революционной армии китайских рабочих и крестьян» и выражалась уверенность, что «при правильном руководстве, при смелом курсе на развитие аграрной революции» эта армия «сделает великое историческое дело».

Таким образом, только в самом конце сентября 1927 г. лидеры ИККИ фактически взяли на вооружение ту программу, которую объединенная оппозиция предлагала ранее.

Однако к тому времени в самой оппозиции уже наметилось глубокое размежевание по вопросам, связанным с оценкой текущего этапа китайской революции, а, соответственно, с определением тактики КПК. В середине сентября 1927 г. Троцкий, продолжавший размышлять над проблемами революционного движения в Китае, подготовил и послал Зиновьеву набросок тезисов, в котором, заново проанализировав опыт китайской политики Коминтерна, выдвинул новые предложения, отвечавшие, с его точки зрения, требованиям момента¹³¹. Центральным из них было обоснование лозунга борьбы за установление в Китае диктатуры пролетариата взамен «исторически запоздалому», как он писал, лозунгу демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Иными словами, после поражения КПК Троцкий отошел от

ленинской точки зрения на проблемы Китая, по сути дела вернувшись (впервые с тех пор, как в 1922 г. принял ленинскую теорию антиколониальных революций) к собственной формуле перманентной революции, которой Коммунистический Интернационал руководствовался в применении к зарубежным странам Востока, вплоть до своего II конгресса.

К этой идее Троцкий пришел не сразу. По его собственному позднему признанию, он стал задумываться над тем, что в Китае не выйдет никакой демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, еще со времени образования уханьского правительства (то есть с января 1927 г.). «Я основывался при этом ... на анализе самых основных социальных фактов, а не их политических преломлений, которые, как известно, бывают довольно своеобразны, ибо зависят также от фактов второго порядка, в том числе от национальной традиции, — писал он в одном из писем Преображенскому весной 1928 г. — Я убедился, что основные социальные факты уже проложили себе дорогу через все своеобразие политических надстроек...»¹³². Именно тогда или несколько позже он начал заново проигрывать в уме варианты приспособления к Китаю своей старой теории. О том, как работала его мысль в соответствующем направлении, можно составить определенное представление по небольшим заметкам, сохранившимся в архиве. В конце июня 1927 г. он сделал следующую запись: «Ленинское учение о революционном значении борьбы отсталых и угнетенных народов за свое национальное освобождение не дает общего или автоматического решения политических вопросов для всех угнетенных народностей. Пути и способы национальной борьбы зависят от классового строения угнетенной нации, и прежде всего от роли и значения в ней пролетариата. По общему правилу, роль буржуазно-революционных элементов будет тем более, чем менее многочисленен и самостоятелен пролетариат. Наоборот, наличие быстро поднимающегося в гору пролетариата заранее предрешает контрреволюционную роль буржуазии.

В этом смысле надо строго отличать два крайних типа, между которыми располагаются все промежуточные, именно, с одной стороны, патриархальные колонии, без собственной промышленности ... и колонии, наиболее законченным

образцом которых является именно Китай, заключающий в своих рамках все ступени экономического развития ... с явным все возрастающим преобладанием новейших капиталистических отношений»¹³³.

Эти размышления явно шли в струе роевских представлений и как таковые не противоречили взглядам Сталина. Однако в отличие от Сталина, но в полном соответствии с Роем Троцкий делал из них следующий политический вывод: «Многое нам станет понятнее в Китае, если мы правильно используем опыт России и прежде всего напомним себе, как и почему ход классовой борьбы в отсталой России передал власть в руки пролетариата раньше, чем в передовых капиталистических странах»¹³⁴. Этот тезис напоминал его заявление, сделанное на III конгрессе Коммунистического Интернационала.

Вместе с тем вплоть до середины осени 1927 г. сомнения Троцкого в правильности идеи об установлении в Китае революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства так и оставались неразрешимыми. Уверенность в необходимости срочного пересмотра классической ленинской концепции пришла к нему уже после поражения китайского коммунистического движения. В своем наброске тезисов от середины сентября 1927 г. Троцкий так сформулировал новый курс: «Сейчас дело идет для пролетариата о том, чтобы отвоевать у "революционной демократии" бедняцкие низы города и деревни и повести их за собой для завоевания власти, земли, независимости страны и лучших материальных условий жизни для трудящихся масс. Другими словами, дело идет о *диктатуре пролетариата*»¹³⁵.

Он объяснил причины выдвижения этого лозунга прежде всего тем, что в Китае произошла перегруппировка классовых сил. С его точки зрения, развязывание «белого террора» в Ухане ознаменовало переход в лагерь контрреволюции уже не только крупных и средних буржуа, но и «верхних слоев мелкой буржуазии» города и деревни. От общетеоретических рассуждений он воздержался, рассчитывая на то, что предложенный им документ будет послан в Политбюро или Исполком Коминтерна за коллективной подписью лидеров оппозиции. Он лишь подчеркнул, что «лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, если бы

он был выдвинут, скажем, в начале Северного похода, в связи с лозунгом Советов и вооружения рабочих и крестьян, сыграл бы гигантскую роль в развитии китайской революции, обеспечил бы совершенно другой ход ее».

Однако, добавил он, «своевременно не примененный» ленинский лозунг не может быть механически перенесен в новые условия, ибо «после опыта с Гоминьданом вообще и с левым Гоминьданом в отдельности исторически запоздалый лозунг станет орудием сил, действующих против революции»¹³⁶. Не связывал Троцкий провозглашение курса на борьбу за пролетарскую диктатуру в Китае и с вопросом о том, победила ли буржуазная революция в этой стране: ответить на этот вопрос он до поры до времени точно не мог.

Через несколько дней после отправки Зиновьеву рассмотренного наброска Троцкий развил данные мысли в специальной статье «Старые ошибки на новом этапе»¹³⁷, которую также направил Зиновьеву. Ее же он собирался послать в редакцию журнала «Большевик» или в Политбюро¹³⁸.

Но его точка зрения не получила поддержки в кругах оппозиции. Ни Зиновьев, ни Радек, ни многие другие не смогли отказаться от ленинского подхода. Вновь Троцкий был вынужден пойти на уступки ради сохранения антисталинского блока. Вопрос о лозунге диктатуры пролетариата в Китае он больше не поднимал вплоть до распада объединенной оппозиции. Этот лозунг не был включен ни в один из оппозиционных материалов осени 1927 г. Не вошел он и в так называемое «Заявление 13-ти» — «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)». В соответствующем разделе этого документа был зафиксирован зиновьевский тезис, гласивший: «Учение Ленина о том, что буржуазно-демократическая революция может быть доведена до конца лишь союзом рабочего класса и крестьянства (под руководством первого) против буржуазии, не только применимо к Китаю и к аналогичным колониальным и полуколониальным странам, но именно и указывает единственный путь к победе в этих странах».¹³⁹ Этот тезис был заимствован из зиновьевской статьи «Наше международное положение и опасность войны», написанной еще в конце июля 1927 г. и в целом не имевшей отношения к Китаю.

Оппозиционеры продолжали критиковать сталинскую линию в Китае, одновременно углубляя борьбу против сталинистов в вопросах, касавшихся внутривластного развития СССР и положения в ВКП(б). Однако с яркими и гневными выступлениями они по-прежнему обращались главным образом к тому самому аппарату, который неудержимо бюрократизировался. Поведение Троцкого и его товарищей лишь озлобляло функционеров, которые осенью 1927 г. стали ужесточать репрессии в отношении их. 24 сентября Политический секретариат ИККИ принял решение о вынесении вопроса о «продолжении фракционной деятельности» Троцким и Вуйовичем на объединенное заседание Президиума ИККИ и Интернациональной контрольной комиссии¹⁴⁰. 27 сентября на этом заседании Троцкий и Вуйович были единогласно исключены из состава Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала¹⁴¹. Примерно через месяц, на октябрьском (1927 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Троцкого и Зиновьева исключили из Центрального комитета партии; было также решено передать все данные об их «раскольнической деятельности» на рассмотрение XV съезда ВКП(б)¹⁴².

Сталинисты не останавливались и перед организацией заведомых провокаций. Одной из наиболее крупных таких провокаций и, как явствует из архивных документов, заранее спланированной и подготовленной, явилось инспирирование сталинскими сторонниками серии уличных столкновений с членами оппозиции во время праздничной демонстрации, посвященной 10-летней годовщине Октябрьской революции¹⁴³.

Вся вина за события 7 ноября 1927 г. была возложена на лидеров оппозиции. Через неделю после этих событий и всего за две недели до XV съезда постановлением Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии Троцкий и Зиновьев были исключены из рядов ВКП(б).

Вслед за этим троцкистско-зиновьевский блок дал трещину. Зиновьев и Каменев стали склоняться к мысли о капитуляции перед Сталиным. Окончательный раскол произошел во время работы XV съезда, проходившего со 2 по 19 декабря 1927 г. Вскоре после того, как съезд единогласно одобрил резолюцию по отчету Центрального комитета, констатиро-

вавшую принадлежность к оппозиционной фракции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии, группа зиновьевцев (Каменев, Бакаев, Авдеев и Евдокимов) и группа троцкистов (Муралов, Раковский, Радек) независимо друга от друга 10 декабря направили в адрес Орджоникидзе как председателя специальной комиссии съезда по вопросу о деятельности оппозиции заявления, в которых по-разному отнеслись к соответствующему съездовскому решению. Зиновьевцы заявили о безоговорочном подчинении; троцкисты не согласились с пунктом о запрещении пропаганды взглядов¹⁴⁴. Съезд, однако, не стал вдаваться в детали и, утвердив ранее принятое решение об исключении Троцкого и Зиновьева, 18 декабря одобрил еще одну резолюцию, исключавшую из партии и других активных участников оппозиции¹⁴⁵. 19 декабря зиновьевцы (23 человека) обратились в Президиум съезда с заявлением об «идейном и организационном разоружении»¹⁴⁶.

Объединенная оппозиция в большевистской партии перестала существовать. Ее борьба против сталинского большинства по вопросам китайской революции окончилась поражением. Некапитулировавшие троцкисты, в начале 1928 г. депортированные в отдаленные районы Советского Союза, продолжали какое-то время дискутировать китайскую проблематику. Будучи первоначально выслан в Среднюю Азию, а затем в феврале 1929 г. насильно выдворен в Турцию, Троцкий оставался одним из наиболее активных участников этой дискуссии. Он не прекращал анализировать китайскую революцию, придя в итоге в ряду оригинальных идей, которые, однако, не были восприняты подавляющим большинством российских оппозиционеров. После поражения объединенной оппозиции его идеи не пользовались никаким влиянием и в большевистской партии. Только небольшая группа его ближайших соратников, в том числе члены китайской левой оппозиции, полностью поддержали его точку зрения.

В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна. Июль 1921 г.

Л. Д. Троцкий

И. В. Сталин

Г. Е. Зиновьев. Начало 1926 г.

Н. И. Бухарин. Декабрь 1927 г.

К. Б. Радек

И. В. Сталин, А. И. Рыков, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин

К. Б. Радек и А. И. Рыков

Л. Д. Троцкий и Н. И. Бухарин на митинге на Красной площади. 1921 г.

Н. И. Бухарин. Декабрь 1927 г.

К. Б. Радек

И. В. Сталин, А. И. Рыков, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин

К. Б. Радек и А. И. Рыков

Л. Д. Троцкий и Н. И. Бухарин на митинге на Красной площади. 1921 г.

Г. Е. Зиновьев (третий слева) и В. И. Ленин (рядом с ним) в Президиуме I конгресса Коминтерна. Л. Д. Троцкий на трибуне. Начало марта 1919 г.

Основатели Коминтерна. Сидят во втором ряду: В. И. Ленин (пятый справа) и Н. И. Бухарин (третий справа). Стоят: Л. Д. Троцкий (в центре) и Г. Е. Зиновьев (одиннадцатый справа). Начало марта 1919 г.

В. И. Ленин выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала на II конгрессе Коминтерна. К. Б. Радек (справа от него), Г. Е. Зиновьев (сидит за ним). Справа от Зиновьева стоят Е. А. Преображенский и Н. И. Бухарин. 19 июля 1920 г.

В. И. Ленин, Н. И. Бухарин и Г. Е. Зиновьев на II конгрессе Коминтерна. Лето 1920 г.

Группа делегатов II конгресса Коминтерна. Слева направо: А. М. Карахан (второй), К. Б. Радек (третий), Н. И. Бухарин (пятый), В. И. Ленин (восьмой), А. М. Горький (девятый), Г. Е. Зиновьев (двенадцатый), М. Н. Рой (четырнадцатый), сестра Ленина М. И. Ульянова (шестнадцатая).

Группа делегатов IV конгресса Коминтерна. На переднем плане сидят в центре: Г. Е. Зиновьев и Н. И. Бухарин. За Г. Е. Зиновьевым слева — М. Н. Рой. За ним сидит Чэнь Дусю. Первый в первом ряду — Лю Жэньцзин.

Выступление К. Б. Радека на V конгресса Коминтерна. В Президиуме крайний слева — М. Н. Рой, четвертый слева — Г. Е. Зиновьев, пятый слева — Н. И. Бухарин. Июнь 1924 г.

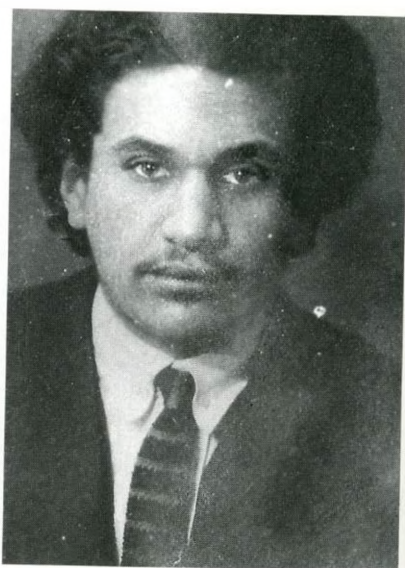
М. Н. Рой

Ф. Ф. Раскольников

Г. Н. Войтинский

С. А. Далин

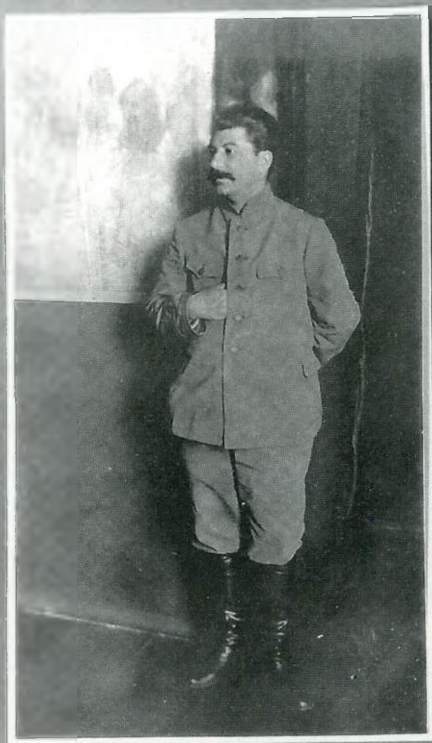
Г. Маринг

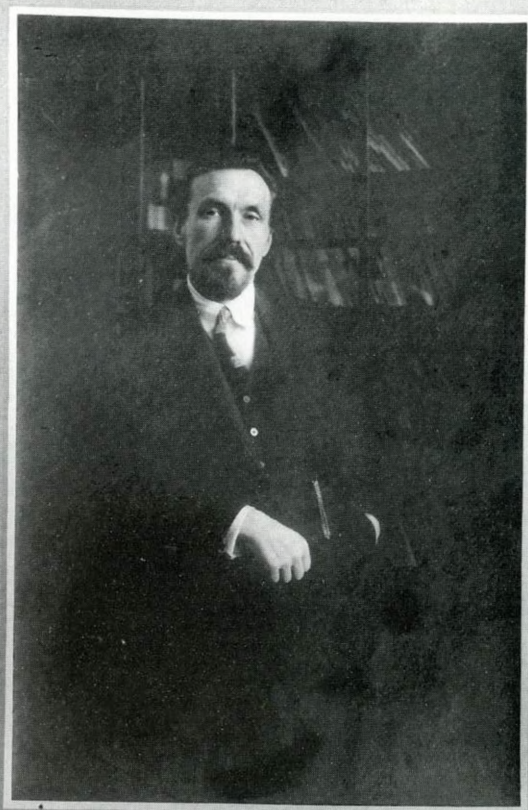
М. М. Бородин. Конец июля 1923 г.

Чан-Кай-Шеку, главному нацармии Китая
В знак победы Гоминдана и освобождения Китая.

От Сталина.

«Чан-Кай-Шеку [Чан Кайши], главному нацармии Китая. В знак победы Гоминдана и освобождения Китая. От Сталина». Фотография И. В. Сталина, переданная представителю Гоминьдана в Коминтерне Шао Лицзы 8 апреля 1927 г. для Чан Кайши. После антикоммунистического переворота последнего 12 апреля через сотрудников ИККИ возвращена отправителю.

Генералу Национально-революционной
- армии Китая
г. Чан-Кай-Ши.

1927 г. А. И. Рыков.

«Главкому Национально-революционной армии Китая г. Чан-Кай-Ши [Чан Кайши]. 19²⁷ г. А. И. Рыков. Москва». Фотография А. И. Рыкова, переданная представителю Гоминьдана в Коминтерне Шао Лицзы 8 апреля 1927 г. для Чан Кайши. После антикоммунистического переворота последнего 12 апреля через сотрудников ИККИ возвращена отправителю.

Главному командующему Национально-революционными Армиями Китая
Генералу Джан-Кай-Ши.

от К. Ворошилова

«Главному командующему Национально-революционными Армиями Китая Генералу Джан-Кай-Ши [Чан Кайши]. От К. Ворошилова. 7-IV-27 г.». Фотография К. Е. Ворошилова, переданная представителю Гоминьдана в Коминтерне Шао Лицзы 8 апреля 1927 г. для Чан Кайши. После антикоммунистического переворота последнего 12 апреля через сотрудников ИККИ возвращена отправителю.

И К К И.

—Извлечение корня

«Извлечение корня». Коллаж К. Б. Радека по поводу исключения Г. Е. Зиновьева из Исполкома Коминтерна. Конец 1926 г.

«Лорд Радек, граф Собельсонский». Карикатура И. И. Бухарина.

16 минут:
о партизанском
вспоможении

Китай

1) 2 м.
Ген. Кан Хан?

3 м.

Абсолютно непонятно
вообще.

5 м.

Лавин - Камиса

7 м.
оскверн., захвачен

Финансовый -
руководство

Наброски Л. Д. Троцкого на китайскую тему. Июнь 1927 г.

Панорама г. Гуанчжоу. 1925 г.

Мемориальный митинг по поводу кончины Сунь Ятсена, г. Гуанчжоу, март 1925 г.

Северный поход Национально-революционной армии

Чэнь Дусю. Ноябрь 1922 г.

Ли Дачжао. Июнь 1924 г.

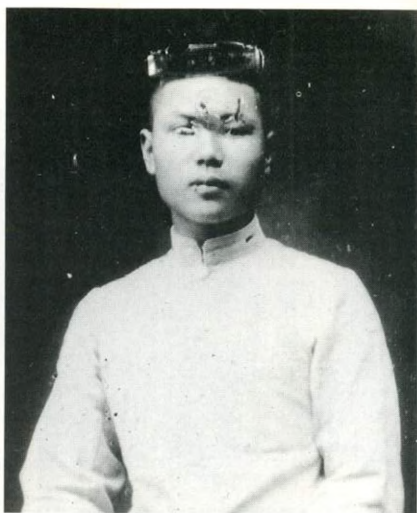
Чжан Готао

Цюй Цюбо

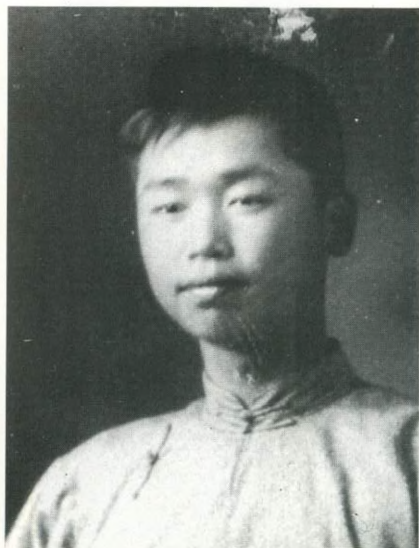
Чжу Хуайдэ (Окунев)

Ян Хуабо (Короленко)

Сяо Чанбинь (Н. М. Михайлов)

Чэнь Ци (А. Ф. Соловьев)

Ван Вэньхуэй (Б. Р. Яроцкий)

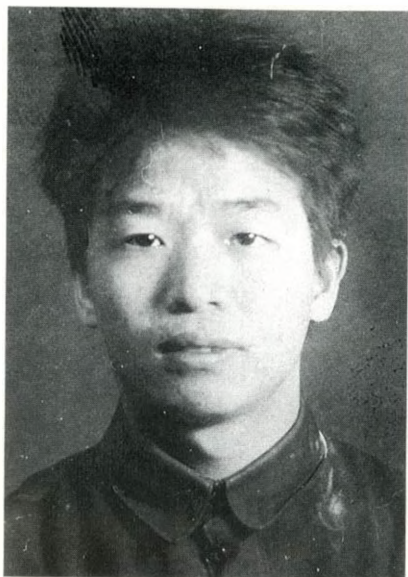
Бянь Фулин (Ф. А. Вершинин)

Сун Фэнчунь (К. Прейс)

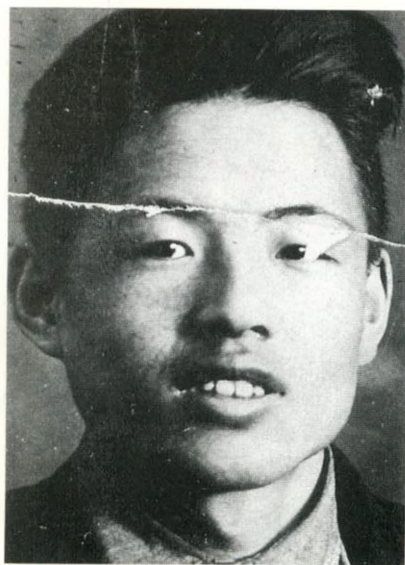
Цзя Цзунчжоу (С. Л. Луговой)

Фу Сюэли (Двойкин)

Ма Юаньшэн (Петухов, Петров,
Ма стоцай)

Ци Шугун (Н. А. Некрасов)

Го Мяогэнь (Важнов)

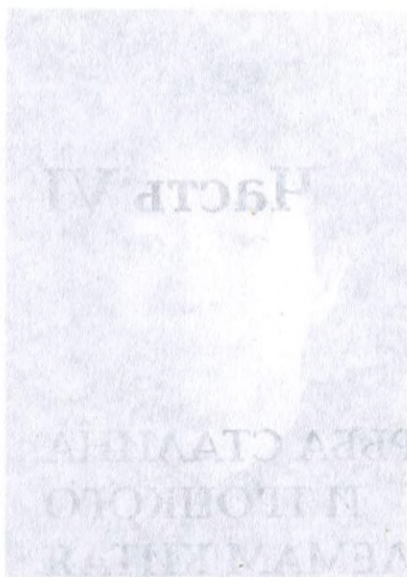
Глава II

Часть VI

Китайские
революционеры
в Москве: от студентов
к диссидентам

БОРЬБА СТАЛИНА И ТРОЦКОГО ПО ПРОБЛЕМАМ КИТАЯ И КИТАЙСКИЕ КОММУНИСТЫ

Вместе со своим 1928 годом рождения Китайская революция была в центре внимания Сталина и Троцкого. В 1928 году Троцкий и Сталин достигли соглашения, которое предусматривало участие Троцкого в формировании нового правительства в Китае. Троцкий был назначен председателем китайской революции, а Сталин — председателем китайской революции в СССР. В результате этого соглашения Китайская революция была включена в программу строительства коммунизма в СССР. В конце 1928 года Троцкий и Сталин достигли соглашения, которое предусматривало участие Троцкого в формировании нового правительства в Китае. Троцкий был назначен председателем китайской революции, а Сталин — председателем китайской революции в СССР. В результате этого соглашения Китайская революция была включена в программу строительства коммунизма в СССР.

Часть VI

БОРБА СТАВЛЯ

И ТРОИКО

ПО ПРОБЛЕМАМ

И КИТАЙСКИЕ
КОММУНИСТЫ

М. Юнцун - Петухов, Петухов
М. Юнцун

М. Юнцун - Петухов

М. Юнцун - Петухов

Глава 11

Китайские революционеры в Москве: от студентов к диссидентам

Вплоть до конца 1926 г. иностранные секции Коммунистического Интернационала не были осведомлены о дискуссии в ВКП(б) между Троцким и Сталиным. Не только рядовые коммунисты, но и руководство соответствующих партий ничего не знали о позиции Троцкого, Зиновьева или Радека по фундаментальным вопросам, связанным с оценкой сталинского режима, перспектив хозяйственного строительства в СССР и основных направлений международного развития, в том числе китайской революции. Это объяснялось стремлением Сталина оградить международное коммунистическое движение от влияния со стороны оппозиции. В конце 1926 г., однако, вследствие расширения внутрипартийной борьбы самими оппозиционерами, Сталин изменил тактику. Иностранные сотрудники ИККИ и другие зарубежные коммунисты, по разным причинам находившиеся в СССР, были вовлечены в борьбу, проходившую в большевистской партии. Сказанное имеет отношение и к тем китайским коммунистам, которые обучались в различных интернациональных вузах, созданных большевиками для подготовки кадров китайского революционного движения.

Интернациональные учебные заведения в Советской России начали создаваться вскоре после Октябрьской революции с целью содействия зарубежным революционным движениям в организации эффективной системы воспитания их кадрового состава. Революционеры из Китая, значительное число которых ко времени приезда в Россию в той или иной мере связало свою судьбу с движением коммунистов, были одними из тех, кому такая помощь оказывалась в особенно широких масштабах.

В первые годы после победы Октября, вследствие того что прибытие революционеров непосредственно из Китая на учебу в РСФСР было чрезвычайно затруднено, РКП(б) прилагала усилия в идейно-политическом обучении китайских трудящихся, по разным обстоятельствам оказавшихся на территории Советской России. Организуя для них различного рода учебные курсы, большевики исходили из убеждения, что этим китайским революционерам, ставшим свидетелями, а иногда и участниками ожесточенной классовой борьбы в России, «предстоит быть звеном между движением, которое уже есть [в Стране Советов], и тем, которое будет в ближайшее время в Китае»¹. Из среды эмигрантов, прошедших школу классовой борьбы в России, вышли такие известные в последующем участники национально-революционного и коммунистического движений в Китае, как Ян Минчжай, Лю Чаншэн и др.

С завершением гражданской войны на основной части территории России к концу 1920 г. и в связи с подъемом на Востоке национально-освободительного движения организация систематической помощи революционным силам стран региона в обучении кадров стала насущной задачей. Усилилась потребность в специальной центральной школе, в которой молодые революционеры, прибывавшие непосредственно из своих стран, могли бы изучать большевизм, получать знания по вопросам стратегии и тактики революционной борьбы, военного дела для последующего применения у себя на родине. Предложение о создании подобного учебного заведения прозвучало 26 июня 1920 г. на одном из заседаний II конгресса Коммунистического Интернационала. Оно было сделано Марингом, который, выступая в тот день перед делегатами конгресса, заявил: «III Интернационал дол-

жен дать возможность выходцам из Дальнего Востока [следовательно, из Китая] прожить здесь [в Советской России] по полугоду и прослушать курсы коммунизма, чтобы они правильно понимали, что здесь происходит, и могли бы провести в жизнь идеи тезисов [III конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам], чтобы они могли провести в жизнь советскую организацию и повести коммунистическую работу в колониях ... Москва и Петроград являются новой Меккой для Востока ... Мы здесь в России должны дать возможность восточным революционерам получить теоретическое образование, чтобы Дальний Восток стал живым членом Коммунистического Интернационала»².

10 февраля 1921 г. Центральный комитет РКП(б) постановил организовать Университет трудящихся Востока³. 21 апреля 1921 г. по этому поводу было принято постановление ВЦИК⁴. Вскоре данное учебное заведение стало именоваться Коммунистическим университетом трудящихся Востока (КУТВ). В 1923 г. оно получило имя И. В. Сталина. Целью его создания провозглашалась подготовка политработников из среды трудящихся советского Востока, «договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств»⁵. Однако с самого начала перед ним была поставлена и другая задача — обучение революционных кадров для зарубежного Востока, в том числе для Китая⁶.

Создание в Москве Коммунистического университета трудящихся Востока означало, что теоретическая подготовка китайских революционеров в Стране Советов вступила в новый этап. В 1921 — 1925 и в 30-е гг. она осуществлялась целиком в рамках совместного обучения революционеров из разных стран Востока в общих учебных заведениях. В 1925 — 1930 гг. в Москве работал специальный вуз, предназначенный исключительно для подготовки китайских революционеров. Создание Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (так он назывался в 1925 — 1928 гг.) было вызвано острой потребностью в большевистски образованных революционных работниках — участниках не только коммунистического, но и национально-освободительного движения — в связи с началом в Китае национальной антиимпериалистической революции. После поражения КПК в этой револю-

ции и установления в Китае жесточайшего «белого» террора УТК был переименован 17 сентября 1928 г. в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК)⁷. Несколько ранее, в конце июня 1928 г., в него были переведены китайские студенты КУТВ. Целью КУТК, как подчеркивалось в одном из его печатных органов журнале «Гунчань цзачжи», явилось «марксистское» воспитание «кадров массового коммунистического движения в Китае, большевистских кадров китайской революции»⁸. Летом 1929 г. русское наименование КУТК изменилось: он стал называться Коммунистический университет трудящихся-китайцев⁹. К осени 1930 г. он был закрыт. В течение ряда лет после этого центром обучения китайской революционной молодежи была Международная ленинская школа, где функционировал специальный китайский сектор (сектор «Ц») . Подготовка кадров КПК и Коммунистического союза молодежи Китая продолжалась также в Центральной комсомольской школе. В апреле 1934 г. вновь была открыта китайская секция в КУТВ, просуществовавшая, однако, всего два года. 25 мая 1936 г. зарубежный сектор КУТВ (тогда он назывался Отдел кадров) был выведен из состава данного университета и преобразован в Научно-исследовательский институт по изучению национальных и колониальных проблем (НИИНКП), который взял на себя обучение студентов, прибывавших из-за границы. Китайцы из КУТВ (143 человека) перешли в новообразованный институт, составив примерно 80% всех его учащихся. В сентябре 1938 г., однако, по решению Секретариата ИККИ НИИНКП был ликвидирован.

В 20 — 30-е гг. в СССР наряду с КУТВ-НИИНКП, УТК-КУТК, Международной ленинской школой и Центральной комсомольской школой существовали и другие учебные заведения, в которых обучались китайские революционеры. По решению агитпропотдела ЦК большевистской партии (декабрь 1921 г.) летом 1922 г. было открыто отделение КУТВ в Иркутске. Оно предназначалось специально для обучения представителей дальневосточных народов, в том числе китайцев¹⁰. В июне 1922 г. решением Дальбюро РКП(б) для китайских партизан в Маньчжурии, в отрядах которых коммунистическое влияние почти полностью отсутствовало, было создано отделение политграмоты при военно-политической школе

Народно-революционной армии Дальневосточной республики.¹¹ Во Владивостоке с середины 20-х гг. функционировала Китайская ленинская школа¹². В 1932 г. по инициативе Генерального секретаря Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерна) Лозовского для китайских выпускников советских учебных заведений, готовившихся к возвращению на родину, в Москве были организованы учебные курсы под названием «Рабочее движение». На этих курсах Лозовский, другие ответственные работники Коминтерна и Профинтерна обучали молодых революционеров искусству руководства стачечным движением рабочего класса, работе в профсоюзах и т. п.¹³ Для подготовки кадров КПК функционировал также ряд специальных групп¹⁴.

Большевики оказали огромную помощь китайским коммунистам в подготовке военных кадров революции. С этой целью для патриотов Китая был открыт прием в Военную академию им. М. В. Фрунзе, Военно-политическую академию им. Н. Г. Толмачева, Летную военно-теоретическую школу, Артиллерийскую школу, Московскую пехотную школу, военные заведения в Киеве и других местах. С сентября 1927 по июнь 1928 г. при КУТВ работали специальные Военно-политические курсы (ВПК)¹⁵. Обучение китайских командиров осуществлялось также на курсах «Выстрел». В официальном послании Ворошилова военным академиям указывалось, что они «должны готовить ... руководителей крупными войсковыми частями в Китае»¹⁶. По просьбе одного из лидеров КПК Чжоу Эньлая Советский Союз организовал военную подготовку китайских коммунистов, приезжавших в Москву по коминтерновской и другим линиям, на специальных военных курсах¹⁷.

Отбор студентов из Китая и комплектование учебных групп осуществлялись в зависимости от характера политической обстановки в Китае, от профиля института (коммунистический вуз, общеполитическая школа, военная академия), а также от того, какое значение придавали руководящие органы КПК и Гоминьдана тому или иному учебному заведению.

Так, набор кандидатов в коммунистические высшие учебные заведения полностью находился в ведении ИККИ, а также Центральных комитетов ВКП(б) и КПК. Комплектовани-

ем китайских групп в общеполитических вузах, а также — в период единого национального фронта 1924 — 1927 гг. — в военных училищах и академиях ведали совместно Центральный комитет ВКП(б), ИККИ и Центральный исполком Гоминьдана при участии ЦК КПК. После разрыва единого фронта право отбора курсантов в советские военные школы перешло к китайской делегации при ИККИ (при контроле со стороны Секретариата ЦК большевистской партии). Большую работу по предварительному отбору китайских студентов в СССР проводили советские и коминтерновские работники в Китае. При непосредственном участии большевистского представителя Войтинского, а также помогавших ему М. Ф. Кузнецовой (жена Войтинского) и Ян Минчжая еще в сентябре 1920 г. в Шанхае для социалистически настроенной молодежи, желавшей поехать учиться в Москву, была организована так называемая Школа иностранных языков¹⁸. Активное участие в ее создании принимал и секретарь Шанхайского социалистического союза молодежи Юй Сюсун, взявший на себя обязанности ее технического секретаря. Учащиеся школы (через нее прошло несколько групп по 10 — 20 человек в каждой) в основном изучали русский язык, который преподавал Ян Минчжай. Раз в неделю член шанхайского коммунистического кружка, первый переводчик в Китае «Манифеста Коммунистической партии» Чэнь Вандао читал им лекции по марксизму¹⁹. Логично предположить, что к преподаванию в школе привлекались и другие члены шанхайской коммунистической организации, которые, правда, вследствие невысокого уровня развития китайской марксистской мысли в то время не могли дать своим ученикам серьезное представление о социализме. Весной (очевидно, в апреле — мае) 1921 г. первые четырнадцать выпускников школы, проучившиеся в ней в течение восьми месяцев, выехали по рекомендации шанхайского коммунистического кружка при посредничестве Ян Минчжая в Советскую Россию. В составе группы находились видные впоследствии деятели КПК — Лю Шаоци, Жэнь Биши, Пэн Шучжи, Ло Инун и Сяо Цзингуан²⁰. В начале 1921 г., по сообщению Бао Хуэйсэна, одного из первых сторонников коммунизма в Китае, в Шанхае была создана специальная Комиссия просвещения, возглавлявшаяся Ян Минчжаем и Бао Хуэйсэном. Ее работа

сводилась к отбору наиболее достойных представителей китайской социалистической молодежи для отправки на учебу в Москву²¹. По некоторым данным, участие в работе Комиссии просвещения принимал также Дун Биу²².

Первая группа китайской молодежи, в которую входили Лю Шаоци, Сяо Цзингуан и некоторые другие из тех, кто был послан Школой иностранных языков, была зачислена в КУТВ 1 августа 1921 г.²³ Всего в тот день студенческие билеты получили 26 китайцев, прибывшие в Москву по рекомендациям различных коммунистических кружков. К тому времени в университете обучались лишь два представителя Китая, приехавшие соответственно 9 и 23 июля 1921 г.²⁴ Во второй половине 1921 г. в КУТВ, куда в основном направлялись китайские революционеры, насчитывалось, по приблизительным данным, 35–36 студентов из Китая, в начале 1924 г. — 51, а к середине апреля 1925 г. — уже 112 студентов²⁵.

В целях конспирации большинство из них, а с декабря 1922 г. — все, без исключения, получали псевдонимы, под которыми проходили в официальных документах. Так, Пэн Шучжи имел псевдоним Иван Петров, Жэнь Биши — Бринский, Ло Инун — Бухаров, а такой известный впоследствии деятель КПК, как Лю Боцзянь, — Шерстинский²⁶. В процентном отношении эти люди составляли значительную часть всей компартии и соцсомола Китая. В апреле 1924 г., например, — 9% общей численности КПК²⁷. Большинство студентов были выходцами из непролетарских слоев. Это объяснялось тем, что в начале коммунистического движения в Китае, как, впрочем, и в других странах²⁸, численно преобладала интеллигенция.

После образования в Китае единого национального фронта компартии и Гоминьдана характер и принципы отбора студентов на учебу в СССР изменились. В связи с решением открыть в Москве общеполитический Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена 7 октября 1925 г. по предложению Бородина в Гуанчжоу был сформирован центральный отборочный комитет. В его состав вошли видные руководители Националистической партии и правительства — Тань Янькай, Го Инфэнь и Ван Цзинвэй. Советником комитета стал Бородин. Работа по отбору студентов развернулась в ряде крупных городов страны — в Гуанчжоу, Шанхае, Пе-

кине, Тяньцзине. В Шанхае за эту работу отвечали коммунисты Ян Минчжай и Чжоу Давэнь²⁹. В результате сложных трехступенчатых экзаменов был набран контингент в 310 человек (180 — из Гуанчжоу, 100 — из Шанхая, Пекина и Тяньцзиня, по 10 — от трех военных школ — Хунаньской, Юньнаньской и Вампу). В группу готовых к отправке студентов без экзаменов были зачислены еще 30 человек — родственники влиятельных гоминьдановских чиновников.

Хотя по правилам вновь образуемого университета в общем числе отобранных должно было быть примерно равное количество коммунистов и гоминьдановцев³⁰, и те, и другие, судя по всему, изо всех сил старались не допустить отправку в Москву членов противоположной партии. В результате 90% отобранных в Гуанчжоу, где позиции правых были довольно сильны, оказались членами Гоминьдана, в то время как большинство студентов из Шанхая, Пекина и Тяньцзиня были членами КПК и китайского комсомола³¹. В целом процент коммунистов и комсомольцев в общем числе отобранных оказался выше, чем гоминьдановцев. По крайней мере среди тех, кто сумел добраться в Москву до 9 декабря 1925 г., 188 человек (то есть около 68% от общего числа отобранных) являлись коммунистами и комсомольцами³².

Отправка осуществлялась партиями и затянулась на несколько месяцев³³. Первая группа (119 человек) получила студенческие билеты 23 ноября 1925 г.³⁴ Для тех, кто вынужден был дожидаться отплытия из Гуанчжоу, советские советники при ЦИК Гоминьдана организовали подготовительные курсы русского языка³⁵.

Что касается китайских политэмигрантов, коммунистов и гоминьдановцев, проживавших в различных странах мира, то их отбор осуществлялся теми партийными организациями, в работе которых они принимали участие. Некоторые из политэмигрантов приезжали в Страну Советов по собственной инициативе. Первая группа эмигрантской молодежи, членов КПК и ССМК (12 человек), прибыла из Франции на учебу в КУТВ в апреле 1923 г. В ее составе находились Ван Жофэй (в Москве получил псевдоним Иван Немцов), Гао Фэн (Филиппов), Сюн Сюн (Сильвестров), Чжэн Чаолин (Марлотов), Чэнь Цяонянь (Красин), Чэнь Яньнянь (Суханов) и Чжао Шиянь (Сутин), бывшие активнейшими членами Ев-

ропейского отделения КПК, созданного в Париже в 1922 г.³⁶ В середине ноября того же года также из Франции в КУТВ прибыла еще одна группа — на этот раз из 20 человек. В нее входил Инь Куань (Рязанов), один из будущих руководителей троцкистского движения в Китае³⁷. В октябре 1924 г. вновь из Франции в КУТВ приехали уже 27 китайцев, в том числе известный впоследствии деятель КПК Не Жунчжэнь (его псевдоним был Зорин)³⁸. В январе 1926 г. в УТК поступили десять человек, в основном члены Гоминьдана, обучавшиеся до того в Германии, а осенью того же года — десять коммунистов и комсомольцев, проходивших обучение в Бельгии и во Франции³⁹. Некоторые студенты приезжали из Соединенных Штатов Америки и Филиппин. На учебу в КУТВ и УТК направлялись также китайцы, проживавшие на территории Советской России.

С окончанием в УТК первого учебного года встал вопрос о новом наборе учащихся. По решению Оргбюро ЦК ВКП(б) для контроля за отбором новых студентов в Китай был направлен один из сотрудников университета Далин⁴⁰. Во многом благодаря его деятельности, нити, связавшие революционный Китай с центром теоретической и практической подготовки кадров китайского национально-освободительного движения, каким являлся УТК, не прерывались ни в конце 1926, ни в первой половине 1927 г. В течение всего этого времени в Москву продолжали прибывать группы китайской молодежи прежде всего для учебы в УТК, а также в КУТВ и различных военных учебных заведениях. В августе 1926 г., в конце 1926 и начале 1927 г. в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена прибыли командиры и политработники из частей Народной армии Фэн Юйсяна, зимой 1926 г. — большая партия китайских студентов из Северного Китая⁴¹. К середине июля 1927 г., то есть ко времени переворота Ван Цзинвэя в Ухане, в университете насчитывалось 562 студента⁴². Их социальный состав отражал наличие в Китае единого национального фронта: среди студентов находились представители мелкой и крупной буржуазии, выходцы из помещицкой среды, рабочие и крестьяне.

13 сентября 1927 г. ЦИК Гоминьдана официально разорвал все отношения с Университетом трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, постановив «не посылать более студентов в

указанный Университет»⁴³. Еще до этого ЦИК ГМД запретил членам Гоминьдана пребывание в УТК, и 5 августа 1927 г. 239 студентов покинули университет и возвратились в Китай⁴⁴. Таким образом, гоминьдановцы самоустранились от участия в отборе и комплектовании студенческих кадров для университета. Право командирования осталось за компартией. Последовавшая в связи с этим реорганизация УТК в коммунистический вуз потребовала соответствующего изменения принципов отбора студентов. В марте 1928 г. ректор УТК Миф в докладе для китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) указывал на необходимость сократить число некоммунистов и некомсомольцев университета до 20% студенческого состава. Не менее половины студентов теперь должны были набираться из промышленных рабочих. Из среды китайцев, проживавших вне Китая, стали принимать на учебу только коммунистов и комсомольцев со стажем общественной работы и главным образом из грамотных рабочих. Подчеркивалось, что пребывание в эмиграции не должно было превышать пяти лет⁴⁵. В начале августа 1927 г. в университете насчитывалось 320 студентов⁴⁶. Часть из них, закончив курс обучения, вернулась на работу в Китай. Другие же были оставлены в УТК в качестве переводчиков, инструкторов, научных работников, многие продолжили образование в различных военных и военно-политических академиях Советского Союза.

Осенью 1927 г. на учебу в университет прибыла группа видных работников КПК. Некоторые из них, как У Юйчжан и Линь Боцуй, до июльского переворота занимали ответственные посты в уханьском Гоминьдане. В конце 1927 — начале 1928 г. в УТК влилась большая партия рабоче-крестьянской молодежи — главным образом члены КПК и КСМК, участники Наньчанского восстания и восстаний «осеннего урожая» 1927 г., активисты профсоюзного, молодежного и женского движений. В августе 1928 г., после завершения проходившего под Москвой VI съезда КПК, в УТК был направлен ряд делегатов съезда. В их числе — один из создателей партии, 52-летний Хэ Шухэн. В момент образования КУТК в его аудиториях насчитывалось около 600 студентов (включая 137 бывших воспитанников КУТВ, в результате слияния китайского сектора КУТВ с УТК переведенных в последний)⁴⁷.

В целом в 20 – 30-е гг. в СССР получило общеполитическое образование значительное число революционеров из Китая – ответственных работников Гоминьдана и руководящих деятелей компартии. Для их подготовки была организована целая сеть высших интернациональных школ. Около 1600 китайских революционеров обучались в УТК-КУТК⁴⁸, не менее 500 прошли обучение в КУТВ. Значительная часть командного и политического состава Китайской Красной армии и Национально-революционной армии Гоминьдана (начиная с полкового звена и выше) прошла подготовку в различных советских военных школах. По некоторым данным, из 118 высших руководителей китайской компартии 20 – 40-х гг., обучавшихся за границей, 80 человек (то есть около 70%) получили образование в Советском Союзе⁴⁹. Более половины из них (47 человек) в дальнейшем в разные годы являлись членами и кандидатами в члены ЦК КПК, 15 – членами Политбюро ЦК. Помимо тех, кто уже упомянут, можно назвать таких деятелей, как Ван Цзясян (учился в УТК-КУТК под псевдонимом Коммунар), Гуань Сянъин (во время пребывания в КУТВ имел псевдоним Стеклов), Дэн Сяопин (настоящее имя – Дэн Сисянь, при зачислении в КУТВ, 17 января 1926 г., получил псевдоним Крезов; через двенадцать дней был переведен в УТК, где обучался до 12 января 1927 г. под псевдонимом Иван Сергеевич Дозоров), Ли Фучунь (был студентом КУТВ, псевдоним – Григорьев), Сян Цзинъюй (студентка КУТВ, псевдоним – Надеждина), Цай Чан (КУТВ, Роза Николаева), Цзо Цюань (КУТК, Рогозин), Чжан Вэньтянь (УТК-КУТК, Измайлов), Чжу Дэ (КУТВ, Данилов), Цинь Бансянь (УТК-КУТК, Погорелов), Чэнь Бода (он же Чэнь Шанью, УТК-КУТК, Берингов), Чэнь Чанхао (УТК-КУТК, Изумрудов), Чэнь Шаоюй (он же Ван Мин, УТК-КУТК, Иван Андреевич Голубев), Ян Шанкунь (УТК-КУТК, Салтыков). Из пяти руководителей «Национального исполнительного комитета» китайской объединенной троцкистской организации, избранного на ее Учредительной конференции (май 1931 г.), четверо в прошлом были студентами в Москве: Чэнь Имоу (псевдоним, под которым он учился в УТК, установить не удалось), Чжэн Чаолин (КУТВ, Марлотов), Ван Фаньси (он же Шуаншань, настоящее имя – Ван Вэньюань, КУТВ, затем КУТК, Василий Павлович Клеткин) и Сун Фэнчунь (УТК-КУТК, Карл Прейс).

Большинство этих людей, за исключением, пожалуй, человек двадцати, приезжало на учебу в Советский Союз в сравнительно молодом возрасте: в среднем в 20, 21 год. Как правило, они располагали лишь небольшим опытом практической революционной работы. Их же познания в области большевистской теории были еще более ограничены. Как вспоминал, например, Лю Шаоци, он сам накануне посещения Советской России «знал только, что социализм — дело хорошее. Слышал о Марксе и Ленине, об Октябрьской революции, о партии большевиков. Однако тогда я не имел ясного и полного представления о том, что такое социализм и как осуществлять социализм»⁵⁰. Теоретический уровень большинства китайских левых демократов ко времени их приезда в СССР характеризует и признание Шэн Юэ, который подчеркивал, что подавляющее их число, включая его самого, до поездки на учебу в Страну Советов «имели только слабое знакомство с традиционной китайской философией и очень небольшие знания в области "буржуазной", или западной, философии»⁵¹. Судя по сохранившимся в архиве анкетам, заполненным сведениями о вновь поступавших в КУТВ и УТК-КУТК студентах, последние в лучшем случае указывали, что читали «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и «Азбуку коммунизма» Бухарина и Преображенского⁵². Но даже в том случае, если студент записывал, что читал названные работы, это, разумеется, далеко не всегда означало, что он понимал их содержание. По свидетельству Ван Фаньси, он и его товарищи и после знакомства с некоторой марксистской литературой, циркулировавшей в Китае в середине 20-х гг., «на самом деле не понимали, что такое коммунизм» и были обеспокоены этим; они надеялись, что когда-нибудь у них будет больше книг и появятся люди, которые будут их учить⁵³.

Понятно поэтому, что администрациям советских интернациональных школ надо было решить общую задачу — наиболее эффективно организовать занятия, выработать специальную методику преподавания, рассчитанного на аудиторию, во многом не освободившуюся еще от идеологического влияния патриархальных и национальных традиций и слабо знакомую не только с марксистским учением, но, как отмечалось выше, даже с терминологией современных обще-

ственно-политических и экономических наук. Конечно, уровень исходной общеобразовательной подготовки студентов был весьма различен. Как в КУТВ, так и в УТК-КУТК, наряду с учащимися, не обладавшими самыми элементарными знаниями, в основном выходцами из беднейших крестьян и рабочих, обучались выпускники и бывшие студенты китайских вузов — Пекинского университета, Пекинского национального университета юридических и политических наук, Гуанчжоуского университета им. Сунь Ятсена, Шанхайского университета и пр., а также бывшие слушатели зарубежных учебных заведений — Гетеборгского университета, Франко-китайского института в Лионе⁵⁴, Университета труда в Шарлеруа (Бельгия)⁵⁵. Однако и самые образованные недостаточно глубоко разбирались в марксистской теории.

В соответствии с разницей в уровне знаний студенты КУТВ и УТК-КУТК распределялись по нескольким учебным кружкам. Так, на китайском секторе КУТВ (первоначально обозначался буквой «А», затем — «Ц») учащиеся разделялись на семь кружков (по 5 — 6 человек в каждом), в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена — на одиннадцать (по 30 — 40 человек)⁵⁶. Такое деление помимо уровня общеобразовательной подготовки определялось также партийным статусом и возрастом студентов. Например, в 1926 — 1927 гг. в УТК имелся так называемый «кружок теоретиков», в котором обучались руководящие работники Гоминьдана и КПК. Парторгом коммунистической ячейки этого кружка был Дэн Сяопин⁵⁷. В 1928 г. был организован «особый кружок» — в основном для членов КПК, возраст которых превышал 30 лет. В него входили 15 человек, в том числе Дун Биу (псевдоним — Слухов⁵⁸), Е Цзяньин (псевдоним — Юхнов), Линь Боцюй (Комиссаров), Сюй Тэли (Маркин), У Юйчжан (Буренин), Фан Вэйся (Масленко), Хэ Шухэн (Мазутин), Чжао Жуши (Коровина). В этом же кружке обучались жены работников делегации КПК в Коминтерне Цюй Цюбо и Чжан Готао — Ян Чжихуа (псевдоним — Страхова) и Ян Цзыле (Есенина)⁵⁹.

В обоих университетах работали подготовительные отделения (типа рабочих факультетов), на которых было налажено предварительное обучение слабо подготовленных кандидатов в студенты. С другой стороны, имелись группы углубленного обучения — особые кружки переводчиков и лек-

торов, которые формировались главным образом из числа наиболее способных к русскому языку студентов. С переводчиками и лекторами проводились дополнительные занятия, их снабжали тезисами и конспектами лекций, необходимой специальной литературой. Переводчики-студенты закреплялись либо за кафедрами, либо за отдельными кружками. В 1921 г. в КУТВ было два переводчика — Ли Цзунъю (русский псевдоним установить не удалось) и Цюй Цюбо (Страхов). Последний ассистировал на занятиях по изучению общественных дисциплин⁶⁰. В сентябре 1927 г. в УТК в общей лекторской группе обучалось 20 человек — выпускники университета, по договоренности с руководством ЦК КПК оставленные в Москве на новый срок. Среди них находились Ван Мин, Ван Цзясян, Дун Исян (учился под псевдонимом Лев Михайлович Орлинский), Пу Шици (Евгений Андреевич Пролетариев), Хуан Ли (Чаплина), Шэнь Цзэминь (Гудков), Чжан Вэньтянь, Чэнь Юаньдао (Невский) и некоторые другие, в том числе один из лидеров китайской левой оппозиции Лу Юань (Огарев)⁶¹.

Острая потребность революционного движения в подготовленных кадрах предопределила сроки обучения. В КУТВ первоначально существовал семимесячный курс, с 1922/23 учебного года — трехлетний, с 1927/28 учебного года — четырехлетний. Пребывание на Военно-политических курсах при КУТВ длилось, по разным данным, от 6 до 9 месяцев, в УТК — два года, в КУТК — планировалось три⁶². К работе в КУТВ и УТК-КУТК привлекались лучшие по тем временам преподавательские кадры Москвы. Здесь вели занятия такие советские китаеведы, как М. Г. Андреев, Г. Н. Войтинский, М. Волин (С. М. Беленький), А. А. Иванов (А. Ивин), Е. С. Иолк, В. С. Колоколов, В. Н. Кучумов, Л. И. Мадьяр (одно время возглавлял кафедру экономики Китая в УТК), И. М. Ошанин, Е. Д. Поливанов (руководил секцией родных языков в КУТВ). Как уже говорилось, ректором УТК с 1925 по 6 апреля 1927 г. был Радек. Ректором же КУТВ с 1926 по 1929 г. был Шумяцкий, читавший, кроме того, в этом университете курс истории революционных движений на Востоке. В КУТВ и УТК-КУТК преподавали и многие другие историки, экономисты, философы, в основном окончившие Институт красной профессуры и Коммунистический университет им. Я. М. Свер-

длова. В 1922 — 1923 гг. в КУТВ, например, было 165 лекторов и «кружководов» (руководителей кружков), в 1925 — 1926 гг. преподавательский состав насчитывал 146 человек⁶³. В конце 1926/27 учебного года в УТК работали 62, а в 1930 г. — 70 преподавателей⁶⁴.

Перед китайскими студентами часто выступали руководящие работники ИККИ и Профинтерна, ЦК ВКП(б), в том числе, помимо Сталина и Троцкого, Бухарин, Крупская, Лозовский, Мануильский, Пик и Сен Катаяма. Студенты встречались с приезжавшими в Москву руководителями КПК, а также членами ее делегации в Исполкоме Коминтерна — Дэн Чжунся, Цюй Цюбо, Чжан Готао и Чжоу Эньлаем.

Учебные планы университетов были довольно насыщенными. Так, в КУТВ в 1923 г. студенты штудировали русский язык, политическую экономию, исторический материализм, историю классовой борьбы, историю рабочего движения, историю ВКП(б) и некоторые естественные науки⁶⁵. На первом курсе Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена изучались русский язык, история развития общественных форм⁶⁶, история китайского революционного движения, история революционных движений на Западе и Востоке, история ВКП(б), экономическая география, политическая экономия, партийное строительство, военное дело и некая дисциплина, которая в учебном плане обозначалась словом «Газета»⁶⁷. В общей лекторской группе УТК занятия велись только по четырем предметам: политическая экономия, история Запада, исторический материализм, а также теория и практика пролетарской революции⁶⁸. На подготовительном отделении изучались русский язык, история, география, арифметика и обществоведение⁶⁹.

Особенно интенсивной и в целом достаточно эффективной была языковая подготовка. Целью занятий было научить студента читать общественно-политические тексты и вести беседу на заданную тему, что, естественно, было важно для молодых революционеров. Что же касается общественных курсов, то на их характер определяющее влияние, разумеется, оказывало развитие идейно-политической обстановки в большевистской партии, а, соответственно, в Коминтерне. И если до начала 1924 г., то есть до поражения Троцкого в ходе первой дискуссии со сталинской бюрократией, студен-

там преподавалась ленинско-троцкистская схема мирового развития, то впоследствии, по мере возрастания роли Сталина в партии и углубления его борьбы против Троцкого, а затем и участников объединенной оппозиции, в учебные программы интернациональных школ стали вноситься принципиальные изменения в духе новой идеологии. С самого создания УТК данный процесс захватил и этот университет, несмотря на то что в его руководстве было немало сторонников оппозиции, а место ректора занимал один из ближайших соратников Троцкого: по существовавшим законам внутрипартийной дисциплины и Радек, и другие оппозиционеры были обязаны следовать общему курсу партии, определявшемуся ее съездами и конференциями, пленумами и другими руководящими органами, контролировавшимися сталинистами. Конечно, они имели некоторую свободу маневра и в своих лекциях и на семинарах старались выражать, как правило, собственную точку зрения⁷⁰, однако до известных пределов, так как не могли не учитывать, что находились под постоянным контролем со стороны внутриуниверситетских последователей Сталина, во главе которых стоял проректор по административно-хозяйственной работе Миф. Сказанное было особенно заметно в период до конца 1926 г., то есть до тех пор пока во внутрипартийную дискуссию по решению ЦК ВКП(б) не были втянуты, в частности, китайские студенты⁷¹, многие из которых свой долг в борьбе с оппозицией увидели в составлении соответствующих доносов на преподавателей в университетское бюро партийной ячейки⁷².

Разумеется, корректировка программ происходила постепенно, а ряд общих положений теории продолжал трактоваться в духе идей Ленина и Троцкого (правда, уже без ссылок на вклад последнего в их разработку). Наиболее существенные нововведения касались главным образом проблем тактики революционной борьбы, а также — что было самым серьезным — вопросов построения социализма в СССР. Одновременно программы заполнялись специальными темами, посвященными критике различных «ошибок» Троцкого как в истории, так и в теории российского и международного рабочего движения⁷³. Сталинизация университетов нашла выражение и во введении в их учебные планы (в КУТВ — в 1924 г., в УТК — в 1926 г.) специального тематического курса

ленинизма (вначале по работе Сталина «Об основах ленинизма», а впоследствии и по его книге «К вопросам ленинизма»). В УТК эта дисциплина читалась на втором курсе и несомненно рассматривалась соответствующими руководителями университета в качестве одной из основных: ее ведущим преподавателем был сам Миф, а по количеству учебных часов, отводившихся на ее проработку (104 в семестр), она стояла в учебном плане только на третьем месте, вслед за партийным строительством (146 часов) и политической экономией (106 часов)⁷⁴. Семинары по ленинизму были организованы и в лекторской группе⁷⁵.

Постоянной проблемой в учебном процессе было слабое наполнение программ обучения восточным, прежде всего китайским, материалом. КУТВ подошел вплотную к разрешению проблем «овосточивания» социально-экономических дисциплин только в конце 1927 г.⁷⁶ Удельный вес восточных проблем в курсе всеобщей истории даже в 1935/36 учебном году составлял в КУТВ всего 35% (в предшествующие годы — 10%)⁷⁷. Не лучше обстояло дело и в УТК, руководство которого поставило вопрос о «китаизации» учебных программ (да и то в «ряд этапов») лишь в марте 1928 г. Сказанное в значительной степени объяснялось общей неразработанностью в то время вопросов большевистского анализа социально-экономического развития стран Востока и не могло не вести к тому, что студенты лучше и прочнее воспринимали материал по истории и общественной эволюции стран Запада, нежели Китая, и в силу этого в массе своей страдали склонностью к догматизму.

Организация эффективного обучения китайских революционеров, помимо прочего, осложнялась нехваткой современной политико-философской и экономической литературы на китайском языке. Вследствие этого в учебных заведениях, где проходили подготовку студенты из Китая, возникла необходимость в организации работы по составлению пособий и другой подобной литературы, ориентированной на китайского читателя. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в 1921 г. В соответствии с указанием первого ректора Коммунистического университета трудящихся Востока Г. И. Бройдо кружководы-переводчики КУТВ, в том числе китайцы, знавшие русский язык, обязаны были

взять на себя перевод лекционных материалов⁷⁸. Подобная практика широко применялась позднее и в УТК, и в КУТК. Переведенные лекции, а иногда конспекты лекций распространялись самым различным способом: передавались в списках, ротاپринтировались, переписывались в стенных газетах. В 1925 г. в КУТВ был даже издан специальный сборник переводов лекционных материалов по политэкономии, записанных студентами. Широко использовалась практика публикации переводов в выходившей в Москве в конце 1925 — начале 1926 г. на китайском языке газеты «Цяньцзинь бао» («Вперед»). Тираж отдельных номеров газеты (всего вышло 20 номеров) достигал трех-шести тысяч экземпляров. Большая их часть отправлялась в Китай, до 300 экземпляров — во Францию, в Москве насчитывалось 500 подписчиков⁷⁹.

Наряду с переводом лекционных материалов в КУТВ и УТК-КУТК была широко поставлена работа по организации переводов на китайский язык трудов Маркса, Энгельса, Ленина, документов Коминтерна, ВКП(б), произведений руководящих работников большевистской партии. Первоначально студенты из Китая составляли краткие конспекты и изложения работ Ленина, затем перешли к систематическим занятиям переводами⁸⁰. Последние публиковались главным образом в виде брошюр, выполненных стеклографическим способом типографиями КУТВ и УТК-КУТК, а также в виде брошюр и книг в издательстве «Китайский рабочий», практически являвшемся отделением Госиздата. Таким образом в 20-е гг. в Москве на китайском языке были изданы «Манифест Коммунистической партии» и первый том «Капитала» Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке», «Диалектика природы» Энгельса, «Основные вопросы марксизма» Плеханова, «Экономическое учение К. Маркса» К. Каутского, «Накопление капитала» и «Введение в политэкономию» Р. Люксембург, труды Ленина «Государство и революция», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 гг.», «Карл Маркс», «История вопроса о диктатуре»,

«Марксизм и восстание», «Об организационных принципах большевистской партии», «Китайская война», «Китайская революция», «Пробуждение Азии», «Отсталая Европа и передовая Азия», ряд статей по аграрному вопросу, выступления на II конгрессе Коммунистического Интернационала, «Три источника и три составных части марксизма», «Очередные задачи Советской власти», «Великий почин». Вышли из печати и сборники ленинских цитат: «Ленин о Советах» и «Ленин о революции на Востоке», а также сборник статей Ленина и Сталина по национальному и колониальному вопросам. Были опубликованы уже упоминавшийся сборник документов «Резолюции II-го конгресса Коминтерна» (составитель А. А. Шийк) и «Китай и китайская молодежь» (составитель Хо Ши Мин). Были изданы многие работы Сталина и Бухарина, в том числе посвященные Китаю.

В то же время публиковались и некоторые работы оппозиционеров: Троцкого («Годовщина смерти Сунь Ятсена»), Радека («История революционного движения в Китае», «Сунь Ятсен. 1866 — 1925»), преподавателей УТК Пригожина и Гингора («Учебник по истории Западной Европы») и А. П. Жакова («Лекции по истории развития общественных форм»).

Для знакомства китайских студентов с основными документами Коминтерна, ВКП(б) и КПК, для снабжения их информацией о международных делах и хозяйственном строительстве в СССР, то есть для их дальнейшей обработки в сталинском духе, в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена выпускался специальный китайский журнал «Гоцзи пинлунь» («Международное обозрение»), по содержанию напоминавший орган Коминтерна «International Press Correspondence», в КУТК — информационный журнал «Мэйчжоу яолань» (еженедельник «Колыбель»), а также «Гунчань цзачжи» («Коммунистический журнал»), в котором публиковались работы руководителей китайской компартии и материалы о внутренней жизни КУТК.

Как в стенах КУТВ и УТК-КУТК, так и в приданных им научно-исследовательских учреждениях силами сотрудников и студентов велась научная работа. В 1922/23 учебном году в системе КУТВ работал кабинет общественных наук, являвшийся отделением Всесоюзной ассоциации востоковедения. Весной 1924 г. при КУТВ был создан кабинет восто-

коведения и колониальной политики, направивший главные усилия на комплектование востоковедной библиотеки. Библиотека была призвана прежде всего обслуживать учебный процесс. К 1926 г., несмотря на книжный голод, в ней было собрано пять тысяч томов. Кабинет получал новейшую востоковедную литературу на западных и отчасти восточных языках, а также около 123 периодических изданий, в том числе 82 журнала и 41 газету⁸¹. Периодика поступала и из Китая. Под руководством сотрудников кабинета в нем занимались китайские студенты. В 1926 г. с их помощью был выпущен атлас диаграмм по экономике и империалистической эксплуатации Китая.

Что касается постановки научной работы в УТК, то вскоре после его образования в нем был создан кабинет китаеведения. План работы кабинета включал в себя: создание терминологического словаря, обработку двух новейших работ по истории Китая (в том числе работы виднейшего представителя китайского реформаторского движения Лян Цичао), подготовку обзоров по материалам прессы и др.⁸². В феврале 1926 г. по решению отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) в университете была начата работа по организации специального научно-исследовательского института Китая.⁸³ В силу разных причин она затянулась, и только 1 января 1928 г. кабинет китаеведения был преобразован в Научно-исследовательский институт по Китаю при том же университете⁸⁴.

В кабинете и институте занималось значительное число китайских студентов, которые в любой момент могли получить здесь индивидуальную консультацию. С ними работали М. Волин (первый директор НИИ по Китаю и заведующий в институте группой по изучению истории), Далин (в 1927 г. — заведующий кабинетом китаеведения), Миф (преемник М. Волина на посту директора НИИ), М. Г. Андреев, М. М. Казанин, Г. С. Кара-Мурза, Г. Б. Эренбург (ученый секретарь Института) и многие другие. Среди «действительных членов» Института числился Цюй Цюбо, внештатными сотрудниками являлись члены делегации КПК в Исполкоме Коминтерна Ван Жофэй, Дэн Чжунся и Чжан Готоа⁸⁵.

Совместно с китайскими студентами специалисты из НИИ по Китаю и УТК-КУТК много работали над сложными проблемами реформы китайской письменности.⁸⁶ Работниками

университета во главе с Ошаниным с помощью студентов-переводчиков была также предпринята попытка стандартизации современных общественно-политических и социально-экономических терминов китайского языка⁸⁷. Под руководством одного из ведущих сотрудников НИИ по Китаю Колоколова в институте был подготовлен и опубликован в 1927 г. литографическим способом китайско-русский словарь, до последнего времени считающийся одним из лучших в этом роде.

Важнейшим элементом воспитания китайских студентов являлась развернутая при поддержке и с помощью советских коммунистов партийно-политическая работа, нацеленная прежде всего на формирование у студентов убежденности в правильности выбранного ими пути, преданности коммунистической партии (то есть в первую очередь ее руководству). До лета 1926 г. эта работа протекала в рамках Московских отделений (райкомов) КПК и китайского соцсомола (комсомола), руководители которых, как многие сторонники коммунизма в Китае, придерживались особенно радикальных взглядов по вопросам идейно-теоретической подготовки кадров и внутрипартийного строительства. Теория и практика руководящих работников этих райкомов получила в истории наименование «рафаиловщина» (по псевдониму одного из лидеров Московского отделения КПК в 1925 — 1926 гг. Жэнь Чжосюаня — Рафаил). Известно и другое ее название — «московская районовщина»⁸⁸. Как вспоминал в 1941 г. известный впоследствии китайский экономист Сунь Ефан (он же Сун Лян, учился в УТК под псевдонимом Фигнер), Жэнь Чжосюань утверждал, в частности, что «теоретическая учеба является только задачей партийных лидеров»⁸⁹. В разработанной рафаиловцами специальной программе «Конкретная политика в работе по обучению отделений КПК и соцсомола [комсомола] Китая в Москве», призванной регламентировать все стороны жизни членов Московских отделений КПК и комсомола Китая, содержался фактический запрет китайским студентам тратить время на занятия теорией⁹⁰. Китайским революционерам, делавшим первые шаги в овладении социалистическим учением, не разрешалось изучать русский язык. Что же касается принципов внутрипартийной жизни, в документе утверждалось буквально

следующее: «Мы должны разрушить семейные, местные и национальные понятия ... Разрушить союз, базирующийся на чувствах, — чувственный союз есть мелкобуржуазный союз — мы создадим свой союз, основанный на интересах партии ... Мы должны отдавать партийной работе всякий интерес, извлекаемый нами из любви и литературы, — любовь и литература есть база романтизма»⁹¹. Как поразительно похоже данное заявление на высказывания знаменитых революционеров-экстремистов Бакунина и Нечаева в «Катехизисе революционера»: «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени ... Все нежные, изнеживающие чувства родины, дружбы, любви, благодарности должны быть задавлены в нем единою холодную страстью революционного дела ... Природа настоящего революционера исключает романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение»⁹².

После разгрома «рафаиловщины» весной 1926 г.⁹³ руководство коммунистической работой среди китайцев, обучавшихся в СССР, перешло к советским коммунистам. Особая роль в партработе с тех пор стала отводиться открытым партийным собраниям и кружкам текущей политики, участие в которых принимали практически все студенты. На собраниях и в кружках под контролем партийного руководства обсуждались вопросы международной жизни и хозяйственного строительства в СССР, постановления конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, решения съездов и конференций ВКП(б), съездов КПК, главные проблемы жизни самих университетов. Серьезнейшее внимание уделялось развитию в университетской среде критики и самокритики. С этой целью, в частности, каждый студент был обязан вести своеобразный дневник — «Ведомость кружковой работы», в которой помимо учебных планов и отметок об их выполнении и наряду с самокритичными оценками заносил также критические замечания по поводу поведения соучеников⁹⁴. Нетрудно представить, чем оборачивалась на практике данная форма работы: сохранившиеся в архиве «Ведомости» буквально пестрят доносами. С укреплением в КУТВ и УТК-КУТК позиций сторонников сталинизма доносительство, возведенное в ранг партийной политики, стало в этих университетах особенно распространенным явлением.

Таким образом, идейно-политическая подготовка на территории СССР кадров китайской революции носила противоречивый характер. С одной стороны, именно в советских интернациональных школах многие молодые китайцы почувствовали «вкус» к теории и от интуитивного революционаризма и патриотизма перешли к осознанному антиимпериализму, навсегда сохранив привычку к теоретическим занятиям. С другой стороны, на протяжении всего периода пребывания в СССР они испытывали влияние советских коммунистов, которые использовали все возможности для воспитания их по своему облику и подобию. Ситуация усугублялась тем, что как раз в тот период, когда работа по теоретическому обучению революционеров Китая была развернута в СССР достаточно широко, русский радикальный марксизм, которому, по существу, и обучали китайских студентов, начал претерпевать глубочайшую эволюцию. Сталинисты, взявшие под контроль интернациональные школы, с особым рвением повели работу по овладению умами своих подопечных.

Сторонники Сталина, однако, столкнулись с довольно существенной оппозицией — главным образом представленной теми китайскими студентами, которые в такой драматической обстановке не потеряли способности свободно мыслить, хотя и исключительно в рамках коммунистической доктрины. Как это ни покажется странным, но, судя по многочисленным документам, начало формированию китайской левой оппозиции было положено самими советскими сталинистами, втянувшими, как уже говорилось, в конце 1926 г. в свою борьбу против троцкистско-зиновьевского меньшинства ВКП(б) китайских студентов советских интернациональных школ. До той поры ни в КУТВ, ни в УТК, ни в других учебных заведениях, где обучались китайские революционеры, никаких сторонников оппозиции не было: китайцы просто ничего не знали о том, как в действительности проходила дискуссия во Всесоюзной коммунистической партии. Вот что вспоминает о начале антитроцкистской борьбы в УТК Мэн Циншу (она же Мэн Цзинсу, училась в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в 1927 — 1929 гг. под псевдонимом Роза Владимировна Осетрова): «В Университете им. Сунь Ятсена раньше не было открытой борьбы с троцкиста-

ми, поскольку вначале она была внутренним делом ВКП(б). Но вот в 1926 г. Университет им. Сунь Ятсена позаимствовал у КУТВ конференц-зал для торжественного заседания по случаю 15-й годовщины "10 октября" [день начала Синьхайской революции, сбросившей монархию в Китае]. Когда на трибуне выступал Радек, преподаватель КУТВ Берман и другие провозглашали лозунги: "Долой Радека!", "Долой Троцкого!", "Мы за ленинизм!", "Да здравствует ЦК ВКП(б)!"

На следующий день Радек созвал заседание ректората УТК. В нем участвовали: он, проректор Миф, завуч Агор, секретарь партячейки Игнатов, председатель студенческой коммуны Голубев [Чэнь Шаоюй, Ван Мин] ... Радек потребовал принятия ректоратом письма-протеста к КУТВ в связи с "обструкцией" торжественного заседания УТК и "оскорблением" его ректора. При голосовании оказалось, что Миф, Агор и Игнатов были против. Когда Радек попросил проголосовать Голубева, Игнатов сказал:

— Ты член партии, должен быть с нами [!].

[Чэнь] Шаоюй ответил, что он еще не разобрался и не будет голосовать.

Игнатов его одобрил.

После заседания Игнатов подробно рассказал [Чэнь] Шаоюю о троцкистах и борьбе с ними. Он пояснил также, что раньше было решено не обнародовать этот вопрос в УТК. Но теперь с согласия ЦК решено в ближайшее время развернуть эту борьбу и в университете.

Несколько дней спустя было созвано для начала расширенное бюро партячейки по вопросу о борьбе с троцкизмом в УТК ... Все студенты тогда знали о Троцком и троцкизме лишь то, что говорилось в курсе истории ВКП(б) [имеются в виду позиции Троцкого в дофевральский период, в оценке Октября и т. п.] Об их деятельности в 1924 — 1926 гг. студенты не имели представления. Поэтому после расширенного заседания бюро партячейки было созвано общее собрание коммунистов и комсомольцев университета, на котором секретарь партячейки Игнатов выступил с докладом о троцкизме. Так началась в университете острая борьба с троцкистами»⁹⁵.

Формы этой борьбы были, разумеется, аналогичны тем, которые использовались сталинским руководством в масштабах всей партии: советские интернациональные школы

погрузились в атмосферу непрерывных проработочных митингов. Шельмованию начали подвергаться преподаватели, разделявшие оппозиционные взгляды. Наибольшее их число работало в УТК, где помимо ректора Радека насчитывалось более десяти сторонников оппозиции. Среди них были Гингор, Далин, Дорофеев, А. П. и М. П. Жаковы, Липман, Мазунин, Поляков, Пригожин, Шекед и Белла Эпштейн⁹⁶. Большинство из них являлось обществоведами, сотрудничавшими на кафедрах истории развития общественных форм, истории революционного движения в Китае и на Западе. Наибольшей известностью пользовался М. П. Жаков — руководитель оппозиционеров Хамовнического района Москвы, на территории которого располагался Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена⁹⁷. В КУТВ позиции Троцкого разделяли, по крайней мере, преподаватель военных дисциплин Дрейцер и научный сотрудник Зурабов⁹⁸.

Судя по воспоминаниям Мэн Циншу, сталинисты явно рассчитывали на то, что китайские студенты сыграют в их борьбе с оппозицией роль статистов: студентам фактически было предложено критиковать Троцкого и его сторонников со слов тех, кто являлись непримиримыми противниками последних. Чтение оппозиционной литературы не разрешалось, учащимся все время напоминали о необходимости соблюдать строгую партийную дисциплину и подчиняться вышестоящему руководству. В этой обстановке, естественно, большая часть студенчества предпочла следовать той политической линии, которая была одобрена Коминтерном. Остальных же стали терзать сомнения, подогревавшие желание познакомиться непосредственно с документами оппозиции, прояснить существо проблем, поднятых Троцким, Зиновьевым, Радеком. За объяснениями они, разумеется, начали обращаться к своим педагогам, в партийное бюро, а также в кабинет китаеведения. Однако обращения к тем, кто разделял взгляды Сталина и Бухарина, оканчивались неудачами: преподаватели отказывались предоставить студентам оппозиционные документы (да не все из них и имели, и даже больше — видели таковые). В случае же если студент настаивал или выражал несогласие с позицией Коминтерна, преподаватель мог вообще обвинить его в том, что тот находится под влиянием троцкистов⁹⁹. Во многом поэтому наиболее любознательные студенты стали

тянуться к внутриуниверситетским оппозиционерам. До середины апреля, правда, их интерес к троцкистской концепции в целом носил академический характер.

Коренным образом изменил обстановку переворот Чан Кайши 12 апреля 1927 г. Потрясение, которое испытали молодые китайские коммунисты и комсомольцы, естественно принимавшие близко к сердцу все, что происходило на родине, усиливалось тем обстоятельством, что к «измене» Главкома НРА практически никто из них не был готов — так же как и большинство членов ВКП(б). Сомнения, накапливавшиеся у критически мыслящей части китайского студенчества, переросли в недоверие к сталинскому курсу в Китае. «Впервые я поколебался идеологически в КУТК¹⁰⁰ ... в апреле — мае 1927 г. во время доклада в КУТК тов. Мартынова из ИККИ по китайскому вопросу в связи с изменой Чан Кайши, — показывал впоследствии на допросе один из первых китайских оппозиционеров Ци Шугун (он же Цзи Шугун и Цзи Бугун, жил в СССР под псевдонимом Николай Алексеевич Некрасов). — Я считал неправильной установку т. Мартынова о том, что нельзя было вооружать рабочих и крестьян во время гонконгской забастовки 1925 — 26 г.¹⁰¹ Это мнение ... тогда разделяли учившиеся со мной вместе в 4-м кружке Елизаров ... и Юрьев ... Так как на собрании против установок т. Мартынова выступал в числе других преподаватель Пригожин — троцкист, то мы, т. е. я, Некрасов, Елизаров и Юрьев, обратились к Пригожину за разъяснением, а также к Жакову — троцкисту, а также и к Гингорну [Гингору] — преподавателям КУТК ... ПРИГОЖИН стал давать нам троцкистские документы и литературу, листовки подпольные и т. д., которые мы читали, и это послужило оформлению у нас троцкистской идеологии»¹⁰².

Под псевдонимами Елизаров и Юрьев в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена учились соответственно Цзян Цзинго (сын Чан Кайши) и некто Сюй Юньцзо. Все трое (вместе с Ци Шугуном) являлись к тому времени членами комсомола и, судя по целому ряду документальных материалов, особенно глубоко переживали трагедию коммунистического движения в Китае. Как удалось установить, в то время и несколько позже, летом — в начале осени 1927 г., помимо них в УТК взгляды оппозиционеров начали разделять и

некоторые другие китайские студенты, члены компартии и КСМК. Это были Ван Вэньхуэй (псевдоним — Борис Романович Яроцкий), Ван Чжихао (он же Сю Цзян и Рютин), Вэнь Юэ (он же Вэнь Э и Сенкевич), Ли Гуанъя (Столбов), Линь Айминь (Леонидов), Лу Юань (он же Шоу Ши, И Бай, Лу Июань, Огарев), Лю Жэньшоу (Мартын Мартынович Хабаров), Лян Ганьцяо (Ласточкин), Сюй Чжэньань (он же Сюй Чжэнъань и Латышев), Сяо Чанбинь (он же Чжи Ци и Наум Михайлович Михайлов), Фэн Цян (Варский), Хуан Цзюй (Александр Александрович Истомин), Чжу Хуайдэ (Окунев), Чэнь Ци (Антон Федорович Соловьев), Ян Хуабо (Короленко). К сторонникам оппозиции примкнул, как ни странно, и член Гоминьдана Дэн Ишэн (М. Н. Полевой). Оппозиционные настроения выражали, хотя и не столь активно, как названные выше студенты, Гао Хэн (Артамес Артамесович Шаумян, он же Гуань Юй и Гао Ливэнь), Гэ Чунгэ (Квириг), Сун Фэнчунь (Карл Прейс), сын маршала Фэн Юйсяна — Фэн Хунго (Собинов), Цзэн Хунги (Молотов), а также, по-видимому, Бэй Юньфэн (Журавлев) и Дун Жучэн (он же Дун Цзычэн, Дун Цзяньпин, Литвинов)¹⁰³. Определенные колебания проявляли Оу Цзюсянь (Крылов), Ту Цинци (он же Ду Вэйчжи, Шкирятов), Чэнь Юаньдао (Невский), а также, по некоторым сведениям, Дун Исян (Лев Михайлович Орлинский). Мэн Циншу вспоминает, что одним из «открытых троцкистов» в УТК в то время был и студент с псевдонимом Рой (под таким псевдонимом в списках УТК значится Го Шоухуа), однако это не подтверждается документальными источниками. Что же касается китайских оппозиционеров-студентов других интернациональных школ, то наиболее крупной фигурой среди них являлся ветеран КПК Лю Жэньцин (был студентом Международной ленинской школы, псевдоним — Ленский). Как о человеке, сотрудничавшем в то время с антисталинской оппозицией в ВКП(б), говорил о себе много лет спустя ставший уже в самом Китае одним из руководителей троцкистского движения Ван Пинги (учился в КУТВ и УТК-КУТК, псевдонимы — Озолин и Елизаветин)¹⁰⁴. По некоторым данным, осенью 1927 г. «сочувствие» троцкистам выражал курсант Военно-политических курсов Го Мяогэнь (Важнов). Примерно тогда же точкой зрения оппозиции начали интересоваться Ло Хань (учился в КУТВ, затем в КУТК

под псевдонимом Логанов)¹⁰⁵ и студент КУТВ Дуань Цзылян¹⁰⁶ (русский псевдоним выяснить не удалось).

В литературе, посвященной истории китайской троцкистской оппозиции, в том числе в мемуарах участников событий, к первым сторонникам Троцкого, вставшим на путь оппозиционной борьбы в Москве, неизменно относят таких организаторов будущих троцкистских групп в самом Китае, как Оу Фан, Чжан Тэ (он же Чжан Вэй и Чжан Вэйся), Чжан Ши, Ши Тан (он же Ши Шуюнь), Чэнь Имоу, Ли Сюэлэй¹⁰⁷. Этим имен, однако, нет ни в одном из известных мне списков китайских студентов московских интернациональных школ. Скорее всего, под ними в Китае вели работу такие активисты левой оппозиции из УТК, как Ван Чжихао, Ли Гуанъя, Линь Айминь, Фэн Цян, Чжу Хуайдэ и Ян Хуабо: след именно этих людей теряется с их возвращением в Китай, и, кроме того, та информация, которая в историографии характеризует московскую деятельность вышеназванных лидеров китайского троцкизма, совпадает с данными об их поведении в Москве.

Как видно, первых китайских сторонников оппозиции было немного — в августе 1927 г. в УТК, например, вместе с теми, кто на тогдашнем партийном сленге считался «сочувствующим», «колеблющимся» или «пассивным», их насчитывалось чуть более тридцати человек, то есть примерно 10% общего числа студентов¹⁰⁸. Из них более или менее известными в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена можно считать пятнадцать: по крайней мере такое число («15 человек я лично знаю») называл на одном из совещаний преподавателей-коммунистов УТК М. И. Щукарь.¹⁰⁹ Самыми активными среди них, похоже, являлись Фэн Цян, Чжу Хуайдэ, Лян Ганьцяо и Лу Юань. Последний к тому же был, судя по его личной анкете и партийно-учебной характеристике, одним из наиболее марксистски образованных студентов. До приезда в Москву (а он прибыл с первой группой, 23 ноября 1925 г.) Лу Юань в течение почти трех лет изучал марксистскую и большевистскую литературу (в основном на английском языке) в Шанхайском университете — высшем учебном заведении, основанном КПК в октябре 1922 г.¹¹⁰ По всей видимости, именно его имел в виду Шэн Юэ, когда вспоминал о некоем троцкисте из УТК по имени Лу Янь¹¹¹, являвшемся «самым знающим

теоретиком среди китайских троцкистов в Университете им. Сунь Ятсена». ¹¹² В различных китайских вузах до поездки в СССР помимо Лу Юаня обучались еще пять оппозиционеров: Фэн Цян и Сун Фэнчунь были студентами Пекинского университета, Ван Чжихао — Пекинского педагогического университета, Гэ Чунъэ — Тяньцзиньского математического университета. Незаконченное университетское образование имел Чэнь Ци. ¹¹³

Некоторые сторонники оппозиции занимали руководящие посты в комсомольской организации УТК, что свидетельствовало об определенном авторитете, который они имели среди соучеников. Так, Чжу Хуайдэ вплоть до второй декады ноября 1927 г. являлся секретарем бюро комсомола своего курса ¹¹⁴. Ответственные поручения в комсомоле выполняли также Цзян Цзинго, входивший в редакционный совет стенной газеты УТК «Хун цян» («Красная стена»), а также Хуан Цзюй и Чэнь Ци ¹¹⁵.

Какую же оппозиционную по отношению к КПК, Коминтерну и ВКП(б) работу вели эти юные китайские сторонники Троцкого? В первую очередь они занимались переводом и распространением оппозиционных документов: воззваний объединенной оппозиции, писем Троцкого и Зиновьева в Политбюро ЦК ВКП(б) и Исполком Коминтерна, их статей по вопросам китайской революции. Причем особенно на первых порах главная цель, которую они перед собой ставили, заключалась даже не столько в организации пропагандистской работы среди собственно студентов университета (хотя ей, естественно, уделялось огромное внимание), сколько в том, чтобы повлиять на руководство ЦК китайской компартии: переведенную оппозиционную литературу первые китайские сторонники Троцкого прежде всего пересылали в Центральный комитет КПК ¹¹⁶. Их деятельность носила, таким образом, чисто идеологический характер. Никаких попыток к созданию собственной организации (ни внутри партии, ни тем более вне ее) они не предпринимали. «Была просто группа единомышленников», — вспоминал Ци Шугун ¹¹⁷.

Разумеется, пропаганда в разных формах сочеталась с агитацией в университетской среде. Сторонники оппозиции, в частности, пытались использовать возможности стенной

печати (заметную активность в этом направлении проявлял Цзян Цзинго¹¹⁸), выступали на партийных и комсомольских собраниях, различных общественно-политических митингах и на занятиях с защитой и разъяснением, в той мере, в какой им было доступно, оппозиционной платформы. В одной из своих статей (она носила характерное название — «Я никогда не говорил "да"!») Цзян Цзинго, например, призывал студентов не бояться высказывать оппозиционные настроения, активно бороться против сталинской линии. В другой статье («Китайская национальная революция и Коммунистическая партия Китая») резко критиковал политику КПК, руководство которой, как он считал, шло на поводу Москвы. Особенно интенсивно оппозиционеры вели индивидуальную устную агитацию. При этом главной темой их выступлений являлся, разумеется, китайский вопрос. Именно он в максимальной степени волновал всех студентов, и именно в его разъяснении молодые оппозиционеры из Китая чувствовали себя наибольшими знатоками. Вместе с тем в разнообразных дискуссиях они поднимали и другие проблемы, в том числе о невозможности построения социализма в СССР в условиях капиталистического окружения, о бюрократизации партийно-государственного аппарата в СССР, о необходимости борьбы за реформы в ВКП(б), направленные против «белого режима Сталина», требовали изменения политики сталинского руководства в деревне — по отношению к крестьянству, и в городе — по отношению к рабочему классу. Их интерес вызывали и острые вопросы международного положения¹¹⁹.

Судя по имеющимся документам, они не выступали с какими бы то ни было собственными теоретическими обобщениями, занимаясь исключительно популяризацией идеи троцкистско-зиновьевской оппозиции. О напряженности их работы можно косвенным образом судить по тем доносам, которые время от времени направлялись в бюро партийной ячейки в УТК особенно бдительными студентами-сталинистами. «Наши оппозиционеры не только ведут работу среди нас, но и среди ГМД [гоминьдановцев], — читаем в одном из них. — На прошлой неделе т. ОГАРЕВ [Лу Юань] и ЛАСТОЧКИН [Лян Ганьцяо] вели агитацию перед Чю, Де и Ин в поезде на Москву. Т. Огарев говорил: "Тов. Радек прав по ки-

тайскому вопросу, и Коминтерн вел ошибочную тактику". Они сочувствовали, и Ласточкин им сказал, что [если] у них возникают твердые вопросы, то он может передать Радеку. Платонов [Ли Юэтин] на заседании фракции [КПК в университетском комитете Гоминьдана] говорил, что недавно Огарев агитировал с целью убедить его и сказал: "Если ты хочешь читать оппозиционные документы и статьи, то у меня есть"»¹²⁰. В другом заявлении до сведения партийного руководства доводилось, что в «беседе с А. Жаковым на семинаре все поддержали Погорелова [Цинь Бансяня], который ему возражал, за исключением Леонидова [Линь Айминя]. Тов. Леонидов говорил: "ККП [то есть КПК] до измены Чан Кайши ничего не делала для того, чтобы предупредить это событие, эта ошибка ККП дала возможность Чан Кайши разоружить шанхайских рабочих"»¹²¹.

Автор еще одного сообщения доносил, что «Полевой [Дэн Ишэн] в гостинице "Passade" вел среди массы оппозиционную пропаганду и агитацию. Он говорил, что китайские товарищи [может быть, опечатка; вероятно, имелись в виду советские товарищи] не понимают вопросы китайской революции; но теперь в СССР является диктатура Сталина, диктатуры пролетариата в этом году [донос помечен 19 ноября 1927 г.] не существует. Теперешняя линия китайской революции повернута на другую политику [?]. И когда товарищи увидели его, то он сам сказал, что является оппозиционером»¹²².

Во всех делах молодые китайские оппозиционеры опирались на помощь российских участников троцкистско-зиновьевского блока, в первую очередь своих наставников, преподавателей УТК, которые вплоть до начала арестов и высылки сторонников оппозиции регулярно приглашали их на свои собрания, а по мере необходимости устраивали их встречи с лидерами движения. Так, Пригожин, по воспоминаниям Ци Шугуна, водил его, Цзян Цзинго и Сюй Юньцзо на квартиру Вуйовича [по видимому, Вуйо Вуйовича], а Жаков [скорее всего Михаил Петрович Жаков] даже устроил ему беседу в Главконцеском с Троцким, в ходе которой они обсуждали вопрос о перспективах китайской революции¹²³. К сожалению, подробности встреч Ци Шугуна восстановить не удалось.

В тесном контакте с оппозиционно настроенными преподавателями университета наиболее непримиримые и решительные сторонники китайской левой оппозиции вели и подготовку к празднованию 10-летия Октябрьской революции. Утром 7 ноября они приняли участие в параллельной троцкистской манифестации на Красной площади. Это событие было наиболее ярким эпизодом в их оппозиционной деятельности в СССР. Их было всего десять или одиннадцать человек: Ван Чжихао, Дэн Ишэн, Ли Гуанъя, Линь Айминь, Лу Юань, Лян Ганьцяо, Сюй Чжэньбань, Фэн Цян, Чжу Хуайдэ, Ян Хуабо, а также, если судить по некоторым косвенным данным, Сяо Чанбинь¹²⁴. Сейчас уже трудно в деталях восстановить все, что произошло в тот день: сохранившиеся в архиве документы — «Протокол № 9 заседания бюро ячейки ВКП(б) при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 9 ноября 1927 г.», «Протокол № 4 заседания правления Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 10 ноября 1927 г.» и «Выписка из протокола № 46 заседания Президиума Хамовнической РКК от 22 ноября 1927 г.», в которых содержатся материалы об участии китайских оппозиционеров в октябрьской демонстрации, носят довольно противоречивый характер. В особенности это относится к первому и второму документу. Что же касается «Выписки», то она достаточно лапидарна. Тем не менее общее представление на их основании составить можно. По всей видимости, дело обстояло следующим образом: за день или два до демонстрации вышеназванная группа с помощью преподавателя УТК Б. Эпштейн изготовила красный флаг с надписью: «Да здравствуют вожди мировой революции Зиновьев, Радек, Преображенский!»¹²⁵. Возможно, были и другие знамена со схожими призывами, которые китайские оппозиционеры, предварительно спрятав, пронесли на Красную площадь. Поравнявшись с трибунами Мавзолея, они неожиданно для окружающих развернули свой стяг (стяги?) и стали выкрикивать лозунги в поддержку лидеров оппозиции. Их демонстрация продолжалась, по-видимому, всего несколько минут: шествовавшие в колонне университета сторонники сталинского большинства ЦК ВКП(б) силой восстановили «порядок». Оппозиционеры вынуждены были вернуться домой. Никто из них в тот момент арестован не был¹²⁶.

Выступление оппозиционно настроенных китайских студентов, несмотря на его непродолжительность, произвело сильное впечатление на многих находившихся в то утро на Красной площади. Внимание, очевидно, привлек сам факт, что и среди китайцев, за революционным движением которых с повышенным интересом продолжали следить не только в Советском Союзе, но и во всем мире, появились противники Сталина, открыто заявившие о своей солидарности с членами объединенной оппозиции в ВКП(б). О группе китайских оппозиционеров, устроивших демонстрацию перед Ленинским Мавзолеем, вспоминал, например, много лет спустя Луис Фишер, присутствовавший 7 ноября 1927 г. на Красной площади как корреспондент журнала «Нэйшн»¹²⁷. Другой же американец, писатель и публицист Винсент Шиэн, оказавшийся на месте события уже после разгона троцкистской манифестации, писал о многочисленных слухах, которые циркулировали в Москве по поводу происшедшего. Одному из них он так и не смог поверить: слишком уж фантастичным тот ему показался. Это был «слух» о том, как «одна из китайских коммунистических делегаций вошла на Красную площадь с ортодоксальными лозунгами, начертанными на ее алых знаменах, и вдруг, проходя перед Сталиным и остатками Центрального исполнительного комитета [ЦК], свернула флаги и раскрыла транспаранты с призывом: "Да здравствует Троцкий!"»¹²⁸.

Через день после инцидента бюро ячейки ВКП(б) Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена одно за другим провело сразу два заседания. На первом оно в спешном порядке приняло решение «считать необходимым» снять Чжу Хуайдэ с поста секретаря бюро комсомола второго курса «ввиду его политической невыдержанности»; одновременно было указано на «необходимость» освободить от работы и других оппозиционеров — членов этого курсового бюро. Кого именно, сказано не было¹²⁹. На втором заседании был рассмотрен вопрос «об антипартийном проступке группы товарищей во время демонстрации». Судя по протоколам, первое заседание проходило довольно спокойно: Чжу Хуайдэ на нем не присутствовал, а собравшиеся члены и кандидаты в члены бюро никаких разногласий друг с другом не обнаружили, да и не могли это сделать, ибо являлись едино-

мышленниками. Второе же заседание было бурным. Фэн Цяну и Лян Ганьцяо, приглашенным на него в качестве представителей (в протоколе они значатся как «вожди» и «вожаки») тех китайских оппозиционеров, которые приняли участие в параллельной манифестации¹³⁰, были брошены обвинения в «антисоветизме», в использовании «фашистских» методов насилия против «товарищей, пытавшихся восстановить порядок» в колонне, в связи с правыми гоминьдановцами, во фракционности и попытках «разрушить» партию¹³¹. Естественно, это вызвало негодование. О накале страстей можно судить хотя бы по следующему отрывку из протокольной записи:

Тов. Миллер¹³²: Я не всех оппозиционеров знаю, я знаю только вождей: Варского [Фэн Цяна], Ласточкина [Лян Ганьцяо], Огарева [Лу Юаня] ... На демонстрации я шел среди оппозиционеров, затем к нам подошел тов. Волк, который меня и Ласточкина взял под руку. Когда мы подошли к Мавзолею Ленина, другие оппозиционеры выкинули флаг, и Ласточкин хотел пойти к ним, но тов. Волк его не пускал. Оппозиционеры кричали: "Долой фашистский ЦК ВКП(б)", "Да здравствует оппозиция", "Да здравствует троцкизм". Я в это время кричал "Да здравствует ленинский ЦК". У Огарева был в руках флаг, палкой от которого он и бил тов. Волк[а]. А потом Окунев [Чжу Хуайдэ], Латышев [Сюй Чжэньань] и Полевой [Дэн Ишэн] собрались и хотели тов. Волк[а] вытолкать из рядов. (Ласточкин с места кричит все время).

Тов. Седякин¹³³: Если тов. Ласточкин не будет себя держать в рамках, как полагается вести члену партии на заседании бюро, то мы попросим его оставить заседание.

Тов. Брандлер¹³⁴: В своем заявлении тов. Варский пишет, что его т. Погуляев обыскивал с револьвером в руке. Это ложь, у него не было револьвера. (Ласточкин с места кричит).

Тов. Седякин: Я голосую поступившее предложение об оставлении тов. Ласточкиным заседания бюро. (Предложение проходит единогласно, и Ласточкин с криком возмущения уходит с заседания бюро.)

Тов. Голубев¹³⁵: Мы должны обратить внимание на то, что эта драка не есть драка между товарищами. Почему это столкновение произошло в десятилетие Октября, на котором присутствовали международные делегации?..

Тов. Пролетариев:¹³⁶ Мы здесь на заседании бюро решили для высказывания дать 5 минут, но товарищи из оппозиции хотят говорить больше и кричат, что партия не дает им говорить. В день демонстрации Огарев подошел к Доронину [Пань Вэньюю] и сказал: "Вы празднуете 10-летие Октябрьской революции, это праздник большой, но праздник не наш", киткомпартия посылала вас сюда для изучения ленинизма и истории русской революции, но она совсем не говорила о том, чтобы вы здесь изучали троцкизм. В Китае троцкизм не нужен ...

Тов. Варский: Факты ложные, я уложиться в 5 минут не могу ...

Тов. Миф: Нужно сказать о тех условиях, в которых находится наш Университет. Оппозиционные настроения в стенах нашего Университета растут, а не уменьшаются. Причиной этому может служить поражение китайской революции. Студенты наши все больше из мелкобуржуазной семьи, и среди них оппозиционно настроенные имеются, все они молодые члены партии, как, напр[имер,] Михайлов [Сяо Чанбинь] — с 1926 г.¹³⁷, комсомольцы тоже, а, быть может, и последние поступили в комсомол, благодаря требованиям реакционных организаций. Они приветствовали поражение китайской революции [!?] и спекулировали на этом ... Их не для того здесь учат и воспитывают, чтобы они в Китай привезли троцкизм вместо ленинизма ...

Тов. Михайлов: Меня сваливают в кучу с оппозиционерами, и я протестую против этого, ибо нельзя сравнивать [он хотел, очевидно, сказать «смешивать»] явных оппозиционеров и колеблющихся ...

Тов. Варский: Все эти факты, указанные в резолюции, не верны, как, напр[имер], о связи с правыми гоминьдановцами, этой связи нет. Октябрьская революция не только русская революция, но она и международная революция, и мы все должны приветствовать всех вождей этой революции. Лозунга "долой фашистский ЦК" никто не кричал. Партия Ленина единая и ЦК ленинской партии тоже единый. Ошибки и у кит[айской] компартии, и у ВКП(б) есть. И мы должны эти ошибки исправлять. Каждый член партии не должен, не должен быть слепым»¹³⁸.

После такого «обсуждения», так и не выслушав до конца точку зрения оппозиционеров (пяти минут Фэн Цяну, как

видно, совсем не хватило), бюро единогласно постановило исключить из рядов партии Б. Эпштейн, Лян Ганьцяо, Фэн Цяна, Ван Чжихао и Чжу Хуайдэ, а также поставить перед комсомольской ячейкой вопрос об исключении из комсомола Лу Юаня, Ли Гуанъя, Линь Айминя, Чжу Хуайдэ¹³⁹ и Ян Хуабо.

По поводу Сяо Чанбиня никакого решения не принималось: на заседании его фактический отказ от оппозиционных взглядов получил одобрение со стороны членов бюро Бермана и Ли Бэньи. В силу каких-то непонятных причин вниманием был обойден Сюй Чжэньань. Что же касается Дэн Ишэна, то, так как он не был членом компартии, бюро не могло применить к нему непосредственных партийных санкций. Оно поступило проще, постановив провести чистку университета от так называемых «правых» гоминьдановцев¹⁴⁰ и в первую очередь удалить тех из них, кто поддерживал связь с оппозицией. Бюро также предупредило всех остальных оппозиционеров, что всякие попытки с их стороны вести фракционную деятельность будут пресечены самым решительным образом. Было признано необходимым обсудить проблемы борьбы с троцкизмом на общем партийном собрании и в парткружках, а кроме того, «проработать вопрос» об организации при кафедре ленинизма специальной консультации на постоянной основе для всех интересующихся этими проблемами.

Резолюция партбюро получила поддержку состоявшегося в тот же день или по крайней мере на следующий общего партийного собрания УТК: за исключение вышеназванных оппозиционеров проголосовало 137 человек, против — всего шесть, да и те из числа исключавшихся¹⁴¹: Где-то в те же два дня (9 или 10 ноября) на заседании бюро ячейки ВЛКСМ в УТК и на общем университетском комсомольском собрании пять оппозиционеров-комсомольцев, поименованные бюро ячейки ВКП(б), были исключены из комсомола.

10 ноября было созвано заседание правления университета, принявшее резолюцию об откомандировании Фэн Цяна, Лян Ганьцяо, Чжу Хуайдэ, Ван Чжихао, Ли Гуанъя, Ян Хуабо, Лу Юаня и Линь Айминя, а также Дэн Ишэна в Китай¹⁴². 16 ноября «Правда» опубликовала написанный в резкой манере, с набором ряда политических обвинений ма-

териал о разгроме троцкистской оппозиции в УТК. Он был подготовлен кем-то из сотрудников университета, вполне возможно, самим Мифом (материал был подписан псевдонимом Александр, настоящее имя Павла Мифа было Михаил Александрович Фортус). По университету поползли слухи о возможном ужесточении репрессий против оппозиционеров. Кто-то распространил весть (на самом деле ложную) о том, что ночью в Артиллерийской школе были арестованы трое китайских курсантов, сторонников Троцкого¹⁴³. 22 ноября вопрос об исключении Фэн Цяна, Ван Чжихао и Лян Ганьцяо из партии был рассмотрен Президиумом Хамовнической районной контрольной комиссии ВКП(б) г. Москвы. (Дело же Чжу Хуайдэ было отложено в связи с неявкой последнего на заседание Президиума РКК; рассматривалось ли оно впоследствии — неизвестно). Как это ни покажется странным, члены Президиума не согласились с резолюцией партийной организации УТК. Ознакомившись с материалами и заслушав самих «виновников», они постановили ее отменить и объявить Фэн Цяну, Ван Чжихао и Лян Ганьцяо строгие выговоры с предупреждением¹⁴⁴.

Это, однако, никоим образом не повлияло на решение правления университета об откомандировании названных студентов. Более того, Фэн Цян, Ван Чжихао и Лян Ганьцяо наряду с Ян Хуабо, Линь Аймином, Чжу Хуайдэ, Лу Юанем и Ли Гуанья именно 22 ноября получили соответствующие документы для отправки в Китай. Оформление же Дэн Ишэна, по не вполне понятным причинам, затянулось до 25 декабря¹⁴⁵.

За несколько дней до отъезда трое или четверо исключенных и среди них Лян Ганьцяо при посредничестве русских оппозиционеров встретились в здании Главконцескома с Троцким. Как вспоминал впоследствии Лян Ганьцяо в беседе с Ван Фаньси, главным во время встречи был вопрос о будущем оппозиционном движении в Китае. Желая ободрить Троцкого, Лян Ганьцяо сказал: «Не беспокойтесь, когда мы вернемся в Китай, мы сразу же создадим массовую партию — по крайней мере в полмиллиона человек». Но Троцкий лишь улыбнулся: «Революция потерпела поражение. Сейчас важна кропотливая работа. И если каждый из вас, — он указал на присутствовавших китайцев, — соберет вокруг себя пять-шесть рабочих и обучит их, это уже будет большим

достижением». (По словам Ван Фаньси, он запомнил рассказ Лян Ганьцяо чрезвычайно отчетливо.)¹⁴⁶

Вечером 23 ноября первая группа исключенных покинула УТК. Их провожала Б. Эпштейн, которая, как явствует из поступившего через день в университетское партбюро доноса, подбежала к ним, когда те уже сидели в машине, и прокричала: «За то, что вы боролись, вы пострадали, это есть верный путь к победе, наша идея воскреснет, и мы скоро увидимся в другой обстановке!»¹⁴⁷.

Однако встретиться им более не пришлось. Откомандированные студенты были отправлены во Владивосток, откуда затем, преодолев огромные трудности и препятствия, создававшиеся советской бюрократической машиной¹⁴⁸, в феврале — марте 1928 г. уехали наконец в Китай. Судьба же Эпштейн сложилась трагически. Как и многие другие оппозиционеры, преподаватели и научные сотрудники УТК и КУТВ, она погибла в сталинской мясорубке. Ее расстреляли весной 1938 г. вместе с десятками других заключенных Воркутинского лагеря¹⁴⁹.

Высылкой группы наиболее активных сторонников Троцкого завершился первый этап в истории китайской левой оппозиции в СССР — этап открытой борьбы со сталинизмом. Начался новый период — напряженной подпольной работы.

Глава 12

Трагедия китайских троцкистов в Советской России

Будущее китайских троцкистов, которые были оставлены в Советском Союзе, сложилось по-разному. Раньше всех, похоже, от оппозиции отошел Цзян Цзинго: по словам Ци Шугуна, он просто «испугался троцкистской нашей активной работы»¹⁵⁰. В начале 1928 г., уже находясь в Ленинграде, в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева, Цзян Цзинго по совету некоторых из сокурсников написал официальное заявление о разрыве связей с троцкистами¹⁵¹. Преодолели троцкистские колебания Чэнь Юаньдао и, судя по всему, Дун Исян¹⁵², после окончания летом 1927 г. Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена оставленные там в качестве переводчиков. Связи с оппозиционерами прервали и некоторые другие «сочувствовавшие» и «колебавшиеся». Однако несколько человек в тот момент сохранили веру в оппозицию. Судя по разрозненным материалам, таковыми, в частности, являлись Ван Вэньхуэй, Вэнь Юэ, Го Мяогэнь, Гэ Чунъэ, Сун Фэнчунь, Сюй Чжэньань, Ту Цинци, Фэн Хунго, Хуан Цзюй и Чэнь Ци¹⁵³. Определенные колебания, очевидно, продолжал испытывать Сяо Чанбинь, несмотря на его отступничество на заседании партбюро 9 ноября¹⁵⁴.

По-прежнему большинство китайских оппозиционеров находилось в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. В конце 1927 г. их там насчитывалось одиннадцать. В КУТВ же и на Военно-политических курсах при КУТВ оппозиционные настроения в ноябре 1927 г. в разной степени помимо Ло Ханя и Дуань Цзыляна разделяли еще трое: переведенные туда в августе из УТК переводчики Гао Хэн, Сюй Юньцзо и Ци Шугун¹⁵⁵. Лю Жэньцзин оставался в Международной ленинской школе, а его брат Лю Жэньшоу в середине осени был откомандирован из Университета им. Сунь Ятсена в Московскую военно-инженерную школу¹⁵⁶.

Большая часть этих людей, казалось, была прощена. По крайней мере к Ван Вэньхуэю, Гао Хэну, Го Мяогэню, Гэ Чунъэ, Ло Ханю, братьям Лю, Сун Фэнчуню, Сюй Чжэньаню, Сюй Юньцзо, Сяо Чанбиню, Ту Цинци и Хуан Цзюю не были тогда применены какие бы то ни было меры административной или партийной ответственности. Возможно, об их участии в оппозиции у руководства университетов не имелось достаточных оснований.

По иному обстояло дело с теми, кто, с точки зрения сталинистов, заслуживал примерного наказания. Администрация и партийное руководство УТК, например, вскоре после XV съезда ВКП(б), подведшего, как уже отмечалось, итог анти-троцкистской кампании, приняли решение исключить из университета Вэнь Юэ, Чэнь Ци и Фэн Хунго, а затем сделали все от них зависевшее, чтобы не допустить их отправки в Китай. В случае с Фэн Хунго, правда, Миф не получил поддержки ни в ЦК ВКП(б), ни в ОГПУ, ни в наркомате по военным и морским делам, ни в IV (разведывательном) управлении Генерального штаба РККА, куда он направлял запросы, доказывая необходимость задержать названного студента в СССР как сына совершившего антикоммунистической переворот в Китае маршала Фэн Юйсяна и как «партийно не выдержанного» сторонника оппозиции. Фэн Хунго должен был, по предложению Мифа, вместе со своей сестрой Фэн Фунэн (жена Цзян Цзинго, псевдоним — Нежданова) и еще с одной бывшей студенткой, родственницей другого китайского генерала-антикоммуниста, рассматриваться в качестве заложника¹⁵⁷. В результате безуспешных попыток доказать целесообразность этого руководитель УТК вынужден был

смириться: 25 мая 1928 г. дети Фэн Юйсяна выехали в Китай¹⁵⁸.

Потерпев поражение с Фэн Хунго, судьба которого была решена более влиятельными, чем Миф, людьми, очевидно разыгравшими его как хорошую карту в крупной политической игре, ректор УТК с тем большим усердием и даже некой изощренностью продолжал преследовать Вэнь Юэ и Чэнь Ци. В этом он пользовался поддержкой китайской делегации в ИККИ, со своей стороны поднявшей вопрос о недопущении этих последних в Китай¹⁵⁹. Бывший в то время курсантом Военно-политических курсов при КУТВ Ван Фаньси много лет спустя вспоминал, как глубоко поражали его эти два человека, когда он случайно заходил в УТК: «Они оставались в университете в ожидании наказания, изолированные от всех остальных. Никто не осмеливался заговорить с ними, да и они ни с кем не общались. С утра до вечера эти двое сидели в библиотеке, читая толстые книги на русском языке. "Лояльные элементы" (то есть сталинисты из группы Чэнь Шаоюя) полностью игнорировали их существование, а большинство тех, кто не входил ни в какие блоки, взирали на них с удивлением, как на музейные экспонаты с биркой "троцкисты"»¹⁶⁰. Не раз Вэнь Юэ и Чэнь Ци обращались к ректору Мифу с просьбой отправить их на родину. Но все было тщетно: по-видимому, от них ждали раскаяния, бесповоротного отречения от троцкизма, они же в своих заявлениях продолжали настаивать на правоте оппозиции. «Хотя бы мы изучали уже марксизм-ленинизм в короткое время, — писали они по-русски Мифу, — но мы уверены, что мы уже понимали и получили революционные цвет и дух Марксизма-Ленинизма ... Мы за оппозицию потому, что взгляд оппозиций не только теоретически правильно, но и, как раз поэтому, факты уже доказали и продолжают доказывать взгляд оппозиций совсем правильный»¹⁶¹. Будучи фактически исключены из университета, Вэнь Юэ и Чэнь Ци не могли не только уехать домой, но и продолжать нормальное обучение. В конце концов летом 1928 г. они были высланы в Азербайджан, куда-то в район на границе с Ираном, откуда попытались нелегально покинуть СССР. Их схватили и посадили в тюрьму в Баку¹⁶². Чэнь Ци был впоследствии освобожден, вернулся в Москву, но затем его выслали на Дальний

Восток¹⁶³. Что с ними стало в дальнейшем — неизвестно. Возможно, они погибли.

В 1928 г. за оппозиционную деятельность из комсомола и университета был исключен и Сюй Юньцзо. Так же как Чэнь Ци и Вэнь Юэ, его не выпустили в Китай. Вплоть до 1930 г. он работал в Москве, в Центросоюзе.¹⁶⁴ Затем был выслан в Сибирь, откуда примерно в 1932 — 1933 гг. вместе с другим ссыльным китайским троцкистом, Яо Бинхуэем, в 1930 г. исключенным из УТК, бежал в Китай. Дальнейшая его судьба неизвестна¹⁶⁵.

До того, однако, как Вэнь Юэ и Чэнь Ци были отправлены в Азербайджан, они вместе с другими студентами, не изменившими своим идеалам, продолжали оппозиционную деятельность, хотя теперь уже в подполье. Работа китайских оппозиционеров в то время (конец 1927 — первая половина 1928 г.) заключалась главным образом в развитии связей с русскими троцкистами, дальнейшем сборе и переводе троцкистской литературы и вовлечении в свой круг новых сторонников. В конце 1927 г. Ци Шугун имел встречу с Радеком — примерно за месяц до высылки последнего из Москвы. Тот дал ему «указание» (по крайней мере Ци Шугун так воспринял его слова) «крепко держаться» оппозиционной линии. «Он говорил мне, — сообщал позднее Ци Шугун, что "не нужно бояться создания фракции. Это не есть создание 2[-й] партии ... это не есть раскол". Причем Радек приводил пример такой: "Предположим, дом протекает, в нем нельзя жить, мы строим рядом шалаш и живем в нем до того времени, пока починим дом, а когда починим дом, то перейдем в него. Это не значит вовсе, что мы хотим разрушить дом"»¹⁶⁶.

Создание фракции требовало особых усилий и не в последнюю очередь зависело от того, насколько быстро будет расти число китайских сторонников Троцкого. Так что Вэнь Юэ и Чэнь Ци не только сидели в библиотеке, ни с кем не общаясь на глазах у чужих, но вместе со своими единомышленниками делали все возможное для расширения рядов оппозиции. Среди старых студентов им именно в тот период удалось привлечь на свою сторону Юй Ланьтяня (он же Кук, поступил в УТК 20 декабря 1926 г., но в период открытой дискуссии со сталинистами оставался пассивным). О его связях с Вэнь Юэ и Чэнь Ци, однако, вскоре стало известно

университетской администрации, и летом 1928 г. он, так же, как Вэнь Юэ и Чэнь Ци, был удален из УТК¹⁶⁷. Что с ним стало в дальнейшем — неизвестно. Где-то осенью, после ноябрьских событий, временно находившийся в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена курсант Военно-политических курсов при КУТВ Го Мяогэнь смог сагитировать своего товарища по курсам Чэнь Динцзяо (псевдоним — Вахмянин), тоже по каким-то делам оказавшегося на некоторое время в УТК. Вернувшись на Военно-политические курсы, они, как явствует из доноса, поступившего на имя секретаря парторганизации спецгруппы (то есть иностранного отделения) КУТВ, начали «пропагандировать троцкизм и говорить об ошибках тов. Сталина». В этом они опирались на помощь своих соратников из УТК, которые, навещая их, подключались к пропагандистской работе. «В субботу последней недели сюда пришли некоторые оппозиционеры Университета Сунь Ятсена и пропагандировали антиленинскую идею и теорию для того, чтобы путать головы рабочих и крестьянских товарищей, которые знают ленинизм еще недостаточно и очень легко разочаровываются через пропаганду оппозиционеров в перспективе китайской революции, — говорилось в том же доносе. — Это, конечно, очень опасно. Теперь незначительная часть наших товарищей ВПК уже начинали колебаться»¹⁶⁸. Автор доноса требовал от секретаря «принять решительную меру» и воспрепятствовать дальнейшей оппозиционной деятельности Го Мяогэня и Чэнь Динцзяо. Какова была реакция секретаря, установить не удалось. Скорее всего он дал ход делу и заставил Го Мяогэня и Чэнь Динцзяо покаяться, ограничившись в худшем случае вынесением им соответствующих партийных взысканий: Го и Чэнь продолжили обучение на Военно-политических курсах, а затем, в конце июня 1928 г., вместе с другими курсантами были переведены в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена; Го Мяогэнь был даже впоследствии откомандирован для продолжения учебы в Международную ленинскую школу. В материалах, характеризующих дальнейшее поведение оппозиционно настроенных китайских студентов, их имена более не встречаются.

Повышенное внимание троцкисты уделяли работе среди новых учащихся, имевших опыт практической революцион-

ной борьбы в Китае (все они участвовали в революции 1925 — 1927 гг.) и вкусивших уже горечь тяжелого поражения. Разумеется, политическая ориентация вновь прибывавших не могла не волновать и сталинистов. В ноябре 1927 г. руководители УТК, например, стали прикреплять к ним особо доверенных коммунистов и комсомольцев из числа тех студентов, которые проявили себя в ходе антитроцкистской кампании. Эти «прикрепленные» поселялись в одних комнатах с новичками и целыми днями вели с ними соответствующие беседы¹⁶⁹. Но и это не всегда помогало: боевой опыт придавал вновь прибывшим (в массе своей очень молодым и горячим) бесстрашие, усиливая коммунистический максимализм, направленный против любых проявлений несправедливости — как в Китае, так и в СССР. Многие из них к тому же еще до приезда в Москву сами начали приходить в вопросах китайской политики к выводам, по существу идентичным тем, которые делали Троцкий и его единомышленники. В этой связи показательное сообщение одного из членов партбюро УТК, 19 ноября 1927 г. докладывавшего о настроениях только что принятых студентов: «В вопросах об оппозиции они абсолютно не разбираются и заявляют, что они пока будут в стороне, ибо не поняли достаточно этого вопроса». Но, добавляя он, «по дороге [они] очень много спорили о том, какая [теперь] революция в Китае. Этот вопрос даже ставили на голосование, которое показало, что революция не национальная»¹⁷⁰. Не менее характерно заявление Ван Фаньси (прибыл в Москву в октябре 1927 г.): «Я и раньше [то есть еще в Китае] испытывал некоторые сомнения. Во-первых, мне всегда казалось абсурдным, что мы, на севере [в 1925 — 1927 гг. Ван Фаньси работал в пекинской партийной организации] изо всех сил расширяли за гоминьдановцев их организацию (ситуацию на юге я не знал). Во-вторых, я не мог понять, почему мы все время уповали на гоминьдановских генералов и политиков, а когда они нас предавали, перекладывали наши надежды на других лжецов. В-третьих, у меня возникал вопрос и о том, почему оружие уханьских рабочих надо было передавать Тан Шэнчжи¹⁷¹, а так называемые «экстремистские» действия хунаньских крестьян — подавлять»¹⁷². Подобные настроения, естественно, делали новых студентов восприимчивыми к пропаганде троцкистов.

Серьезным фактором, влиявшим на политическое сознание новичков, являлось их знакомство с советской действительностью. Последняя сплошь и рядом оказывалась иной, нежели та, которую себе представляли молодые революционеры, мечтавшие о справедливом рабоче-крестьянском государстве. Особенно поражало наличие социального неравенства. «У Сталина толстое пузо, а у рабочих голодное» — так, если верить одному из доносов, формулировал впечатления от Страны Советов некто Ху Чунгу, прибывший на учебу на Военно-политические курсы при КУТВ в сентябре 1927 г. (псевдоним — Нурин)¹⁷³. Печальную картину в письме к нему рисовал и его товарищ по университету, временно находившийся где-то на юге (китайские студенты имели возможность отдыхать и лечиться в Крыму): «Несмотря на то что прошло уже 10 лет [после Октябрьской революции], ехав по железной дороге, я увидел многих крестьян, которые живут под землей, без одежды, вот Советская власть»¹⁷⁴. Не меньшее недовольство вызывали бюрократические порядки, имевшие место как в КУТВ, так и в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена и отражавшие общее положение в ВКП(б) и Советском государстве. Судя по воспоминаниям Ван Фаньси, именно это обстоятельство, которое он обсуждал с Ло Ханем, в значительной степени повлияло на возникновение у него симпатии к Троцкому и оппозиции¹⁷⁵.

Сказанное привело к тому, что к концу осени 1928 г. ряды китайских оппозиционеров возросли. За год они пополнились более чем на 30 человек¹⁷⁶. Среди тех, кто начал сознательно разделять взгляды Троцкого, были, в частности: Ань Фу (прибыл в УТК в ноябре 1927 г., псевдоним — Витин), Бянь Фулинь (также зачислен в УТК в ноябре 1927 г., псевдоним — Федор Алексеевич Вершинин), Ли Пин (в УТК-КУТК носил псевдоним Лекторов), Лю Инь (он же Лю Ин, находился в КУТВ с сентября 1927 г. под псевдонимом Кашин, в 1928 г. переведен в УТК, где носил псевдоним Губарев), Фань Вэньхуэй (он же Фань Цзиньбяо, поступил в УТК в середине декабря 1927 г., псевдоним — Алексей Макарович Форель), Цзи Вайфан (в КУТК имел псевдоним Дородный), Цзи Дацай (двоюродный брат Цзи Вайфана, с сентября 1927 по конец марта 1928 г. учился в КУТВ под псевдонимом Мартынов, затем, в УТК, получил псевдоним Девяткин), Чжао Цзи (во время уче-

бы в КУТВ носил псевдоним Лялин, в КУТК был известен под псевдонимом Динамин), Чжу Циндань (в УТК, а затем в военной школе учился под псевдонимом Находкин), а также Ван Фаньси. Именно эти люди вскоре стали главными организаторами подпольной троцкистской группы: к тому времени, когда организация была создана (конец сентября или начало октября 1928 г.), часть старых кадров китайских оппозиционеров — Гэ Чунъэ, Дуань Цзылян, Ло Хань, Сун Фэнчунь, Сюй Чжэньань, Сяо Чанбинь и Ту Цинци — разными путями вернулась в Китай¹⁷⁷.

В тот же период или несколько позже свою судьбу с оппозицией связали Лай Яньтан (Охлопков), Ли Цайлянь (Кирюшина), Лу Мэнъи (псевдонимы — В. И. Говорун и Заводов), Пу Дэжи (Нешумов), Се Ин (Губин, он же Губиш), Сюй Найда (русский псевдоним установить не удалось; был известен в УТК под кличкой Сюй Мацзы — «корявый Сюй» или Фу Мацзы — «корявый Фу»), У Цзиянь (он же У Цзисянь, племянник Чэнь Дусю, псевдоним — Певцов) и Цзэн Мэн (Заботин), ставшие впоследствии крупными деятелями троцкистского движения уже на территории Китая¹⁷⁸.

Именно рост рядов оппозиции и необходимость в новых условиях предотвратить возможность провала привели наконец к созданию строго централизованной и законспирированной организации. Базой ее явился КУТК, где число оппозиционеров было особенно велико. Вот как описывает это событие Ван Фаньси: «Как-то в одно воскресенье, в конце сентября или начале октября [1928 г.], человек десять китайских студентов, захватив еду и разбившись на группы, сели в трамвай и отправились на конечную станцию. Затем пешком выбрались из Москвы и разбили пикник. Люди расположились в лесу, ели и распевали песни. А в результате на этом собрании "активистов" три человека были избраны в руководство [нашей организации]. Это были Фань Цзиньбяо [Фань Вэньхуэй], Ань Фу и я. Всех, кто присутствовал на том собрании, я уже сейчас не могу вспомнить ... Точнее всех я помню Цзи Дацая ... Глубокое впечатление на меня произвел и бывший текстильщик Бянь Фулинь»¹⁷⁹.

В архиве мне удалось обнаружить другие свидетельства об этом «пикнике». Первое из них — «Показания одного студента», автор которых, судя по его осведомленности во внут-

ренной жизни троцкистской организации, явно играл в ней важную роль. По ряду существенных признаков (дата показаний, а также перечень событий, в которых участвовал допрашивавшийся) и при сопоставлении этого документа с показаниями других деятелей китайской левой оппозиции в КУТК можно прийти к заключению, что эти показания были даны Ли Пином. 8 февраля 1930 г. он сообщал: «Приблизительно в октябре состоялось первое собрание в лесу около октябрьского лагеря [?]. Было 8—9 человек: ФОРЕЛЬ, НАХОДКИН, ЛЕКТОРОВ, ВИТИН, КЛЕТКИН, ФУ-ФЭЙ-ЖУАН, ВАН-ВЭНЬ-ЮАНЬ, ВЕРШИНИН и ДОРОДНЫЙ. Обсуждался вопрос о том, как работать в Суновке [УТК им. Сунь Ятсена] и в военных школах. Была выбрана тройка: ЛЕКТОРОВ, ВИТИН И ДОРОДНЫЙ»¹⁸⁰. Первое, что бросается в глаза: среди присутствовавших на собрании Ли Пин дважды упомянул Ван Фаньси, один раз под псевдонимом (Клеткин), а другой — под настоящим именем (Ван Вэньюань). Он явно ошибся. Во-вторых, назвал некоего Фу Фэйжуана, которого ни в одном из списков студентов КУТК нет. Возможно, это был курсант какой-то из военных школ (в МЛШ такого учащегося тоже не было), но скорее всего свидетель имел в виду Фу Сюэли (псевдоним — Двойкин) — одного из активнейших участников левой оппозиции в Коммунистическом университете трудящихся Китая (в соответствии с китайской традицией Фу Сюэли вполне мог иметь несколько имен и псевдонимов). Кстати, имена остальных, названных под псевдонимами, очевидно, целесообразно напомнить: Фань Вэньхуэй, Чжу Циндань, Ли Пин, Ань Фу, Бьень Фулинь и Цзи Вайфан. В-третьих, Ли Пин не отметил участие в собрании Цзи Дацяя (псевдоним — Девяткин) — именно того человека, которого Ван Фаньси, напротив, запомнил лучше всех. И наконец, он сообщил несколько иной состав выбранной тройки руководителей (Ли Пин, Ань Фу, Цзи Вайфан), нежели автор воспоминаний.

Кто же все-таки вошел в руководящую группу? Ответить на этот вопрос помогает рассказ третьего очевидца — самого Ань Фу, по поводу членства которого в руководящей тройке у Ван Фаньси с Ли Пином разногласий не возникает. Вот его показание (запись допроса от 12 февраля 1930 г.): «После отъезда их [то есть части старых оппозиционеров] в Китай в

состав "тройки верховной" были избраны: 1) Я — Витин (Нань-Фу), 2) Лекторов (Ли-Пин), 3) Дородный (Тю-Вай-Фан)¹⁸¹. Это было в сентябре 1928 г. Это было, по существу, первое вполне организационно оформленное верховное бюро троцкистской подпольной организации»¹⁸². Тех же людей — Ань Фу, Ли Пина и Цзи Вайфана как членов первого состава руководящей «тройки» — т. н. «Генерального совета», называл в своем сообщении в конце января 1930 г. и другой активист троцкистской фракции — Чжао Яньцин¹⁸³.

Помимо выборов руководства на этом подпольном собрании были обсуждены проблемы тактики. По данным Ли Пина, Ань Фу «предложил такую политику — мы потерпели поражение, нужно применить отступательную тактику. Затем начать разговоры с не принадлежащими к организации студентами на почве их недовольства учебой и условиями жизни. Во-вторых, использовать для разговоров земляческий принцип. Затем перейти к политическим вопросам, начать показывать речь РАДЕКА о Сунь Ятсене¹⁸⁴, потом завещание ЛЕНИНА, потом материалы о поражении кит[айской] революции, потом об СССР. Узнавать их мнение и втягивать»¹⁸⁵. Это предложение, судя по всему, не вызвало споров, тем более что такую тактику китайские троцкисты уже фактически применяли, в том числе по отношению не только к своим соученикам, но и к руководящим работникам Компартии Китая. Летом 1928 г., когда большое число влиятельных деятелей КПК съехалось в Москву для участия в VI съезде партии, оппозиционерам — студентам московских вузов удалось, например, установить контакты с Ван Жофэем, Гуань Сянъином, Ло Чжанлуном и Чжан Гото¹⁸⁶. Сторонники Троцкого, в первую очередь Лю Жэньцин, поскольку он как один из старейших членов КПК был своим в ее руководстве, познакомили этих людей с троцкистскими документами, прежде всего с работой Троцкого «Китайская революция и тезисы т. Сталина». Прочтя их, ни Чжан Гото, ни Ло Чжанлун, ни Гуань Сянъин не проявили особого интереса к оппозиции, но к чести их надо сказать — и не выдали никого из тех, кто давал им смотреть соответствующую литературу¹⁸⁷. Об их кратковременных связях с оппозиционерами стало известно лишь в ходе расследования деятельности подпольной троцкистской организации в Москве.

начатого в феврале 1930 г., — из показаний самих китайских троцкистов. Делегация КПК, в Коминтерне, однако, равно как и ЦК ВКП(б), и ЦК КПК, сочла эту информацию «провокацией». Тем не менее, Чжан Готао, например, пришлось оправдываться и перед ИККИ, и перед комиссией по проверке (а точнее, чистке) китайских слушателей МЛШ, начисто отрицая «слухи» о том, что он получал оппозиционные материалы от Лю Жэньцзина. «Может быть, эти слухи возникли оттого, что я был связан с Нэ Юн-цзином [Лю Жэньцзином], старым членом партии, который раньше действовал заодно с нами против Чэнь Дусю, — выкручивался Чжан Готао. — Сян Чжунфа¹⁸⁸ сказал мне на VI съезде КПК, что Ню Би-цзин [Лю Жэньцзин], хотя еще не настоящий троцкист, но в нем сильно влияние троцкистской идеологии; он сам поддержал предложение об отправке его ... на практическую работу»¹⁸⁹.

Что же касается Ван Жофэя, то он после чтения работ Троцкого какое-то время испытывал сильные колебания. В 1928 г. он даже оказывал сторонникам оппозиции реальную помощь, предоставляя свой гостиничный номер Ван Фаньси для того, чтобы тот мог тайно закончить перевод на китайский язык крупной работы Троцкого «Критика основных положений программы Коммунистического Интернационала», написанной лидером оппозиционеров в июне 1928 г.¹⁹⁰ Этот документ, как и многие другие, в том числе «троцкистскую платформу»¹⁹¹, китайские оппозиционеры получили от бывшего преподавателя УТК, члена подпольной Московской группы большевиков-ленинцев (оппозиции) Полякова, который, по сообщению Ань Фу, даже входил в «Генеральный совет» их организации, вероятно, на правах ассоциированного члена¹⁹². Постоянные контакты с ним и некоторыми другими русскими троцкистами поддерживались, по-видимому, через Ань Фу, Ван Фаньси, Ли Пина, Сюй Юньцзо и Лю Жэньцзина. После ареста Полякова в конце 1928 г. связь с русским центром сохранялась через вдову А. А. Иоффе — Марию Михайловну, которая заменила Полякова в «Генеральном совете»¹⁹³.

Знакомство с работой Троцкого «Критика основных положений программы Коммунистического Интернационала» имела особенно большое влияние на китайских оппозиционеров. В этой статье, как и в другой своей работе — «Китайский вопрос после VI конгресса», написанной в октябре

1928 г.¹⁹⁴, Троцкий в систематическом виде изложил свою новую тактическую линию, которой, с его точки зрения, должно было руководствоваться китайское коммунистическое движение после поражения в национальной революции¹⁹⁵. Концепция, сформулированная в них, сводится к следующему: коммунистическое движение в Китае потерпело мощное поражение. (Троцкий говорил о поражении китайской революции в целом, однако из дальнейших его рассуждений становилось ясно, что речь шла именно о поражении КПК). Кризис в революционном движении имеет тенденцию стать затяжным, и в этих условиях говорить о революционной ситуации в стране нельзя: «китайская политика сдвинулась с революционных рельс на рельсы буржуазной стабилизации». Вследствие этого, писал Троцкий, лозунг советов следовало временно снять как не отвечающий обстановке (ведь советы, по опыту революционной России, могли создаваться лишь в процессе подъема массового движения, а не на его спаде). Вместо этого лозунга китайские коммунисты должны были выдвинуть программу глубоких демократических реформ, центральным пунктом которой являлся лозунг созыва Национального Учредительного собрания. Принимая эту программу-минимум, компартия вместе с тем должна была отдавать себе полный отчет в том, что борьба за реформы в условиях стабилизации капиталистического режима носит вынужденный характер и является частью тактики отступления. Истинная же цель пролетарского авангарда заключалась в подготовке условий для нового революционного подъема, который коммунистам Китая следовало возглавить, с тем чтобы на этот раз установить в стране диктатуру рабочего класса. И именно эта последняя осуществила бы уже как демократические, так и социалистические задачи китайской революции.

Вот что, например, Троцкий писал по этому поводу в первом письме Преображенскому: «Правильно, что китайская революция "перешла в новую, более выгодную фазу", но это правильно не в том смысле, что она будет завтра уже и послезавтра подниматься вверх ... Многое говорит за то, что ближайший период будет в Китае периодом революционного отлива, медленного усваивания уроков тягчайшего поражения и, следовательно, ослабления непосредственного влия-

ния компартии. Отсюда для нее вытекает необходимость принципиального углубления всех вопросов»¹⁹⁶.

И среди этих вопросов, отмечал Троцкий уже во втором письме, надо прежде всего уяснить один: «Демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как особой эпохи революции в Китае не выйдет ни в каком случае, ибо там для этого неизмеримо меньше предпосылок, чем у нас было, а известно уже из опыта, а не из теории, что у нас демократическая диктатура пролетариата и крестьянства как таковая не реализовалась»¹⁹⁷.

Далее он подчеркивал, что «полную безжизненность и реакционность лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, противопоставляемого лозунгу диктатуры пролетариата, ведущего за собою крестьянскую бедноту», показало уже Гуанчжоуское восстание (11 — 13 декабря 1927 г.), возглавлявшееся КПК. Это восстание было организовано по решению ИККИ, который рассматривал его наряду с мятежами в гоминьдановской армии и так называемыми «восстаниями осеннего урожая» в китайских деревнях как начало нового революционного подъема в Китае, на этот раз направленного против «контрреволюционного» режима ГМД. Все эти вооруженные выступления потерпели поражение. Гуанчжоуское восстание, с точки зрения Троцкого, представляло собой авантюристическую попытку китайской компартии под лозунгом советов пойти «наперекор ходу революционного развития»¹⁹⁸. Авантюризм, делал он вывод, мог лишь окончательно погубить китайское коммунистическое движение прежде, чем оно «могло вновь ощутить революционный прилив». Советы, по мнению Троцкого, должны были стать лозунгом «третьей китайской революции», направленной против буржуазии; лозунгом же, «вытекающим из разгрома» революции 1925 — 1927 гг., являлся созыв Национального собрания.

Эта концепция произвела сильное впечатление на Ван Жофэя. Как сам он впоследствии признавал, «в 1928 г., когда в Восточном секретариате обсуждали китайские вопросы, у меня было некоторое неправильное мнение о том, что буржуазия и кулачество представляют главную социальную основу Нанкинского правительства, что Нанкинское правительство может временно стабилизироваться, возможно

используя иностранные капиталы для развития капитализма в Китае»¹⁹⁹. За такие явно троцкистские выступления Ван Жофэю постановлением специальной комиссии ИКК Коминтерна и ЦКК ВКП(б) 22 мая 1930 г. был объявлен строгий партийный выговор²⁰⁰. Для него такого наказания оказалось вполне достаточно: более к идеям Троцкого он не возвращался.

С переведенной и оригинальной оппозиционной литературой китайские троцкисты знакомили не только студентов московских вузов и некоторых сотрудников делегации КПК в ИККИ. Часть литературы пересылалась в Китай, тем самым сторонникам Троцкого, которые по разным причинам покинули УТК и вернулись на родину. Им же достаточно регулярно направлялись различные денежные суммы, которые складывались из средств членов организации, в основном за счет добровольных пожертвований (кто сколько мог), а также членских взносов. Последние, правда, были невелики — то ли 30, то ли 50 копеек²⁰¹ — и зачастую дополнялись так называемыми «особыми сборами», составлявшими 70 копеек. Деньги отправлялись либо через секретаря университета, который, разумеется, ничего не знал о характере почтового перевода, либо через русских троцкистов. Иногда использовался другой метод: собранные средства распределялись между теми участниками организации, которые имели в Китае состоятельных родственников, с условием, что они напишут домой, а их родные внесут соответствующие деньги по адресам, указанным в письмах²⁰². Часть средств расходовалась на покупку официальных изданий, которые также посылались в Китай. Например, по сообщению члена организации Цзян Хуааня²⁰³, Ли Пин ежедневно отправлял в Китай «Правду»²⁰⁴. Деньги тратились и на приобретение канцелярских товаров и почтовые нужды. Оппозиционеры вели переписку не только с Китаем, но и с другими странами, где имелись троцкистские группы в частности с США и Германией²⁰⁵.

В конечном счете вся эта работа была направлена на обеспечение условий для дальнейшей оппозиционной деятельности на родине. Будущая борьба со сталинизмом в Китае не могла не тревожить воображение, и молодые китайские оппозиционеры делали все возможное, чтобы заранее под-

готовить для нее базу. Большое внимание они уделяли и определению своей тактической линии в данной борьбе. Наиболее существенную роль в этом плане сыграло новое собрание активистов организации, которое, по разным данным, состоялось либо в марте, либо в апреле 1929 г.²⁰⁶ Оно было проведено в общежитии Московской артиллерийской школы. Помимо членов «Генерального совета» на нем присутствовали Лю Жэньцзин, Ван Фаньси, Фань Вэньхуэй, Бянь Фулинь и ряд других представителей китайских троцкистских группировок, которые к тому времени существовали уже не только в КУТК, но и в МЛШ, в Артиллерийской, Инженерной и Пехотной военных школах²⁰⁷. Собравшиеся обсудили вопрос, что им предстоит делать после приезда в Китай: для многих он становился особенно актуальным, так как в связи с предстоявшим окончанием очередного семестра они должны были покинуть свои учебные заведения. Некоторые, в том числе Ван Фаньси, сами стремились как можно быстрее включиться в практическую работу на родине. Большинство голосов собрание приняло решение, обязывавшее отъезжавших не предпринимать в Китае шагов к созданию новой независимой политической партии и действовать в рамках тайной фракции КПК, продолжая революционную деятельность в составе уже сформированной к тому времени в Китае оппозиционной организации — имелась в виду группа оппозиционеров, объединенная вокруг журнала «Вомэньдэ хуа» («Наше слово»), основанная теми бывшими студентами УТК, которые участвовали в демонстрации на Красной площади 7 ноября 1927 г. Единственным человеком, выступившим против такой политики, был, судя по воспоминаниям Ван Фаньси, Лю Жэньцзин, заявивший, что не желает растрачивать энергию на работу в компартии и по возвращении в Китай сразу же займется оппозиционной работой вне КПК. При этом он, однако, заметил, что, будет он или нет сотрудничать с десятком «молокососов», вернувшихся до него, и, если да, то в каких формах, — покажет время²⁰⁸.

Такое поведение Лю Жэньцзина, скорее всего, не было неожиданностью для участников собрания. Он и прежде считался в китайской троцкистской организации чем-то вроде «диссидента»: большинство уже тогда рассматривало его как «правого ликвидатора». Поводом для подобной оценки явля-

лась его интерпретация выдвинутого Троцким в 1928 г. лозунга борьбы за созыв Национального собрания в Китае как призыва к установлению в этой стране парламентского строя. По-боевому настроенное большинство давало иную трактовку идее Троцкого: оно видело свою цель в том, чтобы использовать лозунг Национального собрания лишь как тактический маневр для завоевания масс в период наступления контрреволюции и подготовки в конечном счете нового революционного подъема²⁰⁹. На собрании были осуществлены перевыборы «Генерального совета». На этот раз в него вошли Фань Вэньхуэй, Бянь Фулинь и Тань Болин (студент КУТК, псевдоним — Мусин)²¹⁰.

Готовясь к работе в Китае, студенты-оппозиционеры в то же время не отказывались и от борьбы со сталинистами в своих учебных заведениях. С этой целью в КУТК летом 1929 г. они даже установили некий единый фронт со всеми недовольными бюро партийной ячейки. Конкретные проблемы единого фронта были обсуждены на третьем собрании активистов, которое состоялось в мае или июне 1929 г. Так же как и первое, оно проходило в лесу, где-то на окраине Москвы. В нем участвовали 11 человек, в том числе Фань Вэньхуэй, Бянь Фулинь, Тань Болин, Ань Фу, Ван Фаньси, Ли Пин, Чжао Цзи, Лю Инь и некоторые другие. Было вновь сменено руководство: ведущие позиции в «Генеральном совете» занял Чжао Яньцин — человек со сравнительно большим жизненным опытом, чем подавляющая часть остальных учащих-ся (он родился в 1897 г.), и пользовавшийся расположением в студенческом коллективе. В новый состав вошли также Ли Пин, возглавивший оргработу, и Вань Чжилин (он же Вань Чжулин, учился в УТК-КУТК с ноября 1927 г. под псевдонимом Всеволод Алексеевич Корш), в ведении которого стала находиться агитационно-пропагандистская деятельность организации²¹¹. Тогда же при «Генеральном совете» был образован новый орган — так называемый «Боевой комитет», главные функции которого непосредственно заключались в координации усилий троцкистов и остальных недовольных партийным бюро в борьбе против сталинистов. Он состоял из пяти человек: Лю Иня, Чжао Цзи, Ван Фаньси, Цзи Дацай и Цзэн Цзяньцюаня (студент КУТК, псевдоним Накатов). Важнейшими результатами их переговоров с представите-

лями других студенческих группировок явились подготовка и проведение в июне 1929 г. университетского партийного собрания, на котором в присутствии представителей делегации КПК при Исполкоме Коминтерна Цюй Цюбо и Чжан Готао, а также члена Президиума ЦКК и члена Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна Сольца и секретаря Хамовнического райкома ВКП(б) Финьковского оппозиционеры и их союзники выдвинули резкие обвинения в адрес партийного руководства КУТК²¹². Бурное многодневное партсобрание закончилось, однако, безрезультатно: позиции сталинистов подорвать не удалось. Вскоре после этого, в середине августа, Ван Фаньси, Лю Инь и Чжао Цзи покинули университет и выехали в Китай. С их отъездом «Боевой комитет» прекратил свое существование²¹³.

Незадолго до того, по-видимому в конце июля, состав «Генерального совета» был расширен до пяти человек: в него кооптировали Ху Пэнцзюя (учился в КУТК под псевдонимом Гаевой) и Ли Гуанцзи (он же Чжун Юнцан, также студент КУТК, псевдоним — Плотников)²¹⁴. Реорганизаций на этом, однако, не прекратились. Наоборот, после отъезда Ван Фаньси, Лю Иня, Чжао Цзи и еще тринадцати активных участников троцкистской фракции (все они покинули университет практически в одно время)²¹⁵ китайскую левую оппозицию начало лихорадить: часть активистов потребовала новых изменений в руководстве. В результате в сентябре или начале октября 1929 г. было проведено заседание узкого состава руководителей (по разным данным, присутствовало от пяти до восьми человек), на котором вместо «пятерки» членов «Генерального совета» вновь была избрана «тройка». В нее вошли Фу Сюэли (студент КУТК, псевдоним — Двойкин), взявший на себя обязанности секретаря, Ли Гуанцзи и Вань Чжилин²¹⁶. Этот «совет» проработал всего две или три недели и в октябре (по другим данным, в начале ноября) был распущен: к тому времени в университет после отдыха в Крыму вернулась большая группа членов организации, которая отказалась признать его полномочия на том основании, что он был избран лишь незначительной частью руководящего актива. В результате было решено новый «Генеральный совет» образовать из вновь избранных секретарей курсовых бюро. По итогам состоявшихся перевыборов таковыми оказались

Ли Гуанцзи (он был избран секретарем бюро I курса), Цзя Цзунчжоу (во время учебы в КУТВ с сентября 1927 г. по июнь 1928 г. носил псевдоним Кузнецов, в КУТК был известен под псевдонимом Степан Лукич Луговой. Он был избран секретарем бюро II курса) и Бянь Фулинь (секретарь бюро III курса)²¹⁷. Однако уже в конце декабря на курсах была начата подготовка к новым выборам, которые успели пройти, правда, лишь на II курсе: Цзя Цзунчжоу был отстранен, а его место занял Цю Чжичэн (псевдоним — Восьмеркин)²¹⁸.

Кадровые перестановки, следовавшие друг за другом, отражали процесс политического размежевания в среде китайских оппозиционеров, первые признаки которого проявились вскоре после их неудачного выступления на многодневном партийном собрании. В основе конфликта лежали проблемы, связанные с определением дальнейшей тактической линии организации в борьбе против бюро партийной ячейки КУТК. Наиболее резкие столкновения между сторонниками различных взглядов начались осенью 1929 г., сразу после заседания узкого состава руководства, на котором по предложению Цзя Цзунчжоу и Ли Гуанцзи был выработан новый тактический курс, подразумевавший ослабление борьбы со сталинистами, контролировавшими партийное бюро, и, соответственно, разрыв единого фронта со всеми, кто помимо троцкистов высказывал недовольство бюрократизацией партийной жизни. Не присутствовавшие на этом заседании Ань Фу, Ли Пин, Бянь Фулинь, Фань Вэньхуэй и Ван Цзинтао (псевдоним — Донцов) решительно воспротивились такому, с их точки зрения, «оппортунизму», настаивая на продолжении активного противодействия сталинской бюрократии в союзе с другими антибюрократическими силами. По словам Цзя Цзунчжоу, к ноябрю 1929 г. дело фактически дошло до раскола организации. Ань Фу и его сторонники даже подготовили и размножили специальную брошюру, названную ими «Две тактики» и направленную, соответственно, против группировки «троцкистов-оппортунистов». Последние, в свою очередь, обвиняли группу Ань Фу в левачестве²¹⁹.

Внутренняя борьба крайне негативно сказывалась на жизнедеятельности подпольной организации, ряды которой к началу 1930 г. существенно увеличились: по различным данным, в ней тогда состояло от 60 до 80 человек²²⁰. Несколь-

кими десятками исчислялось и количество сочувствовавших и колебавшихся²²¹. В целом под тем или иным влиянием троцкистских идей находилось более 20% общего числа китайцев, проходивших в то время обучение в Москве. В условиях непрерывных распрей опасность провала такой большой группы людей значительно возрастала.

Предотвращению такого исхода в известной степени было призвано служить совершенствование внутренней структуры троцкистской фракции, основные идеи которого сформулировал Цзя Цзунчжоу на том же заседании части руководящего актива. До того китайская левая оппозиция в целом оставалась достаточно аморфной: реально действовавшим органом (если не считать кратковременно существовавший «Боевой комитет») являлся лишь «Генеральный совет», направлявший всю работу рядовых членов. Никаких первичных организаций в подлинном смысле слова не существовало²²². По предложению Цзя Цзунчжоу осенью 1929 г. была осуществлена перестройка: организационной основой фракции стали, если их можно так назвать, низовые тройки. Их руководители составили, по выражению Цзя Цзунчжоу, «парттройки» учебных кружков, которые вошли в непосредственное подчинение соответствующим курсовым бюро, а те, в свою очередь, — уже «Генеральному совету»²²³. На таких принципах стала отныне строиться работа китайских оппозиционеров в КУТК. Троцкистские же группы китайцев в других учебных заведениях действовали практически автономно, поддерживая с кутковцами лишь формальные связи. Наиболее крупной из этих фракций — 10—15 человек — была группировка оппозиционеров в Московской пехотной военной школе. Руководителем этой группы был Лу Ешэнь (псевдоним — Никонов)²²⁴. По несколько сторонников Троцкого насчитывалось в Инженерной и Артиллерийской школах, а также в МЛШ, где после отъезда Лю Жэньцина (он выехал из Москвы в конце апреля 1929 г.) наибольшую роль играли Ма Юаньшэн (псевдонимы — Петухов и Петров, был известен в кругу соучеников под кличкой Ма сюцай — «ученый Ма») и Чжу Дайцзе (он же Грибоедов и Кон)²²⁵. Со стороны «Генерального совета» контакты с ними с осени 1929 г. осуществлялись через специальный рабочий орган — так называемый «Секретариат», в состав которого входили Цзя Цзунчжоу, Ху Чунгу и Ли Пин²²⁶.

Но экстренные меры, направленные на усиление конспирации, могли лишь оттянуть трагический финал. Уже к тому времени, когда они были приняты, ОГПУ и Исполком Коминтерна располагали солидным материалом о персональном составе троцкистской организации в КУТК и выжидали, очевидно, лишь удобный момент для нанесения сокрушительного удара. В архивных фондах делегации КПК в ИККИ, Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна и Коммунистического университета трудящихся-китайцев мне удалось обнаружить большое число документов (доносы, перлюстрированные письма, заявления руководителей университета в ИККИ и ОГПУ, информационные справки делегации КПК в Исполкоме Коминтерна), которые неопровержимо свидетельствуют: разгром китайской левой оппозиции на территории СССР был неизбежен. Конечно, он мог и не стать столь опустошительным, каким явился в конце концов: не на всех ее членов в соответствующих инстанциях имелись компрометирующие бумаги. Но все же в досье секретной полиции и Коминтерна сведений хватало. Вот лишь некоторые из них.

Еще 26 июня 1929 г. неким студентом, принадлежавшим к одной из тех групп недовольных партийным бюро, с которой оппозиционеры имели особенно тесные связи, было написано письмо на имя ректора КУТК В. И. Вегера, сменившего к тому времени на этом посту Мифа. В нем, в частности, говорилось: «В нашем университете имеются троцкистские элементы и товарищи, находящиеся под влиянием троцкизма. Все они тесно связаны с организацией троцкистов в Китае... являются рупором контрреволюции»²²⁷. Далее следовал список из тридцати трех фамилий. Не все из названных действительно являлись троцкистами: автор письма, по видимому, сводил счеты со своими недругами. Но все же большая часть была указана верно. Среди тех, кто был упомянут, значились Ван Фаньси, Ван Вэньхуэй, Ван Синьгэн, Ван Цзинтао, Лю Инь, Чжао Цзи, Фань Вэньхуэй, Цзи Вайфан, Тань Болин, Гао Хэн, Лу Мэнъи, Ли Цайлянь, Ци Шугун, Се Ин²²⁸. По не вполне понятным причинам (затерялось в ректорате? не было вовремя отправлено?) ход письму был дан лишь после отъезда в Китай в середине августа части поименованных в нем студентов. Только тогда его копии

были направлены в ОГПУ и в начавшую работать 20 октября 1929 г. комиссию по чистке членов партии в КУТК. Председателем комиссии был начальник IV (разведывательного) управления Генерального штаба РККА Я. К. Берзин.

1 октября 1929 г. собственную или почерпнутую из других источников информацию о деятельности троцкистов в Коммунистическом университете трудящихся-китайцев обобщила на своем заседании китайская комиссия при Восточном секретариате ИККИ. В принятом постановлении подчеркивалось: «1. Считать необходимым срочно откомандировать из Университета Некрасова [Ци Шугуна] (враждебный элемент, троцкист), Оберга [Ван Синьхэна] (троцкист, связь с третьей партией²²⁹), Истомина [Хуан Цзюй] (троцкист, связь с третьей партией) — все трое бывшие переводчики КУТК. 2. Констатировать наличие связи с троцкистами (получение писем из Китая) у следующих лиц: Драгунова [Цай Цзэминя], Клементьевой [Лю Цяньюй], Фореля [Фань Вэньхуэя], Лоза [Шао Шигуя], Зонина [Сюн Чжанчуня], Девяткина [Цзи Дацяя], Донцова [Ван Цзинтао] и Книжника [Ван Цяньцю]. 3. Отметить влияние троцкистов на следующую группу: Оглоблина [Чжан Чундэ], Лукашевича [Фан Шаоюаня], Слонову [Чжу Цзыму], Муклевича [Цинь Луна, он же Цинь Бяо], Фазанова [Лю Хэшэна], Гутмана [Ляо Пэнмина], Кобзаря [Юй Цзитана], Клубова [Пань Шужэня], Клязьмина [Гуань Эркяня] и Мусина [Тань Болина]. (Первые четыре определенно находятся под влиянием троцкистов, вторые четверо — менее определенно и двое последних — точных сведений нет). Всю эту группу лиц необходимо еще раз проверить (поручить т. Токину [секретарь университетского партийного бюро]) и, если подтвердится правильность сведений ... считать необходимым немедленное откомандирование из Университета на тех же основаниях, как и группу, переименованную в параграфе 1»²³⁰.

Информация китайской комиссии была точной: отмеченные люди на самом деле либо входили в троцкистскую организацию, либо каким-то образом ей сочувствовали. Знали ли об этом руководители КУТК и персонально Токин, сказать трудно. Ясно только, что данные китайской комиссии никто по-настоящему проверять не стал, и уже через три дня Вегер и Токин доложили в Восточный секретариат ИККИ и в делегацию КПК при Исполкоме Коминтерна следующее: «На

совещании китайской комиссии в Востсекретариате ИККИ от 1 октября 1929 г. выяснились [уже!] принадлежность к троцкистам, либо связь с троцкистами или же с третьей партией, либо же нахождение под влиянием троцкистов студентов, окончивших КУТК [далее следовал список лиц, указанных в постановлении китайской комиссии]. Сообщаем, что на основании имеющихся в Ун[иверситете] сведений наша оценка целиком совпадает с политической оценкой, данной китайской комиссией. Поэтому мы считаем необходимым немедленно их отчислить из состава студентов, отправив во Владивосток, с тем чтобы в дальнейшем переправить в Китай без партийной явки»²³¹.

И все же было, судя по всему, решено воздержаться пока от принятия каких бы то ни было мер в отношении выше-названных оппозиционеров и «колеблющихся»; все они были оставлены в Москве, и их свобода не ограничивалась. Соответствующие органы продолжали выжидать и после того, как в конце октября секретарь КУТК Ещенко направил в ОГПУ докладную, в которой сообщил, что к нему приходил Сюй Юньцзо, исключенный, как уже говорилось, в 1928 г. из комсомола и университета за принадлежность к оппозиции и задержанный в границах СССР, и в ходе беседы по неосторожности показал полученную от Ци Шугуна записку, свидетельствующую об активной оппозиционной деятельности последнего²³².

Особенно обширные сведения были собраны ОГПУ и ИККИ в ходе так называемой чистки партийной организации КУТК. Эта чистка проходила с осени 1929 по весну 1930 г. в рамках первой в истории Коминтерна тотальной проверки иностранных коммунистов, находившихся на территории СССР. Еще в самом ее начале, в октябре, некто, названный в ряде материалов Кирсановым (речь явно идет о члене соответствующей комиссии Берзина, ректоре МЛШ К. И. Кирсановой) получил донос от одного из студентов КУТК. Этот студент, кстати говоря считавшийся троцкистами наиболее серьезным союзником по единому антибюрократическому фронту, представил данные на восемьдесят одного человека²³³, разделив свой список на три части: в первой (двенадцать имен) перечислил людей, о принадлежности которых к троцкистам располагал, с его точки зрения, весомыми до-

кументальными материалами; во второй (тринадцать) — поместил перечень лиц, чье участие в троцкистской организации могло быть доказано конкретными свидетелями (документов об их подпольной работе у него не хватало), и в третьей, самой большой (56 имен), — привел информацию о тех студентах, которых всего лишь подозревал в троцкизме, не имея, однако, явных улик. Среди названных им были и руководители китайской оппозиции Ань Фу, Бянь Фулинь, Фань Вэньхуэй, Цзи Дацай, Ху Пэнцзюй, Фу Сюэли, Ван Цзинтао, Цзи Вайфан, Тань Болин, Вань Чжилин, Чжао Яньцин, а также Ци Шугун, Ван Вэньхуэй, Хуан Цзюй и многие другие.

Этот донос был передан в делегацию КПК в Исполкоме Коминтерна, где на его основе 10 января 1930 г. членом делегации Дэн Чжунся была составлена подробная инструкция, определившая линию поведения комиссий по партийной чистке КУТК. В ней говорилось: «Прежде всего нужно обратить внимание на наличие в КУТК троцкистской группы... Нужно попросить ГПУ снабжать комиссии²³⁴ по чистке вуз[овской] ячейки в КУТК материалом для справок. Этих троцкистов необходимо после проверки исключить из партии, информировав об этом общее собрание, чтобы массы имели ясное представление. Элементы, которые по ряду данных несомненно принадлежат к троцкистской группе, и тех, которые на самом деле являются вождями троцкистской группы, хотя у них пока не найдены документальные данные, надо арестовать и выслать в соответствующие места советской территории под надзором. В отношении же остальных, подозреваемых в троцкизме, не играющих большой роли, также нужно поставить вопрос об исключении и в соответствующий момент отправить в Китай, заранее сообщая ЦК их фамилии и краткую биографию с тем, чтобы они не могли попытаться тайным образом вновь проникнуть в ряды нашей партии»²³⁵.

Приговор, как видно, был уже вынесен, хотя не только суд, но и настоящее следствие пока не проводились. Обвинение было дифференцировано в соответствии с классификацией, имевшей место в доносе. Дэн Чжунся внес лишь одно уточнение: равной меры наказания, с его точки зрения, заслуживали и несомненно являвшиеся троцкистами, и те, кто были таковыми «по ряду данных», но о ком документальных

свидетельств не имелось. Дефицит документов должно было восполнить ОГПУ, тем более что у курировавших КУТК сотрудников секретной полиции тоже уже сложилось достаточно четкое представление о подпольной деятельности троцкистов в Коммунистическом университете трудящихся-китайцев: в составленном ими к тому времени списке китайских оппозиционеров и лиц, «примыкавших к ним», значилось 77 человек²³⁶.

Китайская левая оппозиция на территории СССР дожидая последние дни. Чистка партийной организации в КУТК принимала все более целенаправленный характер: комиссии из всех сил старались вывести законспирировавшихся троцкистов «на чистую воду». То, что кольцо вокруг них сжималось, начали понимать и некоторые оппозиционеры. В организации усилилась нервная обстановка. Судя по признанию Цзя Цзунчжоу, отдельные деятели стали подумывать о ее роспуске, а кое-кто — даже о выступлении с покаянием²³⁷. Первым, у кого не выдержали нервы, был Чжао Яньцин (Донбасов). Он «заболел, по-видимому, манией преследования, — вспоминал Цзя Цзунчжоу. — Стал каким-то ненормальным: если кто шепчется, то ему кажется, что они говорят: "Вон Донбасов-троцкист"; если кто на него смотрел, он опасался, что его выслеживают и хотят убить. Донбасов тяготился пребыванием в рядах троцкистов, хотел уйти, но, по-видимому, колебался это сделать ... Несколько раз плакал, говоря: "Нет никакого выхода" ... Ходил несколько раз к врачу»²³⁸. Наконец, 21 января 1930 г. он подал на имя нового секретаря партийного бюро ячейки КУТК Игнатова заявление²³⁹. По сообщению Ван Фаньси (а ему об этом со слов бежавших в Китай из Сибири Сюй Юньцзо и Яо Бинхуэя рассказал то ли Сун Фэнчунь, то ли Сяо Чанбинь), Чжао Яньцин сделал это в значительной степени под давлением своего близкого друга, являвшегося тайным агентом сталинистов в троцкистской организации, Логова²⁴⁰ (под таким псевдонимом в списках студентов КУТК значится некто Фан Тинчжэнь²⁴¹). Встречу же ему с Игнатовым на квартире последнего устроил Шэн Юэ: именно к нему вначале пришел Чжао Яньцин и именно ему первому все поведал (Шэн Юэ в то время являлся членом партийного бюро)²⁴².

С заявлением Чжао Яньцина Игнатов ознакомил ректора КУТК Вегера, который переслал копии этого документа в ЦК ВКП(б) — Сталину, Кагановичу и Стецкому, в ЦКК — Ярославскому и в МК — Бауману и Когану²⁴³. Вскоре Чжао Яньцин был допрошен в делегации КПК в Исполкоме Коминтерна и в ОГПУ. С его слов и по записям в одной из его тетрадей было подтверждено, а в ряде случаев впервые установлено членство в подпольной троцкистской организации около шестидесяти человек²⁴⁴, шестеро из которых (Ван Фаньси, Лю Инь, Цзян Дэфан, Чжао Цзи, Юань Фань и Сяо Чжэньхань²⁴⁵) к тому времени уже находились в Китае²⁴⁶, Чжао Яньцин указал также на наличие троцкистов в Международной ленинской школе (он выдал Ма Юаньшэна) и в Московской пехотной военной школе (назвал Лу Ешэня и некоего Ли Сяошэна), раскрыл все составы «Генерального совета» и курсовых бюро оппозиции в КУТК, сообщил о блоке троцкистов с другими недовольными²⁴⁷. Совершив предательство, этот совершенно деморализованный человек 28 января покончил с собой²⁴⁸.

Смерть Чжао Яньцина глубоко потрясла участников троцкистской организации, тем более что вскоре стало известно о его измене: на общем собрании по данному поводу было сделано специальное сообщение партбюро; студентам было продемонстрировано заявление Чжао Яньцина²⁴⁹. Цель сталинистов, готовивших это собрание, была очевидна — запугать затаившихся оппозиционеров, вынудив их к признаниям. И это им удалось. Неожиданно во время партийной чистки «сломался» Ли Пин (Лекторов)²⁵⁰. Он дал показания о 88 троцкистах, а также «сочувствующих троцкизму» и «находящихся под троцкистским влиянием», не забыв упомянуть даже несколько человек, в настроениях которых всего лишь сомневался²⁵¹.

После этого ОГПУ уже не медлило. 8, 10 и, по некоторым данным, 13 февраля в КУТК были произведены аресты. За решеткой оказались 25 человек, в том числе Ань Фу, Бянь Фулинь, Вань Чжилин, Тань Болин, Цю Чжичэн, Ху Чунгу, Ли Гуанцзи, Ху Пэнцзюй, Фань Вэньхуэй, Цзи Дацай, Цзя Цзунчжоу и Ван Вэньхуэй, то есть практически все руководство подпольной организации. В последующие три месяца в подвалы Лубянки были препровождены еще одиннадцать

активных участников китайской левой оппозиции и среди них — Ван Цзинтао, Хуан Цзюй, Пань Шужэнь и Ма Юаньшэн²⁵²

Следователи старались вовсю. Изнуряющие ночные допросы шли один за другим²⁵³, и уже к 8 марта 1930 г. был собран материал на 171 «троцкиста-китайца, находящегося в СССР»²⁵⁴. Арестованные дали показания не только о деятельности своей группы, но и о троцкистах в Китае, назвав около семидесяти имен и раскрыв большое количество адресов и явок²⁵⁵.

Сразу же после первых арестов началась волна добровольных признаний тех оппозиционеров, которые оставались на свободе. Каявшимися двигал не только страх, некоторые явно рассчитывали на то, что таким путем им удастся сохранить свое членство в партии, уехать на родину и там продолжить борьбу под лозунгами оппозиции. Их маневр, однако, был вскоре раскрыт²⁵⁶, и в отношении этих людей были приняты дополнительные партийные и административные меры.

Китайская левая оппозиция на территории СССР перестала существовать, разделив, таким образом, судьбу российской группы большевиков-ленинцев. 20 июля 1930 г. специальная комиссия ИКК в составе А. А. Сольца (председатель), З. И. Ангаретиса, М. А. Трилссера, Я. К. Берзина и А. Х. Артузова²⁵⁷ в присутствии директора МЛШ Кирсановой рассмотрела дела 36 арестованных китайских троцкистов и постановила «изолировать» (то есть, иначе говоря, поместить в концлагерь или отправить в ссылку) 24 из них (впоследствии в эту группу были включены еще трое); трех человек, в том числе Цзя Цзунчжоу и Ли Гуанцзи, было решено послать на производство (по-видимому, на какие-то предприятия Москвы); остальных же — выслать из СССР²⁵⁸.

Комиссия приняла также решение исключить из партии тех из рассмотренной группы, кого по каким-то неизвестным причинам не исключили во время чистки (таких оставалось девять человек)²⁵⁹. Через шесть дней те же люди — Ангаретис, Артузов, Берзин, Кирсанова, Сольц и Трилссер, только на этот раз объединенные в комиссию по пересмотру дел арестованных, подтвердили свое прежнее заключение²⁶⁰. 13 сентября коллегия ОГПУ вынесла приговор. Цю Чжичэн (Восьмер-

кин), Ли Цыбай (Константин Михайлович Чарыгин), Чжао Ифань (Алексей Николаевич Монеткин), Фан Шаоюань (Лукашевич), Фань Вэньхуэй (Алексей Макарович Форель), Лю Ханьпин (Аркадий Ильич Алехин), Ху Пэнцзюй (Гаевой) и Лю Хэшэн (Лев Григорьевич Фазанов) получили по пять лет лагерей; Цзян Хуаань (Андрей Васильевич Наметкин), Чжан Чундэ (Павел Константинович Оглоблин), Жун Ли (Вера Игнатьевна Фокина), Ли Шилэ (Коноплев) — по три года²⁶¹; различные сроки заключения получили Ань Фу, Тань Болин, Ма Юаньшэн, Ван Цзинтао, Ли Ифань (Сапронов), Тан Ючжан (Сойкин) и Цзян Иму (Овсянников). Несколько человек выслали в Иваново (среди них находились Вань Чжилин, Ху Чунгу и, по-видимому, Хуан Цзюй), одного (Цзи Дацяя) отконвоировали в Нижний Новгород²⁶².

Что же касается тех китайских троцкистов, кто арестован не был, то их абсолютное большинство в качестве наказания послали на различные промышленные предприятия Москвы простыми рабочи, ми с тем чтобы в течение определенного времени они проходили там «пролетарскую школу»²⁶³ (в Китай, разумеется без явок, были отправлены лишь единицы). Подавляющая часть этих людей была исключена из партии; выговорами и строгими выговорами с предупреждениями отделались немногие — например, Ли Пин, заслуживший снисхождение тем, что «искренне признался в своих ошибках и помог разоблачению всей троцкистской организации не только в КУТК, но и в военных школах и даже в Китае»²⁶⁴.

На производство были отправлены и такие бывшие троцкистские руководители, как Лу Ешэнъ и Фу Сюэли. Однако в отличие от многих своих прежних товарищей, стремившихся «честным трудом искупить вину», они совместно с несколькими единомышленниками в конце 1930 — начале 1931 г. предприняли ряд шагов, направленных на возрождение деятельности левой оппозиции. Их базой явилось общежитие производственников²⁶⁵. Но развернуть работу им так и не удалось: в мае 1931 г. они вместе с семнадцатью китайскими оппозиционерами были арестованы и препровождены в Бутырский изолятор ОГПУ.²⁶⁶ Вскоре они были осуждены.²⁶⁷

Завершилась последняя страница истории китайского троцкистского движения в СССР. Сойдя с политической

сцены, оно, однако, не кануло в Лету. Именно это движение дало мощный толчок формированию и развитию левой оппозиции в самом Китае. И хотя оно не привело к появлению оригинальных теоретиков китайского троцкизма и возникновению мощной организации, однако его влияние на интернационалистское крыло коммунистического движения в Китае было огромным. Китайская левая оппозиция на территории СССР явилась связующим звеном между российским и китайским троцкизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространение большевизма в Китае, последовавшее за Октябрьским переворотом в России, с одной стороны, и поражение КПК в Национальной революции 1925—1927 гг. — с другой, ознаменовали первый этап в развитии коммунистического идейно-политического течения на китайской почве. Политические процессы, проходившие в КПК в то время, отражали ситуацию, складывавшуюся в большевистской партии и Коминтерне. Китайские коммунисты послушно следовали в идейном развитии за своими российскими кумирами, непосредственно заимствуя их теоретический опыт. Только в самом начале движения, в 1920—1922 гг., они осмеливались не подчиняться директивам ИККИ, определявшим их тактический курс. Вот почему история большевизма в Китае в 1919—1927 гг. может быть разделена на три периода — в соответствии с эволюцией взглядов российского коммунистического руководства на китайскую революцию.

Первый период охватывал время с конца 1910-х гг. вплоть до конца 1922 г. В то время троцкизм, определявший с весны 1917 г. основное содержание большевизма, являл-

ся господствующим направлением в мировоззрении китайских сторонников коммунизма. Важнейшим фактором, способствовавшим изначальной популярности в Китае теории Троцкого о перманентной революции, был глобальный кризис капиталистической системы, вызванный первой мировой войной и большевистским триумфом в России. Международная обстановка создавала у многих сторонников коммунизма представление о возможности относительно быстрого «прорыва» в социализм, подогревало их веру в близкую всемирную революцию.

Выход мировой экономики из кризиса развеял эти иллюзии, что привело к ослаблению политического влияния троцкизма. Это произошло в течение второго периода (с конца 1922 г. по начало 1925 г.), когда троцкизм в сознании коммунистов Китая был оттеснен на задний план возросшим авторитетом ортодоксального ленинизма, призывавшего к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. При этом ленинская теория, трансформированная в концепцию единого антиимпериалистического фронта, была приспособлена к особым условиям Китая как полукOLONиальной, отсталой страны.

Третий период, начавшийся в 1925 г. с установлением контроля над большевистской политикой в Китае со стороны Сталина, привел к замене ленинизма сталинской концепцией китайской революции. Лидеры китайской компартии последовали за Сталиным в силу того, что КПК полностью зависела от советской финансовой помощи. Руководство Сталина политикой Коминтерна привело, однако, к катастрофическому поражению КПК.

Названные три большевистские концепции китайской революции резко различались между собой, а их развитие сопровождалось ожесточенной идеологической борьбой в ВКП(б). Разногласия вместе с тем носили тактический, а не стратегический характер. Все три большевистских лидера из всех сил стремились к победе китайских коммунистов, которая обеспечила бы превращение Китая в социалистическое или «некапиталистическое» государство. Вот почему особое значение имели столкновения по проблемам тактики.

В самом начале первого периода распространения большевизма в Китае, в 1919—1920 гг., все деятели Коминтерна,

включая Ленина, придерживались по существу троцкистских взглядов на характер революционного процесса в этой стране. Окончательная победа мировой пролетарской революции казалась им настолько близкой, что любые преграды на пути ее достижения, такие как, малочисленность рабочего класса, экономическая отсталость, полуколониальное положение страны, отсутствие в ней гражданского общества, представлялись несущественными. Мировая революция рассматривалась как естественное продолжение гражданской войны в России. Нереалистичность такой политики вскоре стала очевидной самому Ленину. Ведь даже наиболее активные китайские рабочие на самом деле оказывались настроены более националистически, чем социалистически. Это заставило большевистского лидера довольно быстро внести изменения в тактику Коминтерна. Однако ни китайские коммунисты, ни многие другие члены Коммунистического Интернационала, включая Троцкого, не смогли сразу оценить преимущества ленинского поворота.

Ленинская новая тактическая линия не являлась ни «утопичной», ни «авантюристичной». Она была, разумеется, левой, однако Ленин и не скрывал этого; он открыто декларировал свою программу на нескольких коминтерновских форумах, и в начале 1920-х гг. она начала приносить плоды. Возможно, он в глубине души и надеялся на непосредственный социалистический переворот в странах Азии и Африки. Может быть, даже мечтал о вторжении Красной армии в Китай. Не секрет, что несмотря на острую полемику с Роем на II конгрессе Коминтерна, он с энтузиазмом поддерживал советскую интервенцию в Центральную Азию и Закавказские республики в 1920 — 1921 гг. и в Монголию в 1921 г. Он всерьез рассматривал возможность захвата Константинополя в 1921 г. и не выступал против советской агрессии в Персии¹. Тем не менее нет никаких свидетельств подобного экстремизма Ленина в отношении Китая. Ленин действительно признавал национальный характер китайской революции и требовал от КПК поддержки национальной буржуазии в этой стране. Конечно, он оставался интернационалистом и коммунистом и как таковой призывал Коминтерн защищать интересы КПК в национально-революционном движении. «Умеренным» он никогда не был. Союз с буржуазией ограничивался им рядом условий, которые

позволяли КПК сохранять политическую и организационную независимость в блоке с ГМД; сам же блок должен был существовать лишь до тех пор, пока компартия не превратилась бы в массовую политическую организацию — наиболее авторитетного лидера национальной революции. В целом его китайская политика представляла собой искусный маневр, преследовавший цель помочь неопытным китайским коммунистам временно и в собственных интересах использовать их потенциальных противников. Ведь в отличие от Центральной Азии, Кавказа, Персии или Монголии Китай никогда не находился под политическим контролем или культурным влиянием России. Фронтальное наступление здесь вряд ли могло быть успешным. Оно не привело к желаемым результатам даже в Персии. Решающими факторами в Китае, по логике Ленина, были отношение масс к коммунистической партии, а также способность коммунистов развернуть всенародное революционное движение, умело эксплуатируя националистические настроения.

Сталин отошел от этой позиции, хотя, возможно, и был искренне убежден в том, что всего лишь развивает линию Ленина. На самом деле он ревизовал ее, доведя до абсурда. Сталинская концепция была тоже левой, даже ультралевой. Многие из его идей относительно социально-экономического развития азиатских стран были гораздо ближе роевским взглядам, чем ленинским. Однако их революционный импульс был подорван сталинской приверженностью концепции «многоклассовой партии», которую Сталин взял на вооружение в начале 1925 г. Именно эта теория на практике приводила к тому, что внутрипартийное сотрудничество с буржуазной политической организацией приобретало для КПК и самого Сталина самодовлеющий характер. По логике, в соответствии с этой концепцией коммунисты должны были внутри Гоминьдана следовать одной из двух тактических линий: либо наступательной (с различной силой), либо оборонительной — в зависимости от обстоятельств. В первом случае, то есть при наиболее благоприятном для них стечении обстоятельств, им следовало использовать пребывание в Гоминьдане для превращения самой этой организации в как можно более «левую», а именно — в «рабоче-кре-

стьянскую партию». Они должны были сделать это путем вытеснения с руководящих постов, а затем и исключения из ГМД «представителей буржуазии»; после этого им надо было подчинить своему влиянию «мелкобуржуазных» союзников, с тем чтобы в конце концов установить «гегемонию пролетариата» в Китае не напрямую через компартию, а через Гоминьдан. Во втором случае, то есть тогда, когда гоминьдановцы оказывались сильнее коммунистов, КПК вменялось в обязанность идти им на уступки, по существу — на ограничение самостоятельности и политической независимости, ради своего сохранения в Гоминьдане — «народной» партии.

Эта концепция по самой сути своей была чисто бюрократической, основанной почти полностью на кабинетных расчетах в отношении баланса сил в Гоминьдане. Будучи чрезвычайно искусен во всем, что касалось аппаратных интриг, Сталин должен был быть абсолютно уверен в неизбежном успехе такой политики: как раз в то время он сам занимался тем, что вытеснял своих главных антагонистов из руководства большевистской партии. Между тем эта политика не могла быть эффективной в Китае, объятom пламенем национальной революции. В отличие от деградировавшей ВКП(б) Гоминьдан 1925 — 1927 гг. был революционной партией, антикоммунистическая военная фракция которого пользовалась популярностью не только в офицерском корпусе, но и среди значительных слоев китайского общества. Просто так вытеснить членов этой группы из их собственной политической организации было невозможно.

Китайские коммунисты объективно оказались заложниками сталинской линии. С одной стороны, обязанность сохранять внутрипартийное сотрудничество с гоминьдановцами неизбежно вела к тому, что вопрос о цене такого сотрудничества сам собой ослабевал. С другой стороны, находясь в Гоминьдане, КПК не могла успешно бороться за гегемонию: любой ее шаг в соответствующем направлении, любая попытка организовать наступление, пусть даже «осторожное», были чреваты конфликтом с действительно более сильным партнером, опиравшимся, помимо прочего, на собственные вооруженные силы. Столкновение же могло привести к расколу «многоклассовой» партии или попросту к исключению

коммунистов из Гоминьдана. В этой связи события «20 марта», а затем и «12 апреля» оставались грозным предупреждением КПК.

Очугившись в плену сталинской схемы, компартия, таким образом, фактически обрекла себя на постоянное отступление перед союзником вне зависимости от того, какие директивы она получала из Москвы. Выполнить указания о коммунизации Гоминьдана, не рискуя разорвать единый фронт, было нельзя. Выйти же из ГМД означало похоронить все надежды на превращение этой партии в «рабоче-крестьянскую». Сам Сталин, по существу, оказался в тупике. В том положении, в какое он себя загнал, он вынужден был довольствоваться антиимпериализмом гоминьдановцев вплоть до того момента, когда в конце июня 1927 г. его политика полностью обанкротилась.

Троцкий не сразу осознал подлинное значение сталинской ревизии коминтерновского курса и до апреля 1926 г. полностью поддерживал линию Коминтерна в Китае. Только изменение баланса сил в ГМД в пользу гоминьдановских «центристов» и «правых» после событий «20 марта» заставило его пересмотреть эту политику. Вначале он как будто действовал неохотно, но с осени 1926 г. стал проявлять настойчивость и энергичность и в конце концов оказался втянут в новую борьбу со сталинистами. Все, что он старался в то время сделать, это убедить руководство большевистской партии в необходимости возродить революционный импульс ленинской теории. Вплоть до конца Национальной революции 1925—1927 гг. он боролся со сталинистами под знаменем ортодоксального ленинизма, настаивая на том, что для КПК пришло время выйти из ГМД и действовать более самостоятельно, как соруководитель национальной народной революции, на основе межпартийного сотрудничества с Гоминьданом. Самодовлеющие бюрократические маневры он отвергал.

Мог бы Троцкий переломить ход событий в Китае, будь его точка зрения принята ИККИ? Ответить на этот вопрос невозможно. В своей полемике со сталинистами Троцкий большую часть времени был даже не в состоянии открыто излагать свои взгляды из-за разногласий с другими лидерами оппозиции, Зиновьевым и Радеком, чья политическая

позиция была довольно противоречива. Зиновьев и Радек, с одной стороны, постоянно подчеркивали значение массового революционного движения и акцентировали внимание на независимости КПК в ГМД. С другой — тяготели к тому же бюрократическому маневрированию внутри Гоминьдана. В то же время они безоговорочно отказывались поддерживать частые сталинские отступления перед националистами. Таким образом, их позиция была даже более иррациональной, чем сталинская. Зиновьев и Радек могли завести КПК в тупик и спровоцировать резню коммунистов намного раньше, чем Сталин. Не могло изменить ситуацию и принятие ими в июне 1927 г. точки зрения Троцкого. Сталинисты не желали всерьез обсуждать никакое предложение оппозиции. Да и в любом случае было уже слишком поздно.

Катастрофа, потрясшая КПК в следующем месяце, и неминуемо приближавшееся поражение оппозиции в большевистской партии и Коминтерне заставили Троцкого осенью 1927 г. вернуться к своим прежним идеям перманентной революции в Китае, обосновывавшимся им в период до 1922 г. Большинство китайской компартии, однако, слушать его не желало. Лишь небольшая группа коммунистов Китая последовала за ним. Большая же часть КПК продолжала подчиняться Сталину, который в сентябре 1927 г. был наконец вынужден дать распоряжение китайской компартии выйти из Гоминьдана.

Победа сталинистов в большевистской партии и Коминтерне создала крайне неравные условия для развития руководящей и оппозиционной фракций в КПК. ЦК китайской компартии не только опирался на разностороннюю помощь Страны Советов, но и использовал жесточайший полицейский аппарат Сталина — в борьбе против своих оппонентов в Советской России. Китайские сталинисты могли, кроме того, эффективно использовать в массовой пропаганде экономические достижения находившегося в капиталистическом окружении Советского Союза, с тем чтобы оправдать собственную политическую программу. Оппозиционеры же предлагали лишь абстрактные формулы будущей мировой революции или, с конца 1928 г., программу демократической перестройки существовавшего в Китае военно-административного режима. Последний же перестраиваться не хо-

тел и не мог, так как демократическая идея в обществе, продолжавшем испытывать мощное давление традиций абсолютизма, была просто нереализуема. Разумеется, оппозиционеры делали политический капитал на ошибках ИККИ и КПК, допущенных в период революции 1925 — 1927 гг., на практически полном подчинении китайской компартии российским сталинистам, усилении бюрократического режима и росте социального неравенства в СССР, репрессивной политике Сталина и т.п. Это помогало им привлекать на свою сторону некоторых интеллектуалов-диссидентов и интернационалистов из КПК, однако не являлось достаточно эффективным методом агитационно-пропагандистской работы в массах — в немалой степени потому, что такого рода критика во многом совпадала с гоминьдановской антикоммунистической пропагандой.

Трагедия первых китайских троцкистов в Советской России предзнаменовала неизбежный крах коммунистической оппозиции в самом Китае. Небольшая троцкистская партия Китая (483 человека²) была организована в 1929 — 1931 гг. с тем только, чтобы в 1932 г. быть разгромленной гоминьдановской полицией. Попытки ее реанимации успеха не имели. Чистый троцкизм был обречен в Китае на поражение.

Ленинская же концепция китайской революции оказалась жизнестойкой. Китайские коммунисты вернулись к ней в период второго единого фронта 1937 — 1945 гг. и новой гражданской войны против Чан Кайши 1946 — 1949 гг., положив ее в основу своего тактического курса. Разумеется, ситуация на этот раз была совершенно иной. КПК выступала как массовая партия, полностью независимая и способная обеспечить свою гегемонию над относительно широкой коалицией антиимпериалистических национальных сил. Именно поэтому коммунисты в конце концов победили. Континентальный Китай оказался в тисках коммунистической диктатуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ *H. R. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution. London, 1938. P. 52.*
- ² *I. Deutscher. The Prophet Unarmed: Trotsky: 1921 – 1929. Oxford, 1989. P. 319.*
- ³ Под знамя Ленина. — Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 – 1927. Из архива Льва Троцкого. Т. 3. Бенсон, 1988. С. 191.
- ⁴ Социалистический Вестник. 1927, № 8. С. 4.
- ⁵ *L. Fisher. China – Seen From Moscow. – The Nation. 1927. Vol. CXXV. No. 3256. P. 613.*
- ⁶ *C. Brandt. Stalin's Failure in China: 1924 – 1927. Cambridge, Mass., 1958. P. 79, 80.*
- ⁷ См.: *R. C. North. Moscow and Chinese Communists. Stanford, Calif., 1953. P. 99.*
- ⁸ *L. Trotsky. On the History of the Left Opposition. – Writings of Leon Trotsky (1938-9). New York, 1969. P. 61 – 62.*
- ⁹ См.: *В. И. Ленин. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического Интернационала). – Полн. собр. соч. Т. 41. С. 161 – 168; он же. II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля – 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. – Там же. С. 241 – 247; он же. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 437 – 438, 457, 458 – 461, 513; он же. Соч. 3-е изд. Т. XXV. 1920. М., 1937. С. 287; Вестник 2-го конгрес-*

- са Коммунистического Интернационала. № 1 (27 июля 1920 г.). С. 2; Вопросы истории КПСС. М., 1958. № 2. С. 16; Ленинский сборник. Т. XXXVIII. М., 1975. С. 321. См. также: А. Б. Резников. В. И. Ленин о национально-освободительном движении. — Коммунист. 1967. № 7. С. 91 — 102.
- ¹⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925 — 1936 гг. Сб. документов. М., 1995. С. 94.
- ¹¹ См.: Writings of Leon Trotsky (1938-9). P. 352; Л. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990. С. 275 — 276.
- ¹² См., например: Чэнь Цзайфань. Гунчань гоцзи юй чжунго гэмин (Коминтерн и китайская революция). Ухань, 1987; Хуан Сюжун. Гунчань гоцзи юй чжунго гэмин гуаньси ши (История отношений Коминтерна и китайской революции). В 2-х тт. Пекин, 1989; Сян Цин. Гунчань гоцзи юй чжунго гэмин гуаньси ши луньвэньцзи (Сборник статей по истории отношений Коминтерна и китайской революции). Шанхай, 1986; Сюй Юаньдун и др. Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа (Лекции по истории КПК). Пекин, 1982; Цзиньдай ши яньцзю. 1985. № 1. С. 68 — 100; № 2. С. 111 — 126. В последнее время отдельные китайские ученые (в первую очередь Ян Куйсун, издавший некоторые свои работы на Тайване) пытаются преодолеть сложившиеся стереотипы, однако их разногласия с господствующей точкой зрения касаются пока лишь частных вопросов. См.: Ян Куйсун. Чжунгун юй Мосыкэдэ гуаньси (1920 — 1960) (Отношения КПК и Москвы [1920 — 1960]). Тайбэй, 1997.
- ¹³ См.: В. И. Глушин. Коммунистическая партия Китая накануне и в период национальной революции 1925 — 1927 гг. В 2-х кн. М., 1975; Л. П. Делюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921 — 1928 гг.). М., 1972; М. А. Персиц. Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения. 1918 — 1921. М., 1983. С. 124 — 170; А. Б. Резников. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1984; М. Ф. Юрьев. Революция 1925 — 1927 гг. в Китае. М., 1968; Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969.

- ¹⁴ См.: В. И. Глунин. Коммунистическая партия Китая накануне и в период национальной революции 1925—1927 гг. Кн. 2. С. 105—108, 163, 299—300; Коминтерн и Восток. С. 292—296; В. И. Нукифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 155—156, 180, 209—210; Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 148—156.
- ¹⁵ Григорьев принадлежал к той же группе советских либеральных историков 1960—1970-х гг., однако до начала 1990-х гг. в основном разрабатывал вопросы истории КПК конца 1920-х—начала 1930-х гг. Глунин в настоящее время является сотрудником его Центра. Еще одним известным историком в Центре является К. В. Шевелев.
- ¹⁶ В российской историографии зачастую выражения «авантюрный», «нереалистичный» и «левацкий» употребляются как синонимы.
- ¹⁷ См.: А. М. Григорьев. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926—1927). — Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 123—134; № 3. С. 112—128; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. В 2-х тт. М., 1994, 1996.
- ¹⁸ L. Trotsky. On the History of the Left Opposition. P. 262.
- ¹⁹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. С. 16.
- ²⁰ Только в одном из них — Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится около 2 миллионов письменных документов, 12105 фотографий и 195 документальных фильмов, сгруппированных по 669 тематическим коллекциям. РГАСПИ является крупнейшим хранилищем документов по истории международного коммунистического движения и, разумеется, по истории Коммунистической партии Советского Союза.
- ²¹ См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925—1936 гг.; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае.

Часть I

- ¹ См., например: В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч. Т. 11. С. 1—131.

- ² Троцкий стал развивать идеи перманентной революции в начале 1905 г. вместе с другим активным участником российского революционного движения А. Л. Парвусом.
- ³ Л. Д. Троцкий. Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М., 1919. С. 34–35.
- ⁴ Там же. С. 39–40.
- ⁵ В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП. (Письмо к петербургским рабочим). — Полн. собр. соч. Т. 13. С. 17.
- ⁶ Ничего общего со стремлением к развитию капитализма не имел у большинства крестьян и лозунг передела помещичьих земель. Если бы беднота (а именно она составляла большую часть сельского населения России) так «хотела» капитализма, она должна была бы инстинктивно стремиться в первую очередь к разделу общинных полей, к которым, например, в европейской части России накануне первой русской революции относилось примерно 50% земель (подсчитано по: Л. Троцкий. История русской революции. Т. 1. Берлин, 1931. С. 66). Она же испытывала тяготение к захвату помещичьих десятин. Почему? Да потому, что ей просто нужно было решить проблему своего безземелья: земля нужна была беднякам для ведения обычного натурального хозяйства. Спустя несколько лет, уже в начале нэпа, Ленин и большевики сами столкнулись с проблемой безотчетного пренебрежения к торговле (а следовательно, к рынку), характерным для значительной части российского населения (см., например: В. И. Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма. — Полн. собр. соч. Т. 44. С. 227).
- ⁷ Л. Д. Троцкий. Итоги и перспективы. С. 40.
- ⁸ В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. — Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.
- ⁹ Подробнее см.: А. В. Панцов. Лев Давидович Троцкий. — Вопросы истории. 1990. № 5. С. 71–72; он же. «Демон революции» или пролетарский революционер? — Политические исследования. 1991. № 1. С. 191.
- ¹⁰ См.: В. И. Ленин. Письма из далека. — Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11–57; он же. О задачах пролетариата в данной революции. 4 и 5 (17 и 18) апреля

- 1917 г. — Там же. С. 113 — 118; Л. Троцкий. Соч. Т. III. 1917. Ч. I. От Февраля до Октября. М., 1924. С. 3 — 23. В этой связи вызывает крайнее удивление заявление Д. А. Волкогонова о том, что Троцкий два месяца спустя после Февральской революции «сам бы не мог ... точно сформулировать свои взгляды» (Д. А. Волкогонов. Троцкий. Политический портрет. Кн. I. М., 1992. С. 122). Не менее поразительно его утверждение о том, что Троцкий (который, кстати, прибыл в Петро-град в начале мая 1917 г.), «еще не зная окончательно, с кем он будет — с меньшевиками [?] или с большевиками», каким-то образом смог выступить против «Апрельских тезисов» Ленина на собрании большевиков 4 апреля (см.: Д. А. Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. I. Ч. I. М., 1989. С. 58, 67).
- 11 Это письмо опубликовано Ю. Г. Фельштинским в качестве приложения к двум выступлениям Троцкого на смерть Иоффе (см.: Л. Троцкий. Портреты. Бенсон, 1984. С. 229 — 241). Процитированный отрывок см. на с. 240 — 241.
- 12 Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 87.
- 13 Там же. С. 78, 86.
- 14 Подробнее см. там же. С. 93 — 128.
- 15 Поразительно точно российскую, бедняцко-мужицкую природу послефевральского большеви́зма почувствовал С. А. Есенин. В поэме «Анна Снегина», завершая описание своего посещения разоренной деревни Кривуши, в которой живет одна беднота («Не слышно собачьего лая, // Здесь нечего, видно, стеречь // У каждого хата гнилая, / А в хате ухваты да печь»), он рассказывает о беседе с тамошними крестьянами. Последние задали ему много вопросов и, наконец, спросили о Ленине (дело происходило весной или летом 1917 г., и как для спрашивавших, так и для отвечавшего Ленин был символом тогдашнего большеви́зма). Поэт ответил просто: «Он — вы» (С. А. Есенин. Собр. соч. Т. 3. Стихотворения и поэмы [1924 — 1925]. М., 1967. С. 283, 284).
- 16 О взглядах М. Вебера на русскую революцию см.: А. Кустарев. Начало русской революции: версия Макса Вебера. — Вопросы философии. 1990. № 8. С. 119 — 130.

- ¹⁷ См.: *В. И. Ленин. Дневник заседаний II съезда РСДРП. 17 (30) июля – 7 (20) августа 1903 г.* – Полн. собр. соч. Т. 7. С. 403–421.
- ¹⁸ О ленинской концепции партии подробно см.: *М. С. Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.* М., 1991. С. 41–82.
- ¹⁹ *В. И. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения.* – Полн. собр. соч. Т. 6. С. 141.
- ²⁰ *Н. Троцкий. Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы).* Женева, 1904. С. 54, 62.
- ²¹ *Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу в Лондон от 13 февраля 1851 г.* – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 177–178.
- ²² Необходимость создания единой централизованной организации признали вскоре после II съезда РСДРП и меньшевики, что также облегчило им расширение и укрепление своих рядов.
- ²³ Ленинская партия в то время все еще действовала как большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии – РСДПР(б). Она изменит свое название на Российскую коммунистическую партию (большевиков) – РКП(б) в марте 1918 г. В конце же 1925 г. она станет именоваться Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) – ВКП(б).
- ²⁴ Интервью с Н. А. Иоффе в г. Москва, Россия, 5 июня 1991 г.
- ²⁵ *Л. Троцкий. Сталин.* Т. 2. Бенсон, 1985. С. 140.
- ²⁶ См.: *В. И. Ленин. Письмо П. А. Залуцкому, А. А. Сольцу и всем членам Политбюро о чистке партии и условиях приема в партию.* – Полн. собр. соч. Т. 44. С. 283–284.
- ²⁷ Письмо Л. Д. Троцкого В. И. Ленину от 21 декабря 1921 г. – РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 152. Л. 3.
- ²⁸ См.: *В. И. Ленин. Замечания на проект резолюции XI конференции РКП(б) о чистке партии.* – Полн. собр. соч. Т. 44. С. 285–286.
- ²⁹ Письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. – Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 170, 173.
- ³⁰ *К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии.* Том первый. Книга первая. Процесс про-

- изводства капитала. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 78.
- ³¹ Подробнее см.: А. В. Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20 — 40-х годов. М., 1985. С. 12-25.
- ³² См.: В. И. Глунин, А. С. Мугрузин. Крестьянство в китайской революции. — Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 151.
- ³³ Цифровые данные см.: В. Г. Гельбрас. Социально-политическая структура КНР. 50 — 60-е годы. М., 1980. С. 27, 33 — 34, 38.
- ³⁴ Цит. по: Макэсы, Эньгэсы чжуцзо чжунъивэнь цзунлу (Каталог китайских переводов работ Маркса и Энгельса). Пекин, 1988. С. 1119.
- ³⁵ Там же. С. 1120 — 1121.
- ³⁶ Подробнее о распространении марксизма в Китае до 1917 г. см.: Л. Н. Борох. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984; М. А. Персиц. О подготовительном этапе коммунистического движения в Азии. — Революционный процесс на Востоке. История и современность. С. 38 — 76; М. Bernal. Chinese Socialism to 1907. Ithaca, 1976.
- ³⁷ Мао Цзэдун. «Цида» гунцзо фанчжэнь (Курс работы VII съезда). — Хунци (Красное знамя). 1981. № 11. С. 4.
- ³⁸ Подробнее см.: L. Feigon. Chen Duxiu: Founder of the Chinese Communist Party. Princeton, 1983. P. 138 — 146.
- ³⁹ См.: Ю. М. Гарушняц. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959; Движение «4 мая» 1919 г. в Китае. Сб. статей. М., 1971; Chow Tse-tung. The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge, Mass., 1960. Китайское рабочее движение зародилось в конце XIX в. В период с 1895 по конец 1918 г. в Китае было проведено 152 забастовки, некоторые из которых носили политический характер. Однако до 1919 г. как экономические, так и политические выступления китайских рабочих были разобщены; можно было скорее говорить об участии отдельных рабочих в политической жизни страны, чем о совместных акциях рабочего класса (см.: Ж. Шэно. Китайское рабочее движение в 1919 — 1927 гг. М., 1969. С. 165 — 199).
- ⁴⁰ См.: Сюй Юаньдун и др. Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа. С. 8 — 15; Chang Kuo-t'ao. The Rise

- of the Chinese Communist Party: An Autobiography. Vol. 1. Lawrence etc., 1971. P. 83.
- ⁴¹ Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989. С. 204.
- ⁴² Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949. С. 5–6.
- ⁴³ Л. Троцкий. Перспективы и задачи на Востоке (Речь на трехлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21-го апреля 1924 года). – Л. Троцкий. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924. С. 37, 39.
- ⁴⁴ Миньго жибао. 19 мая 1917 г.
- ⁴⁵ См.: L. Trotsky. The Bolsheviki and World Peace. New York: Boni & Livewright Publ., 1918. 238 P.
- ⁴⁶ См. Ли Дачжао. Избранные произведения. С. 160.
- ⁴⁷ См.: там же. С. 328 – 329; Ли Дачжао вэньцзи (Сочинения Ли Дачжао). Т. 2. Пекин, 1984. С. 482; Усы шицидэ шэтуань (Общественные организации периода «4 мая»). Т. 2. Пекин, 1979. С. 279. Ли Дачжао приводит название книги Троцкого в китайском переводе – «Эго ши», то есть «История русской революции», очевидно имея в виду ее лондонское издание, озаглавленное «The History of the Russian Revolution to Brest-Litovsk» (London: Leo & Unwin Publ., 1919. 153 P.)
- ⁴⁸ См.: N. Lenin and L. Trotzky. The Proletarian Revolution in Russia. New York, [1918]. 453 P.
- ⁴⁹ «Жэньминь чубаньшэ» было образовано 1 сентября 1921 г. Располагалось в Шанхае, в переулке Фудэ, в южной части улицы Чэнду, в доме № 625. Его руководителем и редактором являлся Ли Да, исполнявший в то время в составе Центрального бюро компартии обязанности ответственного за пропаганду. В плане издательства значился выпуск 48 книг марксистского содержания. Менее чем за год было опубликовано 15 брошюр. Из конспиративных соображений на всех них местом издательства был указан г. Гуанчжоу. См.: Синь шици (Новая эпоха). 1981. № 12. С. 19; Шанхай дицзюй цзяньдан ходун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению деятельности по строительству партии в Шанхайском районе). Шанхай, 1986. С. 69 – 71.
- ⁵⁰ Данный перевод был выполнен по первой публикации речи Троцкого, появившейся 24 апре-

ля 1924 г. в многотиражной газете КУТВ «Под знаменем Ильича». См.: Чжэн Чаолинь хуэйлиу (Воспоминания Чжэн Чаолиня). [Сянган, 1982]. С. 78.

- ⁵¹ См.: Макэсы, Эньгэсы чжуцзо чжунгивэнь цзунлу. С. 1121, 1122; Чжунхуачжи цзуй чжиши шоуцы (Справочник «Самое-самое» в Китае). Наньчан, 1987. С. 1 – 2; Die Werke von Karl Marx und Friedrich Engels in China: Katalog und Auswahlbibliographie. Trier, 1984. S. 122 – 123.
- ⁵² Подробнее о переводах на китайский язык различных общественно-политических терминов см.: В. Г. Гельбрас. Класс: миф или реальность? – Рабочий класс и современный мир. 1974. № 2. С. 130 – 141; А. А. Крушинский. Смысл выражения «гэмин» в современных политических текстах. – Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1980. С. 199 – 205; А. В. Панцов. К дискуссии в КПК вокруг «идей Мао Цзэдуна». – Рабочий класс и современный мир. 1982. № 3. С. 44 – 47; Е. Ю. Стабурова. Анархизм в Китае. 1900 – 1921. М., 1983. С. 133.
- ⁵³ См.: D. Klein and A. Clark. Biographic Dictionary of Chinese Communism: 1921 – 1969. Vol. 2. Cambridge, Mass., 1971. P. 961.
- ⁵⁴ См.: Цзефан юй гайцзао. 1919. № 2. С. 53 – 59.
- ⁵⁵ Там же. С. 56.
- ⁵⁶ См.: Шао Пяопин. Синь Эгочжи яньцзю (Изучение новой России). Б.м., 1920. 140 С.
- ⁵⁷ Ли Дачжао вэньцзи. Т. 2. С. 472 – 489.
- ⁵⁸ См.: Лосу [Рассел]. Ю Э ганьсян (Впечатления от поездки в Россию). – Синь циньянь. 1920. Т. 8. № 2. С. 1 – 12.
- ⁵⁹ В нашей историографии на это впервые обратил внимание Л. П. Делюсин (см.: Л. П. Делюсин. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970. С. 31 – 34).
- ⁶⁰ Спустя много лет Рассел вспоминал, что он долго колебался, прежде чем наконец решил опубликовать свою книгу о России (речь идет о работе «Практика и теория большевизма»). Он не хотел «сыграть на руку реакции», но в то же время не мог удержаться, чтобы не выступить против нарушения большевиками прав человека (см.: The Autobiography of Bertrand Russell. 1914 – 1944. Boston & Toronto, 1956. P. 185).

- ⁶¹ Ibid. P. 191, 192.
- ⁶² Ли Дачжао. Избранные произведения. С. 160.
- ⁶³ Там же. С. 160, 161.
- ⁶⁴ Шевелев писал об этом в 1976 г., поэтому, понятно, был весьма осторожен: после слов «о марксизме» он осмотрительно добавил: «точнее, ложно понятом марксизме» (К. В. Шевелев. Из истории образования Коммунистической партии Китая. М., 1976. С. 39).
- ⁶⁵ Ши Цуньтун. Макэсыди гунчаньчжуи (Коммунизм Маркса). — Синь циньянь. 1921. Т. 9. № 4. С. 10.
- ⁶⁶ На это уже обращал внимание Глунин. См.: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927). С. 249.
- ⁶⁷ Ли Дачжао. Избранные произведения. С. 218—219. Датировку этой статьи см.: Ли Дачжао вэньци. Т. 2. С. 46.
- ⁶⁸ Чэнь Дусю. Шэжуйчжуи пипин (Критика социализма). — Синь циньянь. 1921. Т. 9. № 3. С. 11, 13.
- ⁶⁹ Ли Да. Макэсы хуаньюань (Возрождение Маркса). — Синь циньянь. 1921. Т. 8. № 5. С. 1, 8.
- ⁷⁰ Некоторые сторонники коммунизма в Китае (Чэнь Дусю, Чжан Тайлэй, Ши Цуньтун) одно время признавали возможность буржуазной революции в их стране (см.: К. В. Шевелев. Из истории образования Коммунистической партии Китая. С. 78—80).
- ⁷¹ См., например, их избранные работы того времени, включенные в следующие сборники: Макэсычжуи цзай Чжунго — цун инсян чуаньжу дао чуаньбо (Марксизм в Китае — от влияния к распространению). Т. 2. Пекин, 1983; Гунчань сяоцзу (Коммунистические ячейки). В 2-х тт. Пекин, 1987.
- ⁷² The Communist Movement in China. An Essay Written in 1924 by Ch'en Kung-po. New York, 1960. P. 102.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Ibid. P. 105.
- ⁷⁵ Чэн Пан-цю [Чэнь Таньцю]. Воспоминания о I съезде Компартии Китая. — Коммунистический Интернационал. 1936. № 14. С. 98. Впервые на это обратил внимание Шевелев (см.: К. В. Шевелев. Предыстория единого фронта в

- Китае и Учредительный съезд КПК. — Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 203).
- ⁷⁶ Ли Дачжао. Избранные произведения. С. 322.
- ⁷⁷ Ши Цуньтун. Вомэнь яо цзэмъян гань шэжуэй гэмин (Как мы осуществим социальную революцию). — Гунчаньдан. 1921. № 5. С. 13.
- ⁷⁸ См.: Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнюань минлу (Сборник материалов по истории организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персонального состава). Пекин, 1983. С. 2.

Часть II

- ¹ В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Полн. собр. соч. Т. 39. С. 330.
- ² Там же. С. 327.
- ³ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. С. 244 — 245.
- ⁴ См. Введение, сноску 9.
- ⁵ Этот документ был принят единогласно при трех воздержавшихся. См.: Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale. Protokoll der Verhandlungen vom 19. Juli in Petrograd und vom 23. Juli bis 7. August 1920 in Moskau. Hamburg, 1921. S. 224 — 232.
- ⁶ См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970. С. 204. Никакой информации о результатах голосования и дате принятия «Дополнительных тезисов» ни в одном из известных изданий самого стенографического отчета II конгресса не содержится. Оригинал «Дополнительных тезисов» см.: М. Н. Рой. Дополнительные тезисы по национальному и колониальному вопросам. — ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 488. Л. 13 — 14. См. также: The Communist International. 1920. No. 13. P. 2416 — 2418.
- ⁷ См.: [М. Н. Рой]. Манифест революционной партии Индии. Воззвание к британскому пролетариату. — Жизнь национальностей. 26 июля 1920 г.; он же. Революционное движение в Индии. — Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 2163 — 2172; Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 1 (27 июля 1920 г.) С. 1 — 2.

- ⁸ См.: М. А. Персиц. Революционеры Индии в Стране Советов. С. 104 — 113.
- ⁹ М. Н. Рой. Дополнительные тезисы по национальному и колониальному вопросам. Л. 13 — 14; The Communist International. 1920. No. 13. P. 2417, 2418. Выделено мной.
- ¹⁰ См.: М. А. Персиц. Революционеры Индии в Стране Советов. С. 114-118.
- ¹¹ Текст телеграммы Сунь Ятсена в Москву не найден. Ответ советского правительства за подписью Г. В. Чичерина см.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 415 — 416.
- ¹² Цзян Ихуа. Гоминьдан цзопайдэ цичжи — Ляо Чжункай (Знамя левого крыла Гоминьдана — Ляо Чжункай). Шанхай, 1985. С. 69.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ А. Потапов. О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
- ¹⁵ Г. Войтинский. Мои встречи с Сунь Ятсеном. — Правда. 15 марта 1925 г.
- ¹⁶ Цзян Ихуа. Гоминьдан цзопайдэ цичжи — Ляо Чжункай. С. 69 — 70.
- ¹⁷ Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 300.
- ¹⁸ Чжан Цзи, в начале 20-х гг. участвовавший в установлении контактов Сунь Ятсена с коммунистами, в 1923 г. перешел на резко антикоммунистические позиции.
- ¹⁹ См.: Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 20. Л. 85 — 91; Чжан Тайлэй вэньцзи (Сочинения Чжан Тайлэя). Пекин, 1981. С. 330; Чжунго гэмин ши цзяньги (Лекции по истории китайской революции). Т. 1. Пекин, 1983. С. 98; H. Isaacs. Documents on the Comintern and the Chinese Revolution. — The China Quarterly. 1971. No. 45. P. 103 — 104; Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй. — Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 4. Сиань, 1982. С. 81 — 82. В отдельных публикациях ошибочно указывается, что встреча Сунь Ятсена с Марингом происходила в августе — сентябре 1921 г. См.: Ли Синь. Ли Дачжао. — Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 2. Сиань, 1981. С. 20; Чжунго синьминьчжучжуй гэмин ши цун ши (Общая история периода новодемократичес-

- кой революции в Китае). Т. 1. Пекин, 1959. С. 149. Вместе с тем из доклада самого Маринга известно, что он и его переводчик Чжан Тайлэй выехали из Шанхая на встречу с Сунь Ятсеном (через Ханькоу, Чанша и Гуанчжоу) только 10 декабря 1921 г. См.: Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. Л. 85; Чжунгун «саньда» цзыляо (Материалы III съезда КПК). Гуанчжоу, 1985. С. 12; T. Saich. The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevliet (Alias Maring). Vol. 1. Leiden, 1991. P. 317).
- ²⁰ Отчет тов. Г. Маринга Коминтерну. Июль 1922 г. Л. 90–91.
- ²¹ Цзян Хуасюань даже пишет о том, что предложение Маринга было обсуждено во всех организациях КПК, которые единогласно выступили против него. См.: Цзян Хуасюань. Дандэ миньчжу гэмин ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюэдэ цзигэ вэньти (Несколько вопросов, связанных с выдвижением партийной программы демократической революции и определением стратегии сотрудничества Гоминьдана и КПК). — Цзиньдай ши яньцзю (Изучение новой истории). 1985. № 2. С. 115. Это, по-видимому, преувеличение. В письме Чэнь Дусю Войтинскому от 6 апреля 1922 г., в котором подводятся итоги обсуждения вопроса о вступлении в Гоминьдан, ничего не говорится о проведении соответствующих дискуссий в шаньдунской, чжэнчжоуской, сычуаньской организациях КПК, а также среди китайских коммунистов за рубежом. См.: В. И. Глушин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920–1927). — Коминтерн и Восток. С. 252.
- ²² См.: Цзян Хуасюань. Дандэ миньчжу гэмин ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюэдэ цзигэ вэньти. С. 116.
- ²³ Высший орган Компартии Китая в период между I и II съездами (конец июля 1921 г. — середина июля 1922 г.) именовался Центральным бюро, в период между II и V съездами (середина июля 1922 г. — конец апреля 1927 г.) — Центральным исполнительным комитетом, с V съезда КПК — Центральным комитетом.
- ²⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 19. Л. 7–8. Очевидно, что принимая данное решение, Исполком

Коминтерна не был осведомлен, что к тому времени власть в Гуанчжоу захватил Чэнь Цзюньмин, сторонники которого в июне подняли мятеж против Сунь Ятсена, вынудив его бежать в Шанхай. ЦИК КПК переехал (правда, на время) в Гуанчжоу весной 1923 г. после изгнания Чэнь Цзюньмина и восстановления власти Сунь Ятсена.

²⁵ Точная дата принятия данного документа неизвестна. Большинство историков, в том числе и я сам, долгое время считали, что ИККИ одобрил эту инструкцию в начале августа 1922 г. (см., например: A. Pantsov and G. Benton. Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang «From the First»? — Republican China. 1994. Vol. XIX. No. 2. P. 52). Однако вновь открытые российские архивы опровергают эту точку зрения. Инструкция была написана Радеком незадолго до 29 июля 1922 г. (см.: Письмо К. Б. Радека И. В. Сталину и Л. Д. Троцкому об инструкциях А. А. Иоффе — РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 24. Л. 1). А уже в самом конце июля (30-го или 31-го) Маринг выехал в Китай (см.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. С. 164).

²⁶ Инструкция Радека сохранилась в трех, значительно различающихся между собой вариантах — русском, английском и немецком. Отрывки из русского текста, а также его частичное переложение были впервые опубликованы в 1969 г. А. И. Картуновой, в то время старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Публикация Картуновой, правда, была выполнена весьма небрежно, в результате текст документа был местами значительно искажен (см.: А. И. Картунова. Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации гоминьдана. — Коминтерн и Восток. С. 302 — 303). К сожалению, четыре года спустя, в 1973 г., Дов Бинг, приняв отрывки и переложение Картуновой за аутентичный текст русского оригинала, перевел их на английский язык, сделав доступными широким кругам китаеведов (см.: D. Bing. Was There a Sneevlietian Strategy? — The China Quarterly. 1973. No. 54. P. 351). В 1980 г. публикация Картуновой была воспроизведена в сборнике документов и материалов «Коммунистический Интернационал и китайская револю-

ция» (см.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 25 – 26). Как заслуживающую доверия до сих пор рассматривает осуществленную Картуновой работу и Тони Сэйч (см.: *T. Saich. The Origins. Vol. 1. P. 328; The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. Armonk, 1996. P. 98*). В то же время именно Сэйч впервые опубликовал английский оригинал инструкции (см.: *T. Saich. The Origins. Vol. 1. P. 328-329*). Правда, он обратил внимание лишь на «несущественные различия» между своей публикацией и текстом, представленным Картуновой. Между тем различия эти чрезвычайно серьезны, как, собственно, и различия между версией Картуновой и оригинальным русскоязычным документом. И касаются они фундаментальных вопросов, связанных с определением тактической линии КПК в Гоминьдане. Картунова фальсифицировала радековскую директиву, не только сократив документ до четырех пунктов вместо шести, но и изъяв из него два особенно важных предложения, в которых выражается мысль о необходимости пребывания китайской компартии внутри Гоминьдана временно, до тех пор пока не изменятся обстоятельства, мешавшие коммунистам действовать самостоятельно. Английский перевод подлинного русского текста был впервые опубликован в 1994 г. в американском журнале «Републикан Чайна» («Республиканский Китай») (см.: *A. Pantsov and G. Benton. Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang «From the First»? P. 61 – 63*).

²⁷ См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. С. 471 – 479.

²⁸ См.: А. Б. Резников. Разработка IV конгрессом Коминтерна проблем национально-освободительного движения. — Четвертый конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта. М., 1980. С. 198.

²⁹ Анализ выступления Роя на совещании 28 октября см.: там же. С. 198 – 199.

³⁰ См.: Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19 (1 декабря 1922 г.) С. 22 – 27; Protokoll des Vierten der Kommunistischen Internationale. Petrograd – Moskau vom 5. Novem-

ber bis 5. December 1922. Hamburg, 1923. S. 590—598. Четкое краткое изложение основных положений доклада Роя см.: Der Bolschewik. No. 14 (November 23, 1922). S. 4.

³¹ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19. С. 23. В кратком изложении доклада указание на общую отсталость стран Востока отсутствует и прямо говорится, что Рой заявил: «Они [восточные государства] находятся на различных ступенях социального и экономического развития» (Der Bolschewik. №. 14. S. 4).

³² Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19. С. 23.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 22, 26.

³⁵ Там же. С. 24.

³⁶ Там же. С. 26.

³⁷ В то время в силу загруженности другой работой, а также вследствие начавшейся прогрессирующей болезни Ленин не мог уделять разработке проблем революционного движения на зарубежном Востоке большого внимания. Подробнее см.: П. М. Шаттлто. Ленинская теория национально-колониального вопроса (история формирования). М., 1979. С. 214—230; М. А. Чешков. Анализ социальной структуры колониальных обществ в документах Коминтерна (1920-1927). — Коминтерн и Восток. С. 215.

³⁸ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19. С. 26.

³⁹ Это было уже замечено Робертом Норсом и Ксений Юдин в их работе: M. N. Roy's Mission to China: The Communist-Kuomintang Split of 1927 (Berkeley, Calif., 1963. P. 17). Правда, эти авторы пришли к верному заключению на основе лишь одного, да к тому же совершенно неправильно истолкованного пассажа из «Общих тезисов». Вот этот пассаж: «Господствующие классы колониальных и полуколониальных народов оказываются неспособными и не желающими руководить борьбой против империализма, по мере того как эта борьба превращается в революционное движение масс». (См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. С. 472). Из контекста документа совершенно ясно, что речь в процитированом отрывке идет о реакционной

- аристократии (феодалах и патриархальных верхах). Норс и Юдин же ошибочно полагают, что здесь говорится о национальной буржуазии.
- ⁴⁰ Эта идея полностью соответствует тому, о чем говорится в «Манифесте Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», написанном Троцким и принятом еще I конгрессом Коминтерна.
- ⁴¹ В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. С. 471, 474, 465, 477, 478. *Выделено мной.*
- ⁴² ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. С. 149 – 150.
- ⁴³ См.: *Шэнь Дэчунь, Тянь Хайянь*. Чжунго гунчаньдан «и да» дэ чжужао взньти (Главные вопросы, связанные с I съездом Компартии Китая). — *Жэньминь жибао*. 30 июня 1961 г.
- ⁴⁴ См.: Конгресс Коммунистической партии в Китае. — *Народы Азии и Африки*. 1972. № 6. С. 151 – 152.
- ⁴⁵ См.: Главу 2.
- ⁴⁶ Этот съезд известен в историографии под разными названиями: I съезд трудящихся стран Дальнего Востока (*В. И. Ленин*. ПСС. Т. 44. С. 702); съезд трудящихся Дальнего Востока (*Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. Т. 47. М., 1957. С. 9); конференция народов Дальнего Востока (*С. Калачев* [С. Н. Наумов]. *Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии*. — Кантон. 1927. № 1 [10]. С. 42); I съезд представителей компартий стран Дальнего Востока (*Коммунист*. 1959. № 17. С. 80; *Очерки истории Китая в новейшее время*. М., 1959. С. 633); съезд трудящихся Дальнего Востока (*Chang K'uo-tao*. *The Rise of the Chinese Communist Party*. Vol. 1. P. 159 – 162, 175, 177 – 218). Историки КНР употребляют иное название — I съезд коммунистических партий и национально-революционных организаций стран Дальнего Востока. Именно это название было использовано в первом китайском переводе принятого съездом Манифеста к народам Дальнего Востока (см.: *Сяньцзюй*. 1922. № 10. С. 10; *История современной китайской революции*. М., 1959. С. 81; *Чжунго сяньдай ши* [Современная история Китая]. 1983. № 10. С. 35 – 42; *Сюй Юаньдун и др.* *Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа*. С. 28). Большинство западных историков называют этот форум Первым конгрессом комму-

нистических и революционных организаций Дальнего Востока (см., например: X. J. Eudin and R. C. North. *Soviet Russia and the East: 1920 – 1927: A Documentary Study*. Stanford, Calif., 1957. P. 145 – 147, 153, 221 – 231, 268 – 272). В монографии Картуновой в соответствии с названием, зафиксированным на мандатах участников съезда, последний именуется I съездом коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока (А. И. Картунова. *Политика компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925 – 1927 годов*. М., 1983. С. 155). В настоящей работе используется название, фигурирующее в обстоятельной статье Г. З. Соркина, специально исследовавшего историю созыва и проведения указанного форума (Г. З. Соркин. *Съезд народов Дальнего Востока*. — Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 76 – 86). Съездом народов Дальнего Востока именовали этот форум в анкетах ИККИ и активно участвовавшие в нем Войтинский и С. А. Далин (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 385. Л. без №; Д. 2474. Л. без №).

⁴⁷ Некоторые авторы считают, что этот съезд открылся в январе 1922 г. в Иркутске и лишь затем был перенесен в Москву (см.: *Линь Хуннуань*. Чжан Тайлэй. С. 75). О том, что съезд был открыт в Иркутске, писали Иосио Сига (Коммунист. 1959. № 17. С. 86) и Г. С. Кара-Мурза (Г. С. Кара-Мурза. *Китай в 1918-1924 гг.* — Историк-марксист. 1939. № 5 – 6. С. 155). Последний при этом указывал датой его открытия ноябрь 1922 г. Вместе с тем бывший уполномоченный НКВД по Сибири и Монголии Б. З. Шумяцкий, отвечавший за подготовку съезда, впоследствии в одной из своих статей вспоминал, что в Иркутске проходила лишь подготовительная работа по созыву съезда, которая к 25 декабря уже завершилась. См.: Б. Шумяцкий. *Из истории комсомола и компартии Китая. (Памяти одного из организаторов комсомола и компартии Китая тов. Чжан Тайлэя)*. — *Революционный Восток*. 1928. № 4-5. С. 222 – 227.

⁴⁸ По одним данным, она насчитывала 44 человека — 39 с решающим и 5 с совещательным голосами, по другим — 54 человека. (См.: Г. З. Соркин. *Съезд народов Дальнего Востока*. С. 79; Г. С. Кара-Мурза. *Китай в 1918 – 1924 гг.* С. 155;

- Б. Шумяцкий. Из истории комсомола и компартии Китая. С. 224; Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй. С. 75; А. И. Картунова. Политика компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925—1927 годов. С. 156).
- ⁴⁹ Юаньдун гэго гунчаньдан цзи миньцзэу гэмин туаньги диицы дахуэй сюаньянь (Манифест I съезда коммунистических партий и национально-революционных организаций стран Дальнего Востока). — Сяньцзюй. 1922. № 10. С. 4.
- ⁵⁰ По вопросу об участии Хэ Шухэна в работе I съезда КПК существуют различные мнения. В частности, Шевелев предполагает, что Хэ Шухэн на съезде отсутствовал (см. его главу в кн.: Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983. С. 85—86). В то же время китайские историки считают его одним из активных делегатов съезда (см., например: Ван Синган, Фан Дамин. Хэ Шухэн. — Чжунгундан ши жэньу чжуань. Т. 4. С. 17).
- ⁵¹ См.: С. Калачев. Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. С. 42; Новейшая история Китая. С. 106; Г. З. Соркин. Съезд народов Дальнего Востока. С. 78—80; Чжунго гэмин ши цзяньги. С. 82.
- ⁵² См.: Сяо Цзингуан. Фу Су сюэси цяньхоу (До и после учебы в Стране Советов). — Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Пекин, 1981. № 3. С. 12; Чжунго сяньдай ши. 1983. № 10. С. 39.
- ⁵³ В историографии довольно широко распространена версия, согласно которой Чжан Тайлэй с самого начала работы съезда народов Дальнего Востока принимал в нем активнейшее участие. Линь Хуннуань даже рассказывает, что Чжан Тайлэй, прибыв из Иркутска (где якобы присутствовал на открытии съезда) в Москву, был принят Лениным, который интересовался его точкой зрения по поводу того, следует ли продолжать съезд с участием национал-революционеров и беспартийных или превратить его в форум компартий всех стран Дальнего Востока (см.: Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй. С. 75). Данная версия нереальна по той причине, что Чжан Тайлэй еще в начале января 1922 г. находился вместе с Марингом в Гуанчжоу, где участвовал в трех встречах представителя Коминтерна с гуандунским милитаристом Чэнь Цзюнмином, поддер-

- живавшим в то время Сунь Ятсена. Тогда же он вместе с Марингом присутствовал на собрании молодежи г. Гуанчжоу и района Хайлуфэн (см.: Чжан Тайлэй вэньцзи. С. 330 – 331). Только после этого Чжан Тайлэй выехал (через Шанхай, где успел обсудить с членами Центрального бюро КПК вопрос о созыве I съезда ССМК) в Советскую Россию. Дорога от Гуанчжоу до Москвы по тем временам длилась никак не меньше трех недель, то есть Чжан Тайлэй мог присутствовать только на заключительных заседаниях съезда народов Дальнего Востока. По-видимому, не случайно Картуновой, работавшей с архивами съезда, не удалось обнаружить в них данные о Чжан Тайлэе как делегате.
- 54 Это заявление – из доклада Зиновьева конгрессу. См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 31. Л. 56.
- 55 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 702; *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 207 – 209.*
- 56 См.: Юаньдун гэго гунчаньдан цзи миньцзу гэмин туаньти диицы дахуэй сюаньянь.
- 57 См.: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 220.*
- 58 Чжунго сяньдай ши. 1983. № 10. С. 40.
- 59 См.: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 218.*
- 60 Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюдэ чжучжан (Заявление Компартии Китая о текущем моменте). – Сяньцзюй. 1922. № 9. С. 2.
- 61 Подробнее см.: Новейшая история Китая. 1917 – 1927. С. 108 – 109.
- 62 Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюдэ чжучжан. С. 2, 3.
- 63 См.: там же. С. 2.
- 64 Цит. по: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. С. 252; *Цзян Хуасюань. Дандэ миньчжу ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюэдэ цзигэ вэньти.* С. 116.
- 65 См.: Чжунго гунчаньдан цзигуань фачжань цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории развития организаций КПК). Вып. 1. Пекин, 1983. С. 149.
- 66 Там же. С. 38.
- 67 Название данной резолюции, опубликованной в 1924 г. в английском переводе в качестве приложения к магистерской диссертации Чэнь Гун-

- бо, указывается неверно — «Решение о едином национальном фронте» (см. *The Communist Movement in China*. P. 119). На самом деле резолюция называется «Об "объединенном демократическом фронте"» («*Гуаньюй "миньчжудэ яньхэ чжаньсянь" гэ ицзюэань*») (см.: Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 5 — 7).
- ⁶⁸ См.: Чжунго гунчаньдан унянь лайчжи чжэнчжи чжучжан (Политические заявления Компартии Китая за пять лет). Гуанчжоу, 1926. С. 1 — 23; Чжунгун «саньда» цзыляо, С. 5 — 7; *The Communist Movement in China*. P. 105 — 117.
- ⁶⁹ Под крестьянами-бедняками (*пиньнун*) коммунисты понимали мелких крестьян-собственников, арендаторов и батраков, то есть 95% сельского населения.
- ⁷⁰ *The Communist Movement in China*. P. 114.
- ⁷¹ Впервые на это обратил внимание Глушин.
- ⁷² Миньцюань юньдун датунмэн сюаньянь (Декларация Союза движений за народовластие). — Сяньцзюй. 1922. № 20. С. 1 — 2.
- ⁷³ Чжунго «саньда» цзыляо. С. 7.
- ⁷⁴ См.: Цзян Хуасюань. Даңдэ миньчжу ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюэдэ цзигэ вэньти. С. 116.
- ⁷⁵ См.: Линь Боджюй чжуань (Биография Линь Боджюй). Пекин, 1986. С. 75.
- ⁷⁶ *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party*. Vol. 1. P. 250.
- ⁷⁷ Большинство историков полагают, что совещание состоялось 29-30 августа. См.: Цзымэй. Сиху хуэйи шицзянь као (Уточнение времени проведения совещания на оз. Сиху). — Чжунгун яньцзю цзыляо. 1983. № 4. С. 326 — 328. Однако некоторые китайские авторы считают, что оно проходило во второй декаде августа. При этом кое-кто из них даже указывает точную дату — 17 или 17-18 августа. См.: Чжан Тайлэй вэньцзи. С. 332; Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй. С. 84; Ли Сянь. Ли Дачжао. С. 21.
- ⁷⁸ Относительно того, являлся ли Ли Дачжао членом ЦИК КПК, избранным на II съезде, существуют различные точки зрения. Некоторые авторы отрицают это. См.: Сюй Юаньдун и др. Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа. С. 30; Чжунго гунчаньдан цзигуань фацжэнь цанькао цзыляо. Вып. 1. С. 3). Другие считают, что он был

кандидатом в члены ЦИК. См.: Цыхай. Лиши фэньцы. Чжунго сяньдайши (Словарь Цыхай. Отдел истории. Современная история Китая). Шанхай, 1984. С. 131; Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь. С. 9. Вместе с тем в письме «Ко всем товарищам по компартии» от 10 декабря 1929 г. Чэнь Дусю называл Ли Дачжао среди пяти избранных на II съезде членов высшего органа КПК. См.: Ван Цзяньминь. Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки истории КПК). Т. 1. Тайбэй, 1965. С. 94. С этим сообщением согласуются данные Ли Синя и Глунина. См.: Ли Синь. Ли Дачжао. С. 20; Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 3. С. 128.

⁷⁹ Это явствует из сопоставления двух документов: Отчетного доклада ЦИК КПК III съезду партии (июнь 1923 г.) и письма Чэнь Дусю «Ко всем товарищам по компартии». Если в последнем говорится о том, что против предложения Маринга выступили все пять членов ЦИК, то в первом указывается на оппозицию представителю Коминтерна со стороны «подавляющего большинства» участников совещания.

⁸⁰ См.: Ван Цзяньминь. Чжунго гунчаньдан шигао. Т. 1. С. 94.

⁸¹ См.: С. Калачев. Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. С. 51.

⁸² В первом варианте записок Ли Дачжао далее следовало: «Мы с господином [Сунем] без устали оживленно беседовали, едва не забыв о еде» (Ли Дачжао вэньцзи. Т. 2. С. 890).

⁸³ Там же.

⁸⁴ См.: D. Bing. Sneevliet and the Early Years of the CCP. — The China Quarterly. 1971. No. 48. P. 690-691.

⁸⁵ См.: Цзян Ихуа. Гоминьдан цзопайдэ цичжи — Ляо Чжункай. С. 71.

⁸⁶ Новейшая история Китая. 1917 — 1927. С. 136; Сюй Юаньдун и др. Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа. С. 36.

⁸⁷ См.: Цзян Ихуа. Гоминьдан цзопайдэ цичжи — Ляо Чжункай. С. 71 — 72.

⁸⁸ См.: С. А. Тихвинский. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885 — 1925 гг.). М., 1964. С. 266 — 267.

⁸⁹ См.: Цзоу Лу. Чжунго гоминьдан шигао (Очерки истории Китайского Гоминьдана). Чанша, 1931. С. 345 — 348.

- ⁹⁰ Советско-китайские отношения. 1917 – 1957. М., 1959. С. 64 – 65.
- ⁹¹ Чжунго гунчаньдан дисыцы цюаньго дайбяода-хуэй ицзюэань цзи сюаньянь (Резолюция и декларация IV Всекитайского съезда КПК). Б. м., 1925. С. 23.
- ⁹² С. Калачев. Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. С. 49.
- ⁹³ Чжунго гунчаньдан цзигуань фачжань цанькао цзыляо. Вып. 1. С. 41.
- ⁹⁴ Цай Хэ-сэнь. История оппортунизма в Коммунистической партии Китая. – Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 4.
- ⁹⁵ См.: Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 20 (29 ноября 1922 г.). С. 18.
- ⁹⁶ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934. С. 112.
- ⁹⁷ Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 81, 82. Эта резолюция впервые с некоторыми купюрами была опубликована Глуниным (см.: Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3. С. 131 – 132). В его публикации, однако, имеются разночтения с китайским текстом.
- ⁹⁸ Чжунго гунчаньдан дисаньцы цюаньго дахуэй сюаньянь (Декларация III Всекитайского съезда КПК). – Сяндао чжоукань. 1923. № 30. С. 228.
- ⁹⁹ См.: *Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party. Vol. 1. P. 103; Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3. С. 130, 132.*
- ¹⁰⁰ С июня 1922 г. «Сяньцзюй» являлся центральным печатным органом ЦИК Социалистического союза молодежи Китая.
- ¹⁰¹ См.: Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзю чжи чжучжан (Заявление Компартии Китая о текущем моменте). – Сяньцзюй. 1923. № 24. С. 2.
- ¹⁰² Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 103.
- ¹⁰³ Там же. С. 103-104.
- ¹⁰⁴ См.: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. С. 260.
- ¹⁰⁵ Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 295 – 207.
- ¹⁰⁶ См.: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. С. 260.
- ¹⁰⁷ Чжунго гунчаньдан дисыцы цюаньго дайбяода-хуэй ицзюэань цзи сюаньянь. С. 24. В то же время делегаты съезда, многие из которых были сами достаточно левацки настроены, отметили в ре-

- золюции, что ошибки «правого уклона» были более опасны и шире распространены в партии, чем левацкие заблуждения.
- ¹⁰⁸ Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 1. М., 1930. С. 69.
- ¹⁰⁹ См.: *Р. А. Мировицкая*. Михаил Бородин (1884—1951). — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 24.
- ¹¹⁰ Архивные документы, отражающие этот визит, опубликованы. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. С. 255—314.
- ¹¹¹ Эта резолюция была впервые опубликована в 1969 г. См.: *Коммунист*. 1969. № 4. С. 12—14.
- ¹¹² См.: *А. И. Черепанов*. Записки военного советника в Китае. Изд. 2-е. М., 1976. С. 30—72.
- ¹¹³ См.: *Документы внешней политики СССР*. Т. 6. М., 1962. С. 435—436.
- ¹¹⁴ Подробнее см.: *А. В. Панцов, М. Ф. Юрьев*. Установление сотрудничества между КПК и Сунь Ятсеном в 1921—1924 гг. К истории образования единого антиимпериалистического фронта. — Сунь Ятсен. 1866—1986. К 120-летию со дня рождения. Сб. статей, воспоминаний, документов и материалов. М., 1987. С. 129—171.
- ¹¹⁵ *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. С. 327.
- ¹¹⁶ Чжунгун «саньда» цзыляо. С. 120.
- ¹¹⁷ Там же. С. 121.
- ¹¹⁸ Там же. С. 125.
- ¹¹⁹ См.: *Линь Боцзюй чжуань*. С. 84.
- ¹²⁰ Подробно о работе I съезда Гоминьдана см.: *М. Ф. Юрьев*. Революция 1925—1927 гг. в Китае. С. 17—28.
- ¹²¹ Гоминьдан и да дангю баогао сюаньцзай (Выборочные доклады по партийным делам, представленные на I съезд Гоминьдана). — Гэмин ши цзыляо. Шанхай, 1986. № 2. С. 29—30.
- ¹²² Эта цифра кажется вероятной, если исходить из того, что в середине 1923 г. в КПК насчитывалось 432 члена. См.: *Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь*. С. 17.
- ¹²³ См.: *Цзоу Лу*. Чжунго гоминьдан шигао. С. 317; *Чжэн Цаньхуэй*. Чжунго гоминьдан диицы цюаньго дайбяодахуэй (I Всекитайский съезд Китайского Гоминьдана). — Гэмин ши цзыляо. Шанхай, 1986. № 1. С. 113.
- ¹²⁴ *Ли Дачжао вэньцзи*. Т. 2. С. 704.

- ¹²⁵ См.: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. С. 99.
- ¹²⁶ См.: Чжэн Цаньхуэй. Чжунго гоминьдан дици цюаньго дайбяодахуэй. С. 119 – 120.
- ¹²⁷ Цит. по: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. С. 99.
- ¹²⁸ См., например: Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений [Сунь] Ятсена). Т. 2. Шанхай, 1931. С. 1171 – 1173.
- ¹²⁹ О роли Бородина в этом процессе дает представление письмо уполномоченного Коминтерна в Китае Войтинского заведующему Восточным отделом ИККИ Ф. Ф. Раскольникову (Петрову) от 24 апреля 1924 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. Т. 1. С. 446.
- ¹³⁰ Подробнее об этом «увлечении» см.: В. И. Глушин. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции 1925 – 1927 гг. Кн. 1. С. 148 – 154.
- ¹³¹ См.: Гунчаньдан цзай гоминьдан нэйдэ гунцзо вэньти ицзюань (Заявление по вопросу о работе компартии в Гоминьдане). — Данбао (Партийная газета). 1924. № 3. С. 1 – 3; Чжунго гунчаньдан дисыци цюаньго дайбяодахуэй ицзюань цзи сюаньянь. С. 25.
- ¹³² См.: Сяньцюй. 1922. № 1. С. 3 – 4.
- ¹³³ Эта брошюра неоднократно переиздавалась; в моем распоряжении находилось ее третье издание, датированное октябрём 1926 г. См.: Дисань гоцзи иань цзи сюаньянь (Резолюции и манифесты III Интернационала). Изд. 3-е. Гуанчжоу, 1926.
- ¹³⁴ См.: Резолюции II-го конгресса Коминтерна. М, 1928. С. 58 – 77 (на кит. яз.).
- ¹³⁵ См.: Дисань гоцзи диэрци дахуэй гуаньюй миньцзуй чжиминьди вэньтидэ иань (Резолюции II конгресса III Интернационала по национальному и колониальному вопросам). — Синь циньянь. 1924. № 4. С. 67 – 74. Цзян явился также первым в Китае переводчиком ленинского доклада II конгрессу Коминтерна от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам (см.: там же. С. 63 – 67). Что же касается «Первоначального наброска тезисов», представленного Лениным на конгресс, то его первый перевод на китайский язык был, вероятно, осуществлен только в 1946 г. См.: Ленин лунь миньцзуй

чжиминьди взънти (Ленин о национально-колониальном вопросе). Б. м., 1946.

- ¹³⁶ Подробнее см.: А. В. Панцов. Документы II и IV конгрессов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам и их распространение в Китае (1920 – 1924). – Национальные и социальные движения на Востоке. История и современность. М., 1986. С. 23 – 58.
- ¹³⁷ Синь циннянь. 1924. № 4. С. 71. Выделено мной.
- ¹³⁸ Ди сань гоцзи иань цзи сюаньянь. С. 113.
- ¹³⁹ В. М. Алексеев. Принципы переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык. – Записки Института востоковедения АН СССР. 1935. Т. 3. С. 5.

Часть III

- ¹ В. И. Ленин. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6 – 8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта. – Полн. собр. соч. Т. 36. С. 11.
- ² Там же.
- ³ См., например: В. И. Ленин. Несколько тезисов. От редакции. – Полн. собр. соч. Т. 27. С. 50 – 51.
- ⁴ В соответствии с юлианским календарем, использовавшимся в то время в России, переговоры начались 20 ноября. По григорианскому календарю, принятому большевиками 31 января 1918 г., – 3 декабря.
- ⁵ Подробнее см.: А. В. Панцов. Брестский мир. – Вопросы истории. 1990. № 2. С. 60 – 79.
- ⁶ В. И. Ленин. Политический отчет ЦК РКП(б). Стенограмма выступления на IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. – Исторический архив. 1992. № 1. С. 21.
- ⁷ См.: там же. С. 16, 17, 22, 24 – 27; он же. Заключительное слово в прениях по Политическому отчету ЦК РКП(б) на втором заседании IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. – Там же. С. 27 – 28.
- ⁸ В. И. Ленин. Политический отчет ЦК РКП(б). Стенограмма выступления на IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. С. 25, 26, 27. См.: E. Carr. A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution. 1917 – 1923. Vol. 3. London, 1953. P. 215 – 216.

- ¹⁰ См.: Д. А. Волкогонов. Троцкий. Т. 1. С. 341.
- ¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19.
- ¹² Правда. 27 января 1923 г.
- ¹³ Подробнее см.: К. А. Wittfogel. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven & London, 1957.
- ¹⁴ Среди них были Сталин, Бухарин, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, М. П. Томский, М. И. Калинин, Каменев, Зиновьев, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, В. В. Куйбышев, Н. А. Угланов и некоторые другие.
- ¹⁵ В. Нагточеев. «Тройка», «семерка», Сталин. — Неделя. 1989. № 1. С. 15.
- ¹⁶ Л. Троцкий. К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). Изд. 2-е. М., 1926. С. 64.
- ¹⁷ Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет. Т. II. М. — Л., 1927. С. 102.
- ¹⁸ Л. Троцкий. Теория социализма в отдельной стране. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 142, 146.
- ¹⁹ Л. Троцкий. К социализму или к капитализму? С. 66, 68.
- ²⁰ Подробнее см.: С. Коэн. Бухарин. Политическая биография. 1888 — 1938. М., 1988. С. 181 — 182, 194, 224; Р. Такер. Сталин. Путь к власти. 1879 — 1929. История и личность. М., 1990. С. 337.
- ²¹ См.: И. В. Сталин. Соч. Т. 6. М., 1947. С. 369 — 380.
- ²² Н. И. Бухарин. Избранные произведения. М., 1988. С. 78.
- ²³ См.: В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы. — Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.
- ²⁴ В. И. Ленин. Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. — Полн. собр. соч. Т. 45. С. 309.
- ²⁵ В. И. Ленин. О кооперации. — Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.
- ²⁶ См.: В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше. — Полн. собр. соч. Т. 45. С. 401 — 406.
- ²⁷ О «победившем социализме» см.: В. И. Ленин. Военная программа пролетарской революции. — Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.
- ²⁸ В. И. Ленин. Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. С. 301.

- ²⁹ В. И. Ленин. О кооперации. С. 376.
- ³⁰ XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 октября — 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М. — Л., 1927. С. 528.
- ³¹ И. В. Сталин. Заключительное слово подкладу «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» 3 ноября 1926 г. — Соч. Т. 8. М., 1948. С. 304.
- ³² В. И. Ленин. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. С. 166.
- ³³ И. В. Сталин. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 8 августа 1927 г. Международное положение и оборона СССР. Речь 1 августа. — Соч. Т. 10. М., 1953. С. 51.
- ³⁴ Ф. Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.
- ³⁵ Р. Такер. Сталин. Путь к власти. С. 230.
- ³⁶ Л. Троцкий. Теория социализма в отдельной стране. С. 145.
- ³⁷ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 8.
- ³⁸ Письмо Г. Н. Войтинского Л. М. Карахану от 22 апреля 1925 г. — РГАСПИ, коллекция неразобранных документов. Текст письма был впервые опубликован в 1994 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. С. 549 — 553.
- ³⁹ См.: Г. Войтинский. Тенденции революционного движения в Китае и гоминьдан. — Коммунистический Интернационал. 1925. № 3 (40). С. 153 — 158; он же. Сунь Ят-сен и освободительное движение в Китае. — Большевик. 1925. № 5 — 6 (21 — 22). С. 44 — 52.
- ⁴⁰ Эта идея предварительно не обсуждалась в Центральном комитете РКП(б). См.: Оригинал речи т. Мануильского на 5-м конгрессе [Коминтерна] в [19]24 г. — РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 73. Л. 14, 15; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. I. М. — Л., 1925. С. 592, 593, 618. См. также материалы комиссии V конгресса по национальному и колониальному вопросам и письмо Сталина Мануильскому от 31 июля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 209 — 219; Ф. 558. Оп. 1. Д. 2633. Л. 1 — 2). За два года до V конгресса, в июле 1922 г., в секретном докладе

в ИККИ Маринг характеризовал Гоминьдан как «блок различных классов». Однако в то время его интерпретация не побудила Исполком Коминтерна к созданию особой теории «рабоче-крестьянской (народной) партии». Коминтерн продолжал рассматривать ГМД и другие национальные партии Азии как буржуазные или мелкобуржуазные.

⁴¹ Оригинал речи т. Мануильского на 5-м конгрессе [Коминтерна] в [19]24 г. Л. 14, 15; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. С. 592, 593. Заметим, что ранее анализирувавший этот доклад Резников не рискнул процитировать данный пассаж полностью. Уж слишком явно Мануильский кривил душой, заявляя, что Коминтерн «разрешил» коммунистам вступать в организации националистов. Резников предпочел частично изложить эти два предложения своими словами, заменив слово «разрешил» на «предложил» (см.: А. Б. Резников. О стратегии и тактике Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. — Коминтерн и Восток. С. 134).

⁴² Оригинал речи т. Мануильского на 5-м конгрессе [Коминтерна] в [19]24 г. Л. 15.

⁴³ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Ч. I. С. 618.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 219. Л. 11 — 12.

⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Л. 20.

⁴⁷ Письмо И. В. Сталина Д. З. Мануильскому от 31 июля 1924 г. Л. 1.

⁴⁸ «Считаю недостаточной (нет идеи гегемонии пролетариата, идеи решительной борьбы с соглашательской национально-кадетской буржуазией)», — написал Сталин в верхнем левом углу первой страницы резолюции по Индии и внес исправление в предложение, в котором говорилось о том, что организация «народной» партии «усилит и позицию индийской буржуазии, ведущей робкую политическую борьбу, поддерживая всякое ее сопротивление империализму на основе единого, антиимпериалистического фронта». Вместо слов «усилит и позицию индийской буржуазии, ведущей робкую» Сталин вписал: «Заставит индийскую буржуазию вести более реш[ительную]» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 163. Д. 177. Л. 1 — 4).

- ⁴⁹ Г. Войтинский. Колониальный вопрос на расширенном пленуме ИККИ. — Коммунистический Интернационал. 1925. № 4 (41). С. 64.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2714. Л. 17 — 18; Правда. 22 мая 1925 г. Два года спустя, после того как политика Сталина обанкротилась, слова «вроде "Гоминьдан"» были удалены из текста его выступления. В новых публикациях речи, в том числе в собрании сочинений Сталина, они не будут воспроизводиться. Л. Эванс и Р. Блок, редакторы сборника работ Троцкого о Китае (Leon Trotsky on China. New York, 1976), были первыми, кто обратил на это внимание. Характерно, что сам Сталин уже накануне банкротства своей китайской политики, весной 1927 г., стал делать вид, что в речи в КУТВ он имел в виду якобы не фактическое положение дел в Гоминьдане, а «будущее народно-революционных партий вообще, Гоминьдана в частности». Его рассуждения на этот счет были, однако, неуклюжи. «Когда я говорил о Гоминьдане, я имел в виду тогда Гоминьдан, лишь как тип [?] построения своеобразной народно-революционной партии в угнетенных странах Востока, особенно в таких странах, как Китай и Индия, — объяснял он студентам-китайцам в мае 1927 г., — как тип [?] построения такой народно-революционной партии, которая должна опираться на революционный блок рабочих и мелкой буржуазии города и деревни» (И. В. Сталин. Соч. Т. 9. М., 1949. С. 246). Как можно понять эти слова? Ведь если Сталин признавал, что имел в виду Гоминьдан как тип своеобразной народно-революционной партии, значит, сам Гоминьданто он уже рассматривал как такую «своеобразную» партию. Пытаясь оправдаться, Сталин, как видно, лишь косвенно подтверждал, что в 1925 г. считал Гоминьдан «рабоче-крестьянской» организацией. Тезис о том, что он «имел в виду будущее», повисал в воздухе.
- ⁵¹ И. В. Сталин. К итогам работ XIV конференции РКП(б). Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. — Соч. Т. 7. С. 107.
- ⁵² И. В. Сталин. О политических задачах Университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. — Там же. С. 146.
- ⁵³ И. В. Сталин. К итогам работ XIV конференции РКП(б). С. 107.

- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Резолюция по колониальному вопросу. — РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 492. Оп. 1. Д. 218. Л. 105, 106, 108 — 109, 110, 112. На эту поправку Роя впервые обратил внимание Резников. См.: А. Б. Резников. О стратегии и тактике Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. С. 135.
- ⁵⁷ Письмо И. В. Сталина Д. З. Мануильскому от 31 июля 1924 г. Л. 2. Сталин и впредь будет опираться на роевские формулировки относительно социально-экономического положения стран Востока. В мае 1927 г. он даже открыто заявит о том, что КПК следует исходить не из тезисов Ленина по национальному и колониальному вопросам, а из роевских «Дополнительных тезисов». См.: И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 261.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 164. Д. 16. Л. 91.
- ⁵⁹ Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 57.
- ⁶⁰ Имелись в виду шанхайская и сянган-гуанчжонская политические забастовки китайских рабочих, начавшиеся соответственно в мае и июне 1925 г.
- ⁶¹ Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 58, 61. *Выделено мной.*
- ⁶² Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. М. — Л., 1927. С. 8.
- ⁶³ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 168. Л. 219.
- ⁶⁴ См.: Объединенное заседание Президиума Исполкома Коминтерна и Международной Контрольной Комиссии. 27 сентября 1927 г. Стенографический отчет. — Там же. Ф. 505. Оп. 1. Д. 65. Л. 21. См. также: А. Троцкий. Сталин и китайская революция. Факты и документы. — Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 15 — 16. С. 8.
- ⁶⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 171. Л. 7 — 9; см. также: Д. 168. Л. 219; Справка Райта «О вхождении Гоминьдана в Коминтерн». — Объединенное заседание Президиума Исполкома Коминтерна и Международной Контрольной Комиссии. 27 сентября 1927 г. Л. 33.
- ⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 171. Л. 7 — 9. Текст письма также см. в кн.: ВКП(б), Коминтерн и нацио-

- нально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 131 – 132.
- ⁶⁷ В российской литературе события 20 марта 1926 г. традиционно именуется переворотом. На самом деле Чан Кайши лишь продемонстрировал перед советскими и китайскими коммунистами свою силу, ограничив затем права членов КПК в Гоминьдане. Действительной смены власти не произошло.
- ⁶⁸ Председателем комиссии был начальник Главного Политического управления Красной Армии А. С. Бубнов (Ивановский). Его доклады, а также директивное письмо Бородину о событиях 20 марта, хранящиеся в РГАСПИ, были недавно опубликованы. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 139 – 152, 157 – 162, 208 – 227.
- ⁶⁹ См.: Доклад тов. Рафеса на частном заседании по китайскому вопросу 24 ноября 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 71. Л. 4.
- ⁷⁰ Решение об организации объединенного совещания из пяти представителей ЦИК Гоминьдана и трех представителей ЦИК КПК с участием советника — представителя ИККИ было принято майским (1926 г.) пленумом ЦИК Гоминьдана.
- ⁷¹ Эти требования были внесены на пленум ЦИК Гоминьдана Чан Кайши. В их поддержку выступили Тань Янькай и Сунь Кэ, после чего они были приняты. Их текст с поправками участников пленума см.: РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов. Текст, принятый пленумом, опубликован в кн.: А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. С. 403 – 404; Чжунго гоминьдан дии, диэрцы цюаньго дайбяодахуэй хуэйи шиляо (Материалы по истории I и II конгрессов Гоминьдана). Т. 2. [Нанкин], 1986. С. 714 – 715.
- ⁷² См., например: С. Brandt. Stalin's Failure in China. P. 71 – 83; Peng Shu-tse [Peng Shuzhi]. Introduction. — Leon Trotsky on China. P. 53 – 54.
- ⁷³ Об уровне информации по поводу событий 20 марта, которой располагали тогда в Москве, дает представление признание Рафеса, несколько месяцев спустя после переворота сделавшего следующее заявление: «Когда мы прибыли в Кигай [середина июня 1926 г.], все то, что мы там от товарищей узнали о событиях 20 марта в

Кантоне [Гуанчжоу], о военной демонстрации Чан Кайши против левого Гоминьдана и коммунистов, было совершенно для нас ново. В Москве мы представления не имели о том, что было 20 марта в Кантоне. Мы не имели представления о том, насколько далеко зашло это выступление, как глубоко результаты этого выступления» (Доклад тов. Рафеса на частном заседании по китайскому вопросу 24 ноября 1926 г. Л. 2.)

- ⁷⁴ См.: Выписка из протокола № 18 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1926 г. — РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов.
- ⁷⁵ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 163 — 164, 170.
- ⁷⁶ См.: Г. Войтинский. Перегруппировка сил в Китае. — Правда. 24 марта 1926 г.
- ⁷⁷ См.: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Стенографический отчет. Вып. 1. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317/1. Л. 139.
- ⁷⁸ Назвать более точную дату пока, до открытия Архива Президента Российской Федерации, не представляется возможным. Однако совершенно ясно, что Троцкий сделал свое предложение до 29 апреля. На заседании Политбюро в этот день, а оно было последним в апреле, он не присутствовал.
- ⁷⁹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 188.
- ⁸⁰ См.: [Г. Е. Зиновьев]. Заявление к стенограмме Объединенного пленума ЦК и Центральной контрольной комиссии. — Trotsky Papers. Russ 137. Document 886. P. 2. Зиновьев ошибочно относит это заседание Политбюро на май 1927 г. О его авторстве этого документа см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 189. Л. 2.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 55. Текст постановления Политбюро был впервые опубликован в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 202. *Выделено мной.*
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 59, 74; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 205.
- ⁸³ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 231.

- ⁸⁴ См.: А. Мартынов. Коминтерн перед судом ликвидаторов. — Коммунистический Интернационал. 1927. № 30 (104). С. 10.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 10. Текст директивы см. также в кн: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 497 — 498.
- ⁸⁶ С июня 1926 по январь 1927 г. Войтинский возглавлял Дальневосточное бюро ИККИ в Шанхае под псевдонимом Сергей.
- ⁸⁷ См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 485 — 486.
- ⁸⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 10. М., 1953. С. 17.
- ⁸⁹ См.: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Стенографический отчет. Вып. 1. Л. 83 — 84. У двух соратников, правда, была одна нестыковка в оценке указанной директивы: Сталин полагал ее «беспорно ошибочной», а Ворошилов — безукоризненно правильной.
- ⁹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 71. Л. 27 — 31.
- ⁹¹ См.: XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 27 — 28, 86 — 87.
- ⁹² Там же. С. 99.
- ⁹³ Джентри — так в то время в советской литературе, посвященной Китаю, обозначали шэньши, китайскую феодальную интеллигенцию.
- ⁹⁴ Заседание подготовительной китайской комиссии VII расширенного пленума ИККИ от 12 ноября 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 67. Л. 41.
- ⁹⁵ В 1918 — 1923 гг. революционер Мустафа Кемаль возглавлял антиимпериалистическую, антимонархическую революцию в Турции. Он пользовался поддержкой Советского правительства, которое рассматривало его по крайней мере до 1921 г. как «левого» националиста и вплоть до 1923 г. старалось контролировать его действия. Кемаль, однако, не стал советской марионеткой. Турецкая республика, провозглашенная в 1923 г., представляла собой буржуазное государство. Предвосхищая оппозицию своему курсу, в 1921 г. Кемаль устроил расправу над турецкими коммунистами. Советское руководство использовало выражения «кемалистский путь» и «кемализм» для характеристики буржуазного или капиталистического пути развития бывших колониальных или полуколониальных стран.

- ⁹⁶ Там же. Л. 45. *Выделено мной.*
- ⁹⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 68. Л. 40 – 49. После обсуждения этого проекта в китайской комиссии Исполкома Коминтерна Раскольников совместно с Бубновым внес в него некоторые принципиальные исправления. Новый проект получил название «Тезисы Бубнова – Петрова». Мануильский выступил с собственными тезисами, по существу мало чем отличавшимися от проекта Раскольникова.
- ⁹⁸ Заседание подготовительной китайской комиссии VII расширенного пленума ИККИ от 12 ноября 1926 г. Л. 49, 50 – 52, 55. *Выделено мной.*
- ⁹⁹ [Л. Миф]. Тезисы по китайскому вопросу к VII расширенному пленуму Исполкома Коминтерна. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 69. Л. 7, 8.
- ¹⁰⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 357 – 358.
- ¹⁰¹ Там же. С. 367, 368.
- ¹⁰² Там же. С. 365 – 366; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 103.
- ¹⁰³ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 366; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 103.
- ¹⁰⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 8. С. 368, 369.
- ¹⁰⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 273. Л. 14; Д. 278.
- ¹⁰⁶ Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 92 – 93.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 93.
- ¹⁰⁸ См.: там же. С. 97 – 98.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 99, 94, 96.
- ¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 34. См. также: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 571.
- ¹¹¹ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 233. Л. 61 – 72; Д. 240. Л. 1.

Часть IV

- ¹ Мне не удалось найти другие его работы того времени, где бы он выражал свои взгляды по проблемам Востока. Скорее всего, этих работ просто не было. В начале 1920-х гг. Троцкий занимался в ИККИ главным образом разработкой вопросов коммунистического движения во Франции и Германии. В «Манифесте II конгресса Коммунистического Интернационала» Востоку посвящено лишь несколько общих фраз.

- ² Л. Д. Троцкий. Доклад о мировом хозяйственном кризисе и новых задачах Коммунистического Интернационала. — Л. Д. Троцкий. Пять лет Коминтерна. Изд. 2-е, испр. и доп. М. — Л., 1925. С. 179 — 180.
- ³ См.: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution.* New York, 1932. P. 19.
- ⁴ *Ibidem.*
- ⁵ Письмо Троцкого было адресовано группе китайских троцкистов «Вомэньдэ хуа» («Наше слово») в ответ на послание, направленное ему членами этой организации из Шанхая 15 ноября 1929 г. Оригинал последнего документа, подписанный латинской буквой «Р» («Петр»), хранится в архиве Троцкого в Хотонской библиотеке Гарвардского университета (Russ 13.1. Document 1057); он был опубликован Троцким в «Бюллетене оппозиции (большевиков — ленинцев)», № 9 (февраль-март 1930 г.). С. 9 — 10.
- ⁶ Л. Троцкий. Китайской Левой оппозиции. — Там же. № 19 (март 1931 г.) С. 27.
- ⁷ См.: Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 198 — 199.
- ⁸ Л. Д. Троцкий. Доклад на заседании коммунистической фракции X съезда Советов с участием беспартийных делегатов (28 декабря 1922 г.). — Л. Д. Троцкий. Пять лет Коминтерна. С. 538 — 539.
- ⁹ Л. Троцкий. Мысли о партии. — Правда. 20 марта 1923 г.
- ¹⁰ Л. Д. Троцкий. Задачи XII съезда РКП (Доклад т. Троцкого на заседании VII Всеукраинской конференции 5 апреля 1923 г.). — Правда. 11 апреля 1923 г.
- ¹¹ Правда. 12 апреля 1923 г.
- ¹² Л. Троцкий. Перспективы и задачи на Востоке (Речь на трехлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21-го апреля 1924 года). — Л. Троцкий. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924. С. 33, 35.
- ¹³ Там же. С. 35, 41.
- ¹⁴ См.: Л. Троцкий. СССР и Япония (интервью корреспонденту «Осока Майнити» 24 апреля 1924 г.). — Известия. 24 апреля 1924 г.; он же. Первое мая на Западе и Востоке. К тридцать пятой годовщине Первомайского праздника. (Речь на

торжественном заседании пленума Московского Совета 29 апреля 1924 г.). — *Л. Троцкий*. Запад и Восток. С. 42 — 65; он же. Советско-японские взаимоотношения. Интервью, даное т. Троцким председателю о[бществ]а Ничиро Соофукай тов. Томизи Найто. — *Правда*. 18 июня 1924 г.

¹⁵ Цит. по: Письмо Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) и в Наркоминдел от 20 января 1923 г. — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 410. Л. 57.

¹⁶ Письмо Л. Д. Троцкого А. А. Иоффе от 20 января 1923 г. — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 410. Л. 54.

¹⁷ Письмо Л. Д. Троцкого Г. В. Чичерину. Копия И. В. Сталину от 2 ноября 1923 г. — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 415. Л. 3.

¹⁸ Письмо Л. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 26 июня 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 24. Л. 108.

¹⁹ *Л. Троцкий*. Китайская компартия и Гоминьдан. 27 сентября 1926 г. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 103 — 104. Данная записка впервые была опубликована в 1976 г. в переводе на английский язык (см.: Leon Trotsky on China. P. 113 — 120).

²⁰ Эти письма Троцкого Айзексу, хранящиеся в архиве Троцкого в Хотонской библиотеке Гарвардского университета, были впервые опубликованы Ван Фанси в переводе на китайский язык в «Шиюэ пинлунь» (обозрение «Октябрь»). 1991. № 6. С. 39 — 45.

²¹ Letter from L. D. Trotsky to H. R. Isaacs, November 1, 1937. — Trotsky Papers. bMS Russ. 13.1. Document 8558. P. 1, 2.

²² Letter from L. D. Trotsky to H. R. Isaacs, November 29, 1937. — Ibid. bMS Russ. 13.1. Document 8559. P. 1.

²³ См.: *Л. Троцкий*. СССР на стороне угнетенного Китая. — *Правда*. 23 сентября 1924 г.; он же. «Московский дух». — Там же. 6 июня 1925 г.

²⁴ См.: Доклад тов. Л. Д. Троцкого на VI губернском съезде текстильщиков 29 января 1926 г. — Там же. 31 января 1926 г.; Годовщина смерти Сунь Ятсена. (Выступление Л. Д. Троцкого и других деятелей ВКП(б) на митинге, посвященном годовщине дня смерти Сунь Ятсена) — Там же. 14 марта 1926 г. Помимо этого в указанный период, 12 марта 1926 г., Троцкий выступал по проблемам советско-китайских отношений в московском клубе «Красный Октябрь», но текст его доклада (он

- назывался «Китай и мы. Памяти Сунь Ятсена») обнаружить не удалось. (Упоминание о нем см.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 529. Л. 10.)
- ²⁵ I. Deutscher. *The Prophet Unarmed*. P. 321 – 322.
- ²⁶ См.: Л. Д. Троцкий. Конспект к заседанию Политбюро 18 марта 1926 г. — РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов. См. также письма Троцкого в Политбюро и Секретариат ЦК ВКП(б), Сталину и Чичерину по этому вопросу, написанные в январе — первой половине марта 1926 г. — Там же.
- ²⁷ См.: Выписка из протокола № 16 заседания Политбюро ЦК от 18 марта 1926 г. — Там же.
- ²⁸ Л. Д. Троцкий. Конспект к заседанию Политбюро 18 марта 1926 г. См. также: Л. Д. Троцкий. Речь о китайской революции. — Архив Троцкого. Харьков, 1999. С. 200 — 201. Эта речь Троцкого, произнесенная на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г., была впервые в сокращенном виде опубликована на английском языке в 1932 г. См.: L. Trotsky. *Problems of the Chinese Revolution*. P. 83 — 101.
- ²⁹ См.: Протокол № 16 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 марта 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 552. Л. 1; Письмо Л. Д. Троцкого в Секретариат ЦК ВКП(б) от 19 марта 1926 г. — Там же. Коллекция неразобранных документов.
- ³⁰ Троцкий предлагал включить в комиссию и Л. П. Серебрякова, которого Политбюро ЦК ВКП(б) 18 марта 1926 г. решило в ближайшее время командировать в Маньчжурию для ведения переговоров с Чжан Цзолинем. См.: Письмо Л. Д. Троцкого в Секретариат ЦК ВКП(б) от 19 марта 1926 г. Однако его предложение не было принято.
- ³¹ Это явствует из письма Троцкого Чичерину, Ворошилову, Рудзутаку, Серебрякову и Трилиссеру от 22 марта 1926 г. См.: РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов.
- ³² Проект решений комиссии, представленный Троцким в Политбюро ЦК ВКП(б) 25 марта 1926 г. — Там же.
- ³³ См.: Выписка из протокола № 17 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 марта 1926 г. — Там же. 27 марта это решение было подтверждено опросом членов Политбюро. См.: Протокол № 18 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 554. Л. 8.

- ³⁴ См.: Выписка из протокола № 18 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1926 г. — РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов.
- ³⁵ См.: там же. См. также: Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 174 — 181.
- ³⁶ Л. Д. Троцкий. Конспект к заседанию Политбюро 18 марта 1926 г.
- ³⁷ См.: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14 — 23 июля 1926 г. Вып. 1. Л. 15.
- ³⁸ См.: Л. Троцкий. Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 174 — 181. Этот документ был впервые опубликован в 1976 г. на английском языке. См.: Leon Trotsky on China. P. 102 — 110.
- ³⁹ Г. Зиновьев, Л. Троцкий. Факты и документы, которые должны стать доступны проверке каждого члена ВКП(б) и всего Коминтерна. Хронологическая справка. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 189. Л. 2.
- ⁴⁰ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14 — 23 июля 1926 г. Вып. 1. Л. 15. К этому вопросу Бухарин возвращался и на июльско-августовском (1927 г.) пленуме ЦК и ЦКК. См.: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Вып. 1. Л. 40.
- ⁴¹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14 — 23 июля 1926 г. Вып. 1. Л. 75. О выступлении оппозиционеров в апреле 1926 г. с предложением немедленного выхода коммунистов из Гоминьдана Сталин еще раз напомнил 27 сентября 1927 г., на объединенном заседании Президиума ИККИ и Интернациональной контрольной комиссии, обсуждавшем вопрос о «фракционной деятельности» Троцкого и В. Вуйовича. См.: Объединенное заседание Президиума Исполкома Коминтерна и Международной Контрольной Комиссии. 27 сентября 1927 г. Л. 28; И. В. Сталин. Соч. Т. 10. С. 154 — 155.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 55.
- ⁴³ Шестой, расширенный пленум Исполкома Коминтерна. С. 613.
- ⁴⁴ Отчет комиссии Ху Ханьмина по вопросам, относящимся к III Интернационалу. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 233. Л. 33. Этот архивный документ под названием «Запись беседы Ху Ханьмина с Г. Е. Зиновьевым» был впервые опублико-

- ван в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 36 – 40.
- ⁴⁵ См.: Отчет комиссии Ху Ханьмина по вопросам, относящимся к III Интернационалу. Л. 30.
- ⁴⁶ В особых папках хранились наиболее секретные решения Политбюро ЦК ВКП(б).
- ⁴⁷ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925 – 1936 гг. С. 71.
- ⁴⁸ Протокол № 27 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 мая 1926 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 561. Л. 1; Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г. Вып. 1. Л. 136 – 137. Троцкий на заседании отсутствовал. В то время он был в отпуске в Берлине. См.: Л. Троцкий. Моя жизнь. Т. II. С. 266.
- ⁴⁹ Троцкий имеет в виду Пекинские соглашения между СССР и Китаем относительно Китайско-Восточной железной дороги 31 мая 1924 г.
- ⁵⁰ Л. Троцкий. Речь о китайской революции. С. 200 – 201.
- ⁵¹ Протокол № 3 заседания пленума ЦК ВКП(б) и ЦКК от 14 – 15 июля 1926 г. Л. 4.
- ⁵² [Г. Е. Зиновьев]. Заявление к стенограмме Объединенного пленума ЦК и Центральной контрольной комиссии.
- ⁵³ В 1924 – начале 1925 г. Радек занимался Китаем, движимый собственным интересом. После поражения гамбургского восстания 1923 г., в подготовке которого он играл видную роль, его, по существу, отстранили от всех дел в Коминтерне. Только весной 1925 г. он вновь получил реальное дело – его назначили в комиссию (вместе с Бройдо и Войтинским), занявшуюся организацией в Советской России Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. См.: письма Г. Н. Войтинского Л. М. Карахану от 4 июня 1924 г. и 22 апреля 1925 г. – РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов. Последнее из этих писем было опубликовано в 1994 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. С. 549 – 553.
- ⁵⁴ См., например: Империалистическая интервенция и гражданская война в Китае. Доклад т. Радека в Большом театре. – Китай в огне войны. М., 1924. С. 23 – 61 (этот же доклад, прочитанный 22 сентября 1924 г., был опубликован в сбор-

нике «Руки прочь от Китая!» [М., 1924. С. 3 — 22]); *К. Радек*. Вождь китайского народа. — Правда. 14 марта 1925 г.; он же. Вопросы китайской революции. — Красный Интернационал профсоюзов. 1925. № 10. С. 26 — 42; он же. Международное обозрение. Итоги шанхайских событий. — Известия. 11 октября 1925 г.; он же. Что надо говорить крестьянству о китайской революции. — Спутник агитатора (для деревни). 1925. № 2 (21). С. 19 — 24; он же. Социально-политические идеи Сунь Ятсена. — Правда. 12 марта 1926 г.; он же. Поражение народных армий в Китае. — Там же. 26 марта 1926 г.; он же. Историческое значение шанхайских событий (Вместо предисловия). — П. Миф. Уроки шанхайских событий. М., 1926. С. 3 — 6; он же. Жизнь и дело Сунь Ятсена. — С. Далин. В рядах китайской революции. М. — Л., 1926. С. 3 — 24.

⁵⁵ *К. Радек*. Вопросы китайской революции. С. 39. Эта статья была написана в августе, а опубликована в октябре 1925 г. Комментируя ее спустя почти два года, Троцкий говорил: «Радек писал в 1925 году на основании ложных и оптимистических официальных сведений» (Л. Троцкий. Речь о китайской революции. С. 196). О том же в марте 1927 г. вспоминал и сам Радек: «Меня работники Коминтерна привели к тому, что я поверил, что в Кантоне [Гуанчжоу] есть рабоче-крестьянская власть. Теперь, зная факты, я не поверю на слово даже передовице журнала "Коммунистический Интернационал"» (Заключительное слово тов. Радека [о китайской революции в Коммунистической академии]. — РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 32. Л. 181). В начале мая 1927 г. он вновь вернется к этому вопросу: «Полная дезинформация, приукрашивание действительности в коминтерновских докладах явились источником моей ошибочной оценки классового характера кантонского [гуанчжоуского] правительства. Опираясь на доклады восточных работников Коминтерна, подкрепленные воззваниями Гоминьдана, я думал, что кантонское [гуанчжоуское] правительство есть на деле "образец действительного революционно-демократического строительства", т. е. рабоче-крестьянское правительство» (*К. Радек*. «Измена» китайской крупной буржуазии национальному

- движению. — РГАСПИ. Коллекция неразобран-
ных документов).
- ⁵⁶ К. Радек. Об основах коммунистической поли-
тики в Китае. — РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 24.
Л. 105. Эта работа была впервые опубликована
в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и националь-
но-революционное движение в Китае. Т. II.
С. 262 — 265.
- ⁵⁷ К. Радек. Историческое значение шанхайских
событий. С. 4. См. также: К. Радек. Год китай-
ской революции. — Правда. 30 мая 1926 г.
- ⁵⁸ К. Радек. Поражение народных армий в Китае.
Радек по существу повторил Войтинского, ко-
торый, как уже говорилось, первым, еще 24 мар-
та, опубликовал успокоительную статью в
«Правде».
- ⁵⁹ К. Радек. Об основах коммунистической поли-
тики в Китае. Л. 105.
- ⁶⁰ Там же. Л. 104 — 105, 106.
- ⁶¹ Письмо Л. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 26 июня
1926 г. Л. 108.
- ⁶² Письмо Л. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 30 авгу-
ста 1926 г. — Коммунистическая оппозиция в
СССР. Т. 2. С. 57.
- ⁶³ В этой связи представляется ошибочным утвер-
ждение Брандта о том, что вплоть до марта
1927 г. Троцкий не интересовался китайскими
делами (см.: С. Brandt. Stalin's Failure in China.
P. 156).
- ⁶⁴ Письмо Л. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 30 авгу-
ста 1926 г. С. 57.
- ⁶⁵ См.: там же.
- ⁶⁶ См.: Письмо К. Б. Радека в Секретариат ЦК
ВКП(б) от 31 августа 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 530.
Оп. 1. Д. 10. Л. 79. См. также: ВКП(б), Коминтерн
и национально-революционное движение в Ки-
тае. Т. I. С. 353.
- ⁶⁷ См.: Письмо Л. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 30
августа 1926 г. С. 57.
- ⁶⁸ Л. Троцкий. Китайская компартия и Гомишъдан.
С. 103.
- ⁶⁹ Информация о масштабах и характере массо-
вого движения в Китае, которой располагал
Коминтерн, не всегда соответствовала действи-
тельности. Подробнее см.: Л. П. Делюсин,
А. С. Костяева. Революция 1925 — 1927 гг. в Ки-
тае. Проблемы и оценки. М., 1985; А. С. Костяе-

- ва. Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX века). М., 1978. С. 72 — 76; Новейшая история Китая. 1917 — 1927. С. 251 — 265.
- ⁷⁰ Л. Троцкий. Китайская компартия и Гоминьдан. С. 103.
- ⁷¹ Там же. С. 103, 104.
- ⁷² Там же. С. 105, 107; Л. Троцкий. К пятнадцатой партийной конференции. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 98.
- ⁷³ Л. Троцкий. Китайская компартия и Гоминьдан. С. 107.
- ⁷⁴ См.: там же; Л. Троцкий. К пятнадцатой партийной конференции. С. 98.
- ⁷⁵ Л. Троцкий. К пятнадцатой партийной конференции. С. 105.
- ⁷⁶ См.: Л. Троцкий. Речь о китайской революции. С. 201.
- ⁷⁷ Имеется в виду декларация Компартии Китая, принятая пленумом Центрального исполнительного комитета КПК 12 июля 1926 г.
- ⁷⁸ Письмо К. Б. Радека в Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 сентября 1926 г. — РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 10. Л. 87 — 87 оборот. Это письмо было впервые процитировано Вуйовичем на VIII пленуме ИККИ. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 191. Л. 28. Выступление Вуйовича в переводе на английский (он говорил по-французски) см. также в кн.: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*. P. 382 — 396. Текст самого письма Радека был впервые опубликован в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 469 — 470.
- ⁷⁹ Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена планировал издать шесть таких сборников, посвященных общим проблемам рабочего движения в Китае, шанхайским событиям 1925 г., аграрному вопросу и крестьянскому движению, национальному движению и политическим группировкам в Китае, а также основным сюжетам китайской истории. Удалось, однако, издать только первый сборник.
- ⁸⁰ См.: К. Радек. Вопросы китайской революции. — Вопросы китайской революции. Т. 1. Положение пролетариата и развитие рабочего движения в Китае. М. — Л., 1927. С. 233 — 256.
- ⁸¹ См.: XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 87.

- ⁸² См.: *К. Радек*. История революционного движения в Китае. Курс 1926-27 гг. 17 лекций. М., 1926—1927.
- ⁸³ См.: *М. Жаков*. Отражение феодализма в «Мэн-Цзы». М., 1927.
- ⁸⁴ См.: Доклад товарища Радека. — АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 2а. Л. 2—28.
- ⁸⁵ В обсуждении принимали участие исследователи Горев, М. П. Жаков, Покровский, Рубач и Фридлянд.
- ⁸⁶ Не случайно поэтому в заключительном слове по итогам дискуссии в Обществе историков-марксистов он с легкой иронией заметил: «Без гипотезы нельзя идти в работу по изучению китайской истории. И я взял на себя смелость выставить эту гипотезу с тем, что через 20 лет меня, может быть, будут расстреливать за неправильную гипотезу» (там же. Л. 57). Его не расстреляют. Он будет зарезан в тюрьме после того, как сталинский суд, на котором ему припомнят его участие в оппозиции, приговорит его к десяти годам лишения свободы. Это случится раньше, чем через 20 лет, в 1939 г.
- ⁸⁷ Там же. Л. 11.
- ⁸⁸ См.: *К. Радек*. Ленин и китайская революция. — Правда. 21 января 1927 г.
- ⁸⁹ См.: *К. Радек*. Новый этап в китайской революции. — Новый мир. 1927. № 3. С. 146-159. Этот номер вышел в печать 6 февраля 1927 г.
- ⁹⁰ См.: *К. Радек*. Тезисы по китайскому вопросу. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 192—193.
- ⁹¹ См., например: *Г. Зиновьев*. набросок о задачах нашей внешней политики перед лицом ухудшения международного положения СССР. — Там же. С. 156—158; он же. Несколько тезисов о китайск[ой] революции. — РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 348. Л. 1—8.
- ⁹² Эта часть XIV тома, озаглавленная «Коммунистический Интернационал. Новый этап. 1921—1924», так и не увидела свет.
- ⁹³ [*А. Д. Троцкий*]. О Китае. — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 531. Л. 126—127.
- ⁹⁴ Письмо А. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 4 марта 1927 г. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 193—196.

Часть V

- ¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 64.
- ² Там же. Л. 71 – 72. Это постановление было впервые опубликовано в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 632 – 633.
- ³ См.: там же. Л. 83.
- ⁴ Войтинский проинформировал Москву о путчистских намерениях Чан Кайши уже в конце февраля 1927 г. (См. Запись беседы т. Григория [Войтинского] с Чан Кайши от 22 февраля 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 – 13. См. также: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 630 – 631).
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 90 – 93. См. также: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 658 – 659.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 311. Л. 32.
- ⁷ Правда. 15 марта 1927 г.
- ⁸ Доклад Радека был включен в повестку дня заседания Коммунистической академии, посвященного двухлетней годовщине со дня смерти Сунь Ятсена, 10 марта 1927 г. Бюро Президиума академии приняло явно непродуманное решение, постановив, что доклад будет подготовлен от имени академии (см.: АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 103. Л. 29). На следующий день «Правда» известила о будущем выступлении Радека.
- ⁹ Э. Кэпп (A History of Soviet Russia. Foundations of a Planned Economy. 1926 – 1929. Vol. I. London, 1971. P. 132) ошибочно утверждает, что среди оппонентов Радека в Коммунистической академии присутствовал Ворошилов. На самом деле в дискуссии принимал участие секретарь Ворошилова по внешнеполитическим делам С. С. Иоффе.
- ¹⁰ Радек ошибается. Ленин выразил эту идею в своем «Докладе комиссии по национальному и колониальному вопросам», и притом следующим образом: «Мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьян-

- ство и широкие массы эксплуатируемых» (В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала. С. 243 – 244).
- ¹¹ К. Б. Радек. Движущие силы китайской революции. — РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 32. Л. 145, 146, 147; Заключительное слово тов. Радека [о китайской революции в Коммунистической академии]. — Там же. Л. 177 – 178.
- ¹² К. Б. Радек. Движущие силы китайской революции. Л. 153.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 311. Л. 26, 32.
- ¹⁴ В соответствии со своими представлениями о китайском обществе он отнес к китайской буржуазии всех крупных землевладельцев.
- ¹⁵ К. Радек. Во вторую годовщину смерти Сунь Ятсена. — Известия. 15 марта 1927 г.
- ¹⁶ См.: С. Далли. Сунь Ятсен. Ко 2-й годовщине его смерти (12 марта 1925 г.). — Правда. 12 марта 1927 г.
- ¹⁷ См.: Г. Зиновьев, Л. Троцкий. Факты и документы, которые должны стать доступны проверке каждого члена ВКП(б) и всего Коминтерна. Л. 2.
- ¹⁸ Революция в Китае и Гоминьдан. — Правда. 16 марта 1927 г.
- ¹⁹ К. Радек. Шанхай пал. — Известия. 22 марта 1927 г.
- ²⁰ См.: Правда. 31 марта 1927 г. См. также: И. В. Сталин. Соч. Т. 9. С. 201.
- ²¹ Л. Троцкий. По поводу китайской революции. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 200 – 202.
- ²² См.: М. Альский. Кантон побеждает... М., 1927. С. 141.
- ²³ См.: Письмо Л. Д. Троцкого М. Альскому от 29 марта 1927 г. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 211 – 214.
- ²⁴ [Г. Е. Зиновьев]. Несколько тезисов о китайск[ой] революции. Л. 4, 5.
- ²⁵ См.: Письмо Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 марта 1927 г. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 224 – 226.
- ²⁶ Эта статья («Классовые отношения в китайской революции»), как и многие другие, так и не была в то время опубликована. Ее перевод на английский язык см. в кн.: Leon Trotsky on China. P. 136 – 148.
- ²⁷ См.: Записки Л. Д. Троцкого о китайской революции от 5 и 6 апреля 1927 г. — РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов.

- ²⁸ Бюро Московского комитета партии планировало провести это собрание еще 21 марта, но в связи с болезнью Бухарина оно было отложено (см.: там же. Ф. 17. Оп. 20. Д. 194. Л. 94, 100).
- ²⁹ Доклад Н. И. Бухарина о китайской революции активу Московской организации 4 апреля 1927 г. — Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 5, 6. Этот доклад позже в сильно переработанном виде был опубликован под названием «Проблемы китайской революции» в сборнике статей, озаглавленном «Вопросы китайской революции» (М.-Л., 1927. С. 57 — 122). Другая, также значительно отредактированная версия доклада была изложена «Правдой» 19 апреля 1927 г.
- ³⁰ Доклад Н. И. Бухарина о китайской революции активу Московской организации 4 апреля 1927 г. Л. 2 — 4, 5.
- ³¹ Эта речь в то время не публиковалась, и ее официальная стенограмма не распространялась. Попытки Троцкого и других деятелей оппозиции получить ее текст в Секретариате ЦК, у секретарей Сталина и Бухарина, а также в Московском комитете партии не увенчались успехом. См.: РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307/1. Л. 215; Ф. 495. Оп. 166. Д. 189. Л. 3. Наиболее полное изложение речи дал тогда В. Вуйович, процитировавший на VIII пленуме ИККИ свои «точные заметки». Он, однако, ошибся в ее датировке. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 191. Л. 31 — 32; *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*. P. 382 — 396. Нежелание Сталина сделать свое выступление достоянием широкой общественности понятно. Развитие событий в Китае настолько быстро опровергло его основные выводы, что выправить стенограмму не представлялось возможным. С помощью Мартынова Сталин попытался на основании речи подготовить хотя бы краткие тезисы, однако в конце концов отказался и от их публикации. См.: *И. В. Сталин. Тезисы о китайском вопросе*. — РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2848. Л. 1 — 8.
- ³² Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 152 — 158.
- ³³ О выступлении Радека см.: *Г. Зиновьев, Л. Троцкий. Факты и документы, которые должны стать доступны проверке каждого члена ВКП(б) и всего Коминтерна*. Л. 3.

- ³⁴ А. Мартынов. Проблема китайской революции. — Правда. 10 апреля 1927 г.
- ³⁵ См.: РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов. Эта работа впервые увидела свет в 1980 г. в переводе на немецкий язык. См.: *L. Trotzki. Schriften. Bd. 2. über China. Part 1. (1924-1928).* [Hamburg], 1990. S. 155 — 157.
- ³⁶ См.: [Г. Е. Зиновьев]. К урокам китайской революции. По поводу статьи тов. А. Мартынова. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 188. Л. 2 — 20.
- ³⁷ Письмо В. Д. Каспаровой и Г. А. Шкловского в ЦК ВКП(б) и ЦКК. Не ранее 12 апреля 1927 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 71. Д. 78. Л. 4 — 5.
- ³⁸ *L. Trotsky. Fighting against the Stream. April 1939.* — *Writings of Leon Trotsky (1938-9)*. P. 352. Аналогичные идеи были высказаны Троцким в его автобиографии. См.: *Л. Троцкий. Моя жизнь*. С. 275 — 276.
- ³⁹ Макс Шахтман, впервые опубликовавший этот зиновьевский документ под названием «Тезисы о китайской революции», ошибочно датировал его 15 апреля 1927 г. См.: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution*. P. 313.
- ⁴⁰ [Г. Е. Зиновьев]. Проект резолюции [апрельского (1927 г.) пленума ЦК ВКП(б)]. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 187. Л. 156 — 163.
- ⁴¹ Сведения о шанхайских событиях стали известны широкой общественности только утром 14 апреля.
- ⁴² Г. Зиновьев. Тезисы по китайскому вопросу. Л. 57.
- ⁴³ См.: Пленум ЦК ВКП(б) 13 — 16 апреля 1927 г. Стенографический отчет. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 284. Л. 23. В этой связи установить, каково было содержание решений высшего органа партии, о которых докладывал Рыков, не представляется возможным. Судя по архивным протоколам, между 7 и 16 апреля 1927 г. заседания Политбюро не было. 16 апреля Политбюро приняло постановление предоставить уханьскому гоминьдановскому правительству, главному оппоненту Чан Кайши, заем в размере трех миллионов долларов (см.: там же. Оп. 162. Д. 4, Л. 102). Возможно, Рыков проинформировал пленум об этом решении.
- ⁴⁴ Правда. 19 апреля 1927 г.

- ⁴⁵ См.: Г. Зиновьев, Л. Троцкий. Факты и документы, которые должны стать доступны проверке каждого члена ВКП(б) и всего Коминтерна. Л. 3.
- ⁴⁶ См.: Воззвание Исполкома Коминтерна в связи с контрреволюционным переворотом Чан Кайши. — Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 110 — 113. См.: также редакционную статью «Правды» от 15 апреля 1927 г.
- ⁴⁷ По справедливому предположению Э. Карра, автором этой статьи являлся Мартынов. См.: *E. Carr. A History of Soviet Russia. Foundations of a Planned Economy. 1926 — 1929. Vol. I. P. 145.*
- ⁴⁸ См.: Коммунистический Интернационал. 1927. № 16 (90). С. 3 — 10.
- ⁴⁹ Л. Троцкий. О лозунге Советов в Китае. — РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307. Л. 329.
- ⁵⁰ Там же. Л. 328.
- ⁵¹ Оригинал документа см.: Письмо Т. Г. Мандаляна, Н. М. Насонова, Н. А. Фокина и А. Е. Альбрехта в русскую делегацию ИККИ от 17 марта 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 2. Д. 11. Л. 19 — 44. Это письмо в дальнейшем активно использовалось как оппозиционерами, так и сталинистами во взаимной борьбе. Правда, странным образом ни те ни другие никогда не упоминали, что среди его авторов был Мандалян. Фамилия последнего отсутствует и на всех известных мне копиях оригинала. Не упоминается имя Мандаляна и в английском переводе письма, опубликованном Шахтманом (см.: *L. Trotsky. Problems of the Chinese Revolution. P. 397 — 432.*)
- ⁵² См.: [Л. Д. Троцкий]. Положение в Китае после переворота Чан Кайши и перспективы. — РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307-2. Л. 118 — 114.
- ⁵³ Институт красной профессуры готовил будущих советских преподавателей общественных наук, а также партийных и государственных чиновников. Основанный в 1921 г. он был разделен на несколько школ в 1930 — 1931 гг.
- ⁵⁴ См.: Л. Троцкий. Не надо мусору. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 785. Д. 34. Л. 83 — 90.
- ⁵⁵ Письмо Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого в Политбюро, в Президиум ЦКК. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 234. Фельштинский, опубликовавший этот документ, допустил неточность. В его публикации отсутствует ука-

- знание на то, что это письмо, помимо Зиновьева, было подписано Троцким. Публикатор ошибся и в датировке текста, отнеся документ к началу апреля 1927 г.
- ⁵⁶ См.: *Л. Троцкий*. Китайская революция и тезисы т. Сталина. — РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307. Л. 307.
- ⁵⁷ См.: *И. В. Сталин*. Вопросы китайской революции. Тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б). — Соч. Т. 9. С. 221 — 230.
- ⁵⁸ См.: *И. В. Сталин*. К вопросам китайской революции. Ответ т. Марчулину. — Соч. Т. 9. С. 232 — 238; он же. Беседа со студентами Университета имени Сун Ят-сена. — там же. С. 239 — 268; он же. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Речь на X заседании VIII пленума ИККИ 24 мая 1927 г. — там же. С. 282 — 312.
- ⁵⁹ См.: О тезисах т. Зиновьева по китайскому вопросу. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 634. Л. 16 — 32.
- ⁶⁰ *Л. Троцкий*. Китайская революция и тезисы т. Сталина. Л. 301. Эта работа впервые увидела свет в 1932 г. в переводе на английский язык. См.: *L. Trotsky*. Problems of the Chinese Revolution. P. 23 — 82. Русский текст был впервые опубликован в 1999 г. См.: Архив Троцкого. Т. 1. С. 142 — 182.
- ⁶¹ *Л. Троцкий*. Китайская революция и тезисы т. Сталина. Л. 299.
- ⁶² Там же. Л. 298 — 296.
- ⁶³ Там же. Л. 306, 305, 304, 302, 301, 295.
- ⁶⁴ См.: *К. Б. Радек*. «Измена» китайской крупной буржуазии национальному движению. — РГАСПИ. Коллекция неразобранных документов. Эта работа впервые была опубликована в 1999 г., правда под иным названием. См.: Архив Троцкого. Т. 1. С. 80 — 142.
- ⁶⁵ Письмо Л. Д. Троцкого К. Б. Радеку от 14 мая 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 359. Л. 113.
- ⁶⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 350. Л. 14 — 18, 43, 48 — 51, 51а.
- ⁶⁷ Черновой вариант этой статьи см.: там же. Л. 1 — 68.
- ⁶⁸ См.: *Г. Зиновьев*. Вынужденный ответ. — РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 107. Л. 35 — 79.
- ⁶⁹ *Л. Троцкий*. Верный путь. — РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307. Л. 312. Эта работа была впервые опубликована Максом Шахтманом в 1932 г. на

- английском языке. См.: *L. Trotsky. Problems of the Chinese revolution*. P. 112—119. Шахтман, правда, ошибочно датировал ее 27 мая 1927 г. Русский текст статьи был впервые издан в 1999 г. См.: Архив Троцкого. Т. 1. С. 182—188.
- ⁷⁰ Письмо Г. Е. Зиновьева Н. К. Крупской от 16 мая 1927 г. — Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 206—207; Письмо Л. Д. Троцкого Н. К. Крупской к вопросу о «самокритике» от 17 мая 1927 г. — Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 57—59.
- ⁷¹ См.: АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 150. Л. 45—64.
- ⁷² [Г. Е. Зиновьев]. Еще к урокам китайской революции. Потрясающий документ. — РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 436. Л. 3—25.
- ⁷³ См.: *Тан-Пин-Сян* [Тань Пиншань]. Пути развития китайской революции. М. — Л., 1927.
- ⁷⁴ Протокол № 101 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 мая 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 634. Л. 6—7.
- ⁷⁵ Там же. Л. 2.
- ⁷⁶ См.: *Leon Trotsky on China*. P. 210—214.
- ⁷⁷ См.: Протокол № 101 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 мая 1927 г. Л. 33—36.
- ⁷⁸ См.: А. Свечин. Военное искусство в будущей войне. — Правда, 1 мая 1927 г.
- ⁷⁹ См.: Протокол № 101 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 мая 1927 г. Л. 1—2.
- ⁸⁰ См.: О выступлении т. Зиновьева 9 мая на собрании, посвященном Дню печати и 15-летию «Правды». — Правда 13 мая 1927 г.; К. Николаева. Как нельзя понимать единство партии. — Там же. 17 мая 1927 г.
- ⁸¹ Телеграмма Политбюро ЦК ВКП(б) М. М. Бородину, М. Н. Рою и Люксу (О. Ю. Пличе) от 30 мая 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 30. Эта телеграмма была впервые опубликована в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 763—764.
- ⁸² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 8—9.
- ⁸³ См.: Письмо Политбюро ЦК ВКП(б) в Исполком Коминтерна от 19 мая 1927 г. Копия членам ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б). — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 635. Л. 15—17.
- ⁸⁴ См.: Л. Д. Троцкий. Компартия и Гоминьдан. — Архив Троцкого. Т. 1. С. 215—217. Эта работа была впервые опубликована на английском языке в 1976 г. См.: *Leon Trotsky on China*. P. 199—201.

- ⁸⁵ Два последних документа обнаружить в архивах не удалось.
- ⁸⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 189. Л. 2–7.
- ⁸⁷ См.: В Центральный комитет ВКП(б). «Заявление 83-х». — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 88. Л. 39–45. См. также: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 3. С. 60–72.
- ⁸⁸ Черновые материалы к этой статье см. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–55; Д. 352. Л. 27–52.
- ⁸⁹ См.: Л. Троцкий. Речь о китайской революции 24 мая 1927 г. — Там же. Ф. 495. Оп. 166. Д. 190. Л. 86–95; он же. По личному вопросу. — Там же. Л. 116; он же. Заявление 30 мая 1927 г. — Там же. Л. 123–128; он же. Неужели же не пора понять? — Там же. Д. 195. Л. 1–3; он же. Ханькоу и Москва. — Там же. Д. 198. Л. 4 или Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307. Л. 311; он же. Пора понять, пора пересмотреть, пора изменить. — Там же. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307. Л. 281. См. также: Архив Троцкого. Т. 1. С. 188–215; Leon Trotsky on China. P. 216–248.
- ⁹⁰ В то время периодические издания КПК выходили не чаще одного раза в неделю.
- ⁹¹ Л. Троцкий. Пора понять, пора пересмотреть, пора изменить.
- ⁹² См.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. С. 116–133. Резолюция о Китае была написана Бухариным.
- ⁹³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 8-9, 29-30, 33-34, 36–38, 42, 49–51. Эти телеграммы были впервые опубликованы в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 763-764, 770-771, 774-775, 804-805.
- ⁹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 46. См. также: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 803.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 54; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 817.
- ⁹⁶ Резолюция о выступлении гг. Троцкого и Вуйовича на пленарном заседании ИККИ. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 166. Д. 71. Л. 1–8.
- ⁹⁷ См.: Стенограмма объяснений Г. Е. Зиновьева в комиссии ЦКК ВКП(б) 13 августа 1927 г. — Там же. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307. Л. 280–216; Стенограмма объяснений Л. Д. Троцкого в комиссии ЦКК ВКП(б) 14 августа 1927 г. — Там же. Л. 215–184.

- ⁹⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925 – 1936 гг. С. 102.
- ⁹⁹ Дойчер ошибочно датирует это заседание 24 июля 1927 г. Его ошибку повторяют Эванс и Блок. (См.: *I. Deutscher. The Prophet Unarmed*. P. 341; *Leon Trotsky on China*. P. 632).
- ¹⁰⁰ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 126.
- ¹⁰¹ См.: [А. Д. Троцкий]. От Чан Кайши к Ван Цзинвэю. О нынешнем этапе китайской революции. – РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 354. Л. 1 – 12 или Ф. 325. Оп. 1. Д. 359. Л. 4 – 16, или Ф. 326. Оп. 2. Д. 95. Л. 165 – 176.
- ¹⁰² См.: [Г. Е. Зиновьев]. Заметки по вопросу о выходе КПК из гоминьдана. – Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 351. Л. 5 – 8; см. также замечания Зиновьева на полях заявления Троцкого в Президиум ЦКК. – Там же. Д. 354. Л. 1 – 12.
- ¹⁰³ А. Троцкий. Почему мы не требовали до сих пор выхода из гоминьдана? – Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 130 – 131.
- ¹⁰⁴ См. замечания Радека на полях заявления Троцкого в Президиум ЦКК. – РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 2. Д. 95. Л. 165 – 176.
- ¹⁰⁵ См.: Письмо Г. Е. Зиновьева, А. Д. Троцкого, К. Б. Радека и Г. Е. Евдокимова в Политбюро ЦК ВКП(б), в Президиум ЦКК, в Исполком Коминтерна от 25 июня 1927 г. – Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 131 – 132.
- ¹⁰⁶ См.: Г. Е. Евдокимов, Г. Е. Зиновьев, К. Б. Радек, Г. И. Сафаров, А. Д. Троцкий. Новый этап китайской революции. От Чан Кайши к Ван Цзинвэю. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 88. Л. 1 – 29. Этот документ впервые был опубликован Фельштинским. См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 223 – 248.
- ¹⁰⁷ Письмо Г. Е. Евдокимова, Г. Е. Зиновьева и А. Д. Троцкого в ЦКК ВКП(б) в Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июля 1927 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 88. Л. 30 – 31.
- ¹⁰⁸ См.: Письмо В. Вуйовича, Г. Е. Зиновьева и А. Д. Троцкого в Президиум ИККИ от 7 июля 1927 г. – Там же. Ф. 495. Оп. 3. Д. 25. Л. 69. Это письмо впервые (правда, без указания точной даты) было опубликовано на английском языке в кн.: *Leon Trotsky on China*. P. 251.
- ¹⁰⁹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925 – 1936 гг. С. 104.

- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ См.: Н. Бухарин. Текущий момент китайской революции. — Правда. 30 июня 1927 г.
- ¹¹² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925—1936 гг. С. 107.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 65—66. Эта директива была впервые опубликована в 1996 г. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. С. 842—843.
- ¹¹⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925—1936 гг. С. 108.
- ¹¹⁵ Там же. С. 116.
- ¹¹⁶ См.: И. В. Сталин. Заметки на современные темы. — Соч. Т. 9. С. 331—361.
- ¹¹⁷ Социалистический союз молодежи Китая (ССМК) был переименован в коммунистический (КСМК) в январе 1925 г.
- ¹¹⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925—1936 гг. С. 115.
- ¹¹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 34. Л. 1—24.
- ¹²⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925—1936 гг. С. 107.
- ¹²¹ Стенографический отчет пленума см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317.
- ¹²² Последний тезис особенно активно обосновывал Зиновьев, еще до пленума изложивший свои взгляды по данной проблеме в трех крупных работах — «События в Китае», «Наше международное положение и опасность войны» и «Контурсы грядущей войны и наши задачи» (см.: РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 34, Л. 1—24; Д. 357. Л. 1—38; Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 19—29). Последнюю из них Зиновьев направил в Политбюро ЦК ВКП(б) для распространения среди членов и кандидатов в члены ЦК. Впоследствии она была опубликована в качестве приложения к первому выпуску стенографического отчета пленума. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317/1. Л. 168—178.
- ¹²³ См.: Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. Изд. 6-е, доп. М., 1941. С. 170—179, 189—193.
- ¹²⁴ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925—1936 гг. С. 111.
- ¹²⁵ Там же. С. 117.

- ¹²⁶ Там же. С. 108, 117.
- ¹²⁷ См., например: *И. В. Сталин*. Беседа со студентами Университета имени Сун Ят-сена 13 мая 1927 г. С. 256 – 258.
- ¹²⁸ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля – 9 августа 1927 г. Стенографический отчет. Вып. 1. Л. 167.
- ¹²⁹ См.: Правда. 26 июля 1927 г.
- ¹³⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317/1. Л. 61, 66, 142.
- ¹³¹ См.: *Л. Д. Троцкий*. Новые возможности китайской революции, новые задачи и новые ошибки. – Архив Троцкого. Т. 1. С. 274 – 287. См. также Письмо Л. Д. Троцкого Г. Е. Зиновьеву от 17 сентября 1927 г. – Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 – 1927. Т. 4. С. 177.
- ¹³² Второе письмо Л. Д. Троцкого Е. А. Преображенскому из Алма-Аты. – РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 489. Л. 5. Публикацию большей части этого письма в переводе на английский язык см. в кн.: *Leon Trotsky on China*. P. 279 – 287.
- ¹³³ *Л. Троцкий*. Заметки от 25 июня 1927 г. – Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. С. 132 – 134.
- ¹³⁴ Там же. С. 134.
- ¹³⁵ *Л. Д. Троцкий*. Новые возможности китайской революции, новые задачи и новые ошибки. С. 282.
- ¹³⁶ Там же. С. 283, 284.
- ¹³⁷ См.: Архив Троцкого. Т. 1. С. 287 – 297.
- ¹³⁸ См.: Письмо Л. Д. Троцкого Г. Е. Зиновьеву от 22 сентября 1927 г. – Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 177 – 178.
- ¹³⁹ Там же. Т. 4. С. 160.
- ¹⁴⁰ См.: Протокол № 46 заседания Политсекретариата ИККИ от 24 сентября 1927 г. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 36. Л. 3.
- ¹⁴¹ См.: Объединенное заседание Президиума Исполкома Коминтерна и Международной Контрольной Комиссии. 27 сентября 1927 года. Стенографический отчет. Л. 1 – 33. Первыми из материалов этого заседания, уже в конце 1927 г., были опубликованы отредактированные фрагменты из речи Сталина (см.: Коммунистический Интернационал. 1927. № 41 (115). С. 19 – 24; см. также: *И. В. Сталин*. Соч. Т. 10. С. 153 – 167). В 1976 г. был опубликован английский перевод части выступления Троцкого, посвященной Китаю (см.: *Leon Trotsky on China*. P. 270 – 273). В 1980 г. речь Троцкого, также на английском, была изда-

- на полностью (см.: The Challenge of the Left Opposition. 1926 – 1927. New York, 1980. P. 213 – 220). Выдержки из стенограммы на русском языке были опубликованы в начале 1992 г. Ю. Т. Гуточкиным и Ф. И. Фирсовым (см.: Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 76 – 88).
- ¹⁴² См.: Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. С. 220.
- ¹⁴³ См.: Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 250 – 266.
- ¹⁴⁴ См.: XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). М.-Л., 1928. С. 1337, 1338.
- ¹⁴⁵ См.: там же. С. 1317 – 1319.
- ¹⁴⁶ См.: там же. С. 1266 – 1267.

ЧАСТЬ VI

- ¹ Правда. 30 июня 1920 г.
- ² 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1921. С. 165 – 166.
- ³ Под знаменем Ильича. 8 мая 1926 г.
- ⁴ См.: Жизнь национальностей. 15 мая 1921 г.; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 36. С. 194; Под знаменем Ильича. 8 мая 1926 г.
- ⁵ Жизнь национальностей. 14 мая 1921 г.
- ⁶ См.: там же. 22 мая 1921 г.; Под знаменем Ильича. 8 мая 1926 г. Ко времени открытия КУТВ в Советской России уже начали действовать учебные заведения, дававшие большевистскую подготовку участникам национально-освободительного и коммунистического движений в странах Ближнего и Среднего Востока. Так, в Баку в 1920 г. с этой целью открылась Социалистическая восточная академия (см.: Коммунист. Баку. 15 октября 1920 г.). В середине января 1921 г. состоялся первый выпуск курсантов ударных курсов Совета действия и пропаганды на Востоке (Жизнь национальностей. 17 марта 1921 г.). КУТВ же явился первой школой систематического обучения революционеров из большинства стран Востока, в том числе из Китая.
- ⁷ Решение по этому вопросу было принято Оргбюро ЦК ВКП(б) (см.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1.

- Д. 27. Л. без №). Внутреннее преобразование УТК в коммунистический вуз (перестройка программ обучения, изменение условий приема, усиление партийно-политической работы) затянулось вплоть до начала 1929/30 учебного года (см.: Г. В. Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая. — Проблемы Дальнего Востока. 1977. № 2. С. 173).
- ⁸ Гунчань цзачжи. 1929. № 1. С. 5.
- ⁹ Китайское наименование университета менялось только единожды, в 1928 г. До осени 1928 г. оно звучало как «Сунь Чжуншань дасюэ», или «Сунь Вэнь дасюэ», или «Сунь Исянь дасюэ» («Университет им. Сунь Ятсена»), затем — «Чжунго лаодун гунчаньчжун дасюэ» («Коммунистический университет трудящихся Китая»).
- ¹⁰ См.: Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921 — 1925). — Народы Азии и Африки. 1976. № 2. С. 52.
- ¹¹ См.: М. А. Персиц. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июнь 1920). С. 89. Большевицкая Дальневосточная республика (ДВР) существовала в 1920 — 1922 гг. как «буферное» государство между РСФСР и Японией.
- ¹² См.: Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926 — 1938 гг. — Народы Азии и Африки. 1979. № 5. С. 40.
- ¹³ См.: Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. A Personal Account. Lawrence, KS, 1971. P. 66.
- ¹⁴ См.: А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927 — 1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980. С. 271.
- ¹⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 41. Л. без №.
- ¹⁶ Цит. по: Р. А. Мировицкая. Советский Союз и КПК (конец 20-х — начало 30-х годов). — Опыт и уроки истории КПК (к 60-летию образования партии). М., 1981. С. 202.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Цзу Лао-жэнь [Бао Хуэйсэн]. До и после образования Коммунистической партии Китая. — Рабочий класс и современный мир. 1971. № 2. С. 120; Жэньминь жибао. 14 августа 1983 г.; Сяо

- Цзингуан. Фу Су сюэси цяньюу. С. 6; *D. Klein and A. Clark. Biographic Dictionary of Chinese Communism. Vol. 1. P. 241; Vol. 2. P. 982.*
- ¹⁹ См.: Сяо Цзингуан. Фу Су сюэси цяньюу. С. 6.
- ²⁰ См.: там же. С. 7.
- ²¹ См.: Цулао-жэнь. До и после образования Коммунистической партии Китая. С. 121.
- ²² *D. Klein and A. Clark. Biographic Dictionary of Chinese Communism. Vol. 2. P. 983.*
- ²³ Остальные выпускники первого набора школы (среди них, в частности, Пэн Шучжи) прибыли в Москву во второй половине сентября.
- ²⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 393. Л. 69 – 72.
- ²⁵ См.: Цзян Канху. Синь Э юцзи (Записки о путешествии в новую Россию). Шанхай, 1923. С. 35; РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 393. Л. 22-29, 61 – 64.
- ²⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 730. Л. без №; Ф. 532. Оп. 1. Д. 393. Л. 5, 17; Чжэн Чаолин хуэйилу. С. 59.
- ²⁷ Под знаменем Ильича. 26 апреля 1924 г.
- ²⁸ «Сравнительное преобладание интеллигенции в начале движения наблюдалось везде», — писал Ленин (см.: *В. И. Ленин. Как В. Засулич убивает ликвидаторство. — Полн. собр. соч. Т. 24. С. 22).*
- ²⁹ См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. P. 49; Чугунов (Чжоу Давэнь). Автобиография. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1036. Л. 1.*
- ³⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 35. Л. без №.
- ³¹ См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. P. 16.*
- ³² Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 3. Л. без №; Д. 42. Л. 79 без №.
- ³³ Судя по всему, последняя группа из этого набора (75 человек) прибыла в УТК 22 сентября 1926 г. (там же. Д. 42. Л. без №).
- ³⁴ См.: там же. Л. 68.
- ³⁵ См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. P. 21 – 22.*
- ³⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 874. Л. без №; Ф. 532. Оп. 1. Д. 393. Л. 5, 10, 21, 30; Чжэн Чаолин хуэйилу. С. 54-55, 62.
- ³⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 393. Л. 14, 18, 70.
- ³⁸ См.: там же. Л. 43.
- ³⁹ *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. P. 102; Цзян Цзэминь. Цзай Фаго, Билиши циньгун цзяньсюэдэ жицзы*

- (Дни прилежной работы, экономной учебы во Франции и Бельгии). — Гэмин ши цзыляо. Пекин, 1981. № 3. С. 84.
- ⁴⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. 11; С. А. Далин. Китайские мемуары. 1921 — 1927. М., 1975. С. 176.
- ⁴¹ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. без №; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 30, 137 — 138, 147.
- ⁴² Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. без №.
- ⁴³ Там же. Д. 16. Л. без №.
- ⁴⁴ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. 79 — 61. В УТК осталось около 50 гоминьдановцев, многие из которых выразили желание вступить в комсомол или коммунистическую партию (см.: там же. Оп. 2. Д. 26. Л. без №).
- ⁴⁵ См.: там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 33. Л. без №.
- ⁴⁶ Подсчитано по: там же. Д. 33. Л. 79 — 61.
- ⁴⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 69. Л. 4 — 9; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 42.
- ⁴⁸ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 75.
- ⁴⁹ Подсчитано по: *D. Klein and A. Clark. Biographic Dictionary of Chinese Communism*. Vol. 2. P. 1056 — 1057.
- ⁵⁰ Лю Шаоци. Речь на митинге москвичей во Дворце спорта 7 декабря 1960 г. — Правда. 8 декабря 1960 г.
- ⁵¹ *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 63.
- ⁵² Имя второго автора «Азбуки коммунизма», правда, никогда ими не упоминалось (См., например: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 401. Л. без №; Д. 1100. Л. без №; Д. 1629. Л. без № и др.).
- ⁵³ Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу (Воспоминания Шуаншаня). Сянган, 1977. С. 34.
- ⁵⁴ Этот институт был создан осенью 1921 г. китайскими анархистами в рамках реализации программы «прилежной работы, экономной учебы» во Франции (подробнее см.: Е. Ю. Стабурова. Анархизм в Китае. С. 111-112). В нем обучались более 100 студентов из Китая, в том числе видные впоследствии деятели КПК Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Ли Вэйхань, Чэнь И, Сюй Тэли.
- ⁵⁵ Университет труда в Шарлеруа был образован бельгийскими социалистами для детей бельгийских рабочих. Вместе с тем его администрация

широко раскрыла двери и для молодых китайцев, которым предоставлялось бесплатное общежитие и для которых были созданы специальные подготовительные курсы (подробнее см.: Цзян Цзэминь. Цзай Фаго, Билиши циньгун цзяньсюэдэ жицзы. С. 74 — 84). В этом учебном заведении проходили подготовку, в частности, Не Жунчжэнь и Лю Боцзянь.

⁵⁶ Под знаменем Ильича. 26 апреля 1924 г.; Г. В. Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая. С. 172.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1629. Л. без №; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution.* P. 69.

⁵⁸ По другим данным — Слепцов.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 40. Л. без №; Д. 75. Л. без №; Д. 76. Л. 2, 7, 9, 20, 27; Ян Цзыле. Чжан Готао фуэжэнь хуэйилу (Воспоминания жены Чжан Готао). Сянган, 1970. С. 216.

⁶⁰ И Цюй Цюбо, и Ли Цзунъю (он же Ли Чжунъю) прибыли в Москву еще в январе 1921 г. в качестве корреспондентов пекинской газеты «Чэнь бао» («Утро»). См.: Сяо Цзингуан. Фу Су сюэси цяньхоу. С. 11; Цзян Канху. Синь Э юцзи. С. 35; *D. Klein and A. Clark. Biographic Dictionary of Chinese Communism. Vol. 1.* P. 241.

⁶¹ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №.

⁶² См.: там же. Ф. 532. Оп. 1. Д. 37. Л. 5; Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921 — 1925). С. 50; Под знаменем Ильича. 8 мая 1926 г.; Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 53; Цяньцзинь бао. 18 декабря 1925 г.; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution.* P. 61.

⁶³ См.: Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921 — 1925). С. 50; она же. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926 — 1938 гг. С. 34.

⁶⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; Д. 68. Л. без №.

⁶⁵ См.: Чжэн Чаолинь хуэйилу. С. 63.

⁶⁶ Эта дисциплина являлась для слабо знакомых с марксизмом студентов введением в общественные науки — историю, политическую экономию, философию (см.: С. А. Далин. Китайские мемуары. С. 176).

- ⁶⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; По словам Шэн Юэ, студенты УТК, кроме того, изучали один из западных языков — английский, немецкий или французский (см.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 61).
- ⁶⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №.
- ⁶⁹ См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 75.
- ⁷⁰ Это было прежде всего характерно для Радека, читавшего, как уже отмечалось, вплоть до мая 1927 г. курс истории революционного движения в Китае, тем более что он, по свидетельству разных лиц, пользовался исключительным уважением и любовью большинства студентов (см., в частности: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 29. Л. без №; Д. 32. Л. без №).
- ⁷¹ Подробнее см.: *Мэн Циншу. Воспоминания о Ван Мине* (рукопись). М., б. г. С. 66 — 67.
- ⁷² См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 29. Л. без №.
- ⁷³ См.: там же. Оп. 1. Д. 4. Л. без №.
- ⁷⁴ См.: там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 30. Л. 124; Ф. 532. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- ⁷⁵ См.: там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №.
- ⁷⁶ См.: *Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926 — 1938 гг.* С. 36.
- ⁷⁷ См.: там же. С. 40.
- ⁷⁸ См.: *Г. Бройдо. Коммунистический университет трудящихся Востока. — Жизнь национальностей*. 26 января 1921 г.
- ⁷⁹ Некоторые переводчики — выпускники УТК по возвращении на родину публиковали переводы лекций под своими именами. Так поступил, например, некто Хань Лянсянь — бывший студент УТК. Предисловие к его публикации было написано Ху Ханьмином (см.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 56).
- ⁸⁰ См.: *Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921 — 1925)*. С. 54.
- ⁸¹ См.: *Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926 — 1938 гг.* С. 35.
- ⁸² См.: *Г. В. Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая*. С. 175.
- ⁸³ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 9. Л. без №.

- ⁸⁴ См.: В. Н. Никифоров. Советские китаеведы о проблемах Китая. С. 127.
- ⁸⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 28. Л. без №.
- ⁸⁶ Одним из тех, кто начал заниматься вопросами реформы китайской письменности в УТК и НИИ по Китаю, был У Юйчжан (см. его краткую биографию в биографическом словаре).
- ⁸⁷ См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 4; РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 29. Л. без №.
- ⁸⁸ Такое наименование употреблялось, в частности, на VI съезде КПК (см.: Стенографический отчет VI съезда КПК. Кн. IV. С. 27).
- ⁸⁹ Сун Лян тунчжи гэй [Лю] Шаоци тунчжидэ синь (Письмо тов. Сун Ляна тов. [Лю] Шаоци). — Лю Шаоци. Лунь дан (О партии). Далянь, 1947. С. 345.
- ⁹⁰ Полный текст документа в переводе на английский язык см.: С. М. Wilbur and J. Lian-ying How. *Missionaries of the Revolution. Soviet Advisers and Nationalist China, 1920 – 1927*. Cambridge, Mass., 1989. P. 527 – 529.
- ⁹¹ Ibid. P. 527.
- ⁹² Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18. С. 415, 416.
- ⁹³ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. без №; Сунь Ефан. Гуаньюй чжунгун Мо чжибу (О Московском отделении КПК). — Чжунгун данши цзыляо (Материалы по истории КПК). Вып. 1. Пекин, 1982. С. 180 – 183.
- ⁹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 5 – 8.
- ⁹⁵ Мэн Циншу. Воспоминания о Ван Мине. С. 66 – 67.
- ⁹⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 28. Л. без №; Оп. 2. Д. 29. Л. без №; Д. 40. Л. без №; Д. 41. Л. без №; Ф. 514. Оп. 1. Д. 1012. Л. 2 – 11; *Chiang Ching-kuo. My Days in Soviet Russia*. [Taipei, 1963]. P. 8.
- ⁹⁷ УТК находился в доме № 16 по улице Волхонка.
- ⁹⁸ См.: Показание тов. Некрасова. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1012. Л. 3, 4 – 5.
- ⁹⁹ См.: Показания одного студента. — Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1012. Л. 12.
- ¹⁰⁰ Точнее — в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена.
- ¹⁰¹ Имеется в виду сянгган-гуанчжоуская забастовка.

- ¹⁰² Показание тов. Некрасова. Л. 2. Помимо Пригожина с критически настроенными студентами вели оппозиционную работу (часто по собственной инициативе) и другие преподаватели УТК, в том числе сам Радек, уделявший особенно пристальное внимание беседам с Цзян Цзинго (см.: *Chiang Ching-kuo. My Days in Soviet Russia*. P. 7–8).
- ¹⁰³ 5 августа 1927 г. Бэй Юньфэн, Гао Хэн, Дун Жучэн, Сюй Юньцзо и Ци Шугун были откомандированы в КУТВ и на ВПК переводчиками (РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. 71, без №; Показание тов. Некрасова. Л. 3, 4).
- ¹⁰⁴ См.: *Ван Пинъи. Лю Э цяньхоу (До и после пребывания в России)*. — Люши нянь лай чжунго лю Э сюэшэнчжи фэнсян дяоку (Воспоминания китайских студентов об [их] пребывании в России 60 лет назад). Тайбэй, 1988. С. 20; *Wu K'un-jung. The Left Opposition Faction in the Chinese Communist Party*. — *Issues & Studies*. 1974. Vol. 10. No. 6 (June). P. 80.
- ¹⁰⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 327. Л. без №; Д. 2411. Л. без №; Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 10; Ф. 514. Оп. 1. Д. 1031. Л. 13–14; Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; Д. 34. Л. без №; Д. 56. Л. без №; Д. 62. Л. без №; Оп. 2. Д. 26. Л. без №; Д. 41. Л. без №; Д. 42. Л. без №; Показание тов. Некрасова. Л. 3, 4; *Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу*. С. 63, 80, 145; Чжэн Чаолин хуэйилу. С. 290; *Мэн Циншу. Воспоминания о Ван Мине*. С. 68; Правда. 16 ноября 1927 г.
- ¹⁰⁶ Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 25 июля 1992 г.
- ¹⁰⁷ См., например: *Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу*. С. 64, 80; Чжэн Чаолин хуэйилу. С. 290; Лю Жэньцин тань толоцыцзипай цзай Чжунго (Лю Жэньцин о троцкистах в Китае). — Чжунгун данши цзыляо. Вып. 1. Пекин, 1982. С. 248; *Мин Юань. Цюсяопайдэ синчэн цзи ци моло (Подъем ликвидаторской группировки и ее упадок)*. — *Шэхуэй синьвэнь (Общественные новости)*. 1933. Т. 3. № 23. С. 323.
- ¹⁰⁸ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42.
- ¹⁰⁹ См.: там же. Ф. 530. Оп. 2. Д. 32. Л. без №. То, что в университете летом 1927 г. насчитывалось «не менее пятнадцати» оппозиционеров, отмечалось и на одном из заседаний бюро ячейки ВКП(б) при УТК (см. там же. Д. 26. Л. без №).

- ¹¹⁰ См.: там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 327. Л. без №. О Шанхайском университете см. Шанхай дасюэ шиляо (Материалы по истории Шанхайского университета). Шанхай, 1984.
- ¹¹¹ Такого человека, как Лу Янь, в списках студентов УТК не значится.
- ¹¹² *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution.* P. 166.
- ¹¹³ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1532. Л. без №; Д. 1816. Л. без №; Д. 2129. Л. без №; Д. 2185. Л. без №; Д. 2226. Л. без №.
- ¹¹⁴ См.: там же. Ф. 530. Оп. 2. Д. 26. Л. без №.
- ¹¹⁵ См.: там же. Д. 41. Л. без №; Пэн Чжэюй, Янь Нун. Цзян Цзинго цзай Моськэ (Цзян Цзинго в Москве). Изд. 2-е. Сянган, 1987. С. 12 — 13.
- ¹¹⁶ См.: Показание тов. Некрасова. Л. 2.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 3.
- ¹¹⁸ См.: Беседа т. Котельникова с Хабаровым. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1031. Л. 13; *Chiang Ching-kuo. My Days in Soviet Russia.* P. 8 — 9.
- ¹¹⁹ См.: Показание тов. Некрасова. Л. 4 — 5; *Chiang Ching-kuo. My Days in Soviet Russia.* P. 7 — 9.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 37. Л. без №.
- ¹²¹ Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. без №.
- ¹²² Там же. Д. 41. Л. без №.
- ¹²³ См.: Заявление Некрасова в комиссию по чистке. — Там же. Ф. 495. Оп. 362. Д. 362. Л. без №; Беседа т. Котельникова с Некрасовым. — Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1031. Л. 4; Беседа т. Крымова с т. Некрасовым 21 ноября 1936 г. — Там же. Д. 1036. Л. 12-13.
- ¹²⁴ См.: Протокол № 9 заседания бюро ячейки ВКП(б) при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 9 ноября 1927 г. — Там же. Ф. 530. Оп. 2. Д. 26. Л. без №.
- ¹²⁵ В одном из упомянутых документов по этому поводу говорится, что на знамени оппозиционеров было написано: «Да здравствуют вожди мировой революции: Зиновьев, Радек, Преображенский и т. д.» (там же). Ясно, конечно, что «и т. д.» на полотнище начертано быть не могло. Скорее всего в ряду «вождей» стояло имя Троцкого.
- ¹²⁶ См.: там же. Д. 24. Л. без №; Д. 26. Л. без №.
- ¹²⁷ *L. Fisher. Men and Politics: An Autobiography.* New York, 1941. P. 88.
- ¹²⁸ *V. Sheean. Personal History.* Garden City, N. Y., 1935. P. 284.

- ¹²⁹ Протокол № 8 заседания бюро ячейки ВКП(б) при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 9 ноября 1927 г. — Там же. Ф. 530. Оп. 2. Д. 26. Л. без №.
- ¹³⁰ Помимо них из оппозиционеров на заседании присутствовал Сяо Чанбинь.
- ¹³¹ Протокол № 9 заседания бюро ячейки ВКП(б) при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 9 ноября 1927 г.
- ¹³² Миллер — псевдоним студента УТК, члена бюро университетской ячейки ВКП(б) Ху Цзяньсяня.
- ¹³³ Седякин — в то время секретарь бюро университетской ячейки ВКП(б).
- ¹³⁴ Брандлер — псевдоним студента УТК, члена бюро университетской ячейки ВКП(б) Хэ Шанчжи.
- ¹³⁵ Голубев — то есть Чэнь Шаоюй (Ван Мин). В то время являлся членом бюро университетской ячейки ВКП(б).
- ¹³⁶ Евгений Алексеевич Пролетариев — псевдоним переводчика и преподавателя УТК, кандидата в члены университетской ячейки ВКП(б) Пу Шици.
- ¹³⁷ На самом деле Сяо Чанбинь вступил в КПК в декабре 1925 г. (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1963. Л. без №).
- ¹³⁸ Протокол № 9 заседания бюро ячейки ВКП(б) при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 9 ноября 1927 г.
- ¹³⁹ Чжу Хуайдэ одновременно состоял членом партии и комсомола.
- ¹⁴⁰ В действительности, разумеется, в то время настоящих правых гоминьдановцев в УТК уже не было, и данное определение служило не более чем политическим ярлыком, который администрация время от времени приклеивала к членам ГМД, оставшимся в университете после июльского переворота Ван Цзинвэя в Китае.
- ¹⁴¹ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №; Правда. 16 ноября 1927 г.
- ¹⁴² См.: Протокол № 4 заседания правления Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена от 9 ноября 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 16. Л. без №.
- ¹⁴³ См.: Ван Сюэюань. Лю Э хуэйилу (Воспоминания о пребывании в России). Тайбэй, 1969. С. 200.
- ¹⁴⁴ См.: Выписка из протокола № 46 заседания Президиума Хамовнической РКК от 22 ноября 1927 г. — РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 24. Л. без №.

- ¹⁴⁵ См.: там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 42. Л. 52, 53, 55 – 59, 70.
- ¹⁴⁶ Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 4 августа 1992 г. О встрече Троцкого с Лян Ганьцяо см. также: *Пу Цинцюань* [Пу Дэчжи]. Чжунго топайдэ чаншэн хэ мэйван (Рождение и гибель китайских троцкистов). – Чэнь Дусю пинлунь сюаньбянь (Сборник избранных критических статей о Чэнь Дусю). Т. 2. Чжэнчжоу, 1982. С. 388.
- ¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 327. Л. без №.
- ¹⁴⁸ См. об этом письма Лу Юаня к Чэнь Ци и Вэнь Юэ из Владивостока (там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 57. Л. без №).
- ¹⁴⁹ См.: Э. М. *Langau*. Страницы прошлого (рукопись). М., б. г. С. 125, 131.
- ¹⁵⁰ Показание тов. Некрасова. Л. 2.
- ¹⁵¹ См.: *Chiang Ching-kuo*. My Days in Soviet Russia. P. 13.
- ¹⁵² О Дун Исяне существуют различные данные. В феврале – марте 1930 г. во время допросов арестованных ОГПУ китайских троцкистов о нем как о «сочувствовавшем» оппозиции и после 1927 г. сообщили несколько человек (см.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 53). Я, однако, не склонен доверять такой информации именно в отношении Дун Исяна, поскольку, во-первых, она не подтверждается другими источниками, а во-вторых, имеются сведения о тесных связях этого человека с одним из лидеров антитроцкистской борьбы в УТК в 1927 г. Чжоу Давэнем. К тому же есть данные, свидетельствующие о том, что обвинение Дун Исяна в «троцкизме» было выгодно его личным врагам – Ван Мину и Мифу, в свое время отстранившим его, как и Чжоу Давэня, Юй Сюсуна и некоторых других студентов УТК, от руководящей работы в университетской партийной организации и использовавшим впоследствии любые возможности для нового сведения с ними счетов. В конце концов Ван Мин, возглавивший во второй половине 1931 г. делегацию КПК в ИККИ, добился того, что Дун Исян, Чжоу Давэнь и Юй Сюсун в 1938 г. были расстреляны в СССР как «участники антисоветского правотроцкистского блока». В августе 1957 г. они были реабилитированы (см.: там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 932. Л. без №; Д. 1048. Л.

- без №; Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 27 июля 1992 г.)
- ¹⁵³ См.: там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1341. Л. без №; Д. 2411. Л. без №; Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 13; Ф. 530. Оп. 2. Д. 41. Л. без №; Д. 46. Л. без №; Показание тов. Некрасова. Л. 6 – 7; Беседа т. Котельникова с Хабаровым. Л. 13 – 14.
- ¹⁵⁴ Об этом можно судить по крайней мере на том основании, что сразу после своего возвращения в Китай (примерно в октябре 1928 г.) Сяо Чанбинь активно включился в оппозиционную работу (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2129. Л. без №; Ф. 530. Оп. 2. Д. 46. Л. без №; *Ван Фаньси*. Шуаншань хуэйилу. С. 145).
- ¹⁵⁵ См.: Показание тов. Некрасова. Л. 3, 5. О том, какую позицию занимал в тот период Бэй Юньфэн, сведений обнаружить не удалось. Дун Жучэн к тому времени покинул СССР.
- ¹⁵⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 547. Л. без №; Беседа т. Котельникова с Хабаровым. Л. 13 – 14.
- ¹⁵⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 34. Л. без №.
- ¹⁵⁸ См.: там же. С Фэн Хунго и Фэн Фунэн уехала и их сестра Фэн Фуфа (также училась в УТК, псевдоним Собинова). См.: там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1341. Л. без №; Д. 2034. Л. без №.
- ¹⁵⁹ См.: там же. Д. 56. Л. без №.
- ¹⁶⁰ *Ван Фаньси*. Шуаншань хуэйилу. С. 80.
- ¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2226. Л. без №.
- ¹⁶² По другим данным, правда документально не подтвержденным, при переходе границы один из них (Вэнь Юэ) был застрелен (см.: *Ван Фаньси*. Шуаншань хуэйилу. С. 139).
- ¹⁶³ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 54, 55; Ф. 530. Оп. 1. Д. 56. Л. без №.
- ¹⁶⁴ См.: там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 56; Ф. 530. Оп. 1. Д. 56. Л. без №; Д. 57. Л. без №.
- ¹⁶⁵ Бывший китайский троцкист Пу Дэчжи (он же Пу Цинцюань) в одной из своих статей указывал, что Сюй Юньцзо в 1930 – начале 1931 г. участвовал в деятельности троцкистской организации в Китае (см.: *Пу Цинцюань*. Чжунго топайдэ чаншэн хэ мэйван. С. 392). Но это явно не соответствует действительности. Что же касается Яо Бинхуэя, то он вскоре после возвращения в Китай был арестован гоминьдановской полицией, капитулировал и перешел на сторону националистов. В 1937 г. он стал тайным агентом гоминьда-

новской охранки (Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 25 июля 1992 г.)

- ¹⁶⁶ Показание тов. Некрасова. Л. 10. Любопытно, что, когда Ци Шугун встретил Радека в следующий раз (в мае 1929 г., вскоре после возвращения бывшего ректора УТК из ссылки), разговора у них уже не получилось. «При этой встрече, — отмечал Ци Шугун, — он признавал, что линия ВКП(б) была верна, что он ошибался: "Не надо ныть, признавая ошибки. Надо бодро становиться в шеренги партии и продолжать работу". Я ему не успел ничего ответить, потому что он сам любит говорить, а других не слушает. Его куда-то позвали, и он ушел, распрощавшись со мной».
- ¹⁶⁷ См.: Показание тов. Некрасова. Л. 6.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 40. Л. 108, 109.
- ¹⁶⁹ См.: там же. Ф. 530. Оп. 2. Д. 26. Л. без №.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Имеется в виду разоружение рабочих пикетов в Ухане в июне 1927 г. главнокомандующим уханьской НРА Тан Шэнчжи.
- ¹⁷² Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 57.
- ¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 543. Л. без №. У меня нет оснований считать этот и другие доносы и показания на Ху Чунгу абсолютно беспочвенными: Ху стал одним из активных членов китайской троцкистской организации в СССР.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 63.
- ¹⁷⁶ Подсчитано по: там же. С. 72, 80, 83; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 57, 1100, 1116; Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 10; Ли Пин. Ю Мо хуэйцзюйдэ фаньдуйлай фэньцзы (Оппозиционеры, вернувшиеся из Москвы). — Там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 62. Л. без №; Показания одного студента. Л. 12—13; Показание тов. Некрасова. Л. 6—7. Ван Фаньси утверждает, однако, что к осени 1928 г. «без преувеличения» более девяти десятых перешедших из КУТВ в УТК студентов уже были троцкистами (Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 83). Речь, стало быть, идет по меньшей мере о 123 или более учащихся, что представляется совершенно невероятным. Утверждение Ван Фаньси не находит подтверждения и в архивных документах. По другому свидетельству, к январю 1929 г. в организации состояло около 30 человек (см.: Показания одного студента. Л. 14).

- ¹⁷⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1114. Л. без №; Д. 2129. Л. без №; Показания одного студента. Л. 14; Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 145.
- ¹⁷⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1153, 1577, 2050; Ф. 530. Оп. 1. Д. 64. Л. без №; Ли Пин. Ю Мо хуэйцзюйдэ фаньдуйпай фэньцзы; Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 25 июля 1992 г. Что касается УЦзияня и упоминавшегося выше Ту Цинци, то о времени их присоединения к оппозиции существуют и другие сведения. По словам Чжэн Чаолина, УЦзиянь, Ту Цинци, а также некто Цзян Чанши, хотя и учились в СССР в конце 20-х гг., тем не менее до возвращения в Китай не имели организационных связей с троцкистским движением (см.: Чжэн Чаолин хуэйилу. С. 237).
- ¹⁷⁹ Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 83.
- ¹⁸⁰ Показания одного студента. Л. 13–14.
- ¹⁸¹ То есть Ань Фу, Ли Пин и Цзи Вайфан.
- ¹⁸² Из показания Витина. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1012. Л. 26.
- ¹⁸³ См.: Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. — Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 99. Чжао Яньцин с июля 1927 по июнь 1928 г. был курсантом ВПК при КУТВ под псевдонимом Мамашкин (отсюда его кличка, под которой он был известен не только в КУТВ, но и УТК-КУТК и под которой упоминается в некоторых воспоминаниях, — «Мама»). Затем продолжил обучение в КУТК, где получил псевдоним Донбасов.
- ¹⁸⁴ По видимому, имеется в виду статья Радека «Сунь Ятсен. 1866 — 1925», еще в первой половине 1927 г. переведенная на китайский язык и изданная в типографии УТК (русский текст см.: К. Радек. Портреты и памфлеты. М. — Л., 1927. С. 156 — 164). Возможно также, что речь шла о статье Радека «Во вторую годовщину смерти Сунь Ятсена».
- ¹⁸⁵ Показания одного студента. Л. 14.
- ¹⁸⁶ По некоторым данным, особые надежды китайские оппозиционеры возлагали на Гуань Сяньина, которого даже рассматривали как своего кандидата в секретари ЦК КПК на будущем (VII) съезде партии (см., например: Ли Пин. Ю Мо хуэйцзюйдэ фаньдуйпай фэньцзы).
- ¹⁸⁷ Показания одного студента. Л. 14; Беседа т. Котельникова с Некрасовым. Л. 7; Из показаний

Витина. Л. 29; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 51; Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 90—92; Лю Жэньцзин тань толоцыцзипай цзай Чжунго. С. 242.

¹⁸⁸ Сян Чжунфа был избран Генеральным секретарем Центрального комитета КПК на первом пленуме ЦК шестого созыва в июле 1928 г.

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3078. Л. без №.

¹⁹⁰ См.: Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу. С. 91. «Критику» Троцкого см.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 174. Л. 1—115. Эта работа была впервые опубликована на английском языке в 1970. См.: L. Trotsky. The Third International After Lenin. New York, 1970. На русском языке она впервые с некоторыми неточностями была издана в 1993 г. См.: Л. Д. Троцкий. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М., 1993. С. 64-233.

¹⁹¹ Ань Фу, который упомянул в своих показаниях о так называемой «троцкистской платформе», очевидно, имел в виду «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) (Кризис партии и пути его преодоления)», внесенный в Политбюро ЦК ВКП(б) тринадцатью членами Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии еще в сентябре 1927 г.

¹⁹² Из показаний Витина. Л. 30.

¹⁹³ См.: Wu K'un-jung. The Left Opposition Faction in the Chinese Communist Party. P. 80. Любопытно, что, по сообщению Ань Фу, М. М. Иоффе в апреле 1929 г. передала Лю Жэньцзину, собиравшемуся возвращаться в Китай через Европу и рассчитывавшему посетить Троцкого на о-ве Принкипо в Турции, письмо к последнему (см.: Из показаний Витина. Л. 28). Текст письма обнаружить не удалось. Факт его получения Лю Жэньцзином и передачи Троцкому не зафиксирован ни в воспоминаниях самого Лю Жэньцзина, ни в хранящихся в Гарвардском архиве Троцкого документах, относящихся к встрече китайского оппозиционера с бывшим вождем Октябрьской революции. По воспоминаниям Ван Фаньси, Лю Жэньцзин, с которым у него в конце 20-х — начале 30-х гг. были очень тесные отношения, никогда не рассказывал ему об этом письме. «Если таковое и было, во что я не

- верю, — заключил Ван Фаньси, — то оно, скорее всего, могло представлять из себя нечто вроде рекомендации, которую Иоффе, возможно, и дала Лю Жэньцзину, собиравшемуся посетить Троцкого. Но скорее всего никакого письма вообще не было. Иоффе была умная женщина и не стала бы посылать Троцкому письмо — это было рискованно» (Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 27 июля 1992 г.).
- ¹⁹⁴ См.: Л. Д. Троцкий. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. С. 234, — 280.
- ¹⁹⁵ Впервые Троцкий обрисовал основные контуры этой новой тактической линии КПК в трех письмах Преображенскому, написанных из Алма-Аты в марте — апреле 1928 г., однако нет никаких свидетельств того, что китайские оппозиционеры были знакомы с этой корреспонденцией. Первые два письма Троцкого см.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 489. Л. 1 — 2, 5 — 7. Первое письмо и большая часть второго были впервые опубликованы на английском языке в 1976 г. См.: Leon Trotsky on China. P. 276 — 287. Оригинал третьего письма не обнаружен. Его английский перевод см.: там же. P. 287 — 290.
- ¹⁹⁶ Первое письмо Л. Д. Троцкого Е. А. Преображенскому из Алма-Аты. Л. 2.
- ¹⁹⁷ Второе письмо Л. Д. Троцкого Е. А. Преображенскому из Алма-Аты. Л. 5.
- ¹⁹⁸ Л. Д. Троцкий. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. С. 244.
- ¹⁹⁹ Заявление И. Немцова в ИКК Коминтерна от 10 июня 1931 г. — Там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 874. Л. без №.
- ²⁰⁰ См.: Выписка из протокола заседания Секретариата ИКК Коминтерна от 10 июля 1931 г. — Там же.
- ²⁰¹ Очевидно, в месяц (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2045. Л. без №; Показание одного студента. Л. 14).
- ²⁰² См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1446. Л. без №; Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Показание студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. — Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1012. Л. 23; Показание тов. Некрасова. Л. 9.
- ²⁰³ Цзян Хуаань прибыл в СССР в конце сентября 1927 г. и до лета 1928 г. учился на Военно-полити-

- ческих курсах при КУТВ, затем до февраля 1930 г. в КУТК. Псевдоним — Андрей Васильевич Наметкин.
- ²⁰⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2045. Л. без №.
- ²⁰⁵ См.: Из показаний Витина. Л. 29; Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 23.
- ²⁰⁶ См.: Из показаний Витина. Л. 26; Показания одного студента. Л. 15.
- ²⁰⁷ См.: *Ван Фаньси*. Шуаншань хуэйилу. С. 102; Показание тов. Некрасова. Л. 9 — 10.
- ²⁰⁸ См.: *Ван Фаньси*. Шуаншань хуэйилу. С. 102.
- ²⁰⁹ См.: там же. С. 94-95.
- ²¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 7; Из показаний Витина. Л. 26; Показания одного студента. Л. 15 — 16; Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. Л. 99.
- ²¹¹ См.: РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 9; Из показаний Витина. Л. 26; Показания одного студента. Л. 17.
- ²¹² Стенограмму этого заседания см.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 70, 71; см. также воспоминания бывшего студента УТК Чжан Чунвэня об этом собрании. *Чжан Чунвэнь*. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй» (Московский университет им. [Сунь] Ятсена и «десятидневное собрание»). — Чжунгун данши цзыляо. Вып. 37. Пекин, 1991. С. 37 — 48.
- ²¹³ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 56. Л. без №; Д. 64. Л. без №; Из показаний Витина. Л. 26 — 27, 32 — 33; Показания одного студента. Л. 17.
- ²¹⁴ См.: Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. Л. 99; Из показаний Витина. Л. 26; Показания одного студента. Л. 16.
- ²¹⁵ Они были откомандированы в составе группы из 26 человек, которая выехала из Москвы четьрьмя партиями 13, 14, 16 и 18 августа. Помимо Ван Фаньси, Лю Иня и Чжао Цзи троцкистами в этой группе являлись: Ван Синьгэн (псевдоним — Недлер), Гао Хэн, Е Ин (она же Е Инь, жена Ван Фаньси, во время учебы на ВПК при КУТВ в октябре 1927 — июне 1928 г. носила псевдоним Невская, впоследствии, в КУТК, — Анна Дунаева), Ли Цайлянь, Лу Мэнъи, Пу Дэчжи, Се Ин, Хуан Левэнь (Берлинский), Цзе Шуда (Одинбозов), Цзян Дэфан (Верочкин),

- Чжоу Цихэн (Морковкин), Чжоу Цинчун (Сапфилов) и Юань Фань (Званов) (см.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 56. Л. без №; Д. 64. Л. без №).
- 216 См.: Показания одного студента. Л. 16; Показание студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 20 – 21.
- 217 См.: Из показаний Витина. Л. 27; Показания одного студента. Л. 17; Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 21; Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. Л. 99.
- 218 См.: Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 22; РГАСПИ. Ф. 495. Оп.: 225. Д. 1891. Л. без №.
- 219 См.: Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 21; Показания одного студента. Л. 16 – 17.
- 220 Из показаний Витина. Л. 28; Показания одного студента. Л. 16 – 17; Докладная В. И. Вегера в ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу и А. И. Стецкому, в МК ВКП(б) К. Я. Бауману и Когану от 25 января 1930 г. – РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 71. Л. без №.
- 221 См.: Список троцкистов в ячейке Коммунистического университета трудящихся-китайцев. – РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 38. Любопытно, что одним из тех, кто выражал сочувствие деятельности оппозиционеров в КУТК был будущий секретарь Мао Цзэдуна, а впоследствии руководитель Группы по делам «культурной революции» при Военном совете ЦК КПК, Чэнь Бода (см.: Заявления Вань Чжилина и Лу Юй, составленные соответственно 8 и 9 сентября 1971 г. – *Е Юнле*. Чэнь Бода цижэнь (Чэнь Бода как человек). Б. м., б. г. С. 62 – 63, 64).
- 222 Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 25 июля 1992 г.
- 223 См.: Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 20.
- 224 Воспоминания Лу Ешэня опубликованы в КНР в виде предисловия к книге другого бывшего троцкиста, Ма Юаньшэна. См.: *Лу Ешэнь*. Цяньянь (Предисловие). – *Ма Юаньшэн*. Лю Суцзиши (Записки о жизни в СССР). Пекин, 1987. С. 1 – 10.
- 225 См.: *Ма Юаньшэн*. Лю Суцзиши; Интервью с Линь Ин в г. Москва, Россия, 1 марта 1993 г.; Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. Л. 99; Показания студента Луго-

- вого. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 22; Из показания Витина. Л. 28; Показание тов. Некрасова. Л. 9—10; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 48, 52, 54; Ф. 530. Оп. 1. Д. 62. Л. без №.
- ²²⁶ См.: Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 22; Показания одного студента. Л. 17.
- ²²⁷ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 42, 43.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Имеется в виду Китайская революционная партия, образованная в начале 1928 г. в Шанхае Тань Пиншанем и некоторыми другими бывшими коммунистами и левыми гоминьдановцами, придерживавшимися либерально-демократической ориентации.
- ²³⁰ Постановление китайской комиссии Восточного секретариата ИККИ от 1 октября 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 48. Л. без №.
- ²³¹ Письмо Вегера и Токина в Восточный секретариат ИККИ от 4 октября 1929 г. — РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 56. Л. без №. Отправка в Китай без партийной явки была равнозначна исключению из партии.
- ²³² РГАСПИ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 56. Л. без №.
- ²³³ Мне удалось обнаружить три варианта этого документа. Наиболее полный, озаглавленный «Тололицзипай минданы», то есть «Список троцкистов», включает информацию о 81 человеке. Два остальных — соответственно о 79 и 68 (в последнем варианте не хватает страниц). Представленные в них списки совпадают практически полностью: разночтения в одном-двух именах (см.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 25—35, 77—81, 87—90). Документ не подписан. Его авторство я смог установить путем сопоставления источника с рядом других материалов, хранящихся в РГАСПИ (см., например: там же. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1106. Л. без №; Д. 1891. Л. без №; Д. 2411. Л. без №).
- ²³⁴ В помощь комиссии Берзина вскоре после начала ее работы была образована еще одна — под председательством Алпена.
- ²³⁵ Дэн Чжунся. Некоторые соображения относительно партийной чистки вуз[овской] ячейки в КУТК. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 1. Дэн Чжунся, очевидно, использовал какой-то четвертый вариант указанного выше доноса: в

- его инструкции речь идет о 74 троцкистах и «сочувствующих».
- ²³⁶ См.: Список китстудентов КУТК, являющихся по данным ОГПУ троцкистами или оппозиционерами, примыкающими к троцкистам. — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 57 — 66.
- ²³⁷ См.: Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 25.
- ²³⁸ Там же. Сходным образом тогдашнее состояние Чжао Яньцина описывает и Шэн Юэ (см.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 175-176).
- ²³⁹ Текст заявления обнаружить не удалось. О его существовании см.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 71. Л. без №.
- ²⁴⁰ Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 25 июля 1992 г.
- ²⁴¹ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 75. Л. без №.
- ²⁴² См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 175.
- ²⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 71. Л. без №.
- ²⁴⁴ Ван Фаньси пишет, что Чжао Яньцин выдал от двухсот до трехсот китайских троцкистов (см.: *Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу*. С. 111), по словам же Чжан Чунвэня, в списке троцкистов, названных Чжао Яньцином, значилось более 100 человек (см.: *Чжан Чунвэнь. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй»*. С. 45). Ни то ни другое, однако, не соответствует действительности.
- ²⁴⁵ У Сяо Чжэньхэня был псевдоним Мохов.
- ²⁴⁶ См.: Участники троцкистской орг[анизации] в КУТК (по данным Донбасова). — РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 17; Список троцкистов — студентов КУТК, названных студентом Донбасовым в его показаниях и записях. — Там же. Л. 18; Дополнение. — Там же. Л. 80; Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. Л. 99.
- ²⁴⁷ См.: Дополнение. Л. 80; Запись сообщения студента Донбасова члену делегации КПК тов. Дэн Чжунся. Л. 99.
- ²⁴⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 46.
- ²⁴⁹ См.: *Чжан Чунвэнь. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй»*. С. 44 — 45; *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 176. Шэн Юэ отмечает, что по поручению партбюро с соответствующим сообще-

- нием на собрании выступил он. Чжан Чунвэнь же в качестве выступавшего называет члена организационного комитета партбюро Ван Юньчэна.
- ²⁵⁰ См.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 176 – 177; Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 24.
- ²⁵¹ См.: Показания одного студента. Л. 17 – 18.
- ²⁵² См.: Гоцзя чжэнчжи гуаньличу гуаньюй Чжунда бэйбу сюэшэндэ миндань (ГПУ о списке арестованных студентов КУТК). – РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 36 – 37; Ф. 530. Оп. 1. Д. 62. Л. без №; Список. Об арестованных ОГПУ 8 и 10 февраля 1930 г. студентах КУТК. – Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 73 – 74; Ф. 495. Оп. 225. Д. 1100. Л. без №.
- ²⁵³ О том, как проходили некоторые из допросов, впоследствии вспоминал Шэн Юэ, выполнявший в то время функции переводчика одного из следователей (см.: *Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution*. P. 178 – 180). О пребывании китайских троцкистов в советской тюрьме см.: *Ма Юаньшэн. Лю Су цзиши*. С. 124 – 144; *Тан Ючжан. Гэмин юй люфан* (Революция и ссылка). Чанша, 1988.
- ²⁵⁴ См.: Список троцкистов-китайцев, находящихся в СССР. – РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 44 – 56.
- ²⁵⁵ См.: Список зарубежных троцкистских адресов и троцкистских явок в Китае. – РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 91; Список троцкистов в Китае. – Там же. Л. 92 – 97; Список троцкистов, выбывших из ячейки КУТК. – Там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 39. Л. без №; *Ли Пин. Ю Мо хуэйцойдэ фаньдуйпай фэньцзы*; Показания студента Лугового. Протокол допроса 9 февраля 1930 г. Л. 23.
- ²⁵⁶ См.: Письмо Цюй Вито (Страхова) [Цюй Цюбо] и Дэн Чжунся от делегации КПК при ИККИ в ИККИ, ЦК ВКП(б), ЦК КПК «Наше мнение о КУТК». – РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 68. Л. без №.
- ²⁵⁷ Только первые двое действительно представляли ИКК, Трилиссер и Артузов являлись соответственно зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и зам. начальника Иностран-

- ного отдела ОГПУ, Берзин возглавлял Разведывательное управление Генштаба РККА.
- ²³⁸ Из СССР было выслано пять человек, в том числе Бянь Фулинь и Ван Вэньхуэй.
- ²³⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 – 14; Д. 23. Л. без №; Ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 36-37; Ф. 530. Оп. 1. Д. 62. Л. без №.
- ²⁴⁰ См.: Протокол № 1 заседания комиссии по пересмотру дел китайских студентов КУТК, отнесенных при чистке к 5-й группе, от 26 июня 1930 г. – Там же. Ф. 505. Оп. 1. Д. 23. Л. без №.
- ²⁴¹ Чжан Чунвэнь ошибочно отмечает, что его старший брат Чжан Чундэ был осужден на пять лет лагерей (см.: Чжан Чунвэнь. Моськэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй». С. 46).
- ²⁴² См.: Гоцзя чжэнчжи гуаньличу гуаньюй бэйбу сюэшэндэ миндань. Л. 36 – 37; Верховный суд Союза ССР. Определение № 4н – 013598/57. – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1100. Л. без №; там же. Д. 543. Л. без №; Д. 1106. Л. без №; Д. 1116. Л. без №; Д. 1384. Л. без №; Д. 2045. Л. без №.
- ²⁴³ Чжан Чунвэнь, например, провел на производстве около пяти месяцев (см.: Чжан Чунвэнь. Моськэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй». С. 46).
- ²⁴⁴ Характеристики студентов КУТК, посланных на производство. – Там же. Ф. 530. Оп. 1. Д. 73. Л. без №.
- ²⁴⁵ Находилось в доме № 51 по улице Герцена.
- ²⁴⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1 – 15.
- ²⁴⁷ Что стало в дальнейшем с большинством бывших участников китайской троцкистской организации, действовавшей в СССР, установить не удалось. Кое-что известно лишь о некоторых из них. Так, Цю Чжичэну и Ху Пэнцзюю соответственно в 1933 и 1934 гг. удалось вырваться из СССР, но где-то в период между 1937 и 1939 гг. они были арестованы синьцзянским правительством. По-видимому, их расстреляли. Из всех репрессированных в конце концов были реабилитированы 15 человек. Это произошло 8 марта 1958 г. Вот их имена: Лю Хэшэн, Ли Цыбай, Чжао Ифань, Лю Ханьпин, Жун Ли, Цзян Хуань, Чжан Чундэ, Ли Шилэ, Ван Вэньхуэй, Ли Вэйминь, Цзинь Хунди, Чэнь Фан, Чэн Бин, а также Цю Чжичэн и Ху Пэнцзюю (реабилитированы частично). Из них по крайней мере о

Чжан Чундэ есть точные сведения: до своей реабилитации он не дожил (см.: Чжан Чунвэнь. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй». С. 46). По данным, которые я обнаружил в архиве, можно утверждать, что все пережили лишь менее десяти человек, в том числе Вань Чжилин и Фань Вэньхуэй (несмотря на то что первый арестовывался и осуждался три раза, а второй — два), а также Лу Ешэнь, Ма Юаньшэн и Ли Ифань. В 1955 г. Фань Вэньхуэй с семьей был наконец выпущен из СССР в Китайскую Народную Республику. Но годы, проведенные в лагерях и ссылке, дали о себе знать очень скоро. Он умер в сентябре 1956 г. В КНР выехали Вань Чжилин, Ли Ифань, Лу Ешэнь, Ма Юаньшэн и некоторые другие бывшие китайские троцкисты (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1018. Л. без №; Д. 1116. Л. без №; Верховный суд Союза ССР. Определение № 4н — 013598/57; Интервью с Линь Ин в г. Москва, Россия, 1 марта 1993 г.; Е Юнле. Чэнь Бода цижэнь. С. 62, 63; Чжан Чунвэнь. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй». С. 46).

Заключение

- 1 Подробное см.: М. А. Персиц. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920 — 1921 гг. Изд. 2-е, расшир. и испр. М., 1999.
- 2 Доклад № 1 Секретариата Левой оппозиции КПК Интернациональному секретариату Международной Левой оппозиции и Л. Д. Троцкому от 9 мая 1931 г. — Trotsky Papers, bMs Russ, 13.1. Document 1068. P. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 5. Оп. 2. Секретариат председателя Совнаркома и СТО В. И. Ленина. 1917 – 1923 гг. Документы о партийной и общественной деятельности В. И. Ленина.

Фонд 5. Оп. 3. Секретариат председателя Совнаркома и СТО В. И. Ленина. 1917 – 1923 гг. Документальные материалы В. И. Ленина по руководству международным рабочим и коммунистическим движением (1917 – 1923 гг.)

Фонд 17. Оп. 2. Пленумы Центрального комитета РКП(б)-ВКП(б). 1918 – 1941 гг.

Фонд 17. Оп. 3. Протоколы заседаний Политбюро Центрального комитета ЦК РКП(б)-ЦК ВКП(б). 1919 – 1941 гг.

Фонд 17. Оп. 20. Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. Парторганизации России. 1926 – 1937 гг.

Фонд 17. Оп. 71. Документы внутренней оппозиции в ВКП(б) (1921 – 1937 гг.)

Фонд 17. Оп. 85. Секретный отдел ЦК ВКП(б). 1918 – 1926 гг.

Фонд 324. Григорий Евсеевич Зиновьев.

Фонд 325. Лев Давидович Троцкий.

- Фонд 326. Карл Бернгардович Радек.
- Фонд 492. V конгресс Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 3. Политический секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 65а. Личные дела сотрудников аппарата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 154. Восточный секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 163. V расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 164. VI расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 165. VII расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 166. VIII пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.
- Фонд 495. Оп. 225. Личные дела членов Коммунистической партии Китая.
- Фонд 505. Интернациональная контрольная комиссия Коммунистического Интернационала.
- Фонд 508. Делегация ВКП(б) в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала.
- Фонд 514. Центральный комитет Коммунистической партии Китая.
- Фонд 530. Коммунистический университет трудящихся-китайцев.
- Фонд 532. Коммунистический университет трудящихся Востока и Научно-исследовательский институт по изучению национальных и колониальных проблем.
- Фонд 558. Иосиф Виссарионович Сталин.
- Фонд 589. Оп. 3. Комитет партийного контроля при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза (1952 – 1991 гг.). Персональные дела коммунистов.
- Фонд Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева.
Коллекция неразобранных документов.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Фонд 3415. Коммунистическая академия.
- Фонд 5402. Михаил Павлович Павлович.

Архив Российской академии наук (РАН)

- Фонд 350. Коммунистическая академия.
- Фонд 354. Институт мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической академии.
- Фонд 377. Общество историков-марксистов.

Бывший Партийный архив Свердловской области (ПАСО)

Фонд 10. Организационно-распределительный отдел.

Фонд 153. Уралмашзавод.

Фонд 161. Многотиражка Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение».

Хотонская библиотека Гарвардского университета (США)

Trotsky Papers.

Бюро расследований Министерства юстиции Тайваня

Разнообразные документы по истории китайского коммунистического движения.

Частные архивы

Архив Ван Фаньси.

Разнообразные документы.

Архив Мэн Циншу.

Мэн Циншу. Воспоминания о Ван Мине (рукопись). М., б. г.

Архив Эфраима Моисеевича Ландау.

Ландау Э. М. Страницы прошлого (рукопись). М., б. г.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

На русском языке

Архив Троцкого. Т. 1. Харьков, 1999.

Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.

Бухарин Н. [И.] Партия и оппозиционный блок. Доклад активу Ленинградской организации ВКП(б) 28 июля 1926 г. Л., [1926].

Бухарин Н. [И.] Проблемы китайской революции. М., 1927.

Бухарин Н. [И.] Проблемы китайской революции. — Вопросы китайской революции. М. — Л., 1927. С. 57 — 122.

Бухарин Н. [И.] Текущий момент китайской революции. — Правда. 30 июня 1927 г.

В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970.

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. В 2-х тт. М., 1994, 1996.

- Войтинский Г. Колониальный вопрос на расширенном пленуме ИККИ. — Коммунистический Интернационал. 1925. № 4 (41). С. 64 — 71.
- Войтинский Г. Перегруппировка сил в Китае. — Правда. 24 марта 1926 г.
- Войтинский Г. Сунь Ят-сен и освободительное движение в Китае. — Большевик. 1925. № 5 — 6 (21 — 22). С. 44 — 52.
- Войтинский Г. Тенденции революционного движения в Китае и гоминьдан. — Коммунистический Интернационал. 1925. № 3 (40). С. 152 — 158.
- Вопросы китайской революции. М. — Л., 1927.
- Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е, доп. В 2-х ч. М., 1941.
- Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. М., 1934.
- 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1921.
- Годовщина смерти Сунь Ятсена (Выступление Л. Д. Троцкого и других деятелей ВКП(б) на митинге, посвященном годовщине со дня смерти Сунь Ятсена). — Правда. 14 марта 1926 г.
- Доклад тов. Л. Д. Троцкого на VI губернском съезде текстильщиков 29 января 1926 г. — Правда. 31 января 1926 г.
- Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957; Т. 6. М., 1962.
- Империалистическая интервенция и гражданская война в Китае. Доклад т. Радека в Большом театре. — Китай в огне войны. М., 1924. С. 23 — 61.
- Иоффе А. А. Дипломат революции. Сборник работ. Кембридж, Масс., 1998.
- Иоффе А. А. Письмо Л. Д. Троцкому от 10 ноября 1927 г. — Л. Троцкий. Портреты. Бенсон, 1984. С. 229 — 241.
- Коминтерн в резолюциях. 2-е изд. М., 1926.
- Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 — 1927. Из архива Льва Троцкого в четырех томах. Бенсон, 1988.
- Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919 — 1932. М., 1933.
- Коммунистический Интернационал и китайская революция. М., 1986.
- Конгресс Коммунистической партии в Китае. — Народы Азии и Африки. 1972. № 6. С. 151 — 155.
- Ленин В. И. Заключительное слово в прениях по Политическому отчету ЦК РКП(б) на втором заседании IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. — Исторический архив. 1992. № 1. С. 27 — 29.
- Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б). Стенограмма выступления на IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. — Исторический архив. 1992. № 1. С. 14 — 27.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55-ти тт. М., 1963 — 1978.
- Ленин В. И. Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXV. 1920. М., 1937.
- Ленин Н. (Ульянов В.) Собрание сочинений. Т. XIX. Национальный вопрос (1919-1920 гг.). М., 1921.
- Ленинский сборник. Т. XXXVIII. М., 1975.

- Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989.
- Маринг Г. Революционно-националистическое движение в Южном Китае. — Коммунистический Интернационал. 1922. № 22. С. 5803 — 5816.
- Мартынов А. Коминтерн перед судом ликвидаторов. — Коммунистический Интернационал. 1927. № 30 (104). С. 9 — 21.
- Мартынов А. Проблема китайской революции. — Правда. 10 апреля 1927 г. На трудном перевале — от гоминьдана к советам. — Коммунистический Интернационал. 1927. № 41 (115). С. 3 — 7.
- О китайской революции. Статья Н. Бухарина и постановление ИККИ. Иркутск, 1927.
- Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925 — 1936 гг. Сборник документов. М., 1995.
- Письмо Г. Е. Зиновьева Н. К. Крупской от 16 мая 1927 г. — Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 206 — 207.
- Письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. — Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165 — 175.
- Политическая физиономия русской оппозиции (Из речи тов. Сталина на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК 27 сентября 1927 г.). — Коммунистический Интернационал. 1927. № 41 (115). С. 10 — 24.
- Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стенографический отчет. В 2-х тт. М. — Л., 1927.
- XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 октября — 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М. — Л., 1927.
- XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. — Л., 1928.
- Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. В 2-х тт. М. — Л., 1925.
- Рагек К. Во вторую годовщину смерти Сунь Ятсена. — Известия. 11 и 15 марта 1927 г.
- Рагек К. Вождь китайского народа. — Правда. 14 марта 1925 г.
- Рагек К. Вопросы китайской революции. — Вопросы китайской революции. Т. 1. Положение пролетариата и развитие рабочего движения в Китае. М. — Л., 1927. С. 233 — 256.
- Рагек К. Вопросы китайской революции. — Красный Интернационал профсоюзов. 1925. № 10. С. 26 — 42.
- Рагек К. Жизнь и дело Сунь Ятсена. — С. Далин. В рядах китайской революции. М. — Л., 1926. С. 3 — 24.
- Рагек К. Историческое значение шанхайских событий. (Вместо предисловия). — П. Миф. Уроки шанхайских событий. М., 1926. С. 3 — 6.
- Рагек К. История революционного движения в Китае. Курс 1926-27 гг. Лекции 1 — 17. М., 1927.
- Рагек К. Ленин и китайская революция. — Правда. 21 января 1927 г.
- Рагек К. Международное обозрение. Итоги шанхайских событий. — Известия. 11 октября 1925 г.

- Радек К. Новый этап в китайской революции. — Новый мир. 1927. № 3. С. 146 — 159.
- Радек К. Поражение народных армий в Китае. — Правда. 26 марта 1926 г.
- Радек К. Социально-политические идеи Сунь Ятсена. — Правда. 12 марта 1926 г.
- Радек К. Сунь Ятсен. 1866 — 1925. — К. Радек. Портреты и памфлеты. М. — Л., 1927. С. 156 — 164.
- Радек К. Что надо говорить крестьянству о китайской революции. — Спутник агитатора (для деревни). 1925. № 2 (21). С. 19 — 24.
- Радек К. Шанхай пал. — Известия. 22 марта 1927 г.
- Революция в Китае и гоминьдан. — Правда. 15 марта 1927 г.
- Резолюции II-го конгресса Коминтерна. М., 1928 (на кит. яз.)
- Резолюции и устав Коммунистического Интернационала, принятые Вторым конгрессом Коммунистического Интернационала (19-го июля — 7-го августа 1920 г.) Пг., б. г.
- Резолюция Президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии гоминьдан. — Коммунист. 1969. № 4. С. 12 — 14.
- Речь т. Радека. — Руки прочь от Китая! М. 1924. С. 3 — 22.
- Речь тов. Сталина на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ 29 марта 1927 г. — Правда. 31 марта 1927 г.
- [Рой М. Н.]. Манифест революционной партии Индии. Воззвание к британскому пролетариату. — Жизнь национальностей. 26 июля 1920 г.
- Рой М. Н. Революционное движение в Индии. — Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 2163 — 2172.
- Советско-китайские отношения. 1917 — 1957. Сб. документов. М., 1959.
- Сталин И. В. Сочинения. В 13-ти тт. М., 1947 — 1953.
- Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая. В 6-ти тт. М., 1930.
- Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934.
- Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985.
- Тан-Пин-Сян [Тань Пиншань]. Пути развития китайской революции. М. — Л., 1927.
- Тов. Сталин о политических задачах Университета народов Востока (Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 года). — Правда. 22 мая 1925 г.
- Троцкий Л. Д. Задачи XII съезда РКП (Доклад т. Троцкого на заседании VII Всеукраинской конференции 5 апреля 1923 г.) — Правда. 11 и 12 апреля 1923 г.
- Троцкий Л. [Д.] Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924.
- Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М., 1919.
- Троцкий Л. [Д.] К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). Изд. 2-е. М., 1926.

- Троцкий Л. Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М., 1993.
- Троцкий Л. [Д]. «Московский дух». — Правда. 6 июня 1925 г.
- Троцкий Л. [Д]. Мысли о партии. — Правда. 20 марта 1923 г.
- Троцкий Л. [Д]. Новый курс. М., 1924.
- Троцкий Л. Д. Пять лет Коминтерна. Изд. 2-е, испр. и доп. М. — Л., 1925.
- Троцкий Л. [Д]. Советско-японские взаимоотношения. Интервью, данное т. Троцким председателю о[бщест]ва Ничиро Соофукай тов. Томизи Найто. — Правда. 18 июня 1924 г.
- Троцкий Л. [Д]. Сочинения. Т. III. 1917. Ч. I. От Февраля до Октября. М., 1924.
- Троцкий Л. [Д]. СССР и Япония (Интервью корреспонденту «Осока Майнити» 24 апреля 1924 года). — Известия. 24 апреля 1924 г.
- Троцкий Л. [Д]. СССР на стороне угнетенного Китая. — Правда. 23 сентября 1924 г.
- Троцкий Л. [Д]. Сталин и китайская революция. Факты и документы. — Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 15 — 16. С. 7 — 19.
- Троцкий Н. Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы). Женева, 1904.
- Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, принятые на II конгрессе, состоявшемся в Москве с 17 июля по 7 августа 1920 г. Прага, 1921.
- Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.) Стенографический отчет. М. — Л., 1927.

На китайском языке

- Гоминьдан и да данъу баогао сюаньцзай (Выборочные доклады по партийным делам, представленные на I съезд Гоминьдана). — Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Шанхай, 1986. № 2. С. 28 — 35.
- Гунчаньдан цзай гоминьдан нэйдэ гунцзо вэньти ицзюань (Резолюция по вопросу о работе компартии в Гоминьдане). — Данбао (Партийная газета). 1924. № 3. С. 1 — 3.
- Гунчаньчжун сяоцзу (Коммунистические кружки). В 2-х тт. Пекин, 1987.
- Дисань гоцзи диэрци дахуэй гуаньюй миньцзу юй чжиминьди вэньти-дэ иань (Резолюции II конгресса III Интернационала по национальному и колониальному вопросам). — Синь циннянь (Новая молодежь). 1924. № 4. С. 67 — 74.
- Дисань гоцзи иань цзи сюаньянь (Резолюции и манифесты III Интернационала). Гуанчжоу, 1922.
- Дисань гоцзи иань цзи сюаньянь (Резолюции и манифесты III Интернационала). Изд. 3-е. Гуанчжоу, 1926.
- Ленин лунь дунфандэ гэмин (Ленин о революции на Востоке). М., 1929.
- Ленин лунь миньцзу чжиминьди вэньти (Ленин о национально-колониальном вопросе). Б. м., 1946.

- Ли Да. Макэсы хуаньюань (Возрождение Маркса). — Синь циннянь. 1921. Т. 8. № 5. С. 1 — 8.
- Ли Дачжао вэньцзи (Сочинения Ли Дачжао). В 2-х тт. Пекин, 1984.
- Лю Фа цингун цзяньсюэ юньдун (Движение «прилежной работы, экономической учебы» во Франции). В 2-х тт. Шанхай, 1986.
- Макэсычжун цзай Чжунго — цун инсян чуаньжу дао чуаньбо (Марксизм в Китае — от влияния до распространения). Т. 1. Пекин, 1983.
- Миньцзу юй чжиминьди вэньти. Ленин цзай диэрцы гоцзи дахуэй чжи яньшо (Национальный и колониальный вопросы. Речь Ленина на II конгрессе Интернационала). — Синь циннянь. 1924. № 4. С. 63 — 67.
- Миньцюань юньдун датунмэн сюаньянь (Декларация Союза движений за народовластие). — Сяньцзой (Пионер). 1922. № 20. С. 1 — 2.
- Мосыкэ Чжуншань дасюэ «Гоцзи пинлунь» (1926 — 1927) ([Журнал Московского университета им. Сунь Ятсена «Гоцзи пинлунь» [1926 — 1927]). Пекин, 1981.
- Усы шицидэ шэтуань (Общества периода «4 мая»). В 4-х тт. Пекин, 1979.
- Чжан Тайлэй вэньцзи (Сочинения Чжан Тайлэя). Пекин, 1981.
- Чжунго гоминьдан дии, диэрцы цюаньго дайбяодахуэй хуэйи шиляо (Материалы по истории I и II конгрессов Гоминьдана). В 2-х тт. [Нанкин], 1986.
- Чжунго гунчаньдан дисаньцы цюаньго дахуэй сюаньянь (Декларация III Всекитайского съезда КПК). — Сяндао чжоукань (еженедельник «Проводник»), 1923. № 30. С. 228 — 231.
- Чжунго гунчаньдан дисыци цюаньго дайбяодахуэй ицзюэань цзи сюаньянь (Резолюции и декларации IV Всекитайского съезда КПК). Б. м., 1925.
- Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзюдэ чжучжан (Заявление Компартии Китая о текущем моменте). — Сяньцзой. 1922. № 9. С. 1 — 2.
- Чжунго гунчаньдан дуйюй шицзю чжи чжучжан (Заявление Компартии Китая о текущем моменте). — Сяньцзой. 1923. № 24. С. 1 — 2.
- Чжунго гунчаньдан унянь лайчжи чжэнчжи чжучжан (Политические заявления Компартии Китая за пять лет). Гуанчжоу, 1926.
- Чжунго гунчаньдан цзигуань фачжань цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории развития организаций КПК). Вып. 1. Пекин, 1983.
- Чжунго гунчаньдан ши (История КПК). Тайбэй, 1962.
- Чжунго гунчаньданчжи тоуши (Анатомия КПК). Тайбэй, 1962.
- Чжунго сяньдай чжэнчжи сысян ши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по истории современной политической мысли Китая). В 2-х тт. Чэнду, 1986.
- Чжунго юй чжунго циннянь (Китай и китайская молодежь). М.; 1923.
- Чжунгун «саньда» цзыляо (Материалы III съезда КПК). Гуанчжоу, 1985.
- Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений [Сунь] Ятсена). В 2-х тт. Шанхай, 1931.
- Чэнь Дусю пинлунь сюаньбянь (Сборник избранных критических статей о Чэнь Дусю). Т. 1 — 2. Чжэнчжоу, 1982.
- Чэнь Дусю. Шэжухэйчжун пипин (Критика социализма). — Синь циньянь. 1921. Т. 9. № 3. С. 1 — 13.
- Шанхай дасюэ шиляо (Материалы по истории Шанхайского университета). Шанхай, 1984.

- Шанхай дицью цзяньдан ходун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению деятельности по строительству партии в Шанхайском районе). Шанхай, 1986.
- Шао Пяопин. Синь Эгочжи яньцзю (Изучение новой России). Б. м., 1920.
- Ши Цуньтун. Вомэнь яо цзэмьян гань шэхуэй гэмин (Как мы осуществим социальную революцию). — Гунчаньдан (Коммунист). 1921. № 5. С. 5—13.
- Ши Цуньтун. Макэсыди гунчаньчжуи (Коммунизм Маркса). — Синь циньянь. 1921. Т. 9. № 4. С. 1—11.
- Шэхуэйчжун сысян цзай Чжунго чуаньбо (цзыляо сюаньцзи) (Распространение социалистических идей в Китае [избранные материалы]). Сб. 1. [Пекин], 1985.
- Юаньдун гэгэ гунчаньдан цзи миньцзю туаньти дицзи дахуэй сюанььянь (Манифест I съезда коммунистических партий и национально-революционных организаций стран Дальнего Востока). — Сяньцжюй. 1922. № 10. С. 4—5.

На западноевропейских языках

- The Challenge of the Left Opposition. 1926—1927. New York, 1980.
- The Communist International. 1919—1943. Documents. 3 vols. London, 1960.
- The Communist Movement in China. An Essay Written in 1924 by Ch'en Kung-po. New York 1960.
- II Congres de la III Internationale Compte Rendu Stenographique. Petrograd, 17 juillet, Moscou 23 juillet — 7 aout 1920. Petrograd, 1920.
- Eudin X. J. and North R. C. Soviet Russia and the East. 1920—1927. A Documentary Survey. Stanford, Calif., 1957.
- Isaacs H. Documents on the Comintern and the Chinese Revolution. — The China Quarterly. 1971. No 45. P. 103—112.
- Lenin N. and Trotsky L. The Proletarian Revolution in Russia. New York, [1918].
- Leon Trotsky on China. New York, 1976.
- M. N. Roy's Mission to China. The Communist-Kuomintang Split of 1927. Berkeley, Calif., 1963.
- Marxism and Asia. London, 1969.
- Protokoll des Vierten der Kommunistischen Internationale. Petrograd-Moscau vom 5. November bis 5. December 1922. Hamburg, 1923.
- The Rise to Power of the Chinese Communist Party. Documents and Analysis. Armonk, 1996.
- Saich T. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (Alias Maring). 2 vols. Leiden, 1991.
- The Second Congress of the Communist International. Proceedings of Petrograd Session of July 17 and Moscow Session of July 19 — August 7, 1920. Moscow, 1920.
- Trotsky L. The Bolsheviki and World Peace. New York, 1918.
- Trotsky L. The First Five Years of the Communist International. 2 vols. New York, 1945.

- Trotsky L. History of the Russian Revolution to Brest-Litovsk. London, 1919.
 Trotsky L. Problems of the Chinese Revolution. New York, 1932.
 Trotsky L. Problems of the Chinese Revolution. 2nd ed. Ann Arbor, 1962.
 Trotsky L. Schriften. Bd. 2. über China. 2 Parts. [Hamburg], 1990.
 Trotsky L. The Third International After Lenin. New York, 1970.
 The Trotsky Papers. 1917-1922. 2 vols. London, The Hague, Paris, 1971.
 Wilbur C. M. and How J. Lian-ying. Missionaries of the Revolution. Soviet
 Advisers and Nationalist China, 1920 – 1927. Cambridge, Mass., 1989.
 Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale. Protokoll der
 Verhandlungen vom 19. Juli in Petrograd und vom 19. Juli bis 7. August
 1920 in Moskau. Hamburg, 1921.
 Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale. Protokoll der
 Verhandlungen vom 19. Juli in Petrograd und vom 19. Juli bis 7. August
 1920 in Moskau. Petrograd, 1921.

ИНТЕРВЬЮ

- Интервью с Ван Фаньси в г. Лидс, Великобритания, 24, 27, 30 июля и 1,
 4, 11 августа 1992 г.
 Интервью с Иваном Яковлевичем Врачевым в г. Москва, Россия, 3 но-
 ября 1991 г.
 Интервью с Линь Ин в г. Москва, Россия, 1 марта 1993 г.
 Интервью с Надеждой Адольфовной Иоффе в г. Москва, Россия, 5 июня
 1991 г.
 Интервью с Николаем Семеновичем Кардашевым в г. Москва, Россия,
 15 марта 1993 г.
 Интервью с Розалией Эфраимовной Беленькой в г. Москва, Россия,
 11 ноября 1991 г. и г. Нью-Йорк, США, 16 мая 1998 г.
 Интервью с Татьяной Инваровной Смилга в г. Москва, Россия, 2 и
 5 июня 1991 г.

МЕМУАРЫ

На русском языке

- Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925 – 1927 гг. 3-е изд.
 М., 1979.
 Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае, 1925 – 1927. Вос-
 поминания. М., 1965.
 Войтинский Г. Мои встречи с Сунь Ятсеном. – Правда. 15 марта
 1925 г.
 Го Шаотан. Историко-мемуарные записки китайского революционе-
 ра. М., 1990.

- Далин С. А. В рядах китайской революции. М. — Л., 1926.
- Далин С. А. Китайские мемуары. 1921 — 1927. М., 1975.
- Иоффе Н. А. Время назад (Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха). М., 1992.
- Иоффе Н. А. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. М., 1997.
- Троцкий Л. Моя жизнь. В 2-х тт. М., 1990.
- Циу Лао-жэнь [Бао Хуэйсэнь]. До и после образования Коммунистической партии Китая. — Рабочий класс и современный мир. М., 1971. № 2. С. 117 — 127.
- Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. Изд. 2-е. М., 1976.
- Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
- Чэн Пан-цю [Чэнь Таньцю]. Воспоминания о I съезде Компартии Китая. — Коммунистический Интернационал. 1936. № 14. С. 96 — 99.

На китайском языке

- Ван Пинъи. Лю Э цяньхоу (До и после пребывания в России). — Люши нянь лай чжунго лю Э сюэшэнчжи фэнсян дяоку (Воспоминания китайских студентов об [их] пребывании в России 60 лет назад). Тайбэй, 1988. С. 19 — 26.
- Ван Сюэюань. Лю Э хуэйилу (Воспоминания о пребывании в России). Тайбэй, 1969.
- Ван Фаньси. Шуаншань хуэйилу (Воспоминания Шуаншаня). Сянган, 1977.
- Гуань Сочжи. Мосыкэ дунфан дасюэ хуэйи (Воспоминания о Московском университете Востока). — Гунчань вэньти яньцзю (Изучение проблем коммунизма). 1980. Т. 7. № 3. С. 1 — 2; № 8. С. 11 — 13.
- Жэнь Чжосюань. Лю Э цзи гуй го хоудэ хуэйи (Воспоминания о пребывании в России и о том, что было после возвращения на родину). — Люши нянь лай чжунго лю Э сюэшэнчжи фэнсян дяоку (Воспоминания китайских студентов об [их] пребывании в России 60 лет назад). Тайбэй, 1988. С. 73 — 113.
- Лосу [Рассел]. Ю Э ганьсян (Впечатления от поездки в Россию). — Синь циннянь. 1920. Т. 8. № 2. С. 1 — 12.
- Лу Ешэнь. Цяньянь (Предисловие). — Ма Юаньшэн. Лю Су цзиши (Записки о жизни в СССР). Пекин, 1987. С. 1 — 4.
- Лю Жэньцзин тань толоцыцзипай цзай Чжунго (Лю Жэньцзин о троцкистах в Китае). — Чжунгун данши цзыляо (Материалы по истории КПК). Вып. 1. Пекин, 1982. С. 238 — 255.
- Ма Юаньшэн. Лю Су цзиши (Записки о жизни в СССР). Пекин, 1987.
- Пу Цинъцюань [Пу Дэчжи]. Чжунго топайдэ чаншэн хэ мэйван (Рождение и гибель китайских троцкистов). — Чэнь Дусю пинлунь сюаньбянь (Сборник избранных критических статей о Чэнь Дусю). Т. 2. Чжэнчжоу, 1982. С. 383 — 405.

- Сун Лян тунчжи гэй [Лю] Шаоци тунчжидэ синь (Письмо тов. Сун Ляна тов. [Лю] Шаоци). — Лю Шаоци. Лунь дан (О партии). Далянь, 1947. С. 345 — 346.
- Сунь Ефан. Гуаньюй чжунгун Мо чжибу (О Московском отделении КПК). — Чжунгун данши цзыляо (Материалы по истории КПК). Вып. 1. Пекин, 1982. С. 180-183.
- Сяо Цзингуан. Фу Су сюэси цяньюху (До и после учебы в Стране Советов). — Гэмин ши цзыляо. Пекин, 1981. № 3. С. 1 — 21.
- Тан Ючжан. Гэмин юй люфан (Революция и ссылка). Чанша, 1988.
- Цзян Канху. Синь Э юэци (Записки о путешествии в новую Россию). Шанхай, 1923.
- Цзян Цзэминь. Цзай Фаго, Билиши циньгун цзяньсюэдэ жицзы (Дни «прилежной работы, экономной учебы» во Франции и Бельгии). — Гэмин ши цзыляо. Пекин, 1981. № 3. С. 71 — 84.
- Чжан Чунвэнь. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй «шитянь дахуэй» (Московский университет им. [Сунь] Ятсена и «десятидневное собрание»). — Чжунгун данши цзыляо (Материалы по истории КПК). Вып. 37. Пекин, 1991. С. 37 — 48.
- Чжэн Чаолинь хуэйилу (Воспоминания Чжэн Чаолиня). [Сянган, 1982].
- Чжэн Чаолинь. Цзи Инь Куань (Воспоминания об Инь Куане) (рукопись). [Шанхай], б. г.
- Чжэн Чаолинь. Чэнь Дусю юй топай (Чэнь Дусю и троцкисты). — Чжэн Чаолинь хуэйилу. [Сянган], б. г. С. 246 — 351.
- Ян Цзыле. Чжан Готао фужэнь хуэйилу (Воспоминания жены Чжан Готао). Сянган, 1970.

На западноевропейских языках

- The Autobiography of Bertrand Russell. 1914 — 1944. Boston & Toronto, 1956.
- Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party: An Autobiography. 2 vols. Lawrence etc., 1971.
- Chiang Ching-kuo. My Days in Soviet Russia. [Taipei, 1963].
- Chiang Chung-cheng [Chiang Kai-shek]. Soviet Russia in China. Summing-up at Seventy. New York, 1957.
- Fisher L. Men and Politics. An Autobiography. New York, 1941.
- M. N. Roy's Memoirs. Bombay, 1964.
- Mémoires de Peng Shuzhi. L'Envol du Communisme en Chine. Paris, 1983.
- Roy, M. N. My Experiences in China. 2nd ed. Bombay, 1945.
- Sheean V. Personal History. Garden City, N.Y., 1935.
- Sheng Yueh. Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution: A Personal Account. Lawrence, KS, 1971.
- Trotsky L. Fighting Against the Stream. — Writings of Leon Trotsky (1938-9). New York, 1969. P. 63 — 65.
- Trotsky L. On the History of the Left Opposition. — Writings of Leon Trotsky (1938-9). New York, 1969. P. 61 — 62.

ГАЗЕТЫ

На русском языке

- Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. 1920.
Жизнь национальностей. 1920 – 1921.
Известия. 1917 – 1927.
Коммунист. Баку, 1920.
Неделя. 1989.
Под знаменем Ильича. 1923 – 1926.
Правда. 1917 – 1930.

На китайском языке

- Данбао (Партийная газета). 1924.
Жэньминь жибао (Народная газета). 1949 – 1984.
Миньго жибао (Республика). 1917.
Мэйчжоу пинлунь (Еженедельное обозрение). 1919.
Цяньцзинь бао (Вперед). 1925 – 1926.
Чэнь бао (Утро). 1919.
Шиши синьбао (новая газета «Факты»). 1917.

ЖУРНАЛЫ

На русском языке

- Большевик. 1925 – 1927.
Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929 – 1941.
Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. 1922.
Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932.
Вопросы истории. 1990.
Вопросы истории КПСС. 1958.
Вопросы философии. 1990.
Известия ЦК КПСС. 1989 – 1991.
Историк-марксист. 1925 – 1927.
Исторический архив. 1992.
Кантон. 1927.
Коммунист. 1969.
Коммунистический Интернационал. 1920 – 1927, 1936.
Красный Интернационал профсоюзов. 1925.
Народы Азии и Африки. 1972 – 1976.
Новый мир. Москва, 1927, 1950.
Новый мир. Нью-Йорк, 1917.

- Отечественные архивы. 1992.
 Политические исследования. 1991.
 Проблемы востоковедения. 1960.
 Проблемы Дальнего Востока. 1972 – 2001.
 Проблемы Китая. 1929.
 Рабочий класс и современный мир. 1972 – 1982.
 Революционный Восток. 1927.
 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921.
 Социалистический вестник. 1927.
 Спутник агитатора (для деревни). 1925.

На китайском языке

- Гоминь (Народ). 1919.
 Гоцзи пинлунь (Международное обозрение). 1926 – 1927.
 Гунчань взньги яньцзю (Изучение проблем коммунизма). 1980 – 1993.
 Гунчань цзачжи (Коммунистический журнал). 1929 – 1930.
 Гунчаньдан (Коммунист). 1920-1921.
 Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Пекин, 1981.
 Гэмин ши цзыляо (Материалы по истории революции). Шанхай, 1986.
 Дунфан цзачжи (Восток). 1918.
 Лиши яньцзю (Изучение истории). 1960.
 Мэйчжоу яолань (еженедельник «Колыбель»). 1928 – 1929.
 Синь циннянь (Новая молодежь). 1920 – 1925.
 Синь шици (Новая эпоха). 1981.
 Синьхуа взньчжай (дайджест «Новый Китай»). 1984.
 Сяндао чжоукань (еженедельник «Проводник»). 1923 – 1927.
 Сяньчюй (Пионер). 1922 – 1923.
 Шигюэ пинлунь (Октябрь). 1991.
 Шугуан (Заря). 1920.
 Шэхуэй синьвэнь (Общественные новости). 1932 – 1934.
 Цзефан юй гайцао (Освобождение и реконструкция). 1919 – 1920.
 Цзиньдай ши яньцзю (Изучение новой истории). 1985.
 Чжунго сяньдай ши (Современная история Китая). 1983 – 1993.
 Чжунгун данши яньцзю (Изучение истории КПК). 1989.
 Чжунгун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению КПК). 1989.
 Чубань шиляо (Материалы по истории издательского дела). 1983.

На западноевропейских языках

- Der Bolschewik. 1922.
 The China Quarterly. 1973.
 The Communist International. 1920, 1936.
 L'International Communiste. 1920.
 The International Press Correspondence. 1920 – 1927.

- Issues & Studies. 1974 – 1999.
Die Kommunistische Internationale. 1920.
The Nation. 1927.
Studies in Comparative Communism. 1977.
Die Zukunft. 1917.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Алексеев В. М. Принципы переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык. — Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 3. Л., 1935. С. 5.
- Альский М. Кантон побеждает... М., 1927.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 47. М., 1957.
- Бородин Б. А. Троцкий и Чан Кайши. — Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 148 – 156.
- Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX в.). М., 1984.
- Бройдо Г. Коммунистический университет трудящихся Востока. — Жизнь национальностей. 26 января 1921 г.
- Бруз П., Панцов А. В. Открытое письмо генералу Д. А. Волгогонову. — Конфликты и консенсус. 1994. № 5. С. 73 – 80.
- Волгогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. М., 1989.
- Волгогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1992.
- Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гарушняц Ю. М. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959.
- Гельбрас В. Г. Класс: миф или реальность? — Рабочий класс и современный мир. 1974. № 2. С. 130 – 141.
- Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР. 50 – 60-е годы. М., 1980.
- Глунин В. И. Борьба за единый национальный фронт в Китае (к 50-летию III съезда КПК). — Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 3. С. 125 – 132.
- Глунин В. И. Григорий Войтинский (1893 – 1953). — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 66 – 87.
- Глунин В. И. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920 – 1927). — Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 242 – 299.
- Глунин В. И. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921 – 1927 гг.). В 2-х кн. М., 1975.

- Глунин В. И., Мугрузин А. С. Крестьянство в китайской революции. — Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 111 — 165.
- Григорьев А. М. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926-1927). — Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 123 — 134; № 3. С. 112 — 128.
- Григорьев А. М. Революционное движение в Китае в 1927 — 1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980.
- Далин С. Сунь Ятсен. Ко 2-й годовщине его смерти (12 марта 1925 г.) — Правда. 12 марта 1927 г.
- Движение «4 мая» 1919 г. в Китае. Сб. статей. М., 1971.
- Делюсин Л. П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921 — 1928 гг.). М., 1972.
- Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1970.
- Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1980.
- Делюсин Л. П., Костяева А. С. Революция 1925 — 1927 гг. в Китае. Проблемы и оценки. М., 1985.
- Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
- Есенин С. А. Собрание сочинений. Т. 3. Стихотворения и поэмы (1924 — 1925). М., 1967.
- Ефимов Г. В. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая. — Проблемы Дальнего Востока. 1977. № 2. С. 169 — 175.
- Жаков М. Отражение феодализма в «Мэн-Цзы». М., 1927.
- История Китая. М., 1998.
- История современной китайской революции. М., 1959.
- Кара-Мурза Г. С. Китай в 1918 — 1924 гг. — Историк-марксист. 1939. № 5 — 6. С. 150 — 170.
- Картунова А. И. Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации гоминьдана. — Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 300 — 312.
- Картунова А. И. Политика компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925 — 1927 годов. М., 1983.
- Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969.
- Костяева А. С. Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX века). М., 1978.
- Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 — 1938. М., 1988.
- Крушинский А. А. Смысл выражения «гэмин» в современных политических текстах. — Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М., 1980. С. 199 — 205.
- Крымов А. Г. (Го Шао-тан). Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае в 1917 — 1927 гг. Докт. дисс. М., 1962.
- Кустарев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера. — Вопросы философии. 1990. № 8. С. 119 — 130.
- Лю Шаоци. Речь на митинге москвичей во Дворце спорта 7 декабря 1960 г. — Правда. 8 декабря 1960 г.

- Мамаева Н. А. Коминтерн и Гоминьдан. 1919 — 1929. М., 1999.
- Мангалаян Т. Почему обанкротилось руководство китайской компартии. — Правда. 16 июля 1927 г.
- Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга первая. Процесс производства капитала. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. М., 1961. С. 323 — 452.
- Мировицкая Р. А. Михаил Бородин (1884 — 1951). — Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970. С. 22-40.
- Мировицкая Р. А. Советский Союз и КПК (конец 20-х — начало 30-х годов). — Опыт и уроки истории КПК (к 60-летию образования партии). М., 1981. С. 200 — 202.
- Нагточеев В. «Тройка», «семерка», Сталин. — Неделя. 1989. № 1. С. 15 — 16.
- Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
- Николаева К. Как нельзя понимать единство партии. — Правда. 17 мая 1927 г.
- Новейшая история Китая. 1917 — 1927. М., 1983.
- Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959.
- Панцов А. В. Брестский мир. — Вопросы истории. 1990. № 2. С. 60 — 79.
- Панцов А. В. «Демон революции» или пролетарский революционер? — Политические исследования. 1991. № 1. С. 188 — 194.
- Панцов А. В. Документы II и IV конгрессов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам и их распространение в Китае (1920 — 1924). — Национальные и социальные движения на Востоке. История и современность. М., 1986. С. 23 — 58.
- Панцов А. В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20 — 40-х годов. М., 1985.
- Панцов А. В. Из истории подготовки в СССР марксистских кадров китайской революции. — Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984. С. 290 — 30.
- Панцов А. В. К дискуссии в КПК вокруг «идей Мао Цзэдуна». — Рабочий класс и современный мир. 1982. № 3. С. 44 — 47.
- Панцов А. В. Лев Давидович Троцкий. — Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65 — 87.
- Панцов А. В., Юрьев М. Ф. Установление сотрудничества между КПК и Сунь Ятсеном в 1921 — 1924 гг. К истории образования единого антиимпериалистического фронта. — Сунь Ятсен. 1866 — 1986. К 120-летию со дня рождения. Сб. статей, воспоминаний, документов и материалов. М., 1987. С. 129 — 171.
- Персиц М. А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июнь 1920). — Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 53 — 109.

- Персиц М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920 — 1921 гг. Изд. 2-е, расшир. и испр. М., 1999.
- Персиц М. А. Из истории становления Коммунистической партии Китая (Доклад, подготовленный Чжан Тай-лэем для III конгресса Коминтерна как исторический источник). — Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 47 — 58.
- Персиц М. А. О подготовительном этапе коммунистического движения в Азии. — Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 38 — 76.
- Персиц М. А. Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения. 1918 — 1921. М., 1973.
- Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1991.
- Полов Н. А. Китайские пролетарии в Гражданской войне в России. — Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918 — 1922 гг.). М., 1961. С. 5 — 37.
- Полов Н. А. Участие китайских интернациональных частей в защите Советской республики в период Гражданской войны (1918 — 1920 гг.). — Вопросы истории. 1957. № 10. С. 109-123.
- Резников А. [Б.] Борьба В. И. Ленина против сектантских извращений в национально-колониальном вопросе. — Коммунист. 1968. № 5. С. 36 — 47.
- Резников А. Б. В. И. Ленин о национально-освободительном движении. — Коммунист. 1967. № 7. С. 91 — 102.
- Резников А. Б. Разработка IV конгрессом Коминтерна проблем национально-освободительного движения. — Четвертый конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта. М., 1980. С. 194 — 238.
- Резников А. Б. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1978.
- Свечин А. Военное искусство в будущей войне. — Правда. 1 мая 1927 г.
- Сига И. Сен Катаяма — выдающийся деятель коммунистического движения. — Коммунист. 1959. № 17. С. 80 — 88.
- Соркин Г. З. Съезд народов Дальнего Востока. — Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 76 — 86.
- Стабурова Е. Ю. Анархизм в Китае. 1900 — 1921. М., 1983.
- Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879 — 1929. История и личность. М., 1990.
- Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921 — 1925). — Народы Азии и Африки. 1976. № 2. С. 47 — 57.
- Тимофеева Н. Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в 1926 — 1938 гг. — Народы Азии и Африки. 1979. № 5. С. 30 — 42.
- Тихвинский С. Л. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885 — 1925 гг.). М., 1964.
- Троцкий Л. История русской революции. В 2-х тт. Берлин, 1931, 1933.
- Троцкий Л. Китайской Левой оппозиции. — Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1931. № 19. С. 27-30.

- Троцкий Л. Портреты. Бенсон, 1984.
- Троцкий Л. Сталин. В 2-х тт. Бенсон, 1985.
- Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990.
- Устинов В. М. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918 – 1922 гг.). – Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918 – 1922 гг.). М., 1961. С. 38 – 53.
- Цай Хэ-сэнь. История оппортунизма в Коммунистической партии Китая. – Проблемы Китая. 1929. № 1. С. 1 – 77.
- Чешков М. А. Анализ социальной структуры колониальных обществ в документах Коминтерна (1920 – 1927). – Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 192 – 216.
- Шаститко П. М. Ленинская теория национально-колониального вопроса (история формирования). М., 1979.
- Шевелев К. В. Из истории образования Коммунистической партии Китая. М., 1976.
- Шевелев К. В. Из истории образования Коммунистической партии Китая. – Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 4. С. 141 – 154.
- Шевелев К. В. Предыстория единого фронта в Китае и Учредительный съезд КПК. – Китай: традиции и современность. Сб. статей. М., 1976. С. 197 – 209.
- Шумяцкий Б. Из истории комсомола и компартии Китая. (Памяти одного из организаторов комсомола и компартии Китая тов. Чжан Тайляя). – Революционный Восток. 1928. № 4 – 5. С. 194 – 230.
- Шэно Ж. Китайское рабочее движение в 1919 – 1927 гг. М., 1969.
- Энгельс Ф. Письмо К. Марксу в Лондон от 13 февраля 1851 г. – Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 27. М., 1960. С. 176 – 178.
- Эренбург Г. Б. Китайская революция 1925 – 1927 гг. в оценке меньшевиков, эсеров и кадетов. – Проблемы Китая. 1930. № 3. С. 99 – 115.
- Юрьев М. Ф. Революция 1925 – 1927 гг. в Китае. М., 1968.

На китайском языке

- Ван Синган, Фан Дамин. Хэ Шухэн. – Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 4. Сиань, 1982. С. 1 – 38.
- Ван Цзяньминь. Чжунго гунчаньдан шигао (Очерки истории КПК). Т. 1. Тайбэй, 1965.
- Е Юнле. Чэнь Бода цижэнь (Чэнь Бода как человек). Б. м., б. г.
- Жэнь Цзяньшу, Тан Баолин. Чэнь Дусю чжуань (Биография Чэнь Дусю). В 2-х тт. Шанхай, 1989.
- Ли Синь. Ли Дачжао. – Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 2. Сиань, 1981. С. 1 – 41.
- Ли Сюаньжун. Толоцыцзи пинчжуань (Биография Троцкого). Пекин, 1986.
- Ли Чжицян. Лунь Толоцыцзи дуй чжунго гэминдэ чжучжан цзи инсян (О взглядах и влиянии Троцкого на китайскую революцию). –

- Цзиньдай ши яньцзю (Изучение новой истории). 1985. № 1. С. 68 – 100.
- Линь Боцой чжуань (Биография Линь Боцюя). Пекин, 1986.
- Линь Хуннуань. Чжан Тайлэй. — Чжунгундан ши жэньу чжуань (Биографии деятелей истории КПК). Т. 4. Сиань, 1982. С. 62 – 108.
- Макэсы, Эньгэсы чжуцзо чжунги цзунлу (Сводный указатель китайских переводов работ Маркса и Энгельса). Пекин, 1988.
- Мао Цзэдун. «Цида» гунцзо фанчжэнь (Курс работы VII съезда). — Хунци (Красное знамя). 1981. № 11. С. 1 – 7.
- Мин Юань. Цюсяопайдэ синчэн цзи ци моло (Подъем ликвидаторской группировки и ее упадок). — Шэхуэй синьвэнь (Общественные новости). 1933. Т. 2. № 23. С. 322 – 325; № 24. С. 338 – 341.
- Пэн Чжэюй, Янь Нун. Цзян Цзинго цзай Мосыкэ (Цзян Цзинго в Москве). Изд. 2-е. Сянган, 1987.
- Сюй Цзюэцзай. Макэсычжуи цзай Чжунго чуаньбочжи «ди» (События, впервые имевшие место в процессе распространения марксизма в Китае). — Синь шици (Новая эпоха). 1981. № 8. С. 30; № 9. С. 26; № 10. С. 28; № 11. С. 27; № 12. С. 19.
- Сюй Юаньгун и др. Чжунго гунчаньдан лиши цзянхуа (Лекции по истории КПК). Пекин, 1982.
- Сян Цин. Гунчань гоцзи юй чжунго гэмин гуаньси ши луньвэньцзи (Сборник статей по истории отношений Коминтерна и китайской революции). Шанхай, 1986.
- Тан Баолин. Чжунго топай ши (История китайских групп в Китае). Тайбэй, 1994.
- Усы шици цикань цзешао (Обзор периодической печати периода «4 мая»). В 4-х тт. Пекин, 1979.
- Хуан Сюжун. Гунчань гоцзи юй чжунго гэмин гуаньси ши (История отношений Коминтерна и китайской революции). В 2-х тт. Пекин, 1989.
- Хуан Сюжун. Юаньдун гэго гунчаньдан цзи миньцзу туаньти диигэ дайбяодахуэй цзи ци дуй вого гэминдэ инсян (Первый съезд коммунистических партий и национально-революционных организаций стран Дальнего Востока и его влияние на революцию в нашей стране). — Чжунго сяньдай ши (Современная история Китая), 1983. № 10. С. 35 – 42.
- Цао Чжунбинь, Дай Маолин. Мосыкэ Чжуншань дасюэ юй Ван Мин (Московский Университет им. Сунь Ятсена и Ван Мин). Харбин, 1988.
- Цзоу Лу. Чжунго гоминьдан шигао (Очерки истории китайского Гоминьдана). Чанша, 1931.
- Цзымэй. Сиху хуэйи шицзянь као (Уточнение времени проведения совещания на оз. Сиху). — Чжунгун яньцзю цзыляо (Материалы по изучению КПК). 1983. № 4. С. 326 – 328.
- Цзян Ихуа. Гоминьдан цзопайдэ цичжи — Ляо Чжункай (Знамя левого крыла Гоминьдана — Ляо Чжункай). Шанхай, 1985.
- Цзян Хуасюань. Дандэ миньчжу ганлиндэ тичу хэ гогун хэцзо цэлюэдэ цзигэ взньти (Несколько вопросов, связанных с выдвиганием

- партийной программы демократической революции и определением стратегии сотрудничества Гоминьдана и КПК). — Цзиньдай ши яньцзю. 1985. № 2. С. 111 — 126.
- Цзянь. У Юйчжан цзай Хайсаньвэй (У Юйчжан во Владивостоке). — Шэхуэй синьвэнь. 1933. Т. 2. № 20. С. 276.
- Цзяньмин чжунгундан ши цыдянь (Краткий словарь по истории КПК). Цзинань, 1987.
- Цзяньмин шэхуэй кэсюэ цыдянь (Краткий словарь по общественным наукам). Шанхай, 1983.
- Цыхай. Лиши фэньцы. Чжунго сяньдайши (Словарь Цыхай. Раздел истории. Современная история Китая). Шанхай, 1984.
- Чжан Ихун. Е Цин сысяндэ цзючжэн (Выправление идей Е Цина). Тайбэй, 1964.
- Чжан Юньхоу. Ленин чжуцзо чжунгивэнь няньбяо (12.1919 — 3.1960) (Хронология переводов работ Ленина на китайский язык [12.1919 — 3.1960]). — Лиши яньцзю (Изучение истории). 1960. № 4. С. 47 — 91.
- Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзыляо хуэйбянь — линдао цзигоу яньгэ хэ чэнюань минлу (Сборник материалов по истории развития организаций КПК — эволюция руководящих органов и их персонального состава). Пекин, 1983.
- Чжунго гэмин ши цзяньги (Лекции по истории китайской революции). Т. 1. Пекин, 1983.
- Чжунго синьминьчжучжуй шици тунши (Общая история периода новодемократической революции в Китае). Т. 1. Пекин, 1959.
- Чжунго сяньдайши цыдянь (Словарь по новейшей истории Китая). Пекин, 1987.
- Чжунхуачжи цзуй чжиши шоуцэ (Справочник «Самое-самое в Китае»). Наньчан, 1987.
- Чжэн Цаньхуэй. Чжунго гоминьдан дици цюаньго дайбяодахуэй (I Всекитайский съезд Китайского Гоминьдана). — Гэмин ши цзыляо. Шанхай. 1986. № 1. С. 113-126.
- Чжэцзян жэньу цзяньчжи (Краткие заметки о деятелях Чжэцзяна). Т. 3. Ханчжоу, 1984.
- Чэнь Цзайфань. Гунчань гоцзи юй чжунго гэмин (Коминтерн и китайская революция). Ухань, 1987.
- Чэнь Юнфа. Чжунго гунчань гэмин циши нянь (Семьдесят лет китайской коммунистической революции). В 2-х тт. Тайбэй, 1998.
- Чэнь Юцзинь. Ленин чжуцзо цзай Чжунгодэ чуаньбо (Распространение работ Ленина в Китае). — Ленин шэхуэйчжуй цзинцзи цзяньшэ шилунь яньцзю (Изучение ленинской теории строительства социалистической экономики). Т. 2. Тяньцзинь, 1985. С. 411 — 426.
- Шэнь Дэчунь, Тянь Хайянь. Чжунго гунчаньдан «и да» дэ чжуйо вэньти (Главные вопросы, связанные с I съездом Компартии Китая). — Жэньминь жибао (Народная газета). 30 июня 1961 г.
- Ян Куйсун. Чжунгун юй Моськэдэ гуаньси (1920 — 1960) (Отношения КПК и Москвы [1920 — 1960]). Тайбэй, 1997.

На западноевропейских языках

- Alexander R.* International Trotskyism. 1919 – 1985. A Documented Analysis of the Movement. Durham & London, 1991.
- Benton G.* Bolshevizing China, From Lenin to Stalin to Mao, 1921 – 1944. – International Conference "The Russian Revolution and Its Aftermath." Youngstown, OH, 1994.
- Benton G.* China's Urban Revolutionaries. Explorations in the History of Chinese Trotskyism. Atlantic Highlands, NJ, 1996.
- Bernal M.* Chinese Socialism to 1907. Ithaca, 1976.
- Bing D.* Sneevliet and the Early Years of the CCP. – The China Quarterly. 1971. No. 48. P. 687 – 695.
- Bing D.* Was There a Sneevlietian Strategy? – The China Quarterly. 1973. No. 54. P. 349 – 357.
- Brandt C.* Stalin's Failure in China. Cambridge, Mass., 1958.
- Brouï P.* Chen Duxiu and the Fourth International. – Revolutionary History. 1990, vol. 2. No. 4. P. 7 – 12.
- Brouï P.* Histoire de l'Internationale Communiste. 1919 – 1943. Paris, 1997.
- Brouï P.* Trotsky. Paris, 1988.
- Carr E.* A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution. 1917 – 1923. 3 vols. London, 1951 – 1953.
- Carr E.* A History of Soviet Russia. Foundations of a Planned Economy. 1926 – 1929. 2 vols. London, 1971.
- Carr E.* A History of Soviet Russia. Socialism in One Country. 1924 – 1926. 3 vols. London, 1958 – 1964.
- Chih Yu-ju.* The Political Thought of Ch'en Tu-hsiu. Ph.D. theses. [Bloomington], 1965.
- Chow Tse-tsung.* The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge, Mass., 1960.
- Deutscher I.* The Prophet Armed. Trotsky. 1879 – 1921. Oxford, 1989.
- Deutscher I.* The Prophet Outcast. Trotsky. 1929 – 1940. Oxford, 1989.
- Deutscher I.* The Prophet Unarmed. Trotsky. 1921 – 1929. Oxford, 1989.
- Dirlik A.* The Origins of Chinese Communism. New York, 1989.
- Duran D.* The Birth of the Chinese Left Opposition. – Revolutionary History. 1990. Vol. 2. No. 4. P. 3 – 6.
- Feigon L.* Chen Duxiu: Founder of the Chinese Communist Party. Princeton, N.J., 1983.
- Fischer L.* China — Seen From Moscow. – The Nation. 1927. Vol. CXXY. No. 3256 (November 30). P. 613 – 614.
- Isaacs H.* The Tragedy of the Chinese Revolution. London, 1938.
- Jacobs D.* Borodin: Stalin's Man in China. Cambridge, Mass., 1981.
- Jordan D.* The Northern Expedition: China's National Revolution of 1926 – 1928. Honolulu, 1976.
- Kagan R.* The Chinese Trotskyist Movement and Ch'en Tu-hsiu: Cultural Revolution and Policy. With an Appended Translation of Ch'en Tu-hsiu's Autobiography. Ph.D. theses, [Philadelphia], 1969.
- Klein D.* and *Clark A.* Biographic Dictionary of Chinese Communism. 1921 – 1969. 2 vols. Cambridge, Mass., 1971.

- Knei-Paz B.* The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978.
- Kuo Th. Ch'en Tu-hsiu (1879-1942) and the Chinese Communist Movement.* South Orange, N.J., 1975.
- Kuo W.* Analytical History of Chinese Communist Party. Book Two. Taipei, 1968.
- Lerner W.* Karl Radek: The Last Internationalist. Stanford, Calif., 1970.
- Levine M. A.* The Found Generation: Chinese Communism in Europe During the Twenties. Seattle, 1993.
- Levine S.* Trotsky on China: The Exile Period. — Papers on China. 1964. No. 18. P. 90 — 128.
- Luk M. Y. L.* The Origins of Chinese Bolshevism: An Ideology in the Making. 1921 — 1928. Hong Kong, 1990.
- Meisner M.* Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. Cambridge, Mass., 1967.
- Miller J.* The Politics of Chinese Trotskyism: The Role of a Permanent Opposition in Communism. Ph.D. theses. [Urbana-Champagn], 1979.
- North R. C.* Moscow and Chinese Communists. Stanford, Calif. 1953.
- Pantsov A.* Chinese Working-class Movement and the Influence of Socialist Ideas in the Early 20th Century. — 18th International Congress of Historical Sciences. Montréal, 1995.
- Pantsov A.* From Students to Dissidents: The Chinese Trotskyists in Soviet Russia. — Issues & Studies. 1994. Vol. 30. No. 3 (March). P. 97 — 112; No. 4 (April). P. 56 — 73; No. 5 (May). P. 77 — 109.
- Pantsov A.* O Marxismo na Rússia e na China: o Marxismo? — A Hystyria á Deriva. Um Balanço de Fim de Século. Salvador-Bahia. 1993. P. 234 — 257.
- Pantsov A.* Stalin's Policy in China, 1925-27: New Light from Russian Archives. — Issues & Studies. 1998. Vol. 34. No. 1 (January). P. 129 — 160.
- Pantsov A. and Benton G.* Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang "From the First"? — Republican China. 1994. Vol. XIX. No. 2 (April). P. 52 — 66.
- Peng Shu-tse [Peng Shuzhi].* Introduction. — Leon Trotsky on China. New York, 1976. P. 31 — 97.
- Tuck J.* Engine of Mischief. An Analytical Biography of Karl Radek. Westport, Con., 1988.
- Ven de Van H. J.* From Friend to Comrade: The Founding of the Chinese Communist Party. 1920 — 1927. Berkeley, Calif., 1991.
- Die Werke von Karl Marx und Friedrich Engels in China. Katalog und Auswahlbibliographie. Trier, 1984.
- Whiting A. S.* Soviet Policies in China: 1917-1924. New York, 1954.
- Wittfogel K. A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven & London, 1957.
- Wu E. Tien-wei.* The Chinese Nationalist and Communist Alliance, 1923 — 1927. Ph.D. theses, [College Park], 1965.
- Wu K'un-jung.* The Left Opposition Faction in the Chinese Communist Party. — Issues & Studies. 1974. Vol. X. No. 6 (June). P. 78 — 90; vol. X. No. 7 (July). P. 70 — 86.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ*

Авдеев Иван Авдеевич (настоящее имя Анатолий Авдеевич Дивильковский) (1877 — 1932). Член РСДРП с 1901 г. Кандидат в члены ЦК и председатель Сталинградского губернского совета народного хозяйства в 1927 г. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Репрессирован.

Айзекс Гарольд Р. (1910 — 1986). Американский журналист. Троцкист с 1931 г. Автор книги «Трагедия китайской революции» (издана в 1938 г.)

Аксельрод Павел (настоящее имя Пинкус) Борисович (он же Александрович, Н. Д., Рабочий, Штейнберг) (1850 — 1928). Член народнической организации «Земля и воля» с начала 1870-х гг. Член марксистской группы «Освобождение труда» с 1883 г. Член РСДРП с 1898 г. Один из лидеров меньшевиков с 1903 г. Председатель ЦК партии меньшевиков с августа 1917 г. Член ЦИК Петроградского Совета в 1917 г. После Октябрьской революции эмигрировал.

Альбрехт Александр Емельянович (он же Арно, настоящее имя Абрамович) (1888 — ?). Член РСДРП(б) с 1908 г. До апреля 1917 г. находился в эмиграции. Член последовательно Петроградского, Одесского и Севастопольского комитетов партии большевиков, член Президиума Одесского Совета в 1917 — 1918 гг. Сотрудник ИККИ с 1919 г. Представитель Коминтерна в Китае в 1926 — 1930 гг. (с перерывами).

* В словарь включены имена только наиболее важных персонажей. Приводятся лишь некоторые из их псевдонимов.

- Альский М.** (настоящее имя Виктор Мирицевич Штейн) (1890 – 1964). Член РСДРП(б) с 1917 г. Советский китаевед. Советник по финансам при Национальном правительстве ГМД в 1926 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Арестован, позже освобожден. Научный сотрудник Института востоковедения в 1935 – 1964 гг.
- Ангартис Зигмас Ионович** (он же Алекса) (1882 – 1940). Член РСДРП(б) с 1906 г. Представитель КП Литвы в ИККИ с 1921 г. Секретарь ИКК Коминтерна в 1926–1935 гг. Репрессирован.
- Андреев Михаил Георгиевич** (1888 – 1945). Российский и советский китаевед. Учился и работал в Китае в 1913 и 1925 – 1927 гг. Преподаватель УТК-КУТК в 1925 и 1927 – 1930 гг. На службе в РККА в 1928 – 1945 гг. Преподаватель Института востоковедения в 1925 – 1931 гг. Преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе с 1928 г. Научный сотрудник ИМЭМП с 1933 г.
- Ань Фу** (он же Витин) (? – ?). Член КПК с 1926 г. Кандидат в члены ВКП(б) с 1928 г. Студент КУТК в 1928 – 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве в 1928 – 1930 гг. Репрессирован.
- Аргузов Артур Христианович** (настоящее имя Фраучи) (1891 – 1937). Член РСДРП(б) с 1917 г. Зам. начальника Иностранного отдела ОГПУ в 1930 – 1931 гг.
- Бакаев Иван Петрович** (1887 – 1936). Член РСДРП(б) с 1906 г. Председатель Ленинградской губернской контрольной комиссии в 1925 – 1927 гг. Член ЦКК в 1925 – 1927 гг. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Репрессирован.
- Бакунин Михаил Александрович** (1814 – 1876). Ультралевый деятель российского революционного движения. Теоретик анархизма.
- Бао Хуэйсэн** (он же Хуэйшэн, Бао Идэ, Циу лаожэнь) (1894 – 1979). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Один из основателей КПК в 1921 г. Редактор журнала «Лаодун чжоукань» (еженедельник «Труд») в 1921 г. Руководитель Уханьского городского комитета КПК в 1923 – 1925 гг. Руководитель политотдела Военной академии Вампу в 1925 г. После революции 1925 – 1927 гг. отошел от КПК. Преподавал в Северокитайском народно-революционном университете с 1950 г.
- Бауман Карл Янович** (1892 – 1937). Член РСДРП(б) с 1907 г. Член ЦК в 1925 – 1937 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1929 – 1930 гг. 2-й, затем 1-й секретарь Московского городского комитета партии в 1928–1930 гг. Секретарь ЦК в 1929 – 1934 гг. Репрессирован.
- Берзин Ян Карлович** (он же Воронов, настоящее имя Петерис Кюзис) (1889 – 1938). Член РСДРП(б) с 1905 г. Начальник Разведывательного управления Генерального штаба РККА в 1924 – 1935 и 1937 гг. Репрессирован.
- Бородин Михаил Маркович** (он же Англичанин, Банкир, Александр Гринберг, Александр Хумберг, Майкл Берг, Георг Браун, М. Браун, Яков, Никифоров, настоящее имя Грузенберг) (1884 – 1951). Член

- РСДРП(б) с 1903 г. Сотрудник ИККИ с 1919 г. Главный политический советник ЦИК ГМД и представитель ИККИ в Китае в 1923 — 1927 гг. Зам. наркома труда, зам. ответственного руководителя ТАСС, главный редактор Совинформбюро в 1927 — 1932 гг. Главный редактор газеты «Москоу ньюс» («Московские новости») в 1932 — 1951 гг. Репрессирован.
- Брике Симон Карлович** (он же Бестужев, настоящая фамилия Брикер) (1898 — 1937). Член Паолей Цион в 1916 — 1918 гг. Член РКП(б) с 1918 г. Заведующий Бюро восточной пропаганды, заведующий Турецкой секцией Восточного отдела ИККИ с ноября 1921 по середину 1920-х гг. Затем работал в наркомате иностранных дел СССР, а также в комиссии партийного контроля по Азово-Черноморскому округу. Репрессирован.
- Бройдо Григорий Исаакович** (1885 — 1956). Член большевистской партии с 1903 по 1906 г. и с 1918 г. Зам. наркома по делам национальностей РСФСР в 1921 — 1923 гг. Ректор КУТВ в 1921 — 1926 гг. Председатель правления Госиздата РСФСР в 1926 — 1933 гг. Секретарь ЦК КП Таджикистана в 1933 — 1934 гг. Зам. наркома просвещения РСФСР, директор Партиздата в 1934 — 1941 гг.
- Бу Шици** (Евгений Андреевич Пролетариев, Пу Минъин, Бу Даоин, настоящее имя Пу Даоин) (1902 — 1964). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Член КПК с 1921 г. Учился в Шанхайской школе иностранных языков в 1920 — 1921 гг. и московских интернациональных школах в 1921 — 1923 и 1925 — 1926 гг. Один из лидеров ССМК в 1923 — 1924 гг. Переводчик Бородина в 1924 — 1925 гг. и Шао Лицзы в 1926 г. Преподавал в УТК и МЛШ в 1926 — 1933 гг. Арестован в Китае в 1933 г. Перешел на сторону ГМД. Руководитель Западноазиатского (т. е. Русского) департамента МИД Китая в 1944 — 1949 гг. Директор Института международных отношений на Тайване с 1961 г.
- Бубнов Андрей Сергеевич** (он же Ивановский) (1884 — 1940). Член РСДРП(б) с 1903 г. Кандидат в члены ЦК в 1917, 1919 — 1920 и 1922 — 1923 гг. Член ЦК в 1917 — 1918 и 1924 — 1940 гг. Секретарь ЦК в 1925 г. Заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) в 1922 — 1924 гг. Начальник Политуправления РККА в 1924 — 1929 гг. Руководитель инспекционной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в Гуанчжоу в 1926 г. Нарком просвещения РСФСР в 1929 — 1940 гг. Репрессирован.
- Бухарин Николай Иванович** (1888 — 1938). Член РСДРП(б) с 1906 г. Член ЦК в 1917 — 1934 гг. Кандидат в члены ЦК в 1934 — 1937 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1919 — 1924 гг. Член Политбюро в 1924 — 1929 гг. Член Президиума ИККИ в 1919 — 1929 гг. Главный редактор газеты «Правда» в 1917 — 1929 гг. Член Президиума ВСНХ в 1929 — 1932 гг. Редактор газеты «Известия» в 1934 — 1937 гг. Репрессирован.
- Бянь Фулинь** (он же Федор Алексеевич Вершинин) (1904 — ?). Член КПК с января 1927 г. Кандидат в члены ВКП(б) с 1928 г. Студент КУТК в 1928 — 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.

Ван Вэньхуэй (он же **Борис Романович Яроцкий**) (1906 — ?). Член КПК с 1925 г. Студент УТК-КУТК в 1925 — 1930 гг. Член китайской троцкистской оппозиции. Репрессирован.

Ван Дэньюнь (1897 — 1977). Член делегации ГМД в СССР в 1923 г. Работал в Военной академии Вампу в 1925 — 1926 гг.

Ван Жофэй (он же **Иван Немцов**, настоящее имя **Ван Юньшэн**) (1896 — 1946). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Член ФКП в 1922 г. Студент КУТВ в 1923 — 1925 гг. Секретарь Хэнань-Шэньсийского комитета КПК в 1925 г. Затем руководитель секретариата ЦИК КПК. Член ЦК с 1927 г. Член делегации КПК в ИККИ в 1928 — 1930 гг. Симпатизировал троцкистам. Обвинен в «пособничестве» троцкистам в 1929 г. Работал на производстве в СССР в 1930 г. Возвратился в Китай и был арестован гоминьдановской полицией в 1931 г. Освобожден по амнистии в 1937 г. Руководитель секретариата ЦК КПК в 1937 — 1945 гг. Погиб в авиакатастрофе.

Ван Пинъи (он же **Бо Пин**, **Озолин**, **Елизаветин**) (1905? — ?). Студент УТК-КУТК в 1926 — 1928 гг. Один из лидеров левой оппозиции в Китае в 1930 — 1931 гг.

Ван Фаньси (он же **Шуаншань**, **Василий Павлович Клеткин**, настоящее имя **Ван Вэньюань**) (1907 —). Член КПК с 1925 г. Студент КУТВ и КУТК в 1927 — 1929 гг. Присоединился к китайской троцкистской организации в КУТК в 1928 г. Возвратился в Китай в 1929 г. Исключен из КПК в 1930 г. Один из организаторов троцкистской группы «Шиюэ» («Октябрь») в 1930 г. Один из основателей Левой оппозиции КПК в мае 1931 г. Эмигрировал в 1949 г. В настоящее время (апрель 2001 г.) живет в г. Лидс, Великобритания.

Ван Цзинвэй (он же **Ван Чжаомин**) (1883 — 1944). Близкий соратник Сунь Ятсена. Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Лидер «левого» Гоминьдана, глава Национального правительства ГМД, председатель Военного и Политического советов ЦИК ГМД с июля 1925 по май 1926 г. Глава Уханьского Национального правительства в апреле — сентябре 1927 г. Затем лидер гоминьдановской фракции реорганизационистов. Сотрудничал с японскими захватчиками с 1938 г. Глава прояпонского марионеточного режима в Нанкине с 1940 г.

Ван Цзиньмэй (настоящее имя **Ван Жуйцзюнь**) (1898 — 1925). Один из основателей КПК в 1921 г. Секретарь Шаньдунского провинциального комитета партии с 1921 г. Заведующий Цзинаньским отделением Всекитайской федерации профсоюзов с 1922 г.

Ван Цзясян (он же **Коммунар**) (1906 — 1974). Член КСМК с 1925 г. Учился и работал в УТК-КУТК в 1925 — 1929 гг. Член КПК с 1928 г. Нач. Главного политического управления Китайской Красной армии и нарком иностранных дел Китайского Советского правительства с 1931 г. Член ЦК в 1934 — 1945, 1949 — 1969 гг. и с 1973 г. Кандидат в члены ЦК в 1945 — 1949 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1934 — 1935 гг. Член Политбюро в 1935 — 1945 гг. Начальник Главного политического управления 8-й НРА. Посол КНР в СССР в 1949 — 1951 гг. Зам. министра иностранных дел КНР в 1951 — 1956 гг.

- Ван Чжихао (он же Рютин)** (1902 — ?). Член КПК и кандидат в члены ВКП(б) с 1926 г. Студент УТК-КУТК в 1925 — 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Выслан из СССР.
- Вань Чжилин (он же Вань Чжулин, Всеволод Алексеевич Корш)** (? — ?). Студент УТК-КУТК в 1927 — 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Вегер В. И.** (? — ?). Ректор КУТК в 1929 — 1930 гг.
- Войтинский Григорий Наумович (он же Григорий, Григорьев, Сергей, Сергеев, Тарасов, настоящее имя Зархин)** (1893 — 1953). Член РСДРП(б) с 1918 г. Товарищ председателя ревкома в г. Александровске (Сахалин) в 1920 г. Представитель Владивостокского отделения Дальбюро РКП(б) в Китае в 1920 — 1921 гг. Заведующий Дальневосточным отделом, зам. заведующего Восточным отделом ИККИ с 1922 г. Представитель ИККИ в Китае в 1925 г. Руководитель Дальбюро ИККИ в Шанхае в 1926 — 1927 гг. Зам. председателя плодово-овощного центра Всероссийской сельскохозяйственной кооперации в 1927 — 1929 гг. Секретарь Тихоокеанского секретариата Профинтерна в 1932 — 1934 гг. Преподавал в различных учебных заведениях с 1934 г.
- Волин Михаил (настоящее имя Семен Натанович Беленький)** (? — ?). Советский Китаевед. Директор НИИ по Китаю при КУТК в 1928 — 1930 гг.
- Волк Яков Ильич** (? — 1937). Преподаватель УТК-КУТК до 1929 г. Впоследствии работал референтом Восточного секретариата ИККИ по японскому вопросу. Репрессирован.
- Ворошилов Климент Ефремович** (1881 — 1969). Член РСДРП(б) с 1903 г. Член ЦК в 1921 — 1961 и с 1966 г. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926 — 1960 гг. Председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам СССР с 1925 г. Нарком обороны СССР с 1934 г. Зам. председателя СНК СССР с 1940 г. Председатель Верховного Совета СССР в 1953 — 1960 гг.
- Вуйович Вуйо (он же Войцлав, Войслав, Владислав Дмитриевич)** (1897 — 1936). Член СДРП Сербии с 1912 г. Активный участник французского и югославского коммунистических движений в 1918 — 1921 гг. Член ВКП(б) с 1924 г. Член, секретарь ИККИМ и его представитель в Германии, Франции, Италии и Чехословакии в 1921 — 1926 гг. Зам. представителя Югославской компартии в ИККИ, кандидат в члены Президиума ИККИ в 1924 — 1926 гг. Член троцкистской оппозиции. Исключен из ВКП(б) в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1930 г. Старший научный сотрудник Международного аграрного института в 1930 — 1932 гг. Сотрудник балканского лендерсекретариата ИККИ в 1931 — 1935 гг. Репрессирован.
- Вэнь Юэ (он же Вэнь Э, Сенкевич)** (1902 — ?). Член КСМК с 1927 г. Студент УТК-КУТК в 1926 — 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Гао Фэн (Филиппов)** (1886 — 1926). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1923 — 1925 гг. Секретарь

- Баодинского городского комитета КПК с 1925 г. Казнен гоминьдановцами.
- Гао Цзюньюй** (1896 – 1925). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Секретарь Пекинского ССМ в 1920 – 1922 гг. Редактор «Сяндао чжоукань» (еженедельник «Проводник») и «Чжэнчжи шэнхо» («Политическая жизнь») в 1922 – 1924 гг. Член ЦИК КПК в 1922 – 1923 гг. Секретарь Сунь Ятсена в 1924 – 1925 гг.
- Геллер Лев Наумович** (он же **Профессор, Префексионал, Тарасов**) (1875 – ?). Член РСДРП(б) с 1904 г. Председатель Совета интернациональной пропаганды в 1920 г. Заведующий Восточным отделом Профинтерна в 1922 – 1930 гг. Представитель Профинтерна в Китае в июне – июле 1926 г. Преподавал в Международной ленинской школе с 1930 г. Репрессирован.
- Гессен Сергей Михайлович** (1898 – 1838). Член РСДРП(б) с 1916 г. После Октябрьской революции работал как партийный активист в Петрограде, Самаре, Екатеринбургe и Минске. Представитель КИМ в ИККИ в 1927 г. Член зиновьевской оппозиции в 1927 г. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным. Репрессирован.
- Гингор Семен Владимирович** (он же **Гингорн**) (1896 – ?). Член РКП(б) с 1919 г. Преподаватель истории революционного движения на Западе в УТК с 1 февраля 1926 по 1 сентября 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Го Мяогэнь** (он же **Важнов**) (1907 – ?). Студент Международной ленинской школы в 1928 – 1930 гг. Член китайской троцкистской оппозиции в Москве. Репрессирован.
- Гу Инфэнь** (1897 – 1956). Член ЦИК ГМД с 1926 г. Член Контрольной комиссии Гуанчжоуского правительства в 1925 г. Заведующий молодежным и аграрным отделами ЦИК ГМД в 1926 г. Работал в администрации Чан Кайши с 1931 г. Посол Китая, затем Тайваня в Австралии в 1948 – 1951 гг.
- Гуань Сянъин** (он же **Стеклов, настоящее имя Гуаэрцзя** [монгольское], **Гуан Чжисян** [китайское]) (1902 – 1946). Член ССМК с 1924 г. Студент КУТВ в 1924 – 1925 гг. Член КПК с 1925 г. Член ЦК КПК с 1928 г. Секретарь ЦК КСМК в 1928-1930 гг. Политкомиссар 3-го корпуса Китайской Красной армии и 2-й армии в 1932-1937 гг. Политкомиссар 120-й дивизии 8-й НРА в 1937 – 1945 гг.
- Гуральский Абрам** (**Борис**) **Яковлевич** (он же **Руститко, Лепити, Кляйн, Яков, Дюпон, настоящее имя Хейфиц**) (1890 – 1960). Член Бунда с 1904 г. Член федерального комитета Социал-демократической партии Латышского края с 1907 г. Член РСДРП(б) с 1918 г. Зам. председателя Киевского губисполкома, член Всеукраинского ЦИК в 1919 г. Представитель ИККИ в Германии с конца 1919 по 1920 г. и в 1921 – 1923 гг. Член ЦК КПГ, председатель Ревкома Германии в 1923 г. Делегат V конгресса Коминтерна от КПГ в 1924 г. Представитель ИККИ во Франции в 1924 – 1925 гг. Заведующий отделом Института Маркса и Энгельса в 1926 – 1928 гг. Член зиновьевской оппозиции. Исключен

- из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Член делегации ИККИ в Южной Америке в 1930 — 1934 гг. Репрессирован.
- Дай Цзитао (он же Тяньчоу, Сяюань)** (1891 — 1949). Член ГМД с 1911 г. Секретарь Сунь Ятсена с 1911 г. Член ЦИК ГМД с 1924 г. Идеолог «правого» Гоминьдана. Ректор Университета Сунь Ятсена в Гуанчжоу в 1926 — 1927 гг. Глава Экзаменационного юаня (палаты) с 1928 г. Покончил жизнь самоубийством.
- Далин Сергей Алексеевич** (1902 — 1985). Член РКП(б) с 1919 г. Сотрудник КИМ в 1921 — 1924 гг. Член Президиума Дальневосточного Секретариата Коминтерна в 1921 — 1922 гг. Представитель КИМ в Китае в 1922 и 1924 гг. Преподаватель УТК в 1925 — 1926 гг. Представитель Университета им. Сунь Ятсена в Китае в 1926 — 1927 гг. Член троцкистской оппозиции в 1927 г. Заведующий отделом внутренней информации газеты «Известия» в 1928 г. Корреспондент ТАСС в Скандинавии в 1929 — 1930 гг. Зам. заведующего Иностранным отделом ТАСС в 1930 — 1931 гг. Подвергнулся репрессиям.
- Дан Федор Ильич (настоящее имя Гурвич)** (1871 — 1947). Член РСДРП с 1898 г. Член ЦК с 1905 г. Один из лидеров меньшевиков. После Февральской революции — член Бюро Исполкома Петроградского Совета. Арестован большевиками в 1921 г., депортирован в 1922 г. Редактор «Социалистического Вестника» в 1922 — 1942 гг.
- Джэймс Кирил Лайонел Роберт (он же Джонсон, Дж. Р. Джонсон, CLR, Джимми, Нелло)** (1901 — 1989). Вест-индийский и американский социалист, один из основателей panaфриканского движения.
- Дзержинский Феликс Эдмундович** (1877 — 1926). Член ЦК РСДРП(б) с 1917 г. Кандидат в члены Политбюро с 1924 г. Председатель ВЧК-ОГПУ в 1917 — 1926 гг. Нарком внутренних дел в 1919 — 1923 гг. Нарком транспорта в 1921 — 1924 гг. Председатель ВСНХ с 1924 г.
- Дун Биу (он же Слухов)** (1886 — 1975). Присоединился к революционному движению, возглавлявшемуся Сунь Ятсеном, в 1911 г. Участник Синьхайской революции 1911 — 1912 гг. Один из основателей КПК в 1921 г. Один из руководителей Хубэйской провинциальной партийной организации в 1921 — 1928 гг. Студент КУТК в 1928 — 1932 гг. Ректор партийной школы ЦК КПК в 1935 г. Член ЦК с 1938 г. Председатель Верховного суда КНР с 1954 г. Член Политбюро с 1966 г.
- Дун Исян (он же Лев Михайлович Орлинский)** (1899 — 1938). Член ССМК с 1920 г. Член КПК с 1921 г. Студент УТК в 1925 — 1927 гг. Работал в органах НКВД на Советском Дальнем Востоке в 1936 — 1938 гг. Репрессирован.
- Дьюи Джон** (1859 — 1952). Американский философ, психолог и просветитель.
- Дэн Пэй** (1884 — 1927). Член КПК с 1921 г. Один из организаторов китайского рабочего движения. Один из лидеров Тяньшаньской и Аньлушаньской забастовок горнорабочих и Пекин-Фэнтяньской стачки железнодорожников в 1922 г. Кандидат в члены ЦИК КПК с 1923 г. Казнен.

- Дэн Сяопин** (он же Крезов, Иван Сергеевич Дозоров, настоящее имя Дэн Сисянь) (1904 – 1997). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1926 – 1927 гг. и УТК в 1927 г. Секретарь ЦК КПК в 1927 и 1934 – 1937 гг. Один из руководителей советского движения в пров. Гуанси в 1930 – 1931 гг. Политкомиссар 129-й дивизии 8-й НРА в 1937 – 1945 гг. Зам. премьер-министра КНР в 1952 – 1956, 1973 – 1976 и 1977 – 1978 гг. Генеральный секретарь ЦК КПК в 1956 – 1966 гг. Член ЦК в 1945 – 1966, 1973 – 1976 гг. и с 1977 г. Член Политбюро в 1956 – 1966, 1973 – 1976 гг. и с 1977 г. Член Постоянного Комитета Политбюро в 1975 – 1976 гг. и с 1977 г. Зам. председателя ЦК в 1975 – 1976 гг. Председатель Военного совета ЦК КПК с 1981 г. и Центрального Военного совета КНР с 1983 г. Ушел на пенсию в 1990 г.
- Дэн Цзэжу** (1869 – 1934). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1907 г. Глава Гуандунского провинциального комитета ГМД с 1922 г. Член ЦКК ГМД с 1924 г.
- Дэн Чжунся** (настоящее имя Дэн Лунбо) (1894 – 1933). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Один из организаторов рабочего движения в 1921 – 1922 гг. Кандидат в члены ЦИК (ЦК) КПК в 1923 – 1925 и 1928 – 1933 гг. Член ЦИК (ЦК) в 1922 – 1923 и 1927 – 1928 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1927 – 1928 гг. Секретарь Цзян-суского и Гуандунского провинциальных комитетов партии в 1927 – 1928 гг. Член Исполкома Профинтерна с 1928 г. Член делегации КПК в ИККИ в 1928 – 1930 гг. Политкомиссар 2-й армейской группировки с 1930 г. Казнен гоминьдановцами.
- Дэн Эньмин** (1901 – 1931). Один из основателей КПК в 1921 г. Секретарь Циндаоского городского комитета КПК с 1922 г. Секретарь Шаньдунского провинциального комитета КПК в 1926 г. Арестован гоминьдановской полицией в 1928 г. Казнен.
- Е Цзяньин** (он же Юхнов) (1897 – 1986). Преподаватель Военной академии Вампу в 1924 – 1926 гг. Член КПК с 1927 г. Студент КУТВ и КУТК в 1928 – 1930 гг. Начальник штаба Китайской Красной армии с 1930 г. и 8-й НРА с 1937 г. Член ЦК с 1945 г. Член Политбюро с 1966 г. Член Постоянного комитета Политбюро с 1973 г. Зам. председателя ЦК в 1973 – 1982 гг.
- Евдокимов Григорий Еремеевич** (1884 – 1936). Член РСДРП(б) с 1903 г. Член ЦК в 1919 – 1925 гг. Председатель Петроградского Совета профсоюзов, секретарь Ленинградского губернского комитета партии в 1920 – 1925 гг. Секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК в 1925 – 1927 гг. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Репрессирован.
- Жаков Анатолий Петрович** (1895 – ?). Младший брат М. П. Жакова. Преподаватель УТК до середины 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Жаков Михаил Петрович** (? – ?). Член РКП(б) с 1923 г. Преподаватель УТК до середины 1927 г. Лидер троцкистской оппозиции Хамовнического района г. Москвы. Репрессирован.

Жэнь Биши (он же **Бринский**, **Чжэн Лин**, настоящее имя **Жэнь Пэйго**) (1904 — 1950). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Член КПК с 1921 г. Студент КУТВ в 1921 — 1924 гг. Заведующий организационным отделом ЦИК ССМК (КСМК) в 1924 — 1927 гг. Генеральный секретарь ЦИК КСМК в 1927-1928 гг. Член ЦК КПК с 1928 г. Секретарь Хубэйского провинциального комитета партии с 1929 г. Член Политбюро с 1931 г. Секретарь комитета КПК Хунань-Цзянси́йского советского района в 1933 — 1934 гг. Начальник Главного Политического управления 8-й НРА в 1937 — 1938 гг. Член делегации КПК в ИККИ в 1938 — 1940 гг. Секретарь Секретариата ЦК КПК с 1943 г.

Жэнь Чжосюань (он же **Рафаил**, **Е Цин**) (1896 — 1990). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Член ФКП в 1923 — 1925 гг. Студент УТК в 1925 — 1926 гг. Один из руководителей Московского отделения КПК. Работал в Гуандунском и Хунаньском провинциальном комитетах партии в 1926 — 1927 гг. Арестован гоминдановской полицией в 1927 г. Капитулировал. Преподавал в различных учебных заведениях с 1940 г.

Залуцкий Петр Антонович (1888 — 1937). Член РСДРП(б) с 1907 г. Член и секретарь Президиума Всероссийского ЦИК в 1921 г. Затем секретарь Уральского и Петроградского губернских комитетов партии, Северо-западного бюро ЦК РКП(б). Кандидат в члены ЦК в 1920 — 1923 гг. Член ЦК в 1923 — 1925 гг. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Председатель Нижневолжского краевого совета народного хозяйства в 1928 — 1932 гг. Затем управляющий трестом «Строймашина». Арестован в 1934 г. Приговорен к пяти годам лишения свободы 16 января 1935 г. Казнен.

Засулич Вера Ильинична (1849 — 1919). Деятель российского революционного движения с 1868 г. Член народнической организации «Земля и воля» с начала 1877 г. Член марксистской группы «Освобождение труда» с 1883 г. Член РСДРП с 1898 г. Один из лидеров меньшевиков.

Зиновьев Григорий Евсеевич (настоящее имя **Овсей-Герш Аронович Радомысльский**) (1883 — 1936). Член РСДРП с 1901 г. Член РСДРП(б) с 1903 г. Член ЦК в 1907 — 1927 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1919 — 1921 гг. Член Политбюро в 1921 — 1926 гг. Председатель Петроградского (Ленинградского) Совета в 1917 — 1926 гг. Председатель Коминтерна в 1919 — 1926 гг. Лидер зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Репрессирован.

Зурабов (? — ?). Преподаватель КУТВ до середины 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.

Иванов Алексей Алексеевич (он же **Ивин**) (1885 — 1942). Русский и советский китаевед. Профессор Пекинского университета в 1917 — 1927 гг. Корреспондент газеты «Правда» в Китае в 1927 — 1930 гг. Научный сотрудник ИМЭМП в 1932 — 1942 гг.

- Инь Куань (он же Рязанов)** (1897 – 1967). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1923 – 1924 гг. Секретарь Шаньдунского провинциального комитета партии в 1924 – 1925 гг. Затем секретарь Цзянсу-Чжэцзянского и Аньхуэйского комитетов партии. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1929 г. Провел около 20 лет в гоминьдановских и маоистских тюрьмах.
- Иолк Евгений Сигизмундович (он же Е. Иоган, Е. Иогансон, Е. Барсуков, Иота, Яо Кай)** (1900 – 1942). Советский китаевед. Член группы Бородина в Китае в 1926 – 1927 гг. Преподавал в различных учебных заведениях Москвы с 1932 г. Служил в РККА с 1932 г.
- Иоффе Адольф Абрамович (он же В. Крымский, Виктор, Владимир Петрович, Павел Иванович)** (1883 – 1927). Член РСДРП с 1901 г. Член РСДРП(б) с июля 1917 г. Кандидат в члены ЦК в 1917 – 1919 гг. Зам. наркома иностранных дел и полпред РСФСР в Германии в 1918 г. Член Совета обороны и нарком государственного контроля Украины в 1919 – 1920 гг. Зам. председателя Туркестанской комиссии и Туркестанского бюро ЦК РКП(б) в 1921 г. Руководитель Советской дипломатической миссии в Китае в 1922 – 1924 гг. Полпред СССР в Австрии в 1924 – 1925 гг. Член троцкистской оппозиции. Покончил жизнь самоубийством.
- Иоффе Мария Михайловна (в девичестве Гиршберг)** (1896 – ?). Вторая жена А. А. Иоффе. Член РСДРП(б) с 1917 г. Журналист. Член троцкистской оппозиции. Репрессирована в 1929 г. Провела 1929 – 1957 гг. в концентрационных лагерях и ссылке. Эмигрировала в Израиль в 1975 г.
- Иоффе Надежда Адольфовна** (1906 – 1999). Дочь А. А. Иоффе. Член троцкистской оппозиции. Репрессировалась. С 1991 г. жила в США.
- Иоффе Семен Самойлович** (1895 – 1938). Член РСДРП(б) с июля 1916 г. Один из руководителей большевистского движения в Смоленске в 1917 г. Секретарь Ворошилова по иностранным политическим делам в 1927 г. Репрессирован.
- Казанин Марк Исаакович** (1899 – 1972). Советский китаевед.
- Калинин Михаил Иванович** (1875 – 1946). Член РСДРП с 1898 г. Член ЦК с 1919 г. Кандидат в члены Политбюро в 1919 – 1926 гг. Член Политбюро с 1926 г. Председатель Всероссийского ЦИК с 1919 г. Председатель ЦИК СССР с 1922 г. и Президиума Верховного Совета СССР с 1938 г.
- Каменев Лев Борисович (настоящее имя Розенфельд)** (1883 – 1936). Член РСДРП с 1901 г. Член ЦК в 1917 – 1918 и 1919 – 1927 гг. Член Политбюро в 1919 – 1925 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1926 г. Председатель Всероссийского ЦИК в 1917 г. Председатель Московского Совета в 1918 – 1926 гг. Зам. председателя СНК РСФСР (СССР) в 1922–1926 гг. Председатель СТО в 1924 – 1926 гг. Директор Института Ленина в 1923 – 1926 гг. Нарком внутренней и внешней торговли в 1926 г. Полпред СССР в Италии в 1926 – 1927 гг. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Репрессирован.

- Кара-Мурза Георгий Сергеевич** (1906 – 1945). Советский китаевед. Погиб в авиакатастрофе.
- Карахан Лев Михайлович** (он же Михайлов, Шах, настоящее имя **Караханян**) (1889 – 1937). Член РСДРП(б) с 1917 г. Секретарь Петроградского Совета в 1917 г. Зам. наркома иностранных дел в 1918 – 1920 и 1927 – 1934 гг. Полпред СССР в Польше в 1921 г., Китае в 1923 – 1926 гг. и Турции в 1934 г. Репрессирован.
- Каспарова Варсеника Джавадовна** (1875 – 1937). Член РСДРП с 1904 г. Работала в политотделе 11-й армии в 1919 – 1920 гг. Один из организаторов российского женского коммунистического движения с 1920 г. Заведующая Восточным отделом Международного женского секретариата в 1923 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Исключена из партии в 1927 г. Капитулировала перед Сталиным в 1934 г. Репрессирована.
- Кемаль Ататюрк паша Мустафа** (1881 – 1938). Турецкий революционер. Полковник. Первый президент Турецкой республики в 1923 – 1938 гг. Установил буржуазный прозападный режим. В начале 1920-х гг. рассматривался большевиками как союзник по антиимпериалистической борьбе.
- Кирсанова Клавдия Ивановна** (1888 – 1947). Жена Е. М. Ярославского. Член РСДРП(б) с 1904 г. Секретарь Омского городского комитета партии в 1920 – 1922 г. Ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова с 1922 г., позже – ректор Международной ленинской школы. Репрессирована. Освобождена в 1941 г.
- Колоколов Всеволод Сергеевич** (1896 – 1979). Советский китаевед.
- Копп Виктор Леонтьевич** (он же Томский) (1880 – 1930). Член РСДРП с 1901 г. Полпред РСФСР в Германии в 1919 – 1921 гг. Член коллегии НКВД в 1923 – 1925 гг. Полпред СССР в Японии в 1925 – 1927 гг. и Швеции в 1927 – 1930 гг.
- Косиор Станислав Викентьевич** (1889 – 1939). Член РСДРП(б) с 1907 г. Секретарь Правобережного комитета КП(б)У в 1918 г. Секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) в 1922 – 1925 гг. Секретарь ЦК ВКП(б) в 1925 – 1928 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1927 – 1930 гг. Член Политбюро с 1930 г. Генеральный секретарь ЦК КП(б)У в 1928 – 1938 гг. Зам. председателя СНК СССР, председатель Комиссии советского контроля с 1938 г. Репрессирован.
- Крупская Надежда Константиновна** (1869 – 1939). Жена В. И. Ленина. Член РСДРП с 1898 г. После Октябрьской революции – член коллегии наркомата просвещения. Член ЦКК в 1924 – 1927 гг. и ЦК с 1927 г. Зам. наркома просвещения РСФСР с 1929 г.
- Куйбышев Валериан Владимирович** (1888 – 1935). Член РСДРП(б) с 1904 г. Секретарь ЦК с 1922 г. Председатель ЦКК, нарком рабоче-крестьянской инспекции, зам. председателя СНК СССР и СТО с 1923 г. Председатель ВСНХ с 1926 г. Председатель Государственного планового комитета с 1930 г. Председатель Комиссии советского контроля, 1-й зам. председателя СНК СССР и СТО с 1934 г.

Кузнецова Мария Федоровна (она же Нора) (? – ?). Жена Г. Н. Войтинского. Сопровождала его в Китай в 1920 – 1921 гг. Представитель Международного женского секретариата в Китае в 1926 – 1927 гг.

Кучумов Владимир Николаевич (1900 – ?). Советский китаевед.

Ландау Эфраим Моисеевич (1893 – 1977). Прибыл в Россию из Польши после Октябрьской революции. Председатель реввоенсовета 2-й дивизии РККА (Баку) до мая 1923 г. Учился на курсах Центросоюза в 1923 – 1926 гг. Экономист Центросоюза в 1926 – 1929 гг. Член троцкистской оппозиции. Арестован в 1929 г. Узник Верхнеуральского политического изолятора в Архангельске в 1929 – 1933 гг. Освобожден в 1933 г. Вновь арестован 28 декабря 1936 г. и приговорен к 5 годам заключения в Воркутинских лагерях. Освобожден в 1944 г. В третий раз арестован 6 января 1951 г. и выслан в Красноярский край. Освобожден в 1954 г.

Ленин Владимир Ильич (он же Николай Ленин, настоящее имя Ульянов) (1870 – 1924). Один из организаторов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1895 г. Член РСДРП с 1898 г. Основатель РСДРП(б). Член ЦК с 1903 г. Член Политбюро с 1919 г. Один из организаторов Октябрьской революции. Председатель СНК РСФСР (СССР) с 1917 г. и СТО с 1922 г. Вождь и теоретик большевизма.

Ли Гуанцзи (он же Плотников, Чжун Юнцан) (? – ?). Студент КУТК в 1929 – 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.

Ли Гуанъя (он же Столбов) (? – ?). Студент УТК в 1926 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Выслан из СССР.

Ли Да (он же G. S.) (1890 – 1966). Один из основателей КПК в 1921 г. Член Центрального бюро, ответственный за пропаганду в 1921 – 1922 г. Отошел от КПК в 1923 г. Преподавал в различных учебных заведениях. Вновь вступил в КПК в 1949 г.

Ли Дачжао (он же Ли Шоучан, Циньхуа) (1889 – 1927). Один из первых китайских коммунистов. Основатель Пекинского марксистского кружка в 1920 г. Член КПК и руководитель Северокитайского бюро ЦИК (ЦК) КПК с 1921 г. Член ЦИК (ЦК) с 1922 г. Казнен милитаристами.

Ли Пин (он же Лекторов) (? – ?). Студент КУТК в 1928 – 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.

Ли Фучунь (он же Григорьев) (1900 – 1975). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1925 г. Секретарь Цзянсуского провинциального комитета партии в 1928 – 1934 гг. Кандидат в члены ЦК с 1934 г. Член ЦК с 1945 г. Министр тяжелой промышленности КНР в 1950 – 1954 гг. Зам. премьера и председатель Государственного планового комитета с 1954 г. Член Политбюро в 1956 – 1969 гг. Член Постоянного комитета Политбюро в 1966 – 1969 гг.

- Ли Ханьцюнь** (1890 — 1927). Один из основателей КПК в 1921 г. Отошел от партии в 1922 г. Преподавал в различных учебных заведениях, работал в гоминьдановской администрации пров. Хубэй. Убит в Ухане.
- Ли Цзунъю** (он же **Ли Чжунъю**) (? — ?). Корреспондент пекинской газеты «Чэнь бао» («Утро») в Советской России в 1920 — 1921 гг.
- Линь Айминь** (он же **Леонидов**) (1906 — ?). Член КСМК и советского комсомола с 1926 г. Студент УТК в 1926 — 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Выслан из СССР.
- Линь Боцуй** (он же **Линь Цзухань, Комиссаров**) (1886 — 1960). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Участник Синьхайской революции 1911 — 1912 гг. Член КПК с 1921 г. Заведующий общим отделом ЦИК ГМД с 1922 г. Член ЦИК ГМД в 1924 — 1926 гг. Представитель ГМД и начальник политического отдела 6-го корпуса НРА в 1926 — 1927 гг. Студент УТК-КУТК в 1927 — 1930 гг. Вел партийную работу на Советском Дальнем Востоке в 1930 — 1932 гг. Председатель коммунистического правительства Особого пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся в Китае в 1937 — 1945 гг. Член ЦК КПК с 1938 г. Член Политбюро с 1945 г. Зам. председателя ПК ВСНП с 1955 г.
- Ло Инун** (он же **Бухаров**) (1902 — 1928). Член КПК с 1921 г. Студент КУТВ в 1921 — 1925 гг. Заведующий отделом пропаганды Гуандун-Гуансийского комитета партии в 1925 г. Секретарь Цзянсу-Чжэцзянского партийного комитета в 1926 — 1927 гг. Член ЦК с 1927 г. Член Политбюро и заведующий организационным отделом ЦК в 1927 — 1928 гг. Казнен гоминьдановцами.
- Ло Хань** (он же **Логанов**) (1898 — 1941). Член КПК с 1922 г. Студент КУТВ в 1926 — 1928 гг. Член троцкистской оппозиции в Москве с 1928 г. Один из лидеров левой оппозиции в Китае с 1929 г. Погиб при налете японской авиации.
- Ло Чжанлун** (1896 — 1995). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Член ЦИК (ЦК) КПК в 1923 — 1924 и 1927 — 1928 гг. Кандидат в члены ЦИК (ЦК) в 1925 — 1927 и 1928 — 1931 гг. Секретарь и член бюро ЦИК в 1923 — 1925 гг. Исключен из партии за оппозицию Коминтерну в 1931 г. Преподавал в различных учебных заведениях.
- Лозовский А.** (настоящее имя **Соломон Абрамович Дридзо**) (1878 — 1952). Член РСДРП с 1901 г. Кандидат в члены ЦК в 1927 — 1939 гг. Член ЦК с 1939 г. Генеральный секретарь Профинтерна и член ИККИ в 1921 — 1937 гг. Директор Гослитиздата в 1937 — 1939 гг. Зам. наркома (министра) иностранных дел СССР в 1939 — 1946 гг. Репрессирован.
- Лу Юань** (**Шоу Ши, И Бай, Лу Юань, Лу Янь, Огарев**) (1903 — ?). Член КСМК с 1925 г. Студент Шанхайского университета в 1922 — 1925 гг. и УТК в 1925 — 1927 гг. Член советского комсомола с 1926 г. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1928 г. Вступил в ГМД в 1931 г.
- Луначарский Анатолий Васильевич** (1875 — 1933). Деятель российско-го социал-демократического движения с 1895 г. Член РСДРП(б) с

- 1903 г. Нарком просвещения с октября 1917 г. Председатель Ученого комитета при ЦИК СССР в 1929 – 1933 гг. Полпред СССР в Испании в 1933 г.
- Лю Боцзянь (он же Шерстинский)** (1895 – 1935). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1923 – 1926 гг. Начальник Главного политического управления Народной армии Фэн Юйсяна в 1926 – 1927 гг. Курсант Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева и Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1928 – 1930 гг. Вел политическую работу в Китайской Красной армии. Захвачен в плен гоминьдановцами и казнен.
- Лю Жэньцзин (он же Ленский, Нил Ши, Лю Жошуй)** (1902 – 1987). Один из основателей КПК в 1921 г. Генеральный секретарь ЦИК ССМК (КСМК) в 1923 – 1926 гг. Студент Международной ленинской школы в 1926 – 1929 гг. Член китайской троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1929 г. Один из теоретиков китайской левой оппозиции. Арестован гоминьдановской полицией в 1935 г. Освобожден по амнистии в 1937 г. Арестован коммунистами в 1952 г. Капитулировал перед Мао Цзэдуном в 1972 г. Погиб, попав под автобус.
- Лю Жэньшоу (он же Мартын Мартынович Хабаров)** (1905 – 1937). Брат Лю Жэньцзина. Член КСМК с 1925 г. Студент УТК в 1925 – 1927 гг. и Военно-инженерной школы в 1927 – 1928 гг. Член советского комсомола в 1927 – 1930 гг. Член троцкистской оппозиции. Работал в ОГПУ и Издательстве иностранной литературы в 1929 – 1935 гг. Слесарь на заводе с 1935 г.
- Лю Инь (он же Лю Ин, Кашин, Губарев, Ли Цзяньфан, Ли Маймай)** (1906 – 1940). Член КСМК с 1925 г. Член КПК с 1928 г. Кандидат в члены ВКП(б) в 1928 – 1929 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве, а затем в Китае с 1928 г. Отошел от троцкистского движения в середине 1930-х гг.
- Лю Чаншэн (он же Ло Ин, настоящее имя Ван Сянбо)** (1904 – 1967). Портовый грузчик во Владивостоке в 1922 г. Член РКП(б) с 1923 г. Член КПК с 1928 г. Кандидат в члены ЦК КПК в 1945 – 1956 гг. Член ЦК КПК с 1956 г. Зам. председателя Всекитайской федерации профсоюзов с 1953 г. Убит хунвэйбинами.
- Лю Шаоци** (1898 – 1969). Член КПК с 1921 г. Студент КУТВ в 1921 г. Один из организаторов китайского рабочего движения с 1921 г. Зам. председателя и секретарь Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов в 1925 – 1927 гг. Член ЦК КПК с 1927 г. Член Политбюро с 1928 г. Секретарь Секретариата ЦК и зам. председателя Реввоенсовета с 1943 г. Зам. председателя Центрального Народного правительства КНР с 1949 г. Председатель ПК ВСНП с 1954 г. Член Постоянного комитета Политбюро и зам. председателя ЦК КПК с 1956 г. Председатель КНР с 1959 г. Исключен из партии в 1968 г. Репрессирован.
- Лян Ганьцяо (он же Ласточкин)** (1904 – 194?). Член КПК с 1926 г. Курсант Военной академии Вампу в 1924 – 1925 гг. Студент УТК в 1926 – 1927 гг. Один из организаторов китайского троцкистского движе-

ния с 1927 г. Выслан из СССР. Исключен из партии в 1928 г. Вступил в ГМД в 1931 г. Один из руководителей чанкайшистской полувоенной организации «синерубашечников».

Ляо Чжункай (1877 – 1925). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Член ЦИК ГМД с 1924 г. Известный деятель «левого» ГМД. Комиссар Военной академии Вампу и министр финансов Гуанчжоуского правительства с 1924 г. Убит в результате покушения.

Ма Юаньшэн (он же Петухов, Петров) (1906 – 1977). Студент Международной ленинской школы в 1928 – 1930 гг. Член китайской троцкистской оппозиции в Москве. Репрессирован. Освобожден и отпущен в Китай в 1950-е гг.

Мадьяр Людвиг Игнатович (настоящее имя Лайош Мильгорф) (1891 – 1940). Участник венгерской революции 1919 г. Сотрудник ТАСС в 1922 – 1926 гг. Работал в Китае в 1926 – 1928 гг. Зам. заведующего Восточным леендерсекретариатом ИККИ в 1929 – 1934 гг. Репрессирован.

Мандалян Татес (Татеос) Гегамич (он же Черняк, Профессионал) (1901 – ?). Член РСДРП(б) с 1917 г. Находился на профсоюзной работе в Закавказье в 1920 – 1923 гг. Сотрудник Профинтерна с 1923 г. Представитель Профинтерна в Китае в 1926 – 1927 гг. Председатель Воронежского совета профсоюзов в 1927 – 1936 гг. Политический советник Генерального секретаря ИККИ Г. М. Димитрова в 1936 – 1937 гг. Репрессирован.

Мануильский Дмитрий Захарович (1883 – 1959). Член РСДРП с 1903 г. Член РСДРП(б) с июля 1917 г. Член ЦК в 1923 – 1952 гг. Секретарь ЦК КП(б)У в 1921 г. Член Президиума ИККИ в 1924 – 1928 гг. Секретарь ИККИ в 1928 – 1943 гг. Зам. председателя СНК (Совета министров) и нарком (министр) иностранных дел Украины в 1944 – 1953 гг.

Маринг Генрикус (он же Андерсон, Мартин Иванович Бергман, Г. Брауэр, Мандер, Филипп, Сентот, Симонс, Джо ван Сон, настоящая фамилия Снефлит) (1883 – 1942). Деятель коммунистического движения на Яве и в Голландии. Секретарь комиссии II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам в 1920 г. Член ИККИ в 1920 – 1921 гг. Представитель ИККИ в Китае в 1921 – 1923 гг. Выехал из Москвы в Западную Европу в 1924 г. Участник коммунистического движения в Германии, Австрии, Голландии, Норвегии, Швеции, Франции. Исключен из Коминтерна в 1928 г. Убит нацистами.

Маркс Карл (1818 – 1883). Немецкий философ и революционер. Один из основателей марксизма.

Мартов Юлий Осипович (настоящее имя Цедербаум) (1873 – 1923). Один из организаторов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1895 г. Член РСДРП с 1898 г. Один из лидеров меньшевиков. Член Всероссийского ЦИК в 1918 – 1920 гг. Выехал из России в 1920 г. Организатор и редактор «Социалистического вестника» с 1921 г.

Мартынов Александр Самойлович (он же Минер, Поляков, настоящее имя Саул Самуилович Пикер) (1865 – 1935). Член народнической террористической организации «Народная воля» с 1885 г. Член

- РСДРП с 1899 г. Один из теоретиков меньшевизма. Член РКП(б) с 1923 г. Редактор журналов «Коммунистический Интернационал» и «Под знаменем марксизма» (немецкое издание) с 1924 г.
- Мазунин** (? – ?). Преподаватель УТК до середины 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Миф Павел** (настоящее имя **Михаил Александрович Фортус**) (1901 – 1938). Член РСДРП(б) с 1917 г. Проректор УТК в 1925 – 1927 гг. Ректор УТК-КУТК в 1927 – 1929 гг. Зам. заведующего Восточным лендерсекретариатом ИККИ в 1928 – 1935 гг. Политический помощник Генерального секретаря ИККИ Г. М. Димитрова в 1935 г. Ректор КУТВ в 1936 г. Директор НИИНКП в 1937 г. Арестован 11 декабря 1937 г., расстрелян 28 июля 1938 г.
- Молотов Вячеслав Михайлович** (настоящее имя **Скрябин**) (1890 – 1986). Член РСДРП(б) с 1906 г. Кандидат в члены ЦК в 1920 – 1921 гг. Член ЦК в 1921 – 1957 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1921 – 1926 гг. Член Политбюро в 1926 – 1957 гг. Секретарь Донецкого провинциального комитета партии в 1919 – 1920 гг. Секретарь ЦК КП(б)У в 1920 г. Секретарь ЦК Российской (Всесоюзной) компартии (большевиков) в 1921 – 1930 гг. Председатель СНК СССР в 1930 – 1941 гг. 1-й зам. председателя СНК (Совета министров) СССР в 1941 – 1957 гг. Нарком иностранных дел СССР в 1939 – 1949 гг. Министр иностранных дел СССР в 1953 – 1956 гг. Посол СССР в Монголии в 1957 – 1960 гг.
- Муралов Николай Иванович** (1877 – 1937). Член РСДРП(б) с 1903 г. Член ЦКК в 1925 – 1927 гг. Командующий Московским военным округом в 1921 – 1924 гг. Командующий Северокавказским военным округом в 1924 – 1925 гг. Член Государственного планового комитета РСФСР, ректор Сельскохозяйственной академии в 1925 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Репрессирован.
- Мусин Исаак Максимович** (он же **Иохелис**, настоящее имя **Иохель**) (1894 – 1927). Член Бунда в 1913 – октябре 1917 г. Член РКП(б) с 1918 г. После Октябрьской революции работал в наркомате иностранных дел. Политический референт и секретарь Дальневосточного и Восточного отделов ИККИ с 1922 г. Корреспондент ТАСС в Китае в 1925 – 1927 гг. Покончил жизнь самоубийством.
- Мэн Циншу** (она же **Мэн Цзинсу**, **Роза Владимировна Осетрова**) (1905 – 1983). Жена Чэнь Шаоюя (Ван Мина). Студентка УТК-КУТК в 1926 – 1929 гг.
- Насонов Николай Михайлович** (он же **Назонов**, **Чарли**, **Юноша**) (1902 – ?). Член РСДРП(б) с 1919 г. Секретарь Тамбовского губернского комитета комсомола в 1921 – 1922 гг. Член Дальбюро ЦК комсомола в 1922 – 1923 гг. Секретарь Владивостокского губернского комитета комсомола в 1923 – 1924 гг. Секретарь Среднеазиатского бюро ЦК комсомола в 1924 – 1925 гг. Представитель КИМ в Китае в 1925 – 1927 гг. и США в 1927 – 1928 гг. Заведующий негритянской секцией Восточного лендерсекретариата ИККИ в 1932 – 1933 гг. Репрессирован.

- Не Жунчжэнь (он же Зорин)** (1899 – 1992). Член ССМК с 1922 г. Член КПК с 1923 г. Студент КУТВ и советской Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1924 – 1925 гг. Зам. начальника штаба Китайской Красной армии в 1931 – 1935 гг. Зам. командира 115-й дивизии 8-й НРА в 1937 – 1943 гг. Член ЦК КПК с 1945 г. Член Политбюро в 1956 – 1969 и 1977 – 1987 гг.
- Нечаев Сергей Геннадиевич** (1847 – 1882). Ультралевый деятель российского революционного движения. Арестован в Швейцарии в 1872 г. Умер в заключении в Петербурге.
- Орджоникидзе Георгий Константинович (он же Серго)** (1886 – 1937). Член РСДРП(б) с 1903 г. Член ЦК с 1921 г. 1-й секретарь Закавказского и Северокавказского краевых комитетов партии в 1922 – 1926 гг. Председатель ЦКК, нарком рабоче-крестьянской инспекции, зам. председателя СНК СССР и СТО в 1926 – 1930 гг. Кандидат в члены Политбюро с 1926 г. Член Политбюро с 1930 г. Председатель ВСНХ с 1930 г. Нарком тяжелой промышленности с 1932 г. Покопчил жизнь самоубийством.
- Ошанин Илья Михайлович** (1900 – 1982). Советский китаевед.
- Парвус Александр Львович (настоящее имя Гельфанд)** (1869 – 1924). Деятель российского и германского социал-демократических движений. Отошел от политической деятельности в 1918 г.
- Плеханов Георгий Валентинович** (1856 – 1918). Один из лидеров народных организаций «Земля и воля» в 1875 – 1918 гг. и «Черный передел» в 1918 – 1923 гг. Основатель российского социал-демократического движения (группа «Освобождение труда») в 1883 г. Один из лидеров РСДРП с 1898 г. Вождь и теоретик меньшевизма.
- Поливанов Евгений Дмитриевич** (1891 – 1938). Советский китаевед. Репрессирован.
- Поляков (? – ?)**. Преподаватель УТК до середины 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Потапов А. С. (? – ?)**. Генерал императорской русской армии. Жил в Китае в 1917 – 1920 гг. Перешел на сторону советской власти. Преподавал в различных советских учебных заведениях с 1920 г.
- Преображенский Евгений Алексеевич** (1886 – 1937). Член РСДРП(б) с 1903 г. Кандидат в члены ЦК в 1917 – 1918 гг. Секретарь Уральского губернского комитета партии в 1918 – 1919 гг. Член Оргбюро ЦК в 1920 – 1921 гг. Секретарь ЦК в 1920 – 1922 гг. Председатель финансовых комитетов ЦК партии и СНК РСФСР (СССР) с 1921 г. Член коллегии наркомата финансов в 1921 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1929 г. Репрессирован.
- Пригожин Абрам Григорьевич** (1896 – 1937). Член РСДРП(б) с 1918 г. Преподаватель Уральско-сибирского коммунистического университета в 1925 – 1926 гг. Преподаватель истории революционного движения на Западе в УТК с сентября 1926 по 1 июня 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Пэн Шучжи (он же Иван Петров)** (1895 – 1983). Деятель китайского коммунистического движения с 1921 г. Студент КУТВ в 1921 –

1924 г. Секретарь Московского отделения КПК в 1921 – 1924 г. Член бюро ЦИК КПК, заведующий отделом пропаганды, редактор журналов «Синь циннянь» («Новая молодежь») и «Сяндао чжоу-кань» (еженедельник «Проводник») в 1925 – 1927 г. Кандидат в члены ЦК в 1927 – 1929 г. Исключен из партии в 1929 г. Один из лидеров китайского троцкистского движения с 1929 г.

Радек Карл Бернгардович (настоящее имя Карол Собельсон) (1885 – 1939). Член Польской социал-демократической партии с 1902 г. и партии «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы» с 1904 г. Член РСДРП(б) с 1903 г. Деятель германского социал-демократического движения с 1908 г. Член ЦК РКП(б) в 1919 – 1924 г. Секретарь ИККИ в 1919 – 1923 г. Ректор УТК в 1925 – 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1930 г. Заведующий Международным информационным бюро ЦК в 1932 – 1936 г. Репрессирован.

Раковский Христиан Георгиевич (он же Драгомир, Дионисий Григорьев, Х. Г. Инсаров, Христю Христов) (1873 – 1941). Деятель революционного движения Болгарии, Швейцарии, Германии, Франции, Румынии и России. Член РСДРП(б) с 1917 г. Член ЦК в 1919 – 1927 г. Председатель Советского правительства Украины в 1918 – 1923 г. Посол СССР в Великобритании в 1923 – 1925 г. и Франции в 1925 – 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1934 г. Репрессирован.

Раскольников Федор Федорович (он же Петров, настоящее имя Ильин) (1892 – 1939). Член РСДРП(б) с 1910 г. Зам. наркома по морским делам и командующий последовательно Волжской и Каспийской флотилиями, а также Балтийским флотом в 1918 – 1921 г. Полпред СССР в Афганистане в 1921 – 1923 г. Заведующий Восточным отделом ИККИ с марта 1924 по февраль 1926 г. Полпред СССР в Эстонии, Дании и Болгарии в 1930 – 1938 г. Эмигрировал в 1938 г. Заочно исключен из партии и объявлен «врагом народа» в 1938 г. Убит в результате покушения.

Рассел Бертран Артур Уильям (1872 – 1970). Британский философ и математик, чьи труды в области логики оказали влияние на философию XX в. Лауреат Нобелевской премии по литературе в 1950 г.

Рафес Моисей Григорьевич (он же Макс) (1883 – 1942). Член Бунда с 1900 г. Член РСДРП(б) с 1919 г. Сотрудник отдела агитации и пропаганды ИККИ с 1920 г. Секретарь Дальбюро ИККИ с июня по октябрь 1926 г. Заведующий иностранным отделом ТАСС с 1926 г. Репрессирован.

Робеспьер Максимилян (1758 – 1794). Ультралевый деятель французского революционного движения, один из лидеров Якобинского клуба. Глава Комитета общественного спасения в 1793 – 1794 г. Казнен.

Рой Манабендра Нат (он же Джонсон, настоящее имя Баттачария Нарендра Нат) (1892 – 1948). Деятель индийского и мексиканского коммунистических движений. Сотрудник ИККИ с 1920 г. Член

- ИККИ в 1927 – 1928 гг. Исключен из ИККИ в 1928 г. Генеральный секретарь Радикально-демократической партии Индии с сентября 1940 г.
- Рудзугак Ян Эрнестович** (1887 – 1938). Член РСДРП(б) с 1905 г. Член ЦК в 1920 – 1937 гг. Секретарь ЦК в 1923 – 1924 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1923 – 1926 и 1934 – 1937 гг. Член Политбюро в 1926 – 1932 гг. Нарком транспорта в 1924 – 1930 гг. Зам. председателя СНК СССР и СТО в 1926 – 1937 гг. Председатель ЦКК и нарком рабоче-крестьянской инспекции в 1931 – 1934 гг. Репрессирован.
- Рыков Алексей Иванович** (1881 – 1938). Член РСДРП с 1898 г. Член ЦК в 1905 – 1907, 1917 – 1918 и 1920 – 1930 гг. Кандидат в члены ЦК в 1934 – 1937 гг. Член Оргбюро ЦК в 1920 – 1924 гг. Член Политбюро в 1922 – 1930 гг. Председатель ВСНХ в 1918 – 1924 гг., СНК СССР в 1924 – 1930 гг. и СТО в 1926 – 1930 гг. Нарком связи в 1931 – 1936 гг. Исключен из партии в 1937 г. Репрессирован.
- Сафаров Григорий Иванович** (он же **Володин, Егоров, Самоварчик**) (1891 – 1942). Член РСДРП(б) с 1908 г. Кандидат в члены ЦК в 1921 – 1923 и 1924 – 1925 гг. Секретарь и заведующий Восточным отделом ИККИ с августа 1921 по май 1922 г. Редактор газеты «Петроградская (Ленинградская) Правда» в 1922 – 1926 гг. 1-й секретарь полпредства СССР в Китае в 1926 – 1927 гг. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Зам. заведующего Восточным лендерсекретариатом ИККИ в 1929 – 1934 гг. Репрессирован.
- Свечин Александр Александрович** (1878 – 1938). Русский военный историк и теоретик. Генерал-майор, начальник Генерального штаба императорской русской армии в 1916 г. После Октябрьской революции – начальник Генерального штаба Красной армии. Преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба. Репрессирован.
- Серебряков Леонид Петрович** (1890 – 1937). Член РСДРП(б) с 1905 г. Член Костромского Совета в 1917 г. После Октябрьской революции – член Московского комитета партии, секретарь ЦК РКП(б), секретарь Всероссийского Совета профсоюзов. Член троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Капитулировал перед Сталиным в 1928 г. Репрессирован.
- Смирнов Владимир Михайлович** (1887 – 1937). Член РСДРП(б) с 1907 г. После Февральской революции – член Московского комитета РСДРП(б) и Московского ревкома. Нарком торговли и промышленности РСФСР в 1918 г. Служил в РККА в 1918 – 1920 гг., затем – на государственной службе. Исключен из партии как лидер внутрипартийной группы «Демократического централизма» в 1927 г. Репрессирован.
- Сольц Аарон Александрович** (1872 – 1945). Член РСДРП с 1898 г. После Февральской революции – редактор большевистских газет «Социал-демократ» и «Правда». Член ЦКК в 1920 – 1923 гг. Член Пре-

- зидиума ЦКК и член ИКК Коминтерна в 1923 – 1934 гг. Впоследствии работал в Прокуратуре СССР.
- Сталин Иосиф Виссарионович** (он же Коба, Василий, Васильев, К. Ст., Филиппов, настоящее имя Джугашвили) (1878 – 1953). Член РСДРП с 1898 г. Член ЦК с 1917 г. Член Политбюро с 1919 г. Нарком по делам национальностей в 1917 – 1922 гг. Генеральный секретарь ЦК с 1922 г. Председатель СНК СССР с 1941 г.
- Су Чжаочжэн** (1885 – 1929). Член КПК с 1925 г. Член ЦК с 1927 г. Кандидат в члены Политбюро с апреля по август 1927 г. Член Постоянного комитета Временного Политбюро ЦК с августа 1927 по июнь 1928 г. Организатор Сянган-Гуанчжоуской забастовки в 1925 – 1926 гг. Председатель Всекитайской федерации профсоюзов в 1926 г. Министр труда в Уханьском Национальном правительстве с марта по июнь 1927 г.
- Сун Фэнчунь** (он же Карл Прейс) (1906 – ?). Член КСМК и КПК с 1925 г. Студент УТК в 1926 – 1927 гг. Один из лидеров китайского троцкистского движения.
- Сунь Кэ** (он же Сунь Фо) (1891 – 1873). Сын Сунь Ятсена. Член ЦИК ГМД с 1924 г. Мэр г. Гуанчжоу в 1921 – 1922, 1923 – 1924 и 1925 – 1927 гг. Председатель Гуандунского провинциального правительства в 1925 – 1927 гг. Член Уханьского правительства в 1927 г. Министр финансов в Нанкинском правительстве с сентября 1927 г. Глава Законодательного юаня (палаты) в 1932 – 1948 гг. Выехал из Китая во Францию и США в 1949 г. Прибыл на Тайвань и стал главой Экзэменационного юаня в 1965 г.
- Сунь Чуаньфан** (1885 – 1935). Китайский милитарист. Военный губернатор пров. Фуцзянь в 1923 – 1924 гг. Контролировал пров. Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу, Аньхуэй и Цзянси с 1925 г. Потерпел поражение от НРА в 1927 г. Ушел в отставку в 1929 г. Убит в результате покушения.
- Сунь Ятсен** (он же Сунь Чжуншань, Сунь Исянь, настоящее имя Сунь Вэнь) (1866 – 1925). Китайский революционер. Основатель Гоминьдана. Временный президент Китайской республики в 1912 г. Президент Военного правительства Южного Китая в 1917, 1920 – 1922 и 1923 – 1925 гг.
- Сюй Тели** (он же Маркин) (1877 – 1968). Член КПК с 1927 г. Студент КУТК в 1928 – 1930 гг. Позже зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПК. Член ЦК с 1945 г. После провозглашения КНР в 1949 г. – член Центрального Народного правительства.
- Сюй Чжэньань** (он же Сюй Чжэньань, Латышев) (1899 – ?). Член КПК с 1926 г. Учился и работал в УТК-КУТК в 1926 – 1930 гг. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Сюй Юньцзо** (он же Юрьев) (? – ?). Студент УТК в 1925 – 1927 гг. Работал в КУТВ и КУТК в 1927 – 1930 гг. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Сюн Сюн** (он же Сильвестров) (1892 – 1927). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1923 – 1925 гг.

- Преподавал в Военной академии Вампу с 1925 г. Казнен гоминьдановцами.
- Сян Цзинъюй (она же Надеждина, настоящее имя Сян Цзюньсянь)** (1895 – 1928). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Заведующая женским отделом ЦИК КПК до 1925 г. Студентка УТК в 1925 – 1927 гг. Работала в Ханькоуском городском комитете КПК, редактировала журнал КПК «Чанцзян» («Янцзы»). Арестована гоминьдановской полицией и казнена.
- Сян Чжунфа (он же Те Шэн, Ян Тешэн, Чжун Фа, Кэ Фа)** (1880 – 1931). Член КПК с 1922 г. Председатель Генерального совета Уханьской федерации профсоюзов в 1926 г. Член ЦК с мая 1927 г. Член Временного Политбюро в 1927 г. Сотрудник Профинтерна в 1928 г. Генеральный секретарь ЦК КПК с 1928 г. Арестован полицией ГМД и капитулировал. Казнен гоминьдановцами.
- Сяо Цзингуан** (1903 – 1989). Член КПК с 1922 г. Студент КУТВ в 1921 – 1924 гг. и Военно-политической академии в 1927 – 1930 гг. Командир 22-го корпуса Китайской Красной армии в 1935 – 1936 гг. Кандидат в члены ЦК в 1945 – 1956 гг. Член ЦК в 1956 – 1982 гг.
- Сяо Чанбинь (он же Чжи Ци, Наум Михайлович Михайлов)** (1900 – ?). Член ССМК с 1923 г. Член КПК с 1925 г. Студент УТК-КУТК в 1926 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Возвратился в Китай в 1929 г. Участник китайского троцкистского движения до 1931 г.
- Тан Шэнчжи** (1889 – 1970). Губернатор пров. Хунань с начала 1926 г. Член ГМД и ЦИК ГМД с 1926 г. Командир 8-го корпуса НРА с 1926 г. Главнокомандующий уханьской НРА в апреле – июле 1927 г. Затем – на государственной и военной службе. Перешел на сторону КПК в 1949 г.
- Тань Пиншань** (1886 – 1956). Член КПК с 1921 г. Член ЦИК (ЦК) и Политбюро в 1926 – 1927 гг. Министр сельского хозяйства в Уханьском Национальном правительстве с марта по июнь 1927 г. После революции 1925 – 1927 гг. отошел от КПК. Один из организаторов Китайской революционной (позже – Крестьянско-рабочей демократической) партии в 1928 г. На государственной службе КНР с 1949 г.
- Тань Янькай** (1880 – 1930). Член ГМД в 1912 – 1913 гг. и с 1922 г. Губернатор пров. Хунань в 1911 – 1913, 1916 – 1917 и 1918 – 1920 гг. Член ЦИК с 1924 г. И. о. председателя Национального правительства ГМД в 1926 – 1927, 1928 и 1929 гг.
- Ткачев Петр Никитич** (1844 – 1885). Ультралевый деятель российского революционного движения.
- Томский Михаил Петрович (он же М. Т., настоящее имя Ефремов)** (1880 – 1936). Член РСДРП(б) с 1904 г. Член ЦК в 1919 – 1934 гг. Член Политбюро в 1922 – 1930 гг. Кандидат в члены ЦК с 1934 г. Председатель Московского Совета профсоюзов в 1917 – 1918 гг. Председатель Всероссийского (Всесоюзного) Совета профсоюзов в 1918 – 1921 и 1922 – 1929 гг. Зам. председателя ВСНХ в 1929 – 1930 гг. Директор Госиздата с 1932 г. Покончил жизнь самоубийством.
- Трилиссер Меер Абрамович (он же Москвин)** (1883 – 1940). Член РСДРП с 1901 г. Сотрудник ВЧК с 1921 г. Начальник Иностранного

- отдела и зам. председателя ОГПУ с 9 февраля 1926 по 27 октября 1929 г. Зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции РСФСР в 1930 — 1934 гг. Член Президиума ЦКК с 1930 г. Репрессирован.
- Троцкий Лев Давидович** (он же **Перо, Николай Троцкий, настоящее имя Бронштейн**) (1879 — 1940). Член РСДРП с 1898 г. Член РСДРП(б) с июля 1917 г. Член ЦК в 1917 — 1927 гг. Член Политбюро в 1919 — 1926 гг. Один из организаторов Октябрьской революции. Нарком иностранных дел в 1917 — 1918 гг. Председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам РСФСР (СССР) в 1918 — 1925 гг. Председатель Главного концессионного комитета РСФСР в 1925 — 1927 гг. Лидер троцкистской оппозиции. Исключен из партии в 1927 г. Выслан из СССР в 1929. Убит в результате покушения.
- Трэн Альберт** (он же **Бертрэн**) (1889 — 1971). Член ЦК ФКП и кандидат в члены Президиума ИККИ в 1927 г. Член зиновьевской оппозиции. Исключен из партии в начале 1928 г.
- У Течэн** (1888 — 1953). Военный советник правительства Сунь Ятсена с 1917 г. Начальник полицейского управления г. Гуанчжоу с 1923 по апрель 1926 г. Позже занимал различные посты в аппаратах ГМД и Национального правительства.
- У Юйчжан** (он же **Шужэнь, Буренин**) (1878 — 1966). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Участник Синьхайской революции 1911 — 1912 гг. Член КПК с 1925 г. Член ЦИК ГМД в 1926 — 1927 гг. Студент КУТК в 1928 — 1930 гг. Инструктор Китайской ленинской школы во Владивостоке, заведующий китайским отделом Дальневосточного отделения АН СССР и заведующий китайской секцией движения за ликвидацию неграмотности в 1930 г. Заведующий китайским отделом КУТВ в 1931 — 1934 гг. Вел коминтерновскую работу во Франции в 1935 — 1936 и 1937 гг. Секретарь Сычуаньского провинциального комитета КПК в 1937 — 1945 гг. Председатель комитета по реформе китайской письменности при Госсовете КНР с 1955 г.
- Угланов Николай Александрович** (он же **Николай Угрюмый**) (1886 — 1940). Член РСДРП(б) с 1907 г. Кандидат в члены ЦК с 1921 г. Член ЦК в 1923 — 1930 гг. Секретарь Московского городского комитета партии в 1924 — 1928 гг. Кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК в 1926 — 1929 гг. Нарком труда СССР в 1928 — 1930 гг. Репрессирован.
- Фань Вэньхуэй** (он же **Фань Цзиньбяо, Фань Цзинлу, Алексей Макарович Форель**) (1904 — 1956). Член КПК с 1926 г. Кандидат в члены ВКП(б) с 1928 г. Студент УТК-КУТК в 1927 — 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве в 1928 — 1930 гг. Репрессирован. Отпущен в Китай в 1955 г.
- Фокин Николай Алексеевич** (он же **Молодой**) (1899 — ?). Член РКП(б) с 1919 г. Генеральный секретарь ЦК комсомола Туркменистана и Среднеазиатского бюро ЦК РКСМ до 1924 г. Секретарь ИККИМ с 1924 г. Представитель ИККИМ в Китае в 1926 — 1927 гг. Заведующий Восточным отделом ИККИМ в июле 1927 — 1930 гг. Зам. заведующего Восточным отделом Профинтерна в 1930 — 1933 гг. Затем работал в политотделе Закавказских железных дорог. Репрессирован.

- Фрунзе Михаил Васильевич** (1885 — 1925). Член РСДРП(б) с 1904 г. Член ЦК с 1921 г. Кандидат в члены Политбюро с 1925 г. Председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам СССР в 1925 г.
- Фу Сюэли (он же Двойкин)** (? — ?). Студент КУТК в 1929 — 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Фэн Цян (он же Варский)** (? — ?). Член КПК и кандидат в члены ВКП(б). Студент УТК в 1926 — 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Выслан из СССР.
- Фэн Юйсян** (1882 — 1948). Китайский маршал, главнокомандующий Народной армией с 1924 г. Член Гоминьдана с 1926 г. Председатель Политсовета ЦК Революционного комитета Гоминьдана в 1948 г.
- Фэн Цзыю** (1882 — 1958). Член «Союза возрождения Китая» Сунь Ятсена с 1895 г. Член «Объединенного союза» с 1905 г. Исключен из ГМД за оппозицию единому фронту в 1924 г. Позже вновь вступил в Гоминьдан. Член Национального правительства с 1935 г.
- Ху Пэнцзюй (он же Гаевой)** (1907 — ?). Студент КУТК в 1928 — 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Ху Ханьминь** (1879 — 1936). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Член ЦИК ГМД с 1924 г. Губернатор пров. Гуандун и министр иностранных дел Национального правительства в 1925 г. Глава делегации ГМД в СССР в 1925 — 1926 гг. После 12 апреля 1927 г. — председатель ЦИК ГМД и глава Законодательного юаня (палаты).
- Ху Чунгу (он же Нурич)** (1902 — ?). Член КПК с 1926 г. Студент КУТВ и КУТК в 1927 — 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Хуан Цзюй (он же Александр Александрович Истомирин)** (1904 — ?). Учился и работал в УТК-КУТК в 1926 — 1930 гг. Член китайской троцкистской оппозиции в Москве. Репрессирован.
- Хэ Шухэн (он же Мазугин)** (1876 — 1935). Один из основателей КПК в 1921 г. Работал в Хуаньской партийной организации в 1921 — 1928 гг. Студент КУТК в 1928 — 1930 гг. Нарком рабоче-крестьянского контроля в Китайском Советском правительстве с 1931 г. Погиб в бою.
- Цай Хэсэнь** (1895 — 1931). Деятель китайского коммунистического движения с 1921 г. Член ЦИК (ЦК) с 1922 г. Член Политбюро с 1927 г. Главный редактор журнала «Сяндао чжоукань» с 1922 г. Представитель КПК в ИККИ в 1925 — 1927 гг. и член делегации КПК в ИККИ в 1928 — 1930 гг. Секретарь Северокитайского бюро ЦК КПК в 1927 — 1928 гг. Представитель ЦК в Сянгане с 1930 г. Арестован британской полицией. Передан властям Китая. Казнен.
- Цай Чан (она же Цай Татэ, Роза Николаева)** (1900 — 1990). Младшая сестра Цай Хэсэня. Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Член ФКП в 1923 — 1924 гг. Студентка КУТВ в 1924 — 1925 гг. Секретарь женского комитета ЦК КПК в 1937 — 1945 гг. Член ЦК в 1945 — 1982 гг. Зам. председателя Международной демократической федерации женщин в 1947 — 1949 гг. Председатель Всекитайской федерации женщин в 1949 — 1978 гг. Зам. Председателя ПК ВСНП в 1975 — 1983 гг.

- Цзи Вайфан (он же Дородный) (? - ?)**. Студент КУТК в 1927 - 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Цзи Дацай (он же Мартынов, Девяткин) (1903 - ?)**. Член КПК с 1925 г. Кандидат в члены ВКП(б) с 1928 г. Студент КУТВ и КУТК в 1927 - 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Цзо Цюань (он же Rogozin, настоящее имя Цзи Цюань) (1905 - 1942)**. Член КПК с 1925 г. Студент УТК-КУТК до 1930 г. Позже нач. штаба Китайской Красной армии 1-го фронта, зам. нач. штаба 8-й НРА. Погиб в бою.
- Цзоу Лу (настоящее имя Дэн Шэн) (1885 - 1954)**. Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Участник Синьхайской революции 1911 - 1912 гг. Ректор Гуандунского университета с 1923 г. и Университета им. Сунь Ятсена в г. Гуанчжоу с 1937 г.
- Цзюй Чжэн (1876 - 1951)**. Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Министр внутренних дел Гуанчжоуского правительства с 1922 г.
- Цзя Цзунчжоу (он же Кузнецов, Степан Лукич Луговой) (1903 - ?)**. Член КПК с 1924 г. Студент КУТВ и КУТК в 1927 - 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Репрессирован.
- Цзян Гуанцы (он же Цзян Гуанци) (1901 - 1931)**. Член ССМК с 1920 г. Студент КУТВ в 1921 - 1924 гг. Член КПК с 1922 г. Преподавал в Шанхайском университете с 1924 г.
- Цзян Цзинго (он же Николай Владимирович Елизаров) (1909 - 1988)**. Сын Чан Кайши. Член КСМК с 1925 г. Член советского комсомола с 1926 г. Кандидат в члены ВКП(б) в 1930 - 1941 гг. Студент УТК в 1925 - 1927 гг. Курсант Военной школы особого назначения и Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева в 1927 - 1930 гг. Слесарь Московского завода «Динамо» в 1930 - 1931 гг. Председатель колхоза им. Октябрьской революции в селе Коровино Московской области с мая по ноябрь 1931 г. Аспирант Международной ленинской школы с ноября 1931 по конец октября 1932 г. Помощник начальника цеха Уралмашзавода в Свердловске в 1932 - 1934 гг. Зам. редактора заводской газеты «За тяжелое машиностроение» в 1934 - 1937 гг. Зам. заведующего организационным отделом Свердловского городского совета в 1937 г. По приказу Сталина был направлен в Китай в 1937 г. В 1949 г. уехал на Тайвань. В 1976 г. стал президентом Китайской республики.
- Ци Шугун (он же Цзи Шугун, Цзи Бугун, Николай Алексеевич Некрасов) (1908 - ?)**. Член советского комсомола в 1924 - 1930 гг. Студент УТК в 1925 - 1927 гг. Работал в КУТВ и КУТК в 1927 - 1930 гг. Член троцкистской оппозиции. Репрессирован.
- Цинь Бансянь (он же Погорелов, Бо Гу) (1907 - 1946)**. Член КПК с 1925 г. Учился и работал в УТК-КУТК в 1926 - 1930 гг. Заведующий отделом пропаганды ЦК КСМК в 1930 - 1931 гг. Член ЦК КПК с 1931 г. Секретарь ЦК КСМК в 1931 г. Генеральный секретарь ЦК КПК в 1931 - 1935 гг. Заведующий организационным отделом ЦК КПК в 1936 - 1937 гг. Заведующий Чанцзянским и Южнокитайским бюро ЦК КПК в 1937 - 1945 гг. Погиб в авиакатастрофе.

- Цю Чжичэн (он же Восьмеркин)** (1908 – ?). Член КСМК с 1926 г. Член КПК с 1927 г. Студент КУТК в 1928 – 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве в 1928 – 1930 гг. Репрессирован.
- Цюй Цюбо (он же Страхов, настоящее имя Цюй Шуан)** (1899 – 1935). Корреспондент пекинской газеты «Чэнь бао» в Советской России в 1920 – 1921 гг. Член КПК с 1922 г. Кандидат в члены ЦИК и главный редактор журнала «Синь циннянь» в 1923–1925 гг. Член ЦИК (ЦК) КПК с 1925 г. Заведующий отделом пропаганды ЦК с 1927 г. Член Политбюро в 1927 – 1931 гг. После поражения коммунистов в июле 1927 г. — глава Временного Политбюро ЦК и главный редактор журнала «Буэрсайвэйкэ» («Большевик»). Руководитель делегации КПК в ИККИ и член Президиума ИККИ в 1928 – 1930 гг. Нарком народного просвещения в Китайском Советском правительстве в 1931 – 1934 гг. Захвачен в плен гоминьдановцами и казнен.
- Чан Кайши (он же Цзян Чжунчжэн)** (1887 – 1975). Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1908 г. Член ЦИК ГМД с 1926 г. Начальник Военной академии Вампу с 1924 г. Главнокомандующий Национально-революционной армией ГМД с 1926 г. Глава гоминьдановского режима с 1928 г.
- Чжан Вэньтянь (он же Измайлов, Ло Фу, Сы Май)** (1900 – 1976). Член КПК с 1925 г. Учился и работал в УТК-КУТК и Институте красной профессуры в 1925 – 1928 гг. Заведующий отделом пропаганды ЦК КПК в 1930 – 1933 гг. Член ЦК и Политбюро в 1931 – 1956 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1956 – 1959 гг. Секретарь Секретариата ЦК в 1934 – 1935 гг. Генеральный секретарь ЦК в 1935 – 1938 гг. Посол КНР в СССР в 1951 – 1955 гг. 1-й зам. министра иностранных дел КНР с 1955 г. Снят с поста за критику политики Мао Цзэдуна в 1959 г.
- Чжан Готао (он же Амосов, Попов, Спиридонов, Котельников)** (1897 – 1979). Один из основателей КПК в 1921 г. Член ЦИК (ЦК) КПК в 1921 – 1923 и 1925 – 1938 гг. Кандидат в члены ЦИК в 1924 – 1926 гг. Член Политбюро в 1928 – 1938 гг. Секретарь Цзянсийского и Хубэйского провинциальных комитетов партии в 1926 – 1927 гг. Член делегации КПК в ИККИ в 1928 – 1930 гг. Зам. председателя Китайского Советского правительства в 1931 – 1936 гг. Исключен из партии из-за конфликта с ЦК КПК в 1938 г. Эмигрировал в 1949 г.
- Чжан Тайлэй (настоящее имя Чжан Цзэнжан)** (1898 – 1927). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Секретарь китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна в 1921 г. Переводчик Маринга в 1921 – 1922 гг. Представитель ССМК в КИМ в 1924 г. Генеральный секретарь ЦИК КСМК в 1925 г. Кандидат в члены ЦИК КПК в 1925 – 1927 гг. Переводчик Бородина в 1925 – 1926 гг. Член ЦК, кандидат в члены Политбюро и секретарь Хубэйского и Гуандунского провинциальных комитетов партии в 1927 г. Погиб в бою.
- Чжан Цзи** (1882 – 1947). Деятель ГМД. Член ЦКК с 1924 г.
- Чжан Цзолин** (1875 – 1928). Глава Фэнтяньской (Шэньянской) клики милитаристов, контролировавшей Пекинское правительство в

- 1920 – 1922 и 1924 – 1928 гг. Потерпел поражение от НРА в 1928 г. Убит в результате покушения.
- Чжан Цюбо** (? – ?). Деятель ГМД. Участник Съезда народов Дальнего Востока в 1922 г.
- Чжао Цзи** (он же **Лялин, Динамин**) (1903 – ?). Член ССМК с 1922 г. Член КПК с 1924 г. Служил в НРА во время Северного похода 1926 – 1927 гг. Кандидат в члены ВКП(б) с 1928 г. Студент КУТВ и КУТК в 1928 – 1929 гг. Один из лидеров китайских троцкистов с 1928 г.
- Чжао Шиянь** (он же **Сутин**) (1901 – 1927). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1923 – 1924 гг. Секретарь Пекинского комитета партии, заведующий отделом пропаганды Северокитайского бюро ЦК в 1924 г. Заведующий организационным бюро Цзянсу-Чжэцзянского комитета партии в 1926 г. Член ЦК, секретарь Цзянсуского провинциального комитета партии в 1927 г. Казнен гоминьдановцами.
- Чжао Яньцин** (он же **Мамашкин, Мама, Донбасов**) (1897 – 1930). Член КПК с 1926 г. Кандидат в члены ВКП(б). Студент КУТВ и КУТК в 1927 – 1930 гг. Один из лидеров китайских троцкистов в Москве. Покончил жизнь самоубийством.
- Чжоу Давэнь** (он же **Чжоу Дамин, Ди И, Ло Фу, Владимир Васильевич Чугунов**) (1903 – 1938). Член КПК с 1923 г. Председатель Всекитайского студенческого союза в 1924 г. Учился и работал в УТК и Международной ленинской школе в 1925 – 1927 гг. Инструктор политической экономии в Международной ленинской школе в 1931 – 1932 гг. Главный редактор хабаровской краевой газеты «Гунжэньчжи лу» («Рабочий путь») с 1932 г. Обвинен Чэнь Шаоюем как «троцкист» и арестован в 1937 г. Казнен.
- Чжоу Эньлай** (он же **Москвин, Чэнь Гуан, У Хао**) (1898 – 1976). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Секретарь Европейских отделений ССМК и КПК в 1922 – 1924 гг. Нач. политического отдела Военной академии Вампу в 1924 – 1926 гг. Секретарь военного отдела ЦИК КПК в 1926 – 1927 гг. Член ЦК и кандидат в члены Политбюро с 1927 г. Член Политбюро и Постоянного комитета Политбюро с 1928 г. Заведующий организационным отделом и секретарь военной комиссии ЦК в 1928 – 1930 гг. Глава делегации КПК в ИККИ в 1930 г. Позже занимал различные руководящие посты в аппарате ЦК КПК. Премьер правительства КНР с 1949 г. Зам. председателя ЦК КПК в 1956 – 1969 гг.
- Чжу Дэ** (он же **Данилов, настоящее имя Чжу Дайчжэнь**) (1886 – 1976). Член КПК с 1922 г. Студент КУТВ и советской военной школы в 1925 – 1926 гг. Один из организаторов советского движения в Китае с 1927 г. Главнокомандующий китайскими коммунистическими вооруженными силами до осени 1949 г. Кандидат в члены ЦК КПК с 1930 г. Член ЦК и Политбюро с 1934 г. Зам. председателя Центрального Народного правительства КНР в 1949 – 1954 гг. Председатель Постоянного комитета ВСНП с 1959 г. Член Постоянного комитета Политбюро с 1973 г. Зам. председателя ЦК в 1956 – 1969 гг.

- Чжу Хуайдэ (он же Окунев)** (1905 – ?). Член КСМК и КПК с 1925 г. Член советского комсомола и кандидат в члены ВКП(б) с 1926 г. Студент УТК в 1926 – 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Выслан из СССР.
- Чжу Чжисинь (он же Ши Шэнь, Чжу Дафу)** (1885 – 1920). Деятель ГМД. Убит гуансийскими милитаристами.
- Чжэн Чаолин (он же Марлотов)** (1901 – 1998). Деятель китайского коммунистического движения с 1922 г. Студент КУТВ в 1923 – 1924 гг. Редактор «Сяндао чжоукань» в 1924 г. Член Хубэйского провинциального комитета партии в 1925 – 1927 гг. Исключен из партии в 1929 г. Один из лидеров китайского троцкистского движения с 1929 г. Провел более 30 лет в гоминьдановских и маоистских тюрьмах.
- Чичерин Георгий Валентинович** (1872 – 1936). Член РСДРП с 1905 г. Меньшевик. Член Британской Социалистической партии в 1915 – 1918 гг. Член РСДРП(б) с 1918 г. Нарком иностранных дел РСФСР (СССР) в 1918 – 1930 гг. Член ЦК в 1925 – 1930 гг. Ушел на пенсию.
- Чэнь Бода (он же Чэнь Шанью, Беринов)** (1904 – 1989). Член КПК с 1927 г. Студент УТК-КУТК в 1927 – 1930 гг. Пропагандист КПК в 1930 – 1945 гг. Член ЦК в 1945 – 1973 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1956 – 1969 гг. Член Политбюро в 1969-1973 гг. Исключен из партии в 1973 г. Приговорен к 18 годам тюрьмы в 1981 г. за так называемую «контрреволюционную деятельность». Освобожден в 1988 г.
- Чэнь Вандао** (1891 – 1977). Деятель китайского коммунистического движения в 1920 – 1921 гг. Автор первого китайского перевода «Коммунистического Манифеста». Позже преподавал в различных учебных заведениях.
- Чэнь Гунбо** (1890 – 1946). Один из основателей КПК в 1921 г. Отошел от партии в 1923 г. Член Постоянного комитета ЦИК ГМД с 1925 г. Сотрудничал с японскими захватчиками в 1938 – 1945 гг. Расстрелян за измену родине.
- Чэнь Дусю (он же Старик, настоящее имя Чэнь Цяньшэн)** (1879 – 1942). Лидер движения на новую культуру в 1915 г. Редактор журнала «Синь циннянь» с 1915 г. Один из лидеров движения «4 мая» 1919 г. Основатель КПК. Лидер КПК в 1921 – 1927 гг. Исключен из партии в 1929 г. Лидер китайских троцкистов в 1929 – 1932 гг. Арестован гоминьдановской полицией в 1932 г. Освобожден по амнистии в 1937 г.
- Чэнь Имоу** (1907 – 1932). Учился в УТК до осени 1927 г. Один из лидеров китайского троцкистского движения.
- Чэнь Танью (он же Чэнь Юньсянь, Чэнь Дэн)** (1896 – 1943). Один из основателей КПК в 1921 г. Секретарь Уханьского комитета КПК в 1924 г. Кандидат в члены ЦК КПК с 1927 г. Секретарь последовательно Цзянсийского, Маньчжурского, Цзянсуского и Фуцзяньского комитетов КПК в 1927 – 1934 гг. Член делегации КПК в ИККИ в 1935 – 1939 гг. Представитель партии в Синьцзяне с 1939 г. Арестован синьцзянским милитаристом и казнен.
- Чэнь Цзюньмин** (1875 – 1933). Гуандунский милитарист. Сотрудничал с Сунь Ятсеном в 1920 – 1922 гг. Губернатор пров. Гуандун в 1920 – 1922 гг. В июне 1922 г. выступил против Сунь Ятсена. Потерпел поражение от НРА в 1925 г.

- Чэнь Ци (он же Антон Федорович Соловьев)** (1906 – ?). Член КСМК с 1926 г. Студент УТК-КУТК в 1926 – 1929 гг. Член троцкистской оппозиции в 1927 г. Выслан в Азербайджан, затем на Дальний Восток. Репрессирован.
- Чэнь Цюянь (он же Красин)** (1902 – 1928). Второй сын Чэнь Дусю. Присоединился к КПК в 1923 г. во Франции. Студент КУТВ в 1923 – 1924 гг. Член ЦК и секретарь Хубэйского провинциального комитета КПК с 1927 г. Арестован гоминьдановской полицией в феврале 1928 г. Казнен.
- Чэнь Чанхао (он же Изумрудов)** (1906 – 1967). Член КСМК с 1926 г. Студент УТК-КУТК в 1927 – 1930 гг. Член КПК с 1930 г. Политкомиссар различных частей Китайской Красной армии с 1934 г. Зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПК с 1937 г. Переводчик в СССР в 1939 – 1952 гг. Зам. директора Бюро переводов работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина при ЦК КПК с 1953 г.
- Чэнь Шаоюй (он же Иван Андреевич Голубев, Ван Мин)** (1905 – 1974). Член ССМК с 1924 г. Член КПК с 1925 г. Учился и работал в УТК-КУТК в 1925 – 1929 гг. Редактор журнала ЦК КПК «Хунци» («Красное знамя») в 1929 – 1931 гг. Член ЦК в 1931 – 1969 гг. Член Политбюро в 1931 – 1945 гг. Руководитель делегации КПК в ИККИ в 1931 – 1937 гг. Член Президиума ИККИ в 1932 – 1943 гг. Член Политического секретариата ИККИ в 1932 – 1935 гг. Во время работы в Советском Союзе тесно сотрудничал с ОГПУ-НКВД, фабриковал обвинения против китайских коммунистов. Несет ответственность за арест и уничтожение многих из них. Заведующий отделом единого фронта ЦК КПК в 1938 – 1939 гг. В январе 1956 г. прибыл в Советский Союз на лечение. Умер в Москве.
- Чэнь Юаньдао (он же Невский)** (1901 – 1933). Член ССМК с 1923 г. Член КПК с 1925 г. Учился и работал в УТК-КУТК в 1925 – 1929 гг. Работал в Цзянсуском, Хэнаньском и Хэбэйском провинциальных комитетах партии. Казнен гоминьдановцами.
- Чэнь Яньнянь (он же Линь Му, Суханов)** (1898 – 1927). Старший сын Чэнь Дусю. Присоединился к КПК в 1922 г. во Франции. Один из основателей марксистского журнала «Шаонянь» («Молодежь») в 1923 г. Студент КУТВ в 1923 – 1924 гг. Секретарь Цзянсу-Чжэцзянского комитета КПК в 1927 г. Член ЦК КПК с 1927 г. Арестован гоминьдановской полицией 26 июня 1927 г. Казнен.
- Шао Лицзы (1882 – 1967)**. Член «Объединенного союза» Сунь Ятсена с 1905 г. Член КПК в 1921 – 1926 гг. Начальник Секретариата Военной академии Вампу в 1925 г. Представитель ЦИК ГМД в ИККИ в 1926 – 1927 гг. После июля 1927 г. – последовательно заведующий отделом пропаганды ЦИК ГМД, посол Китая в СССР и секретарь Народно-политической консультативной конференции. Ушел в отставку в 1949 г.
- Шахтман Макс (он же Михаилс, Педро, S-n, М. Н. Трент)** (1904 – 1972). Член Рабочей (т. е. Коммунистической) партии США в 1921 – 1928 гг. Один из основателей журнала «Милитант» («Борец») в 1928 г. Один

- из основателей Коммунистической лиги Америки в 1929 г. Организатор Издательства «Пионер» в 1931 г. Один из организаторов Социалистической рабочей партии (СРП) в 1937 г. Будучи исключен из СРП, принял участие в организации Рабочей партии в 1940 г. (с 1949 г. — Независимая Социалистическая лига).
- Ши Цуньтун (он же Ши Жэньжун, Фан Гочан)** (1890 — 1970). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Секретарь ССМК в 1922 — 1924 гг. Преподавал в различных коммунистических учебных заведениях в 1924 — 1927 гг. После поражения КПК в июле 1927 г. отошел от партии.
- Шкловский Григорий Львович (он же Бабушкин, Дедушкин)** (1875 — 1937). Член РСДРП с 1898 г. Советский дипломат в 1918 — 1925 гг. Член ЦКК в 1925 — 1927 гг. Член зиновьевской оппозиции. Репрессирован.
- Шумяцкий Борис Захарович (он же Андрей Червоный)** (1886 — 1938). Член РСДРП(б) с 1903 г. Зам. председателя Красноярского Совета, председатель ЦИК Советов Сибири в 1917 г. Зам. председателя Сибирского ревкома в 1919 г. Председатель Совета министров Дальневосточной Республики и уполномоченный Наркоминдела РСФСР по Сибири и Монголии в 1920 — 1922 гг. Полпред и торгпред РСФСР (СССР) в Иране в 1922 — 1925 гг. Ректор КУТВ в 1926 — 1928 гг. Заведующий отделом агитации и пропаганды Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) в 1928 — 1930 гг. Председатель Союзкино в 1930 — 1933 гг. Репрессирован.
- Шэнь Динъи (он же Шэнь Цзяньхоу, настоящее имя Шэнь Сюаньлу)** (1883 — 1928). Один из первых сторонников коммунизма в Китае, впоследствии — видный гоминьдановский деятель. Член ГМД с 1923 г. Кандидат в члены ЦИК ГМД с 1924 г. Отошел от коммунистического движения и был исключен из КПК в 1925 г. Убит в результате покушения.
- Шэнь Цзэминь (он же Чэн Цзэжэнь, настоящее имя Шэнь Дэцзи)** (1902 — 1933). Брат известного писателя Шэнь Яньбина (Мао Дуня). Деятель китайского коммунистического движения с января 1921 г. Член ЦИК ССМК в 1922 — 1923 гг. Преподаватель Шанхайского университета с 1924 г. Учился и работал в УТК-КУТК в 1926 — 1930 гг. Член ЦК КПК с 1931 г.
- Щукарь Максим Ильич** (1897 — ?). Советский китаевед. Преподаватель УТК-КУТК. Репрессирован.
- Энгельс Фридрих** (1820 — 1893). Немецкий философ и революционер. Один из основателей марксизма.
- Эпштейн Белла** (? — 1938). Преподаватель УТК до осени 1927 г. Член троцкистской оппозиции. Репрессирована. Расстреляна в Воркутинском концентрационном лагере.
- Эренбург Георгий Борисович** (1902 — 1967). Советский китаевед. Ученый секретарь НИИ по Китаю при КУТК в 1928 — 1930 гг. Преподавал в МГУ с 1930 г.

- Юй Сюсун** (он же Рубен Нариманов, настоящее имя Юй Шоусун) (1899 — 1938). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Секретарь ССМК в 1920 — 1921 гг. Член ЦИК ССМК в 1922 — 1925 гг. Учился и работал в УТК и Международной ленинской школе в 1925 — 1933 гг. Вел партийную работу на Советском Дальнем Востоке в 1933 — 1935 гг. Работал в Синьцзянском комитете партии с 1935 г. Обвинен Чэнь Шаоюем как «троцкист», арестован синьцзянским милитаристом и передан СССР в 1937 г. Казнен.
- Юй Шудэ** (1894 — 1982). Член КПК с 1921 г. Член ЦИК ГМД в 1924 — 1927 гг. После поражения коммунистов в июле 1927 г. отошел от партии. Преподавал в различных учебных заведениях.
- Юнь Дайин** (1895 — 1931). Деятель китайского коммунистического движения с 1920 г. Член КПК с 1921 г. Заведующий отделом пропаганды ЦИК ССМК в 1923 — 1924 гг. Член ЦИК ГМД в 1926 — 1927 гг. Член ЦК КПК с 1928 г. Редактор журнала «Хунци» и газеты «Хунци жибао» в 1928 — 1931 гг. Арестован гоминьдановской полицией в 1930 г. и казнен.
- Ян Минчжай** (он же Шмидт) (1882 — 1938). Прибыл в Россию еще до свержения царизма. После Октябрьской революции вступил в РКП(б). Работал во Владивостокском отделении Дальбюро РКП(б) в 1920 г. Сопровождал Войтинского в Китай в 1920 — 1921 гг. Работал и учился в УТК в 1925 — 1927 гг., затем находился на руководящей работе в органах КПК Бэйпин-Тяньцзиньского района. Зам. главного редактора хабаровской краевой газеты «Гунжэньчжи лу». Обвинен Чэнь Шаоюем как «троцкист» и арестован в 1937 г. Казнен.
- Ян Паоань** (1896 — 1931). Член КПК с 1921 г. Секретарь организационного отдела ЦИК ГМД в 1924 — 1927 гг. Один из организаторов Сянган-Гуанчжоуской забастовки в 1925 — 1926 гг. Член ЦК КПК в 1927 — 1928 гг.
- Ян Хуабо** (он же Короленко) (1908 — ?). Член ССМК и советского комсомола. Студент УТК в 1926 — 1927 гг. Член троцкистской оппозиции. Выслан из СССР.
- Ян Шанкунь** (он же Салтыков) (1907 — ?). Член КСМК с 1925 г. Член КПК с 1926 г. Студент УТК-КУТК в 1926 — 1930 гг. Кандидат в члены ЦК в 1934 — 1945 гг. Член ЦК в 1956 — 1966 и 1979 — 1992 гг. Секретарь Северо-китайского бюро ЦК в 1938 — 1941 гг. После провозглашения КНР в 1949 г. — губернатор пров. Гуандун и мэрг. Гуанчжоу. Член Политбюро в 1982 — 1992 гг. Председатель КНР в 1988 — 1993 гг.
- Ярославский Емельян Михайлович** (он же Владимир Семенович Лапин, настоящее имя Миней Израилевич Губельман) (1878 — 1943). Член РСДРП с 1898 г. Член ЦК в 1921 — 1922 гг. и с 1933 г. Секретарь ЦК в 1921 — 1922 гг. Секретарь ЦКК в 1923 — 1934 гг. Член Комиссии партийного контроля при ЦК в 1934 — 1939 гг.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеев И. А., 224, 402
Агор, 250
Айзэкс Г. Р., 18, 19, 156, 337, 402
Аксельрод П. Б., 30, 402
Александр, 263
Алексеев В. А., 107
Алехин А. И. См. Лю Ханьпин
Альбрехт А. Е., 196, 402
Альский М. (Штейн В. М.), 184, 188, 403
Ангаретис З. И., 290, 403
Андреев М. Г., 240, 246, 403
Ань Фу (Витин), 271 — 275, 280, 282, 287, 289, 291, 369, 370, 403
Аппен, 374
Артузов А. Х., 290, 376, 403
- Бакаев И. П., 224, 403
Бакунин М. А., 248, 403
Бао Хуэйсэн, 25, 232, 403
Бауман К. Я., 216, 289, 403
Бебель А., 62
Беленькая (Ландау) Р. Э., 25
Беленьский С. М. См. Волин
Бердяев Н. А., 36, 123
Берзин Я. К., 285, 286, 290, 374, 376, 403
Беринов. См. Чэнь Бода
Берлинский. См. Хуан Левэнь
Берман, 250, 262

- Берштейн Э., 62
 Бинг Д., 314
 Благодатов А. В., 25
 Блок Р., 330, 353
 Бородин М. М., 97, 99, 103, 126, 139, 146, 157, 196, 212, 215, 233, 325, 332, 403 — 404, 411, 426
 Брандлер. См. Хэ Шанчжи
 Брике С. К., 25, 128, 131, 132, 404
 Бринский. См. Жэнь Биши
 Бройдо Г. И., 243, 340, 404
 Бронштейн. См. Троцкий
 Бу Шици (Пролетариев Е. А.), 86, 240, 261, 365, 404
 Бубнов А. С. (Ивановский), 142, 144, 164, 216, 332, 335, 404
 Буренин. См. У Юйчжан
 Брандт К., 20, 23, 342
 Бухарин Н. И., 18, 19, 55, 57, 116, 119, 141, 156, 162, 164, 165, 187, 190, 191, 197, 211, 212, 214, 216 — 218, 241, 245, 251, 327, 347, 352, 404
 Бухаров. См. Ло Инун
 Бэй Юньфэн (Журавлев), 253, 363, 367
 Бянь Фулинь (Вершинин Ф. А.), 271 — 273, 279, 280, 282, 287, 289, 377, 404
В. И. См. Ленин
 Важнов. См. Го Мяогэнь
 Ван Вэньхуэй (Яроцкий Б. Р.), 253, 265, 266, 284, 287, 289, 377, 405
 Ван Вэньюань. См. Ван Фаньси
 Ван Дэньюнь, 98, 405
 Ван Жофэй (Немцов И.), 234, 246, 274, 275, 277, 278, 405
 Ван Мин. См. Чэнь Шаоюй
 Ван Пинъи (Озолин, Елизаветин), 25, 253, 405
 Ван Синьгэн (Недлер), 284, 372
 Ван Синьхэн (Оберг), 285
 Ван Сюэань, 25
 Ван Фаньси (Ван Вэньюань, Клеткин В. П., Шуаншань), 24, 25, 237, 238, 263, 264, 267, 270 — 273, 275, 279 — 281, 284, 288, 289, 337, 368, 370, 372, 375, 405
 Ван Цзинвэй, 92, 102, 135, 181, 182, 208, 212, 233, 235, 365, 405
 Ван Цзинтао (Донцов), 282, 284, 285, 287, 290, 291

- Ван Цзиньмэй, 86, 89, 101, 405
Ван Цзяньцю (Книжник), 285
Ван Цзясян (Коммунар), 237, 239, 405
Ван Чжихао (Рютин), 253, 254, 255, 258, 262, 263, 406
Ван Юньчэн, 376
Вань Чжилин (Вань Чжулин, Корш В. А.), 280, 281, 287, 289, 291, 378, 406
Вань Чжулин. См. Вань Чжилин
Варский. См. Фэн Цян
Вахмянин. См. Чэнь Динцзяо
Вебер М., 37, 305
Верочкин. См. Цзян Дэфан
Вершинин Ф. А. См. Бянь Фулинь
Вегер В. И., 284, 285, 289, 40
Вишнякова-Акимова В. В., 25
Владимир Ильич. См. Ленин
Войтинский Г. Н. (Сергей), 25, 75, 76, 89, 97, 104, 125 – 129, 134, 137, 140, 162, 166, 167, 196, 232, 240, 313, 318, 325, 334, 340, 342, 345, 406, 413
Волин М. (Беленьский С. М.), 240, 246, 406
Волк Я. И., 260, 406
Волкогонов Д. В., 305
Ворошилов К. Е., 140, 158, 216, 231, 327, 334, 338, 345, 406, 411
Восьмеркин. См. Цю Чжичэн
Врачев И. Я., 25
Вуйович В., 207, 209, 211, 223, 257, 339, 343, 347, 406
Вэнь Э. См. Вэнь Юэ
Вэнь Юэ (Вэнь Э, Сенкевич), 253, 265 – 269, 366, 367, 406
Гаевой. См. Ху Пэнцзюй
Гао Ливэнь. См. Гао Хэн
Гао Фэн (Филиппов), 234, 406 – 407
Гао Хэн (Гуань Юй, Гао Ливэнь, Шаумян А. А.), 253, 266, 284, 363, 372
Гао Цзюньюй, 86, 90, 407
Геллер Л. Н., 204, 407
Гессен С. М., 207, 407
Гингор С. В. (Гингорн), 184, 245, 251, 252, 407
Гингорн. См. Гингор
Глунин В. И., 22, 45, 310, 321 – 323

- Го Мяогэнь (Важнов), 253, 265, 266, 268, 407
 Го Шаотан (Крымов А. Г.), 25
 Го Шоухуа (Рой), 253
 Говорун В. И. См. Лу Мэнъи
 Голубев И. А. См. Чэнь Шаоюй
 Горев В. Е., 344
 Грибоедов. См. Чжу Дайцзе
 Григорьев. См. Ли Фучунь
 Григорьев А. М., 22, 23, 303
 Гу Инфэнь, 233, 407
 Гуань Сочжи, 25
 Гуань Сянъин (Стеклов), 237, 274, 369, 407
 Гуань Эركان (Клязьмин), 285
 Гуань Юй. См. Гао Хэн
 Губарев. См. Лю Инь
 Губин. См. Се Ин
 Губиш. См. Се Ин
 Гудков. См. Шэнь Цзэминь
 Гуральский А. Я., 184, 407 — 408
 Гутман. См. Ляо Пэнмин
 Гэ Чунгэ (Квиринг), 253, 255, 265, 266, 272

 Дай Цзитао, 76, 408
 Далин С. А., 25, 184, 187, 235, 246, 251, 318, 408
 Дан Ф. И., 30, 408
 Данилов. См. Чжу Дэ
 Двойкин. См. Фу Сюэли
 Де, 256
 Девяткин. См. Цзи Дацай
 Делюсин Л. П., 22, 309
 Джонсон. См. Джэймс
 Джэймс К. Л. Р. (Джонсон), 20, 408
 Дзержинский Ф. Э., 116, 158, 408
 Димитров Г. М., 416, 417
 Динамин. См. Чжао Цзи
 Дозоров И. С. См. Дэн Сяопин
 Дойчер И., 19, 157
 Донбасов. См. Чжао Яньцин
 Донцов. См. Ван Цзинтао
 Дородный. См. Цзи Вайфан

- Доронин. См. Пань Вэньюй
Дорофеев, 251
Драгунов. См. Цай Цзэминь
Дрейцер, 251
Дридзо С. А. См. Лозовский
Ду Вэйчжи. См. Ту Цинци
Дуань Цзылян, 254, 266, 272
Дун Биу (Слухов, Слепцов), 85, 233, 238, 360, 408
Дун Жучэн (Дун Цзычэн, Дун Цзяньпин, Литвинов), 253, 363, 367
Дун Исян (Орлинский Л. М.), 240, 253, 265, 366, 408
Дун Цзычэн. См. Дун Жучэн
Дун Цзяньпин. См. Дун Жучэн
Дунаева. См. Е Ин
Дьюи Д., 58, 408
Дэн Вэньи, 25
Дэн Ишэн (Полевой М. Н.), 253, 257, 258, 260, 262, 263
Дэн Пэй, 86, 87, 408
Дэн Сисянь. См. Дэн Сяопин
Дэн Сяопин (Дэн Сисянь, Крезов, Дозоров И. С.), 237, 238, 409
Дэн Цзэжу, 93, 409
Дэн Чжунся, 101, 241, 246, 287, 374, 409
Дэн Эньмин, 86, 89, 409
- Е Ин (Е Инь, Невская, Анна Дунаева), 372
Е Инь. См. Е Ин
Е Цзяньин (Юхнов), 239, 409
Евдокимов Г. Е., 211, 224, 409
Елизаветин. См. Ван Пинъи
Елизаров Н. В. См. Цзян Цзинго
Есенин С. А., 305
Есенина. См. Ян Цзыле
Ещенко, 286
- Жаков А. П., 245, 251, 257, 409
Жаков М. П., 174, 184, 251, 252, 257, 344, 409
Жун Ли (Фокина В. И.), 291, 377
Журавлев. См. Бэй Юньфэн
Жэнь Биши (Бринский), 86, 232, 233, 410
Жэнь Чжосюань (Рафаил), 25, 247, 410

- Заботин. См. Цзэн Мэн
Заводов. См. Лу Мэнъи
Залуцкий П. А., 41, 410
Засулич В. И., 30, 410
Званов. См. Юань Фань
Зиновьев Г. Е., 55, 57, 116 – 117, 121, 125, 134, 137, 138, 156, 157,
161 – 167, 172, 176, 177, 189, 190, 194, 196 – 199, 202 – 207, 209 –
211, 215 – 217, 219, 222-224, 227, 251, 255, 258, 298, 299, 320,
327, 333, 350, 353, 354, 364, 410
Зонин. См. Сюн Чжанчунь
Зорин. См. Не Жунчжэнь
Зурабов, 251, 410
- И.** См. Ло Цзялунь
И Бай. См. Лу Юань
Иванов А. А. (Ивин А.), 240, 410
Ивановский. См. Бубнов
Ивин А. См. Иванов
Игнатов, 250, 289
Измайлов. См. Чжан Вэньтянь
Изумрудов. См. Чэнь Чанхао
Ин, 256
Инь Куань (Рязанов), 235, 411
Иолк Е. С., 240, 411
Иосио Сига, 318
Иоффе А. А., 25, 35, 40, 92, 93, 154, 155, 275, 305, 411
Иоффе М. М., 275, 370, 371, 411
Иоффе Н. А., 25, 40, 411
Иоффе С. С., 345, 411
Истомин А. А. См. Хуан Цзюй
Ихун, 105, 107
- Каганович Л. М., 289, 327
Казанин М. И., 246, 411
Калинин М. И., 116, 327, 411
Каменев Л. Б., 116 – 117, 121, 176, 216, 223, 327, 411
Кара-Мурза Г. С., 246, 318, 412
Карахан Л. М., 99, 126, 155, 160, 164, 340, 412
Карр Э., 345, 349
Карташев (Брике) Н. С., 25

- Картунова А. И., 314, 315, 320
Каспарова В. Д., 193, 412
Катаяма Сен, 241
Каутский К., 62, 244
Кашин. См. Лю Инь
Квиринг. См. Гэ Чуньэ
Кемаль Ататюрк паша Мустафа, 142, 334, 412
Керенский А. Ф., 189, 191
Кидд Б., 48
Кирсанов. См. Кирсанова
Кирсанова К. И., 286, 290, 412
Кирюшина. См. Ли Цайлянь
Клементьева. См. Лю Цяньюй
Клеткин В. П. См. Ван Фаньси
Клубов. См. Пань Шужэнь
Клязьмин. См. Гуань Эрман
Книжник. См. Ван Цзяньцю
Кобзарь. См. Юй Цзитан
Коган, 289
Колоколов В. С., 240, 247, 412
Коммунар. См. Ван Цзясян
Кон. См. Чжу Дайцзе
Коноплев. См. Ли Шилэ
Копп В. Л., 160, 412
Коровина. См. Чжао Жуши
Короленко. См. Ян Хуабо
Корш В. А. См. Вань Чжилин
Косиор С. В., 204, 412
Котоку Шусуй, 48
Красин. См. Чэнь Цяонянь
Крезов. См. Дэн Сяопин
Крупская Н. К., 204, 216, 241, 412
Крылов. См. Оу Цзюсянь
Крымов А. Г. См. Го Шаотан
Куйбышев В. В., 116, 327, 412
Кузнецов. См. Цзя Цзунчжоу
Кузнецова М. Ф., 232, 413
Кук. См. Юй Ланьтянь
Кучумов В. Н., 238, 413

- Лай Яньтан (Охлопков), 272
Ландау Э. М., 24, 25, 413
Ласточкин. См. Лян Ганьцяо
Латышев. См. Сюй Чжэнъань
Лекторов. См. Ли Пин
Ленин Н. См. Ленин В. И.
Ленин (Ульянов) В. И., 17 — 24, 29, 30, 32 — 42, 52 — 55, 57 — 59, 62, 64, 69, 71, 72, 74 — 75, 82, 87, 111 — 116, 119 — 121, 131, 149, 152, 154, 156, 175, 185, 194, 222, 238, 242, 244, 260, 274, 295, 296, 304, 305, 316, 319, 331, 345, 358, 412, 413
Ленский. См. Лю Жэньцзин
Леонидов. См. Линь Айминь
Ли Бэньи, 262
Ли Вэйминь, 377
Ли Вэйхань, 101, 359
Ли Гуанцзи (Чжун Юнцан, Плотников), 281, 282, 289; 291, 413
Ли Гуанъя (Столбов), 253, 254, 258, 262, 263, 413
Ли Да (G. S.), 62, 63, 104, 308, 413
Ли Дачжао, 51, 53, 58 — 61, 63, 64, 76, 90 — 92, 101 — 103, 308, 321, 322, 413
Ли Ифань (Сапронов), 291, 378
Ли Лисань, 101, 359
Ли Пин (Лекторов), 271, 273 — 275, 278, 280, 282, 283, 289, 291, 369, 413
Ли Синь, 322
Ли Сюэлэй, 254
Ли Сяошэн, 289
Ли Фучунь (Григорьев), 237, 413
Ли Ханьцзюнь, 76, 94, 414
Ли Цайлянь (Кирюшина), 272, 284, 372
Ли Цзи, 63
Ли Цзунъю (Ли Чжунъю), 240, 360, 414
Ли Цыбай (Чарыгин К. М.), 291, 377
Ли Чжунъю. См. Ли Цзунъю
Ли Шилэ (Коноплев), 291, 377
Ли Юэтин (Платонов), 257
Либкнехт В., 62
Линь Айминь (Леонидов), 253, 254, 257, 258, 262, 263, 414
Линь Боцюй (Комиссаров), 91, 93, 101, 103, 236, 239, 414
Линь Ин, 25
Линь Хуннуань, 319

- Липман, 251
Литвинов. См. Дун Жучэн
Ло Инун (Бухаров), 86, 232, 233, 414
Ло Хань (Логанов), 254, 266, 271, 272, 414
Ло Цзялунь (И), 54
Ло Чжанлун, 100, 274, 414
Логанов. См. Ло Хань
Логов. См. Фан Тинчжэнь
Лоза. См. Шао Шигуй
Лозовский А. (Дридзо С. А.), 184, 186, 216, 231, 241, 414
Лу Ень. См. Лу Юань
Лу Ешэнь (Никонов), 25, 283, 289, 291, 373, 378
Лу Июань. См. Лу Юань
Лу Мэнги (Говорун В. И., Заводов), 272, 284, 372
Лу Юань (Шэнь Ши, И Бай, Лу Июань, Лу Янь, Лу Ень, Огарев), 240, 253, 254, 255 — 258, 260 — 263, 364, 366, 414
Лу Янь. См. Лу Юань
Лубо, 75
Луговой С. Л. См. Цзя Цзунчжоу
Лукашевич. См. Фань Шаоюань
Луначарский А. В., 55, 57, 58, 414 — 415
Лю Боцзянь (Шерстинский), 233, 360, 415
Лю Бочуй, 101
Лю Жэньцзин (Ленский), 25, 253, 266, 274, 275, 279, 283, 370, 371, 415
Лю Жэньшоу (Хабаров М. М.), 253, 266, 415
Лю Ин. См. Лю Инь
Лю Инь (Лю Ин, Кашин, Губарев), 271, 280, 281, 284, 289, 372, 415
Лю Ханьпин (Алехин А. И.), 291, 377
Лю Хэшэн (Фазанов Л. Г.), 285, 291, 377
Лю Цяньюй (Клементьева), 285
Лю Чаншэн, 228, 415
Лю Шаоци, 86, 232, 233, 238, 415
Люксембург Р., 244
Лялин. См. Чжао Цзи
Лян Ганьцяо (Ласточкин), 25, 253, 254, 256 — 258, 260, 262 — 264, 366, 415 — 416
Лян Цичао, 49, 246
Ляо Пэнмин (Гутман), 285
Ляо Чжункай, 75-77, 91, 92, 103, 416

- Ма сюдай. См. Ма Юаньшэн
- Ма Юаньшэн (Петухов, Петров, Ма сюдай), 25, 283, 289 – 291, 373, 378, 416
- Мадьяр Л. И., 240, 416
- Мазунин, 251, 416
- Мазутин. См. Хэ Шухэн
- Мама. См. Чжао Яньцин
- Мамашкин. См. Чжао Яньцин
- Мандалян Т. Г., 196, 215, 349, 416
- Мануильский Д. З., 127, 128, 131, 132, 142, 216, 218, 241, 328, 329, 335, 416
- Мао Дунь. См. Шэнь Яньбин
- Мао Цзэдун, 49, 51, 101, 103, 373, 415, 426
- Мао Цзюцюань, 102
- Маринг Г. (Снефлит Г.), 76-78, 84, 85, 90, 91, 97, 128, 152, 156, 228, 312, 313, 319, 320, 322, 329, 416
- Маркин. См. Сюй Тэли
- Маркс К., 36, 39, 45, 48, 49, 56, 60 – 62, 64, 238, 244, 416
- Марлотов. См. Чжэн Чаолинь
- Мартов Ю. О., 38, 39, 416
- Мартынов. См. Цзи Дацай
- Мартынов А. С., 30, 139, 184, 190, 192 – 193, 197, 205, 206, 252, 347, 349, 416 – 417
- Масакиги Имаи, 57
- Масленко. См. Фан Вэйся
- Микоян А. И., 327
- Миллер. См. Ху Цзяньсань
- Милютин В. П., 216
- Миф П. (Фортус М. А.), 142 – 144, 236, 242, 243, 246, 250, 251, 262, 266, 267, 366, 417
- Михайлов Н. М. См. Сяо Чанбинь
- Молотов. См. Цзэн Хунъи
- Молотов В. М., 21, 25, 116, 122, 164, 195, 197, 204, 209, 211, 212, 214, 216 – 218, 417
- Монеткин А. Н. См. Чжао Ифань
- Морковкин. См. Чжоу Цихэн
- Мохов. См. Сяо Чжэньхань
- Мугрузин А. С., 45
- Муклевич. См. Цинь Лун
- Муралов Н. И., 224, 417

Мусин. См. Тань Болин

Мусин И. М., 97, 417

Мэн Цзинсу. См. Мэн Циншу

Мэн Циншу (Мэн Цзинсу, Осетрова Р. В.), 24, 249, 251, 253,
417

Мэнцзы, 174

Надеждина. См. Сян Цзинъюй

Надточеев В., 116

Накатов. См. Цзэн Цзяньцюань

Наметкин А. В. См. Цзян Хуаань

Насонов Н. М., 196, 417

Находкин. См. Чжу Циндань

Не Жунчжэнь (Зорин), 235, 360, 418

Невская. См. Е Ин

Невский. См. Чэнь Юаньдао

Недлер. См. Ван Синьгэн

Нежданова. См. Фэн Фунэн

Некрасов Н. А. См. Ци Шугун

Нечаев С. Г., 39, 248, 418

Нешумов. См. Пу Дэчжи

Николаева Р. См. Цай Чан

Никонов. См. Лу Ешэнь

Норс Р., 20, 316, 317

Оберг. См. Ван Синьхэн

Огарев. См. Лу Юань

Овсянников. См. Цзян Иму

Оглоблин. См. Чжан Чундэ

Одинбозов. См. Цзе Шуда

Озолин. См. Ван Пинъи

Окунев. См. Чжу Хуайдэ

Орджоникидзе Г. К., 216, 224, 327, 418

Орлинский Л. М. См. Дун Исян

Осетрова Р. В. См. Мэн Циншу

Осинский Н., 216

Оу Фан, 254

Оу Цзюсянь (Крылов), 253

Охлопков. См. Лай Яньтан

Ошанин И. М., 240, 247, 418

- Пань Вэньюй (Доронин), 261
Пань Шужэнь (Клубов), 285, 290
Парвус А. Л., 304, 418
Певцов. См. У Цзиянь
Персиц М. А., 22, 73
Петр (Р.), 336
Петров. См. Ма Юаньшэн
Петров. См. Раскольников
Петров И. См. Пэн Шучжи
Петровский Г. И., 327
Петухов. См. Ма Юаньшэн
Пик В., 241
Платонов. См. Ли Юэтин
Плеханов Г. В., 29, 30, 36, 244, 418
Плотников. См. Ли Гуанци
Погорелов. См. Цинь Бансянь
Погуляев, 260
Покровский М. Н., 344
Полевой М. Н. См. Дэн Ишэн
Поливанов Е. Д., 240, 418
Поляков, 251, 275, 418
Потапов А. С., 75, 418
Прейс К. См. Сун Фэнчунь
Преображенский Е. А., 55, 57, 151, 220, 258, 276, 364, 371, 418
Пригожин А. Г., 184, 245, 251, 252, 257, 362, 418
Пролетариев Е. А. См. Пу Шици
Пу Дэчжи (Пу Цинцюань, Нешумов), 25, 272, 367, 372
Пу Цинцюань. См. Пу Дэчжи
Пэн Шучжи (Петров И.), 25, 232, 233, 358, 418 – 419
Пятаков Г. Л., 151

Радек К. Б., 78, 82, 128, 151, 152, 155, 156, 166 – 169, 172 – 177,
184 – 188, 190 – 192, 198, 202, 203, 207, 210, 211, 222, 224, 227,
240, 242, 250, 251, 257, 258, 268, 274, 298, 299, 314, 340 – 343,
345, 347, 353, 361, 363, 364, 368, 369, 419
Раковский Х. Г., 224, 419
Раскольников Ф. Ф. (Петров), 131, 141 – 143, 145, 173, 184, 186,
325, 335, 419
Рассел Б. А. У., 25, 58, 59, 309, 419
Рафаил. См. Жэнь Чжосюань

- Рафес М. Г., 135, 140, 184, 186, 332, 419
 Резников А. Б., 22, 329, 331
 Рид Д., 57
 Робеспьер М., 39, 419
 Rogozin. См. Цзо Цюань
 Рой. См. Го Шоухуа
 Рой М. Н., 22, 25, 72 – 74, 80 – 83, 106, 107, 128, 130 – 132, 145,
 215, 221, 295, 315, 316, 419 – 420
 Рубач, 344
 Рудзутак Я. Э., 165, 327, 338, 420
 Рыков А. И., 116, 195, 216, 218, 327, 348, 420
 Рютин. См. Ван Чжихао
 Рязанов. См. Инь Куань
 Салтыков. См. Ян Шанкунь
 Сапронов. См. Ли Ифань
 Сапфиров. См. Чжоу Цинчун
 Сафаров Г. И., 211, 420
 Свечин А. А., 205, 420
 Се Ин (Губин, Губиш), 272, 284, 372
 Седякин, 260, 365
 Сенкевич. См. Вэнь Юэ
 Сергей. См. Войтинский
 Серебряков Л. П., 338, 420
 Сильвестров. См. Сюн Сюн
 Слепцов. См. Дун Биу
 Слонова. См. Чжу Цзыму
 Слухов. См. Дун Биу
 Смилга И. Т., 25
 Смилга Т. И., 25
 Смирнов В. М., 19, 420
 Снефлит Г. См. Маринг Г.
 Собинов. См. Фэн Хунго
 Собинова. См. Фэн Фуфа
 Сойкин. См. Тан Ючжан
 Соловьев А. Ф. См. Чэнь Ци
 Сольц А. А., 41, 281, 290, 420 – 421
 Соркин Г. З., 318
 Сталин И. В., 17 – 24, 58, 115 – 123, 125, 126, 128 – 134, 136 – 141,
 143 – 145, 150, 151, 155 – 157, 159, 160, 162 – 164, 166, 167, 170,

- 176, 181 – 183, 188 – 191, 195, 197 – 207, 209, 211 – 218, 221, 223, 227, 229, 241 – 243, 245, 251, 256 – 257, 259, 269, 271, 274, 289, 294, 296 – 300, 327 – 331, 334, 338, 339, 347, 355, 403, 406, 407, 408, 410 – 412, 418 – 421, 425
- Стеклов. См. Гуань Сянгын
- Стецкий А. И., 289
- Столбов. См. Ли Гуанъя
- Страхов. См. Цюй Цюбо
- Страхова. См. Ян Чжихуа
- Су Чжаочжэн, 182, 421
- Сун Лян. См. Сунь Ефан
- Сун Фэнчунь (Прейс К.), 237, 253, 255, 265, 266, 272, 288, 421
- Сунь Ефан (Фигнер, Сун Лян), 25, 247
- Сунь Кэ, 93, 332, 421
- Сунь Чуаньфан, 183, 421
- Сунь Ятсен, 48, 63 – 64, 74 – 77, 84, 87 – 89, 91 – 94, 96, 98 – 103, 126, 134, 135, 153, 155, 184, 274, 312 – 314, 320, 322, 345, 405, 407, 408, 414, 415, 421, 423, 424, 425, 428, 429
- Сутин. См. Чжао Шиянь
- Суханов. См. Чэнь Яньнянь
- Сэйч Т., 315
- Сюань Чжунхуа, 101
- Сюй Мацзы. См. Сюй Найда
- Сюй Найда (Сюй Мацзы, Фу Мацзы), 272
- Сюй Тэли (Маркин), 239, 359, 421
- Сюй Чжэньвань (Сюй Чжэньвань, Латышев), 253, 258, 260, 262, 265, 266, 272, 421
- Сюй Чжэньвань. См. Сюй Чжэньвань
- Сюй Юньцзо (Юрьев), 252, 257, 266, 268, 275, 286, 288, 363, 367, 421
- Сюн Сюн (Сильвестров), 234, 421 – 422
- Сюн Чжанчунь (Зонин), 285
- Ся Си, 101
- Сян Цзинъюй (Надеждина), 237, 422
- Сян Чжунфа, 275, 370, 422
- Сяо Цзингуан, 25, 86, 232, 233, 422
- Сяо Чанбинь (Чжи Ци, Михайлов Н. М.), 253, 258, 261, 265, 266, 272, 288, 365, 367, 422
- Сяо Чжэньхань (Мохов), 289, 375

- Такер Р., 122
Тан Шэнчжи, 270, 422, 368
Тан Ючжан (Сойкин), 25, 291
Тань Болин (Мусин), 280, 284, 285, 287, 289, 291
Тань Пиншань, 93, 101, 103, 182 — 183, 204, 374, 422
Тань Янькай, 233, 332, 422
Ткачев П. Н., 39, 422
Токин, 285
Томский М. П., 116, 327, 422
Трилиссер М. А., 290, 338, 376, 422 — 423
Троцкий (Бронштейн) Л. Д., 17, 18, 20 — 25, 29, 31 — 43, 51 — 55, 57 — 59, 62, 64, 113, 115 — 118, 120, 121, 123, 136 — 138, 149 — 173, 176, 177, 188 — 190, 193 — 207, 209 — 211, 216, 217, 219 — 224, 227, 241, 242, 245, 250, 251, 253, 255, 257, 259, 263, 264, 268, 270, 271, 274 — 278, 280, 283, 294, 295, 298, 299, 304, 305, 308, 317, 330, 333, 335 — 341, 347, 348, 350, 353, 355, 356, 364, 366, 370, 371, 423
Троцкий Н. См. Троцкий Л. Д.
Трэн А., 207, 423
Ту Цинци (Ду Вэйчжи, Шкирятов), 253, 265, 266, 272, 369
Туточкин Ю. Т., 356
- У Пэйфу, 95
У Течэн, 139, 423
У Цзисянь. См. У Цзиянь
У Цзиянь (У Цзисянь, Певцов), 272, 369
У Юйчжан (Буренин), 236, 239, 362, 423
Угланов Н. А., 116, 327, 423
Ульянов. См. Ленин
- Фазанов. См. Лю Хэшэн
Фан Вэйся (Масленко), 239
Фан Жуйлинь, 102
Фан Тинчжэнь (Логов), 288
Фан Шаоюань (Лукашевич), 285, 291
Фань Вэньхуэй (Фань Цзиньбяо, Форель А. М.), 25, 271 — 273, 279, 280, 282, 284, 285, 287, 291, 378, 423
Фань Цзиньбяо. См. Фань Вэньхуэй
Фельштинский Ю. Г., 305, 349, 353
Фигнер. См. Сунь Ефан

- Филиппов. См. Гао Фэн
Финьковский, 281
Фирсов Ф. И., 356
Фишер Л., 19, 25, 259
Фокин Н. А., 196, 423
Фокина В. И. См. Жун Ли
Форель А. М. См. Фань Вэньхуэй
Фортус М. А. См. Миф П.
Фрайна Л., 53
Фридлянд Г. С., 344
Фрунзе М. В., 116, 424
Фу Мацзы. См. Сюй Найда
Фу Сюэли (Двойкин), 273, 281, 287, 291, 424
Фу Фэйжуан, 273
Фукуда Шинцзо, 48
Фэн Фунэн (Нежданова), 266, 367
Фэн Фуфа (Собинова), 367
Фэн Хунго (Собинов), 253, 265 – 267, 367
Фэн Цзыю, 93, 102, 424
Фэн Цян (Варский), 253, 254, 255, 258, 260 – 263, 424
Фэн Юйсян, 137, 210, 212, 235, 253, 266, 267, 415, 424
- Хань Линьфу, 101, 103
Хань Лянсянь, 360
Хо Ши Мин, 245
Ху Пэнцзюй (Гаевой), 281, 287, 289, 291, 377, 424
Ху Ханьминь, 92, 93, 133, 134, 163, 361, 424
Ху Цзяньсань (Миллер), 260, 365
Ху Чунгу (Нурин), 271, 283, 289, 291, 368, 424
Хуан Левэнь (Берлинский), 372
Хуан Ли (Чаплина), 240
Хуан Цзюй (Истомин А. А.), 253, 255, 265, 266, 285, 287, 290, 291, 424
Хэ Шанчжи (Брандлер), 260, 365
Хэ Шичжэнь, 102
Хэ Шухэн (Мазутин), 86, 236, 239, 319, 424
- Цай Хэсэн, 63, 90, 92 – 94, 96, 359, 424
Цай Цзэминь (Драгунов), 285

- Цай Чан (Николаева Р.), 237, 424
Церетели И. Г., 191
Цзе Шуда (Одинбозов), 372
Цзи Бугун. См. Ци Шугун
Цзи Вайфан (Дородный), 271, 273, 274, 284, 287, 369, 425
Цзи Дацай (Мартынов, Девяткин), 271 – 273, 280, 285, 287, 289, 291, 425
Цзи Шугун. См. Ци Шугун
Цзинь Гобао, 53
Цзинь Хунди, 377
Цзо Цюань (Рогозин), 237, 425
Цзоу Лу, 93, 425
Цзэн Мэн (Заботин), 272
Цзэн Хунъи (Молотов), 253
Цзэн Цзяньцюань (Накатов), 280
Цзюй Чжэн, 93, 425
Цзя Цзунчжоу (Кузнецов, Луговой С. А.), 282, 283, 288, 290, 425
Цзян Гуанци. См. Цзян Гуанцы
Цзян Гуанцы (Цзян Гуанци), 105, 106, 325, 425
Цзян Дэфан (Верочкин), 289, 372
Цзян Иму (Овсянников), 291
Цзян Ихуа, 75
Цзян Канху, 25
Цзян Хуаань (Наметкин А. В.), 278, 291, 371, 372, 377
Цзян Хуасюань, 313
Цзян Цзинго (Елизаров Н. В.), 25, 252, 255 – 257, 265, 363, 425
Цзян Цзэминь, 25
Цзян Чанши, 369
Ци Шугун (Цзи Бугун, Цзи Шугун, Некрасов Н. А.), 252, 255, 257, 258, 265, 266, 268, 284-287, 363, 368, 425
Цинь Бансянь (Погорелов), 237, 257, 425
Цинь Бяо. См. Цинь Лун
Цинь Лун (Цинь Бяо, Муклевич), 285
Цю Чжичэн (Восьмеркин), 282, 289 – 291, 377, 426
Цюй Цюбо (Страхов), 86, 98, 101, 103, 239 – 241, 245, 281, 360, 426

- Чан Кайши, 21, 25, 98, 99, 135, 136, 138, 139, 142, 143, 146, 160, 161, 163, 164, 166, 169, 172, 173, 182 — 185, 187, 189, 191 — 197, 201, 210, 211, 212, 252, 257, 300, 332, 333, 345, 348, 407, 424, 426
- Чаплина. См. Хуан Ли
- Чарыгин К. М. См. Ли Цыбай
- Чжан Вэй. См. Чжан Тэ
- Чжан Вэйся. См. Чжан Тэ
- Чжан Вэньтянь (Измайлов), 237, 240, 426
- Чжан Готао, 25, 86, 87, 89, 90, 93, 96, 97, 101, 103, 239, 241, 246, 274, 275, 281, 426
- Чжан Сюэюань, 25
- Чжан Тайлэй, 76, 86, 89 — 93, 98, 310, 313, 319, 320, 426
- Чжан Тэ (Чжан Вэй, Чжан Вэйся), 254
- Чжан Цзи, 76, 92, 312, 426
- Чжан Цзолинь, 84, 142, 158, 338, 426 — 427
- Чжан Цюбо, 87, 427
- Чжан Чунвэнь, 372, 375-377
- Чжан Чундэ (Оглоблин П. К.), 285, 291, 377
- Чжан Ши, 254
- Чжао Жуши (Коровина), 239
- Чжао Ифань (Монеткин А. Н.), 291, 377
- Чжао Цзи (Лялин, Динамин), 272, 280, 281, 283, 289, 372, 427
- Чжао Шиянь (Сутин), 234, 427
- Чжао Яньцин (Мамашкин, Мама, Донбасов), 274, 280, 287 — 289, 369, 375, 427
- Чжи Ци. См. Сяо Чанбинь
- Чжоу Давэнь (Чжоу Дамин, Чугунов В. В.), 184, 234, 366, 427
- Чжоу Дамин. См. Чжоу Давэнь
- Чжоу Цинчун (Сапфиров), 373
- Чжоу Цихэн (Морковкин), 373
- Чжоу Эньлай, 231, 241, 427
- Чжу Дайцзе (Грибоедов, Кон), 283
- Чжу Дэ (Данилов), 237, 427
- Чжу Хуайдэ (Окунев), 253 — 255, 258 — 260, 262, 263, 365, 428
- Чжу Цзыму (Слонова), 285
- Чжу Циндань (Находкин), 272, 273
- Чжу Чжисинь (Ши Шэнь), 48, 49, 75, 76, 428
- Чжун Юнцан. См. Ли Гуанци
- Чжэн Чаолинь (Марлотов), 25, 55, 234, 237, 369, 428
- Черепанов А. И., 25

- Чичерин Г. В., 53, 57, 76, 155, 158, 216, 312, 338, 428
Чугунов В. В. См. Чжоу Давэнь
Чуев Ф., 122
Чэн Бин, 377
Чэн Цзэжэнь. См. Шэнь Цзэминь
Чэнь Билань, 25
Чэнь Бода (Чэнь Шанью, Беринов), 237, 373, 428
Чэнь Вандао, 56, 232, 428
Чэнь Гунбо, 86, 94, 320 – 321, 428
Чэнь Динцзяо (Вахмянин), 269
Чэнь Дусю, 61, 63, 75, 89, 90, 92 – 94, 100, 101, 137, 200, 272, 275, 310, 313, 322, 428, 429
Чэнь И, 359
Чэнь Имоу, 237, 254, 428
Чэнь Таньцю, 64, 428
Чэнь Фан, 377
Чэнь Цзюньмин, 75, 77, 93, 94, 314, 319, 428
Чэнь Ци (Соловьев А. Ф.), 253, 255, 265 – 269, 366, 429
Чэнь Цяонянь (Красин), 234, 429
Чэнь Чанхао (Изумрудов), 237, 429
Чэнь Шанью. См. Чэнь Бода
Чэнь Шаоюй (Голубев И. А., Ван Мин), 24, 237, 240, 250, 260, 267, 365, 366, 417, 427, 429, 431
Чэнь Юаньдао (Невский), 240, 252, 265, 429
Чэнь Яньнянь (Суханов), 234, 429
Чю, 257
- Шао Лицзы**, 146, 404, 429
Шао Пяопин, 58
Шао Шигуй (Лоза), 285
Шаумян А. А. См. Гао Хэн
Шахтман М., 150, 348 – 351, 429 – 430
Шевелев К. В., 54, 60, 303, 310, 319
Шекед, 251
Ши Тан (Ши Шуюнь), 254
Ши Цуньтун, 49, 60, 63, 65, 310, 430
Ши Шуюнь. См. Ши Тан
Ши Шэнь. См. Чжу Чжисинь
Шийк А. А., 105, 245
Шиэн В., 25, 259

- Шкирятов. См. Ту Цинци
Шкловский Г. Л., 193, 430
Штейн В. М. См. Альский М.
Шуаншань. См. Ван Фаньси
Шумяцкий Б. Э., 184, 240, 318, 430
Шэн Юэ, 25, 238, 254, 288, 360, 375, 376
Шэнь Динъи (Шэнь Сюаньлу), 76, 94, 98, 101, 103, 430
Шэнь Сюаньлу. См. Шэнь Динъи
Шэнь Цзэминь (Чэн Цзэжэнь, Гудков), 104 – 107, 240, 430
Шэнь Ши. См. Лу Юань
Шэнь Яньбин (Мао Дунь), 430
Щукарь М. И., 254, 430
Эванс, Л., 330, 353
Энгельс Ф., 36, 39, 48, 49, 56, 60 – 62, 238, 244, 430
Эпштейн Б., 251, 258, 262, 264, 430
Эренбург Г. Б., 246, 430
Юй Ланьтянь (Кук), 268
Юй Фанчжоу, 103
Юй Сюсун, 86, 232, 366, 431
Юй Цзитан (Кобзарь), 285
Юй Шудэ, 86, 101, 103, 431
Юань Даши, 101
Юань Фань (Званов), 289, 373
Юдин К., 315, 317
Юнь Дайин, 63, 431
Юрьев. См. Сюй Юньцзо
Юрьев М. Ф., 22
Юхнов. См. Е Цзяньин
Ян Куйсун, 302
Ян Минчжай, 94, 228, 234, 322, 431
Ян Паоань, 52, 431
Ян Хуабо (Короленко), 253, 254, 258, 262, 263, 431
Ян Цзыле (Есенина), 25, 239
Ян Чжихуа (Страхова), 239
Ян Шанкунь (Салтыков), 237, 431
Яо Бинхуэй, 268, 288, 367

- Ярославский Е. М., 289, 412, 431
 Яроцкий Б. Р. См. Ван Вэньхуэй
- G. S. См. Ли Да**
- Р. См. Петр**
- Ян Дунъян (Yang Dongyan), 289, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Список сокращений	13
Введение	17
Часть I Русский коммунизм и идеологическое формирование китайского коммунистического движения	27
Глава 1 Коммунизм в России как социокультурный феномен	29
Глава 2 Теория перманентной революции в Китае	44
Часть II Ленин и национальная революция в Китае	67
Глава 3 Ленинская теория единого фронта	69
Глава 4 Новый курс КПК: от перманентной революции к тактике единого фронта	85
Часть III Сталинский поворот в китайской политике Коминтерна	109
Глава 5 Сталинизм: истоки и сущность	111
Глава 6 Генезис сталинской политики в Китае	125
Часть IV Троцкий: в поисках концепции китайской революции	147
Глава 7 Троцкий и создание единого фронта в Китае ..	149
Глава 8 Российская левая оппозиция на пути к единой платформе по китайскому вопросу	161

Часть V	Китайский фактор во внутренней борьбе в ВКП(б): 1927 г.	179
Глава 9	Сталинисты и оппозиция в период наивысшего подъема китайской революции	181
Глава 10	Разгром оппозиции и эволюция взглядов Сталина и Троцкого на Китай	214
Часть VI	Борьба Сталина и Троцкого по проблемам Китая и китайские коммунисты	225
Глава 11	Китайские революционеры в Москве: от студентов к диссидентам	227
Глава 12	Трагедия китайских троцкистов в Советской России	265
Заключение	293
Примечания	301
Библиография	379
Биографический словарь	402
Именной указатель	432

Панцов Александр Вагимович

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
Большевики и китайская революция
(1919 — 1927)**

Редактор	И. Г. Ким
Корректор	В. С. Фадеева
Верстка и оформление	М. В. Вишневецкий
	Н. В. Самсонова

В оформлении обложки использованы фотографии И. В. Сталина и Чан Кайши; в оформлении первого форзаца — фотокопия завещания Сунь Ятсена (11 марта 1925 г.), второго форзаца — фотокопии фрагментов резолюций Политбюро ЦК ВКП(б) по внешней политике.

Издательский Дом «Муравей-Гайд»

Тел./факс: (095) 482-0958

127106, Москва, а/я 12

E-mail: pmmuravei@mtu-net.ru

Наша страничка: www.muravei.webzone.ru

Издательский Дом «Муравей-Гайд» — ЛР № 066420 от 19.03.99 г.

ISBN 5-8463-0073-1

9 785846 300736 >

Сдано в набор 20.10.99.
Подписано в печать 10.12.2000.
Формат 60x90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Новая газетная».
Усл. печ. л. 29,0. Заказ № 1878

ПРОДОЛЖЕНИЕ

из протокола № 115 пункт 6 заседания Политбюро ЦК от 7.УП. 1927г.

ПОСТАНОВИЛИ:

заканчивается и впредь не производится.

6. Проверку личного состава зарубежных органов (согласно решения Политбюро от 28.У.с.г. (пр. № 106 п.2) поручить комиссии из т.т. Янсона и Кубяка с последующим докладом двухнедельный срок в Политбюро.

7. Допускать пересылку материалов ОГПУ и Разведупра в НКВД с тем, однако, чтобы содержание почты было известно НКВД или подпредам, а в исключительных случаях за личной ответственностью самих руководящих работников ОГПУ и Разведупра.

Предложить ИНОГПУ и Разведупру максимально использовать все формы связи (телеграф, почта). Категорически запретить пересылку диппочтой литературы.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Читал:

Handwritten signatures and initials, including a large signature at the top right and several others below.

Handwritten signature: А. Гамель

ЦК

59

- 3 -

П о с т а н о в и л и:

С л у ш а л и:

2.- О Китае.
(т.т. Чичерин, Литвинов, Уншлихт).

Выписки посланы:
т.т. Чичерину, Уншлихту.

2.- 1) ЦК считал и продолжает считать недопустимым разбрасывание воинских сил Кантона.
2) В виду сложившихся в настоящий момент обстоятельств, считать возможным послать для защиты провинции Хунань, как подступа к Гуандуну, с тем, однако, чтобы войска не распространялись за пределы этой провинции.

«Новая блестящая книга Александра Панцова решает множество загадок ранней истории отношений между Коминтерном и КПК. Она прекрасно организована и легко читаема. Это исследование – веха в развитии китайоведения».

Professor Gregor Benton
The China Quarterly, United Kingdom

«Эта великолепная книга существенно расширяет наши представления о конфликтах внутри Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) по проблемам коминтерновской политики в Китае ... [Она] будоражит мысль и способствует осмыслению истории советского вмешательства в дела Китая в период 20-х гг.».

Professor S. A. Smith
The China Journal, Australia

«К тому, что мы знаем о советской и коминтерновской политике в Китае в период формирования китайского коммунизма, [Панцов] добавляет огромное количество ценных деталей ... Это исследование вносит важнейший вклад в наше понимание коминтерновской политики ...»

Professor Arif Dirlik
The International History Review, Canada

«Это чрезвычайно редкая книга, которая превосходит все ранее написанное по исследуемому предмету. Каждый, кто хочет представить себе, насколько велико было влияние Октябрьской революции на революционное движение в Китае в последующее за 1917 г. десятилетие, должен обратиться к этому кульминационному исследованию. Используя широкое разнообразие российских и китайских архивных и других материалов, Александр Панцов мастерски распутывает хитросплетения большевистской политики в Китае в контексте истории двух стран. Его работа надолго останется авторитетным изданием».

Professor Steven I. Levine
The University of Montana, U.S.A.

«Новаторское и хорошо документированное исследование Александра Панцова о роли большевиков в китайской революции 1919-1927 гг. показывает, как Сталин, следуя своему традиционному принципу "разделяй и властвуй", смог добиться успеха в борьбе против разобщенной оппозиции по вопросам политики в Китае. Эта книга будет встречена с большим интересом российскими читателями».

Professor Robert C. Tucker
Princeton University, U.S.A.

«Глубоко аргументированное захватывающее исследование. Без этой книги понять историю Китая первой половины XX века нельзя».

Профессор А. В. Меликсетов
Институт стран Азии и Африки при МГУ, Россия